

ДЕТЯМ К. УШНИНСКИЙ

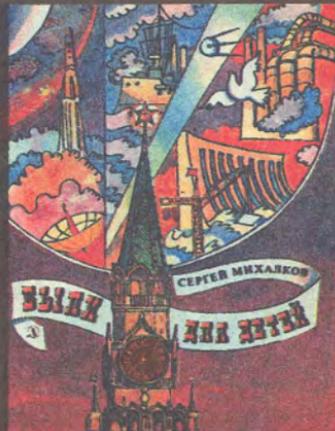
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

ДЕТЯМ
ВЛАДИМИРУ
ИЛЬИЧУ
ЛЕНИНУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

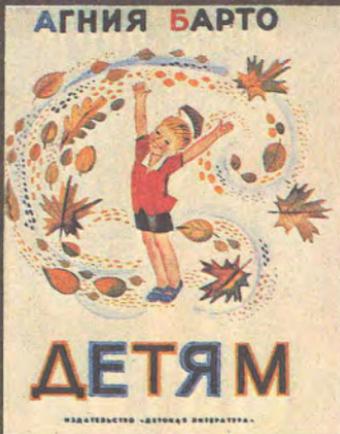
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ

В. МАЯКОВСКИЙ

ДЕТЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

АГНИЯ БАРТО

ДЕТЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

СОСТАВИТЕЛИ

А. Л. Табенкина

М. К. Боголюбская

Под редакцией Е. Е. Зубаревой

Допущено Министерством просвещения СССР в качестве учебного пособия для учащихся педагогических училищ по специальностям № 2002 «Дошкольное воспитание» и № 2010 «Воспитание в дошкольных учреждениях»

10-е издание, исправленное

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1988

Рецензенты:

И. П. ТОКМАКОВА;
преподаватели педучилища № 7 Москвы
Н. И. МАРИНИНА, Н. Н. ПИНУС

От редактора

Данное издание хрестоматии переработано и дополнено с учетом новой программы по детской литературе для дошкольных педагогических училищ.

В раздел «Устное народное творчество» включены новые произведения малых фольклорных жанров (песенки, потешки, считалки, пословицы) народов СССР и зарубежных стран, а также сказки народов СССР и народов мира.

Раздел «Русская литература XIX и начала XX в.» дополнен стихотворениями А. С. Пушкина, А. Н. Майкова и рассказами К. Д. Ушинского.

Значительно обновлен раздел «Советская литература». Он дополнен стихотворениями М. Рыльского, Н. Саконской, О. Высотской о В. И. Ленине, произведениями С. Маршака, С. Михалкова, И. Токмаковой, Я. Акима, В. Берестова, С. Баруздина, Р. Погодина, С. Романовского и др., посвященными патриотическим, нравственно-эстетическим проблемам, а также проблемам трудового, интернационального воспитания.

В данном издании хрестоматии шире представлен раздел «Литература народов СССР». Впервые помещены произведения Н. Думбадзе, У. Раджаба, И. Зиедониса, С. Мурадяна, Х. Мьянд, У. Адо; включены новые стихотворения П. Мумина, Н. Хазри, К. Кубилинскаса, О. Вацетиса, Г. Сулеймановой, рассказы К. Тангрыкулиева, Х. Гюльназаряна.

Раздел «Зарубежная литература» обновлен произведениями О. Пройслера и Э. Штриттматтер (ГДР), У. Де ла Мэра (Великобритания), У. Смита и И. Мэрриам (США), Р. Каушика (Индия), Хюи Кана (Вьетнам) и др.

В настоящем, десятом, издании хрестоматии значительно обновлен иллюстративный материал.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

РУССКОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ПЕСЕНКИ, ПЕСТУШКИ, ПОТЕШКИ

Баю-баю, баиньки,
Купим сыну валенки,
Наденем на ноженьки,
Пусть по дороженьке.
Будет наш сынок ходить,
Новы валенки носить.

○

Баю, баю, баю-бай...
Ты, собаченька, не лай,
Белолопа, не скули,
Мою Таню не буди.
Темна ноченька — не спится,
Моя Танечка боится...
Ты, собаченька, не лай,
Мою Таню не пугай!

○

Уж ты, котенька-коток,
Котик — серенький лобок,
Ты приди к нам ночевать,
Нашу деточку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
И кусок пирога.

○

Потягунушки, потягунушки!
Поперек толстунушки,
А в ножки ходунушки,
А в ручки хватунушки,
А в роток говорок,
А в головку разумок.

Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Каши не едали.

Всю свою кашу
Сорока-ворона
Деткам отдала.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала:
— Зачем дров не пилил,
Зачем воду не носил!

○

Идёт коза рогатая,
Идёт коза бодатая,
Ножками топ-топ,
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Молока не пьёт —
Забодает, забодает, забодает.

○

— Пальчик-мальчик,
Где ты был?
— С этим братцем
В лес ходил.
С этим братцем
Щи варил.
С этим братцем
Кашу ел.
С этим братцем
Песни пел, песни пел!

○
Катя, Катя маленька,
Катенька удаленька,
Пройди по дороженьке,
Топни, Катя, ноженькой!

○
Водичка, водичка,
Умой мое личико,
Чтобы глазоньки блестели,
Чтобы щечки краснели,
Чтоб смеялся роток,
Чтоб кусался зубок.

○
Расти, коса, до пояса,
Не вырони ни волоса.
Расти, косонька, до пят —
Все волосоньки в ряд.
Расти, коса, не путайся —
Маму, дочка, слушайся.
Ладушки, ладушки!
Пекла бабка оладушки,
Маслом поливала,
Детушкам давала.
Даше два, Паше два,
Ване два, Тане два.
Хороши оладушки
У нашей бабушки.

○
Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глаза выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.

○
Пастушок, пастушок,
Заиграй в рожок.
Рано утром на заре
Гони стадо к реке.
Овечки в речке умываются,

Барашки в овражке бодаются,
Козочки у лозочки
поскакивают,
Гусыньки в луженьке
побрякивают,
Коровки у дубровки
помыкивают,
Конички у горочки
побрыкивают.

○
Чики-чики-чикалочки,
Едет Ваня на палочке,
А Дуня в тележке
Щёлкает орешки.

○
Стучит, бречит по улице:
Фома едет на курице,
Тимошка — на кошке
По кривой дорожке.

Рисунок Т. Шеваревой

А коровки в лад ему
 Затянули: «Му-му-му!»
 Ты, бурёнушка, ступай,
 В чисто поле погуляй,
 А вернёшься вечером,
 Нас напоишь молочком.

○

Уж как я ль мою коровушку
 люблю!
 Уж как я ль то ей крапивоушки
 нажну!
 Кушай вволюшку, коровушка
 моя!
 Ешь ты досыта, бурёнушка моя!
 Уж как я ль мою коровушку
 люблю!

Сытна пошла я коровушке
 налью,
 Чтоб сыта была коровушка моя,
 Чтобы сливочек бурёнушка
 дала.

○

— Собака, что лаешь?
 — Волков пугаю.
 — Собака, что хвост поджала?
 — Волков боюсь.

○

— Федул, что губы надул?
 — Кафтан прожёт.

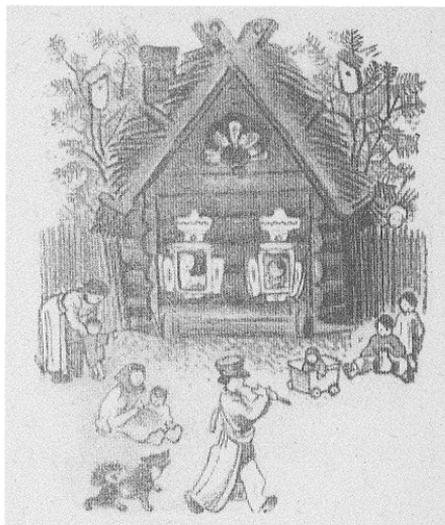

Рисунок Ю. Васнецова
 и К. Кузнецова

— Можно зашить.
 — Да иглы нет.
 — А велика дыра?
 — Один ворот остался.

○

— Я медведя поймал!
 — Так веди сюда!
 — Не идёт.
 — Так сам иди!
 — Да он меня не пускает!

СЧИТАЛКИ

Бегал заяц по болоту,
 Он искал себе работу,
 Да работы не нашёл,
 Сам заплакал и пошёл.

○

Зайчишка-трусишка
 По полю бежал.
 В огород забежал,
 Морковку нашёл,

Капустку нашёл.
 Сидит, грызёт.
 Иди прочь —
 Хозяин идёт!

○

Катилось яблоко
 Мимо сада,
 Мимо сада,
 Мимо града.

Кто поднимет,
Тот и выйдет.

Ты за ключиком иди
И замочек отомкни.

○

За морями,
За горами,
За железными столбами,
На пригорке теремок,
На дверях висит замок.

○

Шёл баран
По крутым горам,
Вырвал травку,
Положил на лавку,
Кто ее возьмёт —
Тот и вон пойдёт.

СКОРОГОВОРКИ

Дали Клаше каши с простоквашей,
Ела Клаша кашу с простоквашей.

Ткачи ткали ткани
На платье Тане.

На дворе трава,
На траве дрова.

Маленькая болтунья
Молоко болтала, болтала,
Да не выболтала.

От топота копыт пыль по полю летит.

У ёлки иголки колки.

Тридцать три вагона в ряд
Тараторят, тарахтят,
Тараторят, тарахтят.

ЗАГАДКИ

Зимой в поле лежал,
А весной в реку побежал.

(Снег.)

В шубе летом,
А зимой раздетый.

(Лес.)

Скатерть бела
Всю землю одела.

(Снег.)

Зимой и летом
Одним цветом.

(Ель, сосна.)

Пушистая вата Плывёт куда-то. Чем вата ниже — Тем дождик ближе.	(Туча.)	Чёрный, проворный, Кричит «крак», Червякам — враг.	(Грач.)
Меня частенько Просят, ждут, А только покажусь, Так прятаться начнут.	(Дождь.)	Без рук, без топорёнка Построена избёнка.	(Гнездо.)
Крашеное коромысло Через реку повисло.	(Радуга.)	На шесте дворец. Во дворце певец.	(Скворец.)
Без рук, без ног, А ворота отворяет.	(Ветер.)	Не огонь, а жжётся.	(Крапива.)
Течёт, течёт — не вытечет, Бежит, бежит — не выбежит.	(Речка.)	В лесу, во бору Стоят стары старички, На них красны колпачки.	(Грибы.)
Через речку лёг — Пробежать помог.	(Мост.)	С хозяином дружит, дом сторожит, Живёт под крылечком, хвост колечком.	(Собака.)
Зимой белый, Летом серый.	(Заяц.)	Глазищи, усищи, хвостище, когтищи, А моется всех чище.	(Кошка.)
Прыгает ловко, Любит морковку.	(Заяц.)	Хвост с узорами, Сапоги со шпорами.	(Петух.)
Быстрый маленький зверёк По деревьям скок-поскок.	(Белка.)	Клохчет, квоччет, Детей созывает, Всех под крылья подбирает.	(Курица.)
Ползун ползёт, Иголки везёт.	(Ёж.)	Хвост крючком, Нос пяточком.	(Свинья.)
Кто на себе свой дом носит?	(Улитка.)	По горам, по долам Ходит шуба да кафтан.	(Баран.)

В воде купался, Сух остался.	(Гусь.)	Сам алый, сахарный, Кафтан зелёный, бархатный.	(Арбуз.)
Семьдесят одежек, Все без застёжек.	(Капуста.)	Кто в дом ни идёт, Меня за руку берёт.	(Дверь.)
Сидит дед В шубы одет, Кто его раздевает, Тот слёзы проливает.	(Лук.)	Четыре братца Под одной крышей живут.	(Стол.)
Золотое решето Чёрных домиков полно.	(Подсолнечник.)	Два конца, два кольца, Посредине гвоздик.	(Ножницы.)
		Не куст, а с листочками, Не рубашка, а сшита, Не человек, а рассказывает.	(Книга.)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Декабрь год кончает, зиму начинает.
 Много снега — много хлеба.
 Береги нос в большой мороз.
 Вода с гор потекла — весну принесла.
 Апрель с водой, май с травой.
 Май, май, да шубу не снимай.
 Жаворонки, прилетите — красно лето принесите.
 Чище мойся, воды не бойся.
 Трусливому зайке и пенёк — волк.
 Маленький, да удаленький.
 Долог день до вечера, если делать нечего.
 Пospешишь — людей насмешишь.
 Грамоте учиться — всегда пригодится.
 Любишь кататься, люби и саночки возить.
 Труд человека кормит, а лень портит.
 Умелые руки не знают скуки.
 Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
 Была бы охота — будет ладиться работа.
 Окончил дело — гуляй смело.
 Землю красит солнце, а человека труд.
 Себя губит, кто других не любит.

Худо тому, кто не делает добра никому.
Нет друга, так ищи, а есть, так береги.
Нет такого дружка, как родная матушка.

СКАЗКИ

РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая.
Пошёл дед репку рвать. Тянет-потянет, вытянуть не может.
Позвал дед бабку.

Бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут — вытянули репку!

ТЕРЕМОК

Стоит в поле теремок.

Бежит мимо мышка-норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается.

Вошла мышка в теремок и стала в нём жить.

Прискакала к терему лягушка-квакушка и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка! А ты кто?

— А я лягушка-квакушка!

— Иди ко мне жить!

Лягушка прыгнула в теремок. Стали они вдвоём жить.

Бежит мимо зайчик-побегайчик. Остановился и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?

— А я зайчик-побегайчик.

— Иди к нам жить!

Заяц скок в теремок! Стали они втроём жить.

Идёт лисичка-сестричка. Постучала в окошко и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик. А ты кто?

— А я лисичка-сестричка.

— Иди к нам жить!

Забралась лисичка в теремок. Стали они вчетвером жить.

Прибежал волчок — серый бочок, заглянул в дверь и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— Я, лисичка-сестричка. А ты кто?

— А я волчок — серый бочок.

— Иди к нам жить!

Волк влез в теремок. Стали они впятером жить.

Вот они все в теремке живут, песни поют.

Вдруг идёт мимо медведь косолапый. Увидел медведь теремок, услышал песни, остановился и заревел во всю мочь:

— Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— Я, лисичка-сестричка.

— Я, волчок — серый бочок. А ты кто?

— А я медведь косолапый.

— Иди к нам жить!

Медведь и полез в теремок.

Лез-лез, лез-лез — никак не мог влезть и говорит:

— Я лучше у вас на крыше буду жить.

— Да ты нас раздавишь!

— Нет, не раздавлю.

— Ну так полезай!

Влез медведь на крышу и только уселся — трах! — раздавил теремок. Затрещал теремок, упал набок и весь развалился. Еле-еле успели из него выскочить:

мышка-норушка,
лягушка-квакушка,
зайчик-побегайчик,
лисичка-сестричка,
волчок — серый бочок —

все целы и невредимы.

Принялись они брёвна носить, доски пилить — новый теремок строить. Лучше прежнего выстроили!

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой. Вот и просит старик:

— Испеки мне, старая, колобок.

— Да из чего испечь-то? Муки нет.

— Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби,— вот и наберётся.— Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать: он и покатился с окна на завалинку, с завалинки на травку, с травки на дорожку,— и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а колобок запел:

Я колобок, колобок!	На окошке стужён.
По амбару метён,	Я от дедушки ушёл,
По сусечкам скребён,	Я от бабушки ушёл,
На сметане мешён,	От тебя, зайца,
В печку сажён,	не хитро уйти.

И покатился колобок дальше: только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу; а навстречу ему серый волк:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Не ешь меня, серый волк: я тебе песню спою.

И колобок запел:

Я колобок, колобок!	На окошке стужён.
По амбару метён,	Я от дедушки ушёл,
По сусечкам скребён,	Я от бабушки ушёл,
На сметане мешён,	Я от зайца ушёл,
В печку сажён,	От тебя, волк, не хитро уйти.

Покатился колобок дальше: только его волк и видел.

Катится колобок по лесу; а навстречу ему медведь идёт, хвост ломает, кусты к земле гнёт:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Ну, где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше мою песенку.— Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я колобок, колобок!	Я от дедушки ушёл,
По амбару метён,	Я от бабушки ушёл,
По сусечкам скребён,	Я от зайца ушёл,
На сметане мешён,	Я от волка ушёл:
В печку сажён,	От тебя, медведь,
На окошке стужён.	полгоря уйти.

И покатился колобок: медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой же ты пригоженький, румянький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку; а лиса слушает да всё ближе подкрадывается.

Я колобок, колобок!	Я от дедушки ушёл,
По амбару метён,	Я от бабушки ушёл,
По сусечкам скребён,	Я от зайца ушёл,
На сметане мешён,	Я от волка ушёл,
В печку сажён,	От медведя ушёл:
На окошке стужён.	От тебя, лиса, не хитро уйти.

— Славная песенка!— сказала лиса.— Да то беда, голубчик, что я стара стала,— плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой ещё разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили; прыгнул лисе на морду да и запел:

— Я колобок, колобок!..

А лиса его — гам!— и съела.

ЗАЮШКИНА ИЗБУШКА

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца — лубяная. Вот лиса и дразнит зайца:

— У меня избушка светлая, а у тебя тёмная! У меня светлая, а у тебя тёмная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Лиса и просится к зайцу:

— Пусти меня, заюшка, хоть на дворик к себе!

— Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил её к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

— Пусти меня, заюшка, на крылечко.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса. Согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

— Пусти меня, заюшка, в избушку.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась, заяц пустил её и в избушку. Сидит лиса на лавке, а зайчик — на печи.

На четвёртый день опять лиса просит:

— Заинька, заинька, пусти меня на печку к себе!

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса да и выпросила — пустил её заяц и на печку.

Прошёл день, другой -- стала лиса зайца из избушки гнать:

— Ступай вон, косой! Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слезы обтирает. Бегут мимо собаки:

— Тяф-тяф-тяф! О чём, зайныка, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорят собаки. — Мы её выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избушке:

— Тяф-тяф-тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идёт мимо волк:

— О чём, зайныка, плачешь?

— Как же мне, серый волк, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит волк, — вот я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пришёл волк к избе и завыл страшным голосом:

— Уыы... уыы... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался волк и убежал.

Вот заяц опять сидит и плачет.

Идёт старый медведь:

— О чём ты, зайныка, плачешь?

— Как же мне, медведушка, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит медведь, — я её выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал. И ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл медведь к избушке и зарычал:

— Рррр... ррр... Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался медведь и ушёл.

Опять сидит заяц и плачет. Идёт петух, несёт косу.

— Ку-ка-реку! Заинька, о чём ты плачешь?

— Как же мне, Петенька, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне, да меня же и выгнала.

— Не горюй, зайнька, я тебе лису выгоню.

— Нет, не выгонишь. Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал, старый медведь гнал, гнал — не выгнал. А ты и подавно не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл петух к избушке:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

Услыхала лиса, испугалась и говорит:

— Одеваюсь...

Петух опять:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

А лиса говорит:

— Шубу надеваю...

Петух в третий раз:

Ку-ка-реку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

Испугалась-лиса, соскочила с печи — да бежать. А заюшка с петухом стали жить да поживать.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок — золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай, когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко! Мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,

За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису — кот дерёт, дрозд клюёт, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывали петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко. Мы ещё дальше уйдём, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса тут как тут — села под окошечко и поёт:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок всё помалкивает. А лиса — опять:

Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил голову в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти и понесла в свою нору, за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал — кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой — петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю, кто это так хорошо на гусях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили — и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой. И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студёную. Как только уйдёт — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их накормит, напоит и опять уйдёт в лес, а козлята запрут дверь крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

Вы, детушки!	Ваша мать пришла,
Вы, козлятушки!	Молока принесла;
Отопритесь,	Полны копытца
Отворитесь,	Водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитывает.

Волку делать нечего. Пошёл он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придёт к избушке, станет проситься толстым голосом да не переберёт всего, что я вам причитываю, дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шаст к избушке, постучался и начал причитать тонюсеньким голосом:

Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козлёночек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня гресишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костёр горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и свалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! Стали они жить-поживать по-прежнему.

СНЕГУРОЧКА

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Всё бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, выпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про своё горе думают.

— А что, старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем.

— Давай, — говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь — а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели её в избу. Глядят на неё, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то всё краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растёт дочка и умная, и смышлёная, и весёлая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоёт — заслушаешься.

Прошла зима. Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинках, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

— А что с тобой, дочка?— спрашивают старики.— Что ты такая невесёлая стала? Иль тебе неможется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня всё печальнее, всё молчаливее становится. От солнца прячется. Всё бы ей тень да холодок, а ещё лучше — дождичек.

Раз надвинулась чёрная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Идём с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха её уговорила:

— Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костёр и давай друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала.

Побежала она в свой черёд за подружками. Прыгнула над огнём и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и слышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!» Обернулись они — а Снегурочки нет.

Стали они кликать её:

— Ау, ау, Снегурушка!

Только эхо им в лесу откликнулось...

ГУСИ

Жили старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький.

Собрались старики в город и приказывают дочке:

— Мы пойдём, дочка, в город: принесём тебе булочку, купим платочек, а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.

Ушли старики, девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь,— нет братца! Кинулась туда-сюда,— нету! Кликнула девочка, кликала братца, не откликается. Выбежала в чистое поле: вдали метнулось гусиное стадо и пропало за тёмным лесом.

«Верно, гуси унесли братца!»— подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит — стоит печка.

— Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего ржаного пирожка, скажу.

А девочка говорит:

— У моего батюшки и пшеничные не едятся!

И побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?

— Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся!— сказала девочка и побежала дальше.

Бежит девочка дальше и видит: льётся молочная речка — кисельные берега.

— Молочная речка — кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего простого киселька с молочком, тогда скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся!

И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу ёж. Хотела девочка ежа толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

— Ёжик, ёжик, куда гуси полетели?

Ёжик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит — стоит избушка на курьих ножках, вокруг себя поворачивается. В избушке сидит Баба Яга, костяная нога, морда глиняная; сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой, а Баба Яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем её нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

— Реченька, голубушка, укрой меня!

— Съешь моего простого киселька с молочком?

Похлебала девочка киселька с молочком; тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси её увидели и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке:

— Яблонька, голубушка, спрячь меня!

— Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего девочке делать — съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками: гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, гуси опять её увидели и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

— Печечка, матушка, спрячь меня!

— Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь: гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди братца из рук вырвут, да изба-то была уж недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла.

Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к Бабе Яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят — мальчик дома, жив и здоров: подарили девочке булочку и платочек.

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют — жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатасть.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатоно.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка и не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила! Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! — яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Дву-

глазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не знать.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у него было три сына — все молодые, холостые, удалцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит однажды царь такое слово:

— Дети мои милые! Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат — полетела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

— Как мне за себя квакушу взять? Квакуша — неровня мне!

— Бери, — отвечает ему царь, — знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

— Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу!

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так закручинился? — спрашивает его лягуша. — Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб!

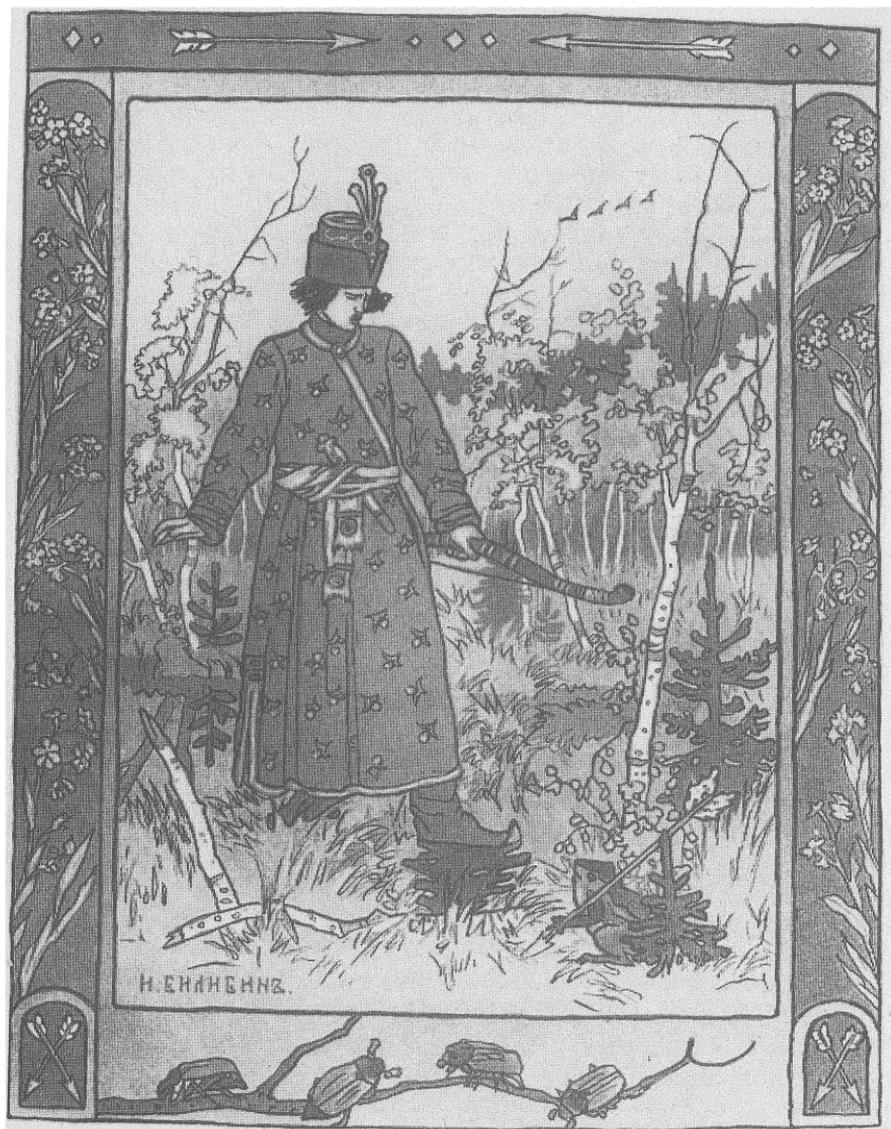

Рисунок *И. Билибина*

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила лягуша царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красно крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакуши хлеб давно готов, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Изукрашен каравай разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

— Чтобы жёны ваши соткали мне за одну ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто закручинился? Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать да сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою. Вышла она на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать, чтобы таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич — у квакуши ковер давно готов, и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать!

Изукрашен ковер золотом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль от отца услышал слово неприветливое?

— Как же мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес! И где ты эдакую красавицу выискал? Чай, все болото исходил!

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что и делать, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это моя лягушонка в коробчонке приехала!

Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жены старших царевичей увидели ее хитрости, давай и себе то же делать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались!

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — костью царю прямо в глаз попали! Царь рассердился и прогнал их с глаз долой.

Тем временем Иван-царевич улучил минуту, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи; приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал и пошел куда глаза глядят.

Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадает ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй,— говорит,— добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему свое несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок: куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Идет чистым полем, попадаетея ему медведь.

«Дай убью зверя»,— думает Иван-царевич.

А медведь говорит ему:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пошел дальше.

Идет он дальше, глядь — а над ним летит селезень; царевич прицелился из лука, хотел было застрелить птицу, как вдруг говорит она человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь.

Он пожалел и пошел дальше.

Бежит косою заяц; царевич опять за лук, стал целиться, а заяц ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошел дальше — к синему морю.

Видит — на песке лежит-издыхает щука-рыба.

— Ах, Иван-царевич,— сказала щука,— сжался надо мною, пусти меня в море!

Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повертывается.

Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, а к морю задом!

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

— Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?— спрашивает Баба Яга Ивана-царевича.

— Ах ты, Баба Яга, костяная нога,— говорит Иван-царевич,— ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба Яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— А, знаю!— сказала Баба Яга.— Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кошеем сладить; смерть его на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет.

Указала Баба Яга, в каком месте растет этот дуб.

Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг — откуда ни взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь — а за ним уж другой заяц гонится: нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил его, достал иглу и отломил кончик. Сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть.

Иван-царевич вошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

СИВКА-БУРКА

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали.

Посеял раз старик пшеницу. Хорошая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

— Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, поймите вора!

Настала первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра.

Приходит утром домой и говорит:

— Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын. И он всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти.

Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле, сел на камень. Сидит не спит, пирог жует, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь — одна шерстинка серебряная, другая золотая; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку.

Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву.

Уж конь носил-носил его по чисту полю, скакал-скакал — не мог сбросить!

Стал конь просить Иванушку:

— Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка, — отпущу, да как я тебя потом найду?

— А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка поутру домой.

— Ну, рассказывай, что ты там видел, — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — коня — одна шерстинка серебряная, другая золотая.

— А где же тот конь?

— Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич кликать:

— Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор. Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит да с ее руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдет!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору — не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

— Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошаденку, и я поеду посмотрю на Елену Прекрасную!

— Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

Уехали братья, а Иванушка-дурочок и говорит братниным женам:

— Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду — грибов наберу! Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать.

Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

— Что угодно, Иванушка?

— Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! — отвечает Иванушка.

— Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай!

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать! Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу.

Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал.

Прискакал Иванушка на площадь — прямо к царскому дворцу. Смотрит — народу видимо-невидимо, а в высоком тереме, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает — цены ему нет! А собою она красавица из красавиц.

Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать.

Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам... Фыркнул конь, заржал, прыгнул — только на три бревна до царевны не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричат все:

— Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принес домой.

— Эва, какие грибки хорошие!

Рассердились братнины жены на Иванушку и давай его ругать:

— Какие ты, дурень, грибы принес? Только тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит.

Воротились домой братья и рассказывают женам, что они в городе видели:

— Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали. До царевны только на три бревна не доскочил.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

— Братцы родные, а не я ли это там был?

— Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко дворцу.

Видит — на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любят, а скакать никто и не думает: боятся шею себе сломать!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул — и только на два бревна до царевнина окна не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

А Иванушка уже в чистом поле.

Отпустил Сивку-бурку, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

— Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжал! Не доскочил до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, помалкивай!..

На третий день братья снова собираются ехать, а Иванушка говорит:

— Дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

— Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает!

Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому дворцу.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плеткой... Заржал конь пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул — и доскочил до окна!

Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

— Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл.

Отпустил он Сивку-бурку, пришел домой. Одна рука тряпкой обмотана.

— Что это с тобой приключилось?— спрашивают братнины жены.

— Да вот искал грибы, на сучок накололся...

И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было:

— Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны доскочил и перстень с ее пальца снял!

Иванушка сидит на печи да знай свое:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень взглянуть.

Как размотал он тряпку, так всю избу и осияло!

— Перестань, дурень, с огнем баловать!— кричат братья.— Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул, чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгует, тому голову с плеч долой!

Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка.

Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают.

А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перстень на руке — тот и жених ее.

Только ни у кого перстня не видно...

Обошла она всех, подходит к последнему — к Иванушке. А он за печкой сидит, одежонка на нем худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!»

А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

— Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

— Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

— А ну-ка развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает!

Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой жених и нашелся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут ждаты да рассуждаты не стали — веселым пирком да за свадьбу!

Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

КАША ИЗ ТОПОРА

Шел солдат на побывку. Притомился в пути, есть хочется. Дошел до деревни, постучал в крайнюю избу:

— Пустите отдохнуть дорожного человека!

Дверь отперла старуха:

— Заходи, служивый.

— А нет ли у тебя, хозяйшюшка, перекусить чего?

У старухи всего вдоволь, а солдата поскупились накормить, прикинулась сиротой.

— Ох, добрый человек, и сама сегодня еще ничего не ела: нечего.

— Ну, нет так нет,— солдат говорит.

Тут он приметил под лавкой топор без топорща.

— Коли нет ничего иного, можно и из топора кашу сварить.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так из топора кашу?

— А вот так. Дай-ка котел.

Принесла старуха котел.

Солдат топор вымыл, опустил в котел, налил воды и поставил на огонь.

Старуха на солдата глядит, глаз не сводит.

Достал солдат ложку, помешивает варево. Попробовал.

— Ну как?— спрашивает старуха.

— Скоро будет готова,— солдат отвечает.— Жаль, что вот соли нет.

— Соль-то у меня есть, посоли.

Солдат посолил, снова попробовал:

— Коли сюда бы да горсточку крупы!

Старуха принесла из чулана мешочек крупы:

— На, заправь как надо.

Варил, варил солдат, помешивал, потом попробовал.

Глядит старуха, оторваться не может.

— Ох, и каша хороша!— хвалит солдат.— Как бы сюда да чуточку масла — было бы и вовсе объединение!

Нашлось у старухи и масло. Сдобрили кашу.

— Бери ложку, хозяйюшка.

Стали кашу есть да похваливать.

— Вот уж не думала, что из топора этакую добрую кашу можно сварить!— дивится старуха.

А солдат ест да посмеивается.

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

ПЕСЕНКИ

УКРАИНСКИЕ

ВЕСНЯНКА

А уж ясно солнышко
Припекло, припекло
И повсюду золото
Разлило, разлило.

Ручейки на улице
Все журчат, все журчат.
Журавли курлыкают,
И летят, и летят...

Расцвели подснежники
Да в леске, да в леске.
Скоро всей земелюшке
Быть в венке, быть в венке.

Ой, солнышко-батюшка,
Угоди, угоди.
А земляца-матушка,
Уроди, уроди.

ЛЕЙСЯ, ЛЕЙСЯ, ДОЖДИЧЕК

Лейся, лейся, дождичек,
Сварю тебе борщичек,
Квасу полный ковщичек!
Лейся, лейся, дождичек,
Ключом, ручьем, водицею
Над нашею пшеницею!

БЕЛОРУССКИЕ

ПЕРЕПЕЛКА

— Эй, перепелушка,
Пестрое перышко,
Где ты зиму зимовала?
— У криницы.
— Где ты лето летовала?
— У пшеницы.
Зимовала —
Воду попивала.
Летовала —
Зернышки клевала.

ВОРОБЕЙ

Скачет, скачет воробей,
Кличет маленьких детей:
— Киньте крошек воробью —
Я вам песенку спою,

Чик-чирик!
Киньте просо и ячмень —
Буду петь вам целый день,
Чик-чирик!

ГРУЗИНСКИЕ

ЯСТРЕБ

Ястреб, ястреб! Кыш, злодей!
Все кричите посильней,
Ну-ка выпусти цыпленка,
Злой разбойник, из когтей!

ЗИМОЙ

Лето милое, где ты?
Буду ходить раздетым.
Постель во дворе постелим.
Где ты, милое лето?

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ

Всёх морей и речек,
Коней и овечек
Мне сынок дороже,
Родной человек.

○

Шерсть чесать — рука болит,
Письмо писать — рука болит,
Воду носить — рука болит,
Кашу варить — рука болит,
А каша готова — и рука
здорова.

ЛИТОВСКАЯ

Я ПАСУ ЯГНЯТ

Я пасу ягнят, пасу
На лужаечке в лесу.
Ходит рядом жадный волк,
Только зубы — шелк да шелк.
А я волка не боюсь:
У меня собака —
Тоже забияка.
Зададим зверюге гонку —
Не подступится к ягненку.

МОЛДАВСКАЯ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баю, надо спать,
Все придут сынка качать.
Приди, конь,
Успокой.
Приди, щука,
Убаюкай.
Дай нам, сом,
Сладкий сон.

Дай, несушка,
Нам подушку.
Все к сыночку придут,
По подарку дадут.
А как станет дремать,
Будем дверь запирать.

ЛАТЫШСКИЕ

Ты леночек, мой ленок,
Синий на поле цветов,
Соберем тебя, соткем
Да рубах себе нашьем.

○

Все деревья горевали,
Красно лето провожали.
А сосне и горя мало —
Вышла в шубе погулять.

○

Солнышко да матушка
Именами разные,
Именами разные,
А делами равные:
Красно солнышко греет,
Матушка жалеет.

ТАДЖИКСКИЕ

БЕГЛЕЦ

Мой ягненок убежал,
Он один в горах плутал.
Заблудился он во тьме,
Тихо блеет:
— Ммамаа... Ммее...

Я искать его пойду,
Беглеца в горах найду.
Беглеца найду —
К маме отведу.

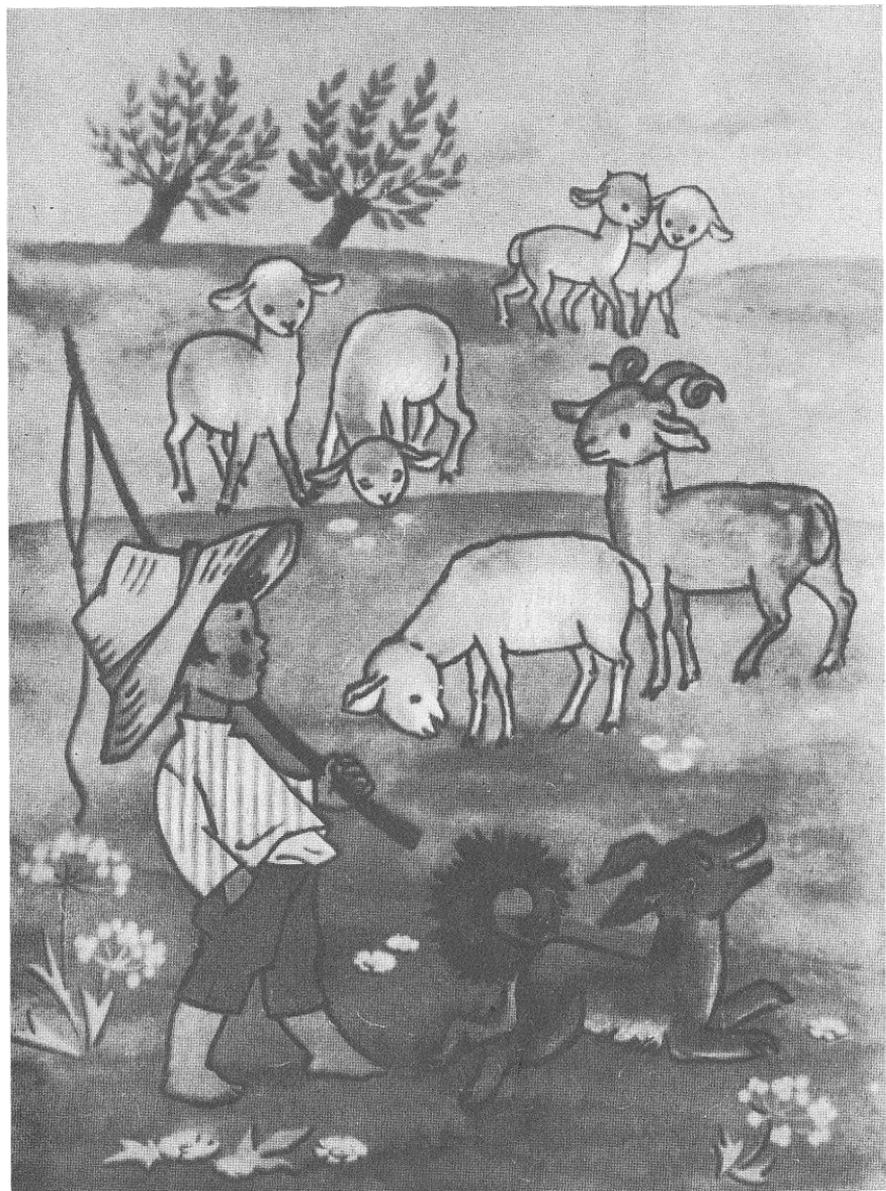

Рисунок Т. Бальциунене

ПРИХОДИ, ВЕСНА!

Что ты ждешь? Не жди, весна,
Приходи, ты нам нужна!
Дружно мы возьмем бадью,
Понесем ее к ручью,
Зачерпнем бадьею воду
И подарим огороду.
Нам в подарок за уход
Даст морковку огород.

АРМЯНСКИЕ

АИСТ

Аист, здравствуй, как живешь?
Эй, аист, здравствуй, как ты
живешь?
Хорошо, что ты прилетел,
Как хорошо, что ты прилетел!

Аист, ты у нас живи.
Эй, аист, а ты у нас живи!
Ты гнездо на липе свей,
Свое гнездо ты на липе свей.

ЛАСТОЧКА

Ласточка — тивит, тивит —
К нам летит,
Ах, к нам летит!
А под крылышком ее
Весна сидит,
Ах, весна сидит!

ТУРКМЕНСКАЯ

Аллай, аллай, спи-усни,
сыночек,
На гранате розовый цветочек!
Покачала б я тебя с охотой,
Жалко, руки заняты работой.

ЭСТОНСКАЯ

Сон, войди скорее в двери,
Дрема, встань у колыбели,
Тихо песенку пропойте,
Глазки мальчику закройте.
Пусть растет он тоненький,
Выше соломинки,
Хлебной крошки тяжелей,
Клена-ясеня прямой,
Толще ивушки зеленой,
Ясной звездочки светлей.

ДАГЕСТАНСКАЯ СЧИТАЛКА

КАЖДОМУ СВОЕ

Печке — полено,
Корове — сено,
Трава — теленку,
Вода — ягненку,
А тебе, сыночек,
Сахару кусочек.

ЧУВАШСКАЯ

ЗАСЫПАЙ, СЫНОК

Чуччи, чуччи,
Чуландай,
Глазки крепко
Закрывай.

Старый вяз
Кору припас
Тебе на колыбельку.

Мягкий лен,
Белый лен
Подарил постельку.
Гибкая рябина
Качалку подарила,
Липа — веревочку,
Яблоня — крючок.

Чуччи, чуччи,
Паинька,
Засыпай, сынок.

МОРДОВСКАЯ
ЛЕСНЫЕ УТКИ

Какую мы песню споем?
Какую мы сказку расскажем?
Красивую песню споем,
Хорошую сказку расскажем.

Высоко, высоко над нами
Утки лесные летят.
Выше, чем утки лесные,
Серые гуси летят.

Куда им спуститься?—
На луг зеленый.
Откуда попить им
Холодной водицы?—
Попьют из лесного ключа.

А где ж отдохнуть им?—
На белом песочке,
У маленькой речки
Они отдохнут.

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ

ВСТАВАЙ, МИТЕНЬКА!

— Митя, Митенька, проснись,
Да с полатцев-то спустишь!
Слышишь: крикнул петушок,
За селом поет рожок,
На крылечке дверь скрипит,
У колодца гусь трубит,
Журавли в бору курлычут,
А с реки утята кличут:
«Митя, Митенька, вставай,
Светлый день не прозевай!»

СКАЗКИ

ОВЕЧКА И ВОЛК

(Украинская сказка)

Вышла раз одна маленькая овечка в степь попастись, а на-
встречу ей волк.

— Добрый день, овечка!— говорит волк.

— Здравствуй, волк,— отвечает овечка.

— Куда ты,— спрашивает волк,— отправилась?

— В поле пастись.

— Я тебя,— говорит волк,— думаю сейчас съесть.

— Э-э,— говорит овечка,— коли хочешь меня съесть, то раз-
ве это так сразу делается? Ступай сперва да вымойся.

— Куда же я,— спрашивает волк,— мыться пойду?

— Не горюй, я тебя отведу.

А овечка была хитрая-хитрая, привела волка к капкану и го-
ворит волку:

— Всунь сюда лапу, тебе ее враз помогут.

Засунул волк лапу туда, куда показала ему овечка, а кап-
кан хлоп!— и захлопнулся.

Тащил-тащил волк лапу, дергал ее, дергал — нет, никак не
выходит, не может вырваться.

Так он стоял, пока не пришли из села люди да и вымыли уж
этого волка по-своему.

ЛЕГКИЙ ХЛЕБ

(Белорусская сказка)

Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик под кустом сидит и что-то ест.

Подошел к нему волк, спрашивает:

— Ты что ешь?

— Хлеб,— отвечает мужик.

— А вкусный он?

— Страсть какой вкусный!

— Дай мне попробовать.

— Милости прошу!

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку. Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно,— говорит мужик,— научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

— И можно хлеб есть?— обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять.

— Тогда будет хлеб?— облизнулся волк.

— Нет еще! Дождись, покуда рожь взойдет, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнет зерно наливаться, потом зреть...

— Ох,— вздохнул волк,— уж больно долго ждать надо! Ну, а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься!— говорит мужик.— Раненько еще! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И все?

— Нет, не все. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдет. Тогда в горячую печь сажать.

— И спечется хлеб?

— Ага, спечется. Вот тогда и наешься вволю,— закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как легкий хлеб добывать.

— Ну что ж,— говорит мужик,— если не хочешь трудный хлеб есть, ешь легкий. Иди на выгон, там конь пасется.

Пошел волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж,— говорит конь,— ешь. Но сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда,— согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнет его копытом!

Перекувыркнулся волк — да ходу.

Прибежал к реке. Видит — гуси пасутся. «Не съест ли мне их?»— думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж,— отвечают гуси,— ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую?— спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси порх-порх крыльями — с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошел дальше ни с чем.

Идет, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу — съем!»

Только он так подумал, смотрит — бредет по дороге старый дед. Волк — к нему:

— Дед, дед, я тебя съем!

— Куда торопиться?— говорит дед.— Давай сначала табачку понюхаем.

— А вкусный он?

— Попробуй, так будешь знать.

— Давай!

Вынул дед из кармана табакерку, сам понюхал и волку дал.

Потянул волк носом изо всех сил да весь табак и вдохнул в себя. А потом давай чихать на весь лес... Ничего от слез не видит, все чихает. Больше часу чихал, покуда прочихался. Оглянулся, а уж деда и след простыл.

Пошел волк дальше.

Шел он, шел, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит. Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж,— говорит баран,— видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лошину да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет,— сказал волк,— так и сделаем.

Стал он в лошину, разинул пасть и ждет. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались. Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или нет?

А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а легкого хлеба отведал.

УПРЯМЫЕ КОЗЫ

(Узбекская сказка)

Жили когда-то в разных селениях две козы: одна белая, другая черная, и обе они были очень упрямые.

Вот как-то раз отправились эти козы щипать траву: белая — на своем пастбище, черная — на своем.

Вечером, когда солнце стало садиться, козы наелись досыта и пошли: белая — в свое селение, черная — в свое.

Шли они, шли и сошлись на узкой доске. А доска эта была перекинута через глубокий арык.

Не разойтись козам на доске! Или одной, или другой надо уступить дорогу.

— Эй ты, черная! Посторонись, уступи мне дорогу!— закричала белая коза.

— Вот еще! Буду я тебе дорогу уступать!— крикнула черная коза.— Сама мне дорогу уступи!

— Всю ночь простою — не уйду!

— До утра буду стоять, с места не сдвинусь!

Долго спорили упрямые козы. Потом затрясли бородами, застучали копытцами — в драку вступили.

Отошли каждая на три шага, нагнули головы с острыми рогами да как бросятся одна на другую! Стукнулись они лбами, сцепились рогами, да обе и свалились в арык. Выбрались козы из арыка и вернулись домой мокрые, грязные.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА

(Казахская сказка)

Зима пришла злющая, холодная. Такая зима, что только в лисьей шубе тепло.

Алдар-Косе в своей дырявой-предырявой шубенке мерзнет каждый день. Едет он раз по степи — руки, ноги озябли, весь дрожит, нос посинел — и не знает, как из беды выкрутиться. Ветер свистит, за уши хитреца хватает.

Не видно в степи нигде дыма из юрт. Напрасно машет кам-

чай¹ Алдар-Косе: тощий конь не бежит, старый конь взмахнет гривой и опять шагом идет.

«Плохой конь. Долгая дорога...»— качая головой, говорит сам себе всадник. Ехать еще далеко, собачьего лая не слышно, и юрты в степи не видать. Холодно, ветрено, можно замерзнуть совсем.

Вдруг он видит — навстречу кто-то едет.

По хорошему бегу коня Алдар узнал: едет бай. Хитрец сразу же смекнул, что делать.

Он распахнул свою дырявую шубенку, выпрямился в седле и запел веселую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались. Бай в теплой лисьей шубе ежится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнце в летний жаркий день.

— Неужели ты не замерз?— спросил бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко,— ответил баю Алдар-Косе.

— Какая-такая шуба твоя? — удивляется богач.

— А разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубенку и в ней дыр больше, чем меха!— насмехается бай.

— Вот и хорошо, что дыр много: в одну дыру ветер входит, в другую выходит. Вот почему мне и тепло.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить»,— думает бай про себя.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!»— думает хитрец про себя.

— Продай мне твою шубу!— говорит бай Алдар-Косе.

— Не продам: я без своей шубы сразу замерзну.

— Возьми в обмен мою лисью шубу,— предлагает бай.

Алдар-Косе делает вид, что и слышать не хочет, а сам одним глазом смотрит на теплую шубу, а другим — на байского скакуна — любит.

— Шубу отдам и денег прибавлю,— снова предлагает бай.

— Денег не надо; вот если коня еще дашь, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился, снял свою шубу и отдал коня. Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо было Алдар-Косе ездить от юрты к юрте в теплой шубе на хорошем коне.

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— У меня была чудесная шуба: семьдесят дыр, девяносто заплат...

¹ Камчá — плетка.

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинулся на его дырявую шубу и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца.

Когда смех прекращался, Алдар-Косе каждый раз повторял:

— Далекий путь или близок, узнает тот, кто проедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест.

НАУЧИСЬ РЕМЕСЛУ

(Грузинская сказка)

Было или не было — жил на свете один царь, у него был единственный сын. Состарился этот царь и задумал женить сына. А сын говорит:

— Позволь мне обойти наше царство — сам выберу себе невесту!

Царь сказал:

— Иди ищи!

Отправился царевич. Ходит он по всем городам и селениям, смотрит, ищет — никак не найдет невесты. Только в одном бедном селении, на самой его окраине, в самом бедном доме, увидел он девушку невиданной под солнцем красоты и с первого же взгляда влюбился в нее без памяти. Говорит ей царевич:

— Будь моей женой!

А девушка спрашивает:

— Скажи мне, какое ремесло ты знаешь?

Он отвечает:

— Никакого не знаю, я — царевич.

— Не знаешь — твоя беда! — говорит девушка. — А быть царевичем — это еще не ремесло! Сегодня ты царь, а завтра нет — тогда как хлеб добывать будешь? Пойди научись какому-нибудь ремеслу — только тогда выйду за тебя.

Загрустил царевич, не знает, какому ремеслу можно научиться поскорее. Пришел к отцу, рассказал:

— Девушку я выбрал. Лучше ее нет во всем свете. Только она не согласилась выйти за меня замуж. «Прежде, — говорит, — научись ремеслу». Не могу я отказаться от этой девушки. Не могу смотреть на других. Одна она мне нужна. Помогите мне изучить хоть какое-нибудь ремесло.

Вызвал царь всех ремесленников. Пришли ремесленники: столяры, сапожники, портные, каменщики, печники. Спрашивает царь столяра:

— Ты в какой срок можешь научить царевича твоему ремеслу?

— В пять лет, — отвечает столяр.

— О! За пять лет моя невеста выйдет замуж, не дожидается меня, — говорит царевич.

Спросили других:

— Кто научит царевича своему ремеслу поскорее?

Рисунок И. Кузнецова

Сапожник говорит:

— Научу за четыре года!

Каменщик говорит:

— Научу за три года!

Печник говорит:

— Научу за два года!

Наконец, вышел один старик и сказал:

— Я валяю войлок и мастерю бурки. За три дня обучу царевича своему ремеслу!

Обрадовался царевич, пришел к бурочнику и за три дня научился валять войлок и мастерить бурки: и длинные, ворсистые — для всадников, и короткие, гладкие, без швов — для пешеходов.

После того отправился он к девушке.

— Зачем опять пришел?— спрашивает девушка.

— Тебя сватать!

— А ремесло изучил?

— Изучил: бурки валять умею.

— Ну, и это ремесло пригодится!— говорит девушка.— Пойду теперь за тебя замуж!

Поженились они и зажили счастливо.

Вскоре старый царь умер. Стал царствовать наш царевич. Захотелось ему однажды посмотреть свое царство: кто как живет, кто чему радуется, кто о чем горюет, что о нем самом говорят. Нарядился он в одежду бедняка и пошел.

Шел, шел и пришел в какой-то город, и захотелось ему есть. Разыскал он духан, вошел в него, поздоровался и говорит:

— Накормите меня, добрые люди!

Встретили его хозяева ласково, не отказали — накормили.

А это были разбойники-людоеды. Подвели они царя к погребу, открыли дверь.

— А что у вас в этом погребе?— спрашивает царь.

— А вот посмотри сам!— сказали разбойники да и столкнули его в погреб.

Осмотрелся царь, видит — сидят в погребе еще три человека.

— Почему вы сидите здесь?— спрашивает царь.— Что с вами сделают?

— Убьют нас эти людоеды-разбойники и съедят,— отвечают ему пленники.— Да и тебе того же не миновать.

Испугался царь, не знает, что делать.

Убили разбойники тех трех пленников. Пришел черед царя. Сказал царь разбойникам:

— Не убивайте меня! Я вам такую бурку сваляю, что тысячу туманов за нее дадут! Несите ее прямо к молодой царице — она, не торгуясь, купит.

Обрадовались разбойники. Принесли шерсть. Стал царь мастерить бурку. Смастерил, украсил ее такими узорами, что глаз не оторвешь. А между узорами вышил слова:

«Сижу в плену у разбойников-людоедов в таком-то городе, в таком-то доме, в погребе. Не придете через два дня на помощь — убьют меня».

Взял один разбойник бурку, взвалил на голову и понес в город.

Принес во дворец царице, стал продавать. Рассмотрела царица бурку, прочитала слова, что среди узоров были вышиты. Отдала за бурку тысячу туманов и отпустила разбойника. Потом кликнула воинов и пошла за тем разбойником вслед — выручать мужа. Разбойник идет, ничего не подозревает, а царица с воинами — за ним. Пришли, окружили разбойничий дом. Никому из него не выскочить.

Бросились воины в дом, схватили всех разбойников и перебили. Спустились в погреб, освободили царя и привели к жене.

— Видишь!— говорит она.— Не знай ты ремесла — и не помогло бы тебе, что ты царь: закололи бы тебя, как барана, и съели.

— Правда твоя,— отвечает царь,— не быть бы мне в живых! Выручило меня только мое ремесло!

КАК ДЖИРТДАН УВЕЛ ДЕТЕЙ ОТ СТРАШНОГО ДИВА

(Азербайджанская сказка)

Жила когда-то одна женщина, и был у нее сынок, такой маленький, что все его называли Джиртданом — Малышом.

Мал ростом Джиртдан, а во всем отцу и матери старается помочь.

Увидел он однажды, что соседские дети собираются в лес за хворостом. Пришел к матери и говорит:

— Я вместе с ребятами за хворостом пойду!

— Куда тебе! — отвечает мать. — Ты не сможешь и веточку поднять!

— Сам не смогу — ребята мне помогут! — отвечает Джиртдан.

Позвала женщина соседских детей дала каждому по куску чурека с сыром и говорит:

— Не потеряйте в лесу моего сыночка!

Пришли ребята в лес, стали собирать хворост.

И Джиртдан трудится, только нелегко ему ветки ломать.

— Надо помочь нашему Джиртдану, — говорят мальчики.

Собрали они вязанку хвороста и для Джиртдана. Собрали и пошли домой. Принялся Джиртдан свою вязанку тянуть — никак не может с места сдвинуть.

Уселся он на вязанку и кричит:

— Не могу я дотащить мою вязанку! Помогите мне!

Взвалили дети на себя Джиртданову вязанку и пошли. Шли они, шли, устали и сели отдохнуть. Заговорились и не заметили, как наступил вечер.

Потеряли дети в темноте дорогу, не знают, куда идти, что делать. Выбрались они из леса, стали прислушиваться, осматриваться. Слышат — в одной стороне собаки сердито лают. Посмотрели в другую сторону — увидели огонек.

Спрашивают дети Джиртдана:

— Эй, Джиртдан, в какую сторону нам идти: туда ли, где лают собаки, или туда, откуда свет виден?

Подумал Джиртдан и ответил:

— Если пойдем в ту сторону, где собаки лают, они нас загрызут. Лучше пойдем на огонек.

Отправились дети в ту сторону, где виднелся огонек. А маленького Джиртдана старший мальчик на спине нес, чтобы не отстал и не потерялся малыш.

Долго они шли и пришли к какому-то дому.

Постучали мальчики в окошко:

— Пустите нас переночевать!

Открылась дверь, и вышел из дома страшный, злой вели-

кан — див. Увидел он детей и решил их съесть. Притворился див добрым и говорит:

— Войдите, переночуйте у меня, а утром я вам дорогу укажу!

Привел див детей в свой дом, дал им поесть и уложил спать. А сам уселся и стал ждать, когда все уснут.

Сидел, сидел и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я не сплю,— отвечает Джиртдан.

— Почему же ты не спишь?— спрашивает див.

— Потому что мать каждый вечер кормила меня перед сном яичницей, а ты не накормил!— отвечает Джиртдан.

Пошел див, принес яиц, стал готовить яичницу.

Приготовил и говорит Джиртдану:

— Вот тебе яичница, ешь и засыпай!

Джиртдан поел и лег, а див опять уселся и стал ждать, когда малыш заснет. Подождал, подождал и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я не сплю!— откликнулся Джиртдан.

— Почему же ты не спишь?

— Потому что мать каждую ночь приносила мне в решете воду из речки, а ты не принес!

Услышал это див, взял решето и пошел к реке за водой.

Уселся на берегу, стал решетом воду черпать. «Ну,— думает,— принесу воды, он сразу и уснет!»

А Джиртдан разбудил мальчиков и сказал им:

— Этот див хочет нас съесть! Вставайте, убежим!

Вскочили дети, выбрались из дома, вышли тихонько к реке.

А тут див сидит, решетом воду черпает.

Обошли его дети осторожно и переплыли на другой берег.

А маленький Джиртдан у старшего мальчика на плече сидел.

Сколько див ни опускал решето в реку, никак не мог зачерпнуть им воды.

Наконец надоело ему это. Закинул он решето и хотел уже вернуться домой.

И вдруг видит: идут дети по тому берегу реки. Хотел див за ними броситься, да только дивы через реки дороги не знают, плавать не умеют.

Стоит он на берегу и кричит:

— Эй, дети, как вы перешли через реку?

А Джиртдан отвечает ему с другого берега:

— Пойди найди мельничный жернов и надень его себе на шею. Тогда перейдешь.

Див нашел мельничный жернов. Надел себе на шею и бросился в воду.

Потянул его тяжелый жернов на дно, захлебнулся див и утонул.

А дети благополучно вернулись домой.

БЕДНЯК И БОГАЧ

(Литовская сказка)

Бедняк в лесу на берегу реки рубил деревья. Только вдруг топор — шиик! — и соскочил с топорича. В реку бултых — и утонул.

Горько заплакал бедняк: «Ай, ай, я несчастный! Чем теперь буду деревья рубить, на хлеб зарабатывать?»

В это время — топтык-потоптык! — выходит из лесу хромой старик, можжевелевая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает:

— О чем плачешь, добрый человек? Что с тобой случилось?

— Как мне не плакать, коли мой топор упал в реку, а другой купить не смогу! Чем теперь буду деревья рубить, детям чем на хлеб заработаю?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти — и бултых в воду! Минуты не прошло — вынырнул из воды с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Ах, нет! Ах, нет! Это не мой! — отвечает бедняк.

Нырнул старик опять и вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет, нет! Это не мой топор! — крикнул бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытащил железный топор.

— Вот этот мой! Вот этот мой! — заплясал бедняк от радости. — Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу!

Взял бедняк топор из рук старика и уже хотел было бежать домой.

— У-у-у-у! — окликнул его старик. — Раз ты такой правдивый и нежадный — на, возьми и эти топоры, золотой и серебряный.

Пришел бедняк домой с тремя топорами и обо всем рассказал семье. Услыхал про это счастье один богатый сосед. Взял он свой топор и пошел в лес. Пришел на то же самое место у реки, стук-стук в дерево... Топор легонько был прикреплен к топоричу — шлеп! — и упал в воду. Застонал богач:

— Ай, ай, я несчастный! Ай, ай, я пропащий!

В это время из лесу — топтык-потоптык! — и приковылял хромой старик, можжевелевая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает: «Чего, человек, горюешь?»

— Как мне не горевать: рубил дерево, топор с топорича соскользнул и упал в воду. Кто мне его теперь выловит?

— Ну, успокойся, я его вытащу, — сказал старик и, скинув тулуп, бултых в воду!

Минуты не прошло, выплыл с железным топором в руках.

— Это твой?

— Нет, не мой! — отвечает богач.

Старик опять погрузился в воду и вынырнул с серебряным топором.

— Твой ли этот?

— Нет, не мой! Мой был лучше!

В третий раз нырнул старик и вытащил золотой топор.

— Вот, вот, этот так мой!— обрадовался богач.— Я издали его узнал.

Только что он сказал, старик бултых в воду с золотым топором — и пропал. А богач, быть может, еще и сегодня на берегу сидит и ждет, когда старик вынырнет и принесет ему бриллиантовый топор.

ЧУДЕСНЫЙ КЛАД

(Молдавская сказка)

Жил когда-то на свете один человек. У него было три сына. Был тот человек старательный и трудолюбивый, никогда без дела не сидел. Работал он с раннего утра до позднего вечера, не зная усталости. Везде поспевал. Сыновья у него были рослые, красивые, сильные, а работать не любили. Отец и в поле, и в саду, и дома трудился, а сыновья сидели под деревьями в тени и болтали или ходили на Днестр рыбу ловить.

— Что же вы не работаете никогда? Почему отцу не помогаете?— спрашивали их соседи.

— А зачем нам работать?— отвечали сыновья.— О нас отец заботится, он везде сам справляется!

Так они и жили год за годом.

Сыновья выросли, а отец постарел, ослабел и не мог уже работать, как прежде. Запустел у них сад около дома, заросло поле сорной травой.

Видят это сыновья, а работать не хотят.

— Что же вы, сынки, без дела сидите?— спрашивает их отец.— Пока я был молодой, я работал, а теперь ваша пора пришла.

— Успеет еще поработать,— говорят в ответ сыновья.

Горько стало старику, что сыновья у него такие лентяи.

Заболел он от горя и слег в постель.

Тут уж семья совсем в бедность пришла. Сад весь зарос, одичал, выросли в нем крапива да лебеда, так что из-за них даже дома не было видно.

Однажды созвал старик своих сыновей и сказал им:

— Ну, сынки, пришел мой смертный час. Как вы теперь без меня жить будете? Трудиться вы не любите и не умеете.

Сжались у сыновей сердца, заплакали они.

— Скажи нам, отец, что-нибудь напоследок, посоветуй что-нибудь!— попросил старший брат.

— Хорошо!— сказал отец.— Открою я вам одну тайну. Все вы знаете, что я и покойная ваша мать работали не покладая рук. За долгие годы скопили мы для вас богатство — горшок с золотом. Закопал я этот горшок возле дома, только не помню, в каком месте. Ищите мой клад, и тогда будете вы жить не зная нужды.

Простился отец с сыновьями и умер.

Похоронили сыновья старика, погоревали. Потом старший брат сказал:

— Что ж, братья, пришли мы в большую бедность, жить нам нечем, не на что даже хлеба купить. Помните, что отец перед смертью говорил? Давайте искать горшок с золотом!

Взяли братья заступы и стали копать возле самого дома небольшие ямки.

Покопали они, покопали, но найти горшок с золотом не могли.

Тогда средний брат говорит:

— Братья! Если мы так будем копать, то никогда не найдем отцовского клада. Давайте раскопаем всю землю вокруг нашего дома!

Братья согласились. Снова взялись за свои заступы, вскопали всю землю, но горшка с золотом так и не нашли.

— Эх,— говорит младший брат,— давайте вскопаем землю еще раз, да поглубже! Может, отец закопал горшок с золотом глубоко.

Согласились братья. Очень уж хотелось им разыскать отцовский клад!

Снова принялись все за работу.

Копал-копал старший брат, вдруг наткнулась его лопата на что-то большое и твердое. Забилося у него сердце, обрадовался он, кликнул своих братьев:

— Идите скорее ко мне: я отцовский клад нашел!

Прибежали средний и младший братья, стали помогать старшему. Трудились, трудились и выкопали из земли не горшок с золотом, а тяжелый камень.

Обидно им стало, они и говорят:

— Что же нам с этим камнем делать? Не оставлять же здесь! Отнесем его подальше да бросим в овраг!

Так они и сделали. Убрали камень и опять принялись землю раскапывать. Целый день работали, о еде, об отдыхе забыли! Перекопали еще раз всю землю. Земля стала пышной и мягкой. А горшка с золотом так и не нашли.

— Что ж,— говорит старший брат,— раскопали мы землю — не пустовать же ей! Давайте посадим на этой земле виноград.

— Верно,— говорят братья.— Хоть не даром пропадут наши труды.

Посадили они виноградные лозы и стали ухаживать за ними.

Немного времени прошло, разросся у них большой да хороший виноградник. Созрели сочные, сладкие гроздья.

Собрали братья богатый урожай. Оставили себе сколько нужно, а остальное продали — много денег получили.

Тогда сказал старший брат:

— Недаром мы раскопали всю нашу землю: нашли мы в ней драгоценный клад, о котором нам перед смертью отец говорил!

СКАТЕРТЬ, БАРАН И ДУБИНКА

(Латышская сказка)

У одного отца было трое сыновей: двое умных и один дурачок. Однажды один из умных сыновей стал к отцу приставать, чтобы тот его в свет отпустил. Отец отпустил. Шел, шел умный сын, но на беду свою нигде не мог работу отыскать. По дороге встретил одного человека и стал просить у него хоть какую-нибудь работенку.

Тот человек и говорит:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди со мной.

Сын согласился. Прошел год, а человек тот вместо заработка дал парню скатерть и говорит:

— Ты мне усердно служил, теперь получай награду! Скатерть дороже всяких денег. Стоит только тебе ее разостлать и крикнуть: «Скатерть, накройся!», как сразу на ней появятся самые лакомые блюда, самые сладкие напитки.

Сын поблагодарил своего хозяина и зашагал домой. На полу пути настиг его вечер: делать нечего, пришлось в одно имение завернуть, ночлега поискать. Барин его принял, но любопытствовал, что за скатерть у него такая.

— Это такая скатерть, которой никак нельзя говорить: «Скатерть, накройся!»— отвечал парень и улегся спать.

Пока парень спал, барин взял скатерть и крикнул: «Скатерть, накройся!» Тут же появились самые лакомые блюда, сладчайшие напитки. При виде этого барин взял себе диковинную скатерть, а вместо нее подложил парню свою.

На другой день, вернувшись домой, парень, ничего дурного не предчувствуя, просит отца гостей созывать — он-де своей скатертью всех богато угостит.

Собрались гости. Умный сын воскликнул:

— Скатерть, накройся!

А скатерть не накрывается, да и только! Диву дается парень, но чем тут горю пособить? Гости стали посмеиваться, отец разгневался, вся похвальба умного сына мыльным пузырем лопнула.

Вскоре второй умный сын стал отцу докучать, чтоб его в люди отпустил.

Отец отпустил. Шел, шел сын, да работу так и не сыскал. Повстречался ему тот самый человек. Стал второй сын у него работу просить. Человек отвечает:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди со мной.

Согласился и второй сын. В конце года человек дал своему новому работнику барана да и говорит:

— Прилежно ты мне служил, получай награду! Баран этот дороже денег. Только молви: «Баранчик, жуй!», как баран тут же отрыгнет золотыми монетами.

Поблагодарил второй умный сын и пошел себе домой. На полпути настиг его вечер, пришлось у того же барина ночлега искать, у которого раньше брат ночевал. Барин его принял, но любопытствовал, что это за баран у него такой.

— Это такой баран, которому никак нельзя говорить: «Баранчик, жуй!»— ответил второй сын и улегся спать.

Но только он заснул, как барин сказал: «Баранчик, жуй!»— и с радостью заграбастал отрыгнутые бараном золотые монеты. Барин взял себе чудесного барана, а вместо него подложил пареньку своего.

Утром, вернувшись домой, второй сын просит отца гостей созывать — его, дескать, баран всех богато одарит.

Собрались гости. Второй сын воскликнул:

— Баранчик, жуй!

Но не тут-то было: баран не жует, да и только. Парень глазам своим не верит, гости посмеиваются, отец разгневался, вся похвальба мыльным пузырем лопнула.

Спустя некоторое время стал дурачок отцу докучать: и он идет в люди. Но отец отвечал:

— Твои умные братья ничего не смогли сделать, на что же ты, дурачок, надеешься?

Но дурачок привязался — пусти да пусти! Пришлось отцу уступить, отпустил он дурачка.

Шел, шел дурачок, пока не встретил того же человека. Пристал к нему дурачок: давай ему работу. Человек отвечает:

— Если согласишься на жалованье, какое я тебе в конце года сам положу,— иди за мной.

— Ладно,— дурак согласился.

В конце года человек тот дал дурачку дубинку и говорит:

— Прилежно ты мне служил, получай же награду! Эта дубинка дороже всех денег. Стоит только тебе молвить: «Дубинка, бей!», как она начнет дубасить всякого, кто только вздумает тебя обидеть.

Поблагодарил дурачок и пошел себе домой. На полпути настиг его вечер; делать нечего, пришлось заночевать в том же имени, где когда-то оба брата ночлег нашли. Барин его охотно приютил, но любопытствовал, что это за дубинка такая.

— Это такая дубинка, которой никак нельзя говорить: «Дубинка, бей!»— ответил дурачок и пошел спать.

Пока дурачок спал, барин схватил дубинку и только произнес: «Дубинка, бей!», как в тот же миг дубинка послушно вско-

чила барину на спину и ну его дубасить что есть мочи. Сначала барину стыдно было кричать, но, когда все тело покрылось синяками, он закричал и побежал будить дурачка, чтобы тот его спас. Но дурачок ответил:

— Отдай скатерть и барана, которые ты у моих братьев отнял, тогда я тебя освобожу.

— Отдам, все отдам,— ответил барин и поспешил за крадевым добром. Затем, кланяясь, проводил дурачка до ворот и даже руку ему поцеловал.

НЕПОСЛУШНЫЕ СЕСТРЫ

(Киргизская сказка)

Было ли, не было — в старину жил старик с тремя дочерьми. Дочери росли непослушными и доставляли родителям немало огорчений. После смерти матери они стали еще своенравнее. Прикажет отец не шуметь, а дочери, как нарочно, затеют шумные игры. Даст им отец какое-нибудь поручение, а дочери притворятся больными. Попросит отец помочь по хозяйству, а они находят тысячу причин, чтобы отказаться.

Однажды задумали девочки отправиться в лес по ягоды. Долго уговаривал их отец не ходить самим, но дочери заупрямились.

Тогда отец вынул из сундука гребень и отдал старшей дочери, средней дал иголку, а младшей — зеркальце.

— Не потеряйте их,— предупредил отец,— все они имеют волшебную силу. Если случится с вами несчастье, они вам помогут.

Отправились девочки в лес, долго бродили по нему, набрали полные корзины ягод. Стало темнеть. Сестры решили, что пора возвращаться домой. Шли они, шли, а конца лесу все не видно. Страшно им стало. Заплакали и тут пожалели, что не послушались отца.

Так и просидели всю ночь в лесу.

Наутро снова начали искать дорогу, и только к вечеру им удалось выбраться из леса. Но вышли они по другую его сторону, в незнакомой местности.

Снова шли долго, очень устали. Вдруг увидели одинокую юрту.

Вошли сестры в юрту, а там оказалась совсем маленькая девочка.

— Кто здесь живет?— спросили они.

— Здесь живет злая ведьма,— ответила маленькая девочка.

— А ты как сюда попала?— полюбопытствовали сестры.

— Меня украли ведьма и привела сюда. Утром она приведет другую девочку, а меня убьет и съест. Каждую ночь ведьма ходит на охоту.

Сестры испугались, но все же остались ночевать, так как боялись ночью идти по степи; а уйти решили рано утром, до прихода ведьмы.

Так они и сделали. Чуть забрезжил рассвет, сестры взяли с собой маленькую девочку и пустились в путь.

Вернулась ведьма злая, усталая и голодная. Глядь — а девочки нет.

«Далеко она не может уйти», — подумала ведьма и бросилась вдогонку. Вскоре сестры услышали топот, будто целый табун лошадей гнался за ними. Оглянулись они и увидели, что ведьма вот-вот настигнет их.

Недолго думая, старшая сестра бросила под ноги ведьме гребень. И тотчас в этом месте вырос густой, непроходимый лес.

Ведьма вырвала у себя два зуба. Из одного сделала топор, из другого — пилу. Проведет раз пилой, ударит топором — и валится дерево. Так и выбралась ведьма из леса.

Снова начала ведьма догонять девочек. Тут уже вторая сестра бросила на дорогу иголку, и сразу на этом месте выросла высокая гора. Выше облаков.

Злая ведьма с трудом перебралась через гору. Только начала она догонять девочек, как младшая сестра бросила зеркальце, и оно превратилось в глубокое озеро.

Стоит ведьма на одном берегу, а на другом — сестры и маленькая девочка.

Не знает старуха, как ей переплыть на другой берег.

— Как вы переплыли на тот берег? — сладеньким голосом спросила ведьма.

— Мы переплывали, привязав к шее тяжелый камень, — ответила за всех маленькая девочка.

Поверила ведьма маленькой девочке, привязала к своей шее огромный камень, бросилась в воду и сразу же пошла ко дну.

Теперь уже ничто не мешало сестрам благополучно добраться до родной юрты. Никогда больше они не расставались с отцом, сделались послушными дочерьми.

Вместе с ними стала жить и спасенная ими девочка.

ТИГР И ЛИСА

(Таджикская сказка)

Однажды забралась лиса в густые лесные заросли. А навстречу ей — тигр. Испугалась лиса и бросилась бежать. Тигр за ней. Вот-вот схватит. Но тут дорогу им преградил овраг. Остановилась лиса и стала горько плакать.

Тигр удивился, остановился и спросил:

— О чем плачешь, лиса?

— Ах, увидела я вас и вспомнила вашего отца! Он был такой ловкий — перепрыгивал самые широкие овраги. Ох, видно, никогда больше мне не придется любоваться такой ловкостью!

Обо всем на свете забыл тигр — так захотелось ему похвастаться своей удалейю перед лисой. Прыгнул он через овраг. Да только не перепрыгнул, а упал на дно.

— Так я и знала! Далеко вам до вашего отца! — сказала хитрая лиса и пошла своей дорогой.

ЗМЕЯ И РЫБА

(Армянская сказка)

Змея и рыба побратались.

— Сестрица, — сказала змея рыбе, — возьми меня на спину и покатай по морю.

— Хорошо, — ответила рыба, — садись мне на спину, я пока-таю тебя; посмотри, каково наше море.

Змея обвилась вокруг рыбы, а та поплыла по морю. Не успели они немного проплыть, как змея укусила рыбу в спину.

— Сестрица, почему ты кусаешь меня? — спросила рыба.

— Я нечаянно, — ответила змея.

Проплыли еще немного, и змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, почему ты кусаешься? — спросила рыба.

— Солнце помутило мне голову, — ответила змея.

Проплыли еще немного, змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, что это ты все кусаешь меня?

— Такой уж у меня обычай, — ответила змея.

— А знаешь, у меня тоже есть обычай, — ответила рыба и нырнула в глубину моря.

Захлебнулась змея и утонула.

ГОРА САМОЦВЕТОВ

(Туркменская сказка)

Когда-то в одном селении жила старуха вдова, и был у нее сын Мирали. Жили они бедно. Старуха для людей шерсть чесала, шила, стирала — тем и зарабатывала на пропитание.

Когда Мирали подрос, мать сказала:

— Эй, сынок, я уже не в силах работать! Найди-ка себе какое-нибудь занятие, которым ты мог бы сам прокормиться.

— Хорошо, — сказал Мирали и отправился на заработки.

Ходил он туда, ходил он сюда — нигде не мог найти работу. Наконец пришел к одному баю и спрашивает:

— Эй, бай, не нужен ли тебе работник?

— Нужен, — отвечает бай.

И нанял Мирали в работники.

Прошел день — бай ничего не заставляет своего работника

делать. Прошел другой день — бай не дает никаких приказаний. Прошел третий день — бай как будто не замечает своего работника.

Удивительным показалось это Мирали.

«Для чего же бай нанял меня?» — думает он.

Пришел к баю и спрашивает:

— Будет ли для меня какая-нибудь работа?

— Будет, — отвечает бай. — Завтра поедешь вместе со мной.

На другой день бай приказал Мирали зарезать быка и снять с него шкуру. Потом велел принести четыре больших мешка и привести двух верблюдов. На одного верблюда положил бычью шкуру и мешки, а на другого бай уселся сам, и они тронулись в путь.

Добрались они до подножия дальней горы. Тут бай остановил верблюдов и приказал Мирали снять мешки и бычью шкуру.

Когда Мирали сделал это, бай велел ему вывернуть бычью шкуру и лечь на нее.

Не понял Мирали, для чего это нужно, но спорить не посмел — сделал так, как приказал хозяин.

Бай закатал Мирали в шкуру, обвязал ремнями, а сам спрятался за камнем.

Немного погодя прилетели две большие хищные птицы, схватили клювами свежую бычью шкуру и подняли ее на самую вершину неприступной горы.

Здесь птицы принялись тащить шкуру в разные стороны клювами и когтями и разорвали ее. Увидели они человека, испугались и поспешно улетели, а бычью шкуру прихватили с собой.

Встал Мирали. Осматривается кругом.

Увидел это бай снизу и закричал:

— Чего же ты стоишь? Бросай-ка мне самоцветные камни, которые лежат у тебя под ногами!

Взглянул Мирали — и правда: всюду рассыпано множество разных драгоценных камней — и алмазы, и яхонты, и изумруды, и бирюза... Крупные, красивые, так и сверкают на солнце!

Стал Мирали собирать камни и бросать их вниз.

Мирали бросает, а бай подбирает да наполняет свои большие мешки.

Бросал, бросал Мирали баю драгоценные камни и стал тревожиться.

— Господин, как же я отсюда спущусь? — кричит он баю.

— Пока кидай мне побольше камней, а потом уж я тебе скажу, как спуститься с горы, — отвечает бай.

Мирали поверил и продолжал сбрасывать с горы драгоценные камни. Когда все мешки наполнились доверху, бай навьючил их на верблюдов и крикнул, посмеиваясь:

— Сын мой! Теперь, надеюсь, ты и сам понял, какую работу я поручаю моим работникам. Посмотри, сколько их на горе!

Сказал это бай и уехал.

Остался Мирали один на горе. Принялся он искать место, где бы сойти, но вокруг были обрывы да пропасти и всюду валялись кости. Это были кости таких же, как он, работников бая. Страшно стало Мирали.

Вдруг над ним что-то зашумело. Не успел он оглянуться, как на него налетел огромный орел и хотел его растерзать. Но Мирали не растерялся — он крепко уцепился обеими руками за лапы орла. Закричал орел, поднялся в воздух и стал летать туда и сюда — все старался сбросить Мирали. Наконец он устал и волей-неволей должен был спуститься на землю. Тут Мирали выпустил орла, и тот улетел. Так Мирали спасся от гибели.

Пошел он на базар и снова стал наниматься в работники. Смотрит — идет бай, его бывший хозяин.

— Не наймешь ли меня в работники?— спрашивает Мирали.

Баю и в голову не пришло, что его работник остался в живых, до сих пор этого никогда не случалось. Не узнал он Мирали — принял за другого, нанял его и повел к себе.

Вскоре бай приказал работнику зарезать быка и снять с него шкуру. Затем велел привести двух верблюдов и принести четыре мешка.

Направились они к подножию той же горы.

Как и в тот раз, бай велел Мирали лечь на бычью шкуру и завернуться в нее.

— Покажи мне, как это сделать. Я что-то не пойму,— сказал Мирали.

— Чего ж здесь понимать? Ложись вот так!— сказал бай и растянулся на вывернутой шкуре.

Тут Мирали быстро завернул бая в шкуру, крепко завязал его ремнями и отошел.

— Эй, сын мой!— кричал бай.— Что ты со мной сделал?

Но тут подлетели две хищные птицы, схватили бычью шкуру и поднялись с ней на вершину горы. Там они стали когтями рвать шкуру. Увидели птицы человека, испугались и улетели. Поднялся бай на ноги.

— Эй, бай, не теряя времени даром — бросай сюда драгоценные камни, как я тебе кидал! — кричал снизу Мирали.

Только теперь бай узнал своего работника. Задрожал он от страха и злости и кричал:

— Как же это ты в прошлый раз спустился с этой горы? Отвечай скорее!

— Накидай вниз побольше драгоценных камней, а когда кончишь, я скажу тебе, как спуститься!— ответил Мирали.

Бай принялся кидать драгоценные камни, а Мирали собирал их. Наполнил он мешки, навьючил на верблюдов и крикнул баю:

— Эй, бай, взгляни: вокруг тебя разбросаны кости людей, которых ты погубил. Вот ты хорошенько и расспроси их, как спуститься с горы, а я тем временем отправлюсь домой.

Повернул Мирали верблюдов и поехал к своей матери.
Заметался бай на горе, стал кричать, грозить, упрашивать.
Да только никто не услышал его.

КАЖДЫЙ СВОЕ ПОЛУЧИЛ

(Эстонская сказка)

Шел однажды по дороге бедный старик прохожий. А время было уже вечернее, смеркалось.

Решил прохожий зайти в ближайший дом, попроситься на ночлег. Стукнул в окошко большого дома:

— Пустите переночевать!

Вышла из дома хозяйка-богачка и давай бранить прохожего, давай кричать на него:

— Сейчас,— кричит,— собак с цепи спущу! Узнаешь, какой у меня ночлег! Поди прочь!

Пошел прохожий дальше. Увидел бедный, маленький домик, постучался в оконце и сказал:

— Эй, хозяйева, приютите меня на одну ночь!

— Входи, входи!— приветливо отозвалась хозяйка.— Ночуй, только не взыщи: тесно у меня очень.

Вошел прохожий в дом и видит: бедно в доме, ребятишек много, рубашонки на всех рваные.

— Почему же это у тебя ребята в таких лохмотьях ходят?— спрашивает прохожий.— Почему ты им новые рубашки не сошьешь?

— Куда там!— отвечает женщина.— Муж у меня умер, одна я ребят рашу, где уж мне им новые рубашки шить!.. У нас и на хлеб денег нет.

Выслушал ее прохожий, ни слова в ответ не сказал. А хозяйка собрала на стол ужин и стала звать прохожего:

— Садись, поешь с нами!

— Нет,— отвечает прохожий,— не хочу. Сыт я, недавно поел.

Развязал он свою сумку, достал все, что было съестного, и сам угостил ребят. А потом улегся и сейчас же заснул.

Рано утром старик проснулся, поблагодарил хозяйку за ночлег и сказал на прощанье:

— Все, что ты начнешь делать с утра, будешь делать до вечера!

Не поняла женщина слов прохожего и внимания на них не обратила. Проводила она старика до калитки, вернулась домой и подумала:

«Ну, если даже этот бедняк говорит, что мои дети оборвыши, то что же могут сказать другие!»

И решила она сшить из остатков полотна, которое у нее было, хоть одну рубашку. Отправилась к богатой соседке и попросила

у нее аршин, чтобы вымерить полотно: хватит ли его хоть на одну рубашку?

Возвратилась бедная женщина от соседки и тотчас же отправилась в кладовую.

Взяла с полки кусок полотна и стала его мерить. Она мерит, а кусок все длиннее становится, все конца не видно... Целый день мерила и только вечером домерила до конца.

Ну, теперь и ей самой и всем ее ребятам на всю жизнь хватит полотна для рубашек.

«Так вот о чем говорил мне утром прохожий!»— догадалась бедная женщина.

Вечером она отнесла аршин богатой соседке и рассказала ей без утайки, как она по слову прохожего получила полную кладовую полотна.

«Ах, зачем я этого прохожего не пустила ночевать!»— подумала богачка и закричала:

— Эй, работник! Запряги-ка поскорее лошадь! Скачи вслед за нищим! Во что бы то ни стало привези его сюда! Бедным надо помогать не скупясь! Я всегда это говорила!

Работник тотчас же поехал разыскивать старика прохожего. Только на следующий день он нагнал его. Но старик не захотел возвращаться.

Загоревал работник и говорит:

— Ну, беда мне: не привезу тебя — выгонит меня хозяйка и жалованье не отдаст...

— Не горюй, паренек,— отвечает старик,— так и быть, поеду с тобой!

Сел в повозку и поехал.

А богачка у ворот стоит, ждет не дождется. Встретила старика с поклоном, с улыбками, провела в дом, напоила, накормила, на мягкую постель уложила:

— Ложись, дедушка, отдыхай, милый!

Прожил старик прохожий у богачки день, прожил другой, прожил третий. Ест, пьет, спит, трубочку курит. Хозяйка его угощает, ласковые слова ему говорит, а сама злится, думает: «И когда только этот старый негодник уберется отсюда!..»

А прогнать старика не смеет — боится: прогонишь его, тогда все хлопоты даром пропадут.

На четвертый день, к великой ее радости, рано утром прохожий стал собираться в дорогу. Богачка вышла его проводить. Идет старик к воротам, а сам молчит. Вышли за ворота — и опять ни словечка.

Не вытерпела богачка и говорит:

— Скажи-ка ты, что мне делать сегодня?

Посмотрел на нее прохожий и сказал:

— Все, что начнешь делать с утра, будешь делать до вечера!

Вбежала богачка в дом, схватила аршин, чтобы мерить по-

лотно. Но тут она громко чихнула — так громко, что куры на дворе в испуге разлетелись в разные стороны.

И чихала она весь день, не останавливаясь:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

Ни пить, ни есть, ни отвечать на вопросы богачка не могла. Только и слышно было:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

И только когда солнце закатилось и совсем стемнело, перестала она чихать.

АЙОГА

(Нанайская сказка)

В роду Самаров жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все ее очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать свое лицо. И понравилась сама себе. Смотрит, не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на свое отражение в воде любитесь.

Совсем стала Айога ленивая.

Все любитесь собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвется! — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьми.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку, — говорит отец.

— Палец уколю! — отвечает дочка.

— Наперсток надень, из крепкой кожи — ровдуги¹.

— Наперсток прорвется!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

¹ Ровдуга — баранья, козья, оленья шкура, выделанная в замшу.

Рисунок *И. Кузнецова*

Замесила мать тесто. Сделала лепешки. На раскаленном очаге испекла.

Увидела Айога лепешки, кричит:

— Дай мне лепешку, мать!

— Горячая она. Руки обожжешь,— отвечает мать.

— Я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла за дверь, на реку. Смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка жует лепешку. Стала Айога на девочку оглядываться. Шея у нее вытянулась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замахала, что руки у нее в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го!— кричит.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась.
Все слова забыла.

Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь се, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

КУКУШКА

(Немецкая сказка)

Вот что было.

Жила на земле бедная женщина. Было у нее четверо детей.
Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера.

Вернутся к себе в чум, целые сугробы снега на пимах наташат, а мать — убирай. Одежу промочат, а мать — суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали.

От жизни такой, от работы тяжелой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовет, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов.

Другой говорит:

— Я без шапки.

Третий говорит:

— Я без одежды.

А четвертый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Ближко от нас река, и без одежды можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали. Наконец захотел старший есть — заглянул в чум.

Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берет мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Наперсток железный клювом ей стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите, улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку, ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озерные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

Бегут дети за матерью, зовут ее, ковшик с водой ей протягивают.

Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Навсегда бросила детей мать-кукушка.

И с тех пор не вьет себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей.

А по тундре с той самой поры красный мох стелется.

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПЕСЕНКИ

БОЛГАРСКИЕ

МАЛЕНЬКАЯ КРАСАВИЦА

И откуда ты взялась,
где такая родилась?
Может, с тучки упала,
может, в поле выростала?
Нет, не с неба я упала
и не в поле выростала.

Я у мамы росла,
молочко пила,
в родничке я умывалась,
в колыбельке я качалась,
в колыбельке расписной
возле звездочки ночной.

ДАНКА ПО ВОДУ ПОШЛА

Застучали каблучки
По дорожке вдоль реки.

Знают жители села —
Данка по воду пошла.

ЧЕШСКИЕ

ХОРОВОД

Можно ль козам не бодаться,
Если рожки есть?
В пляс девчонкам не
пускаться,
Если ножки есть?

За рога возьмем козленка,
Отведем на луг,
А девчонку за ручонку —
В наш веселый круг!

СЕМЕЙКА

Мышка в кружечке зеленой
Наварила каши пшенной.
Ребятишек дюжина

Ожидает ужина.
Всем по ложечке досталось —
Ни крупинки не осталось!

ПОЛЬСКИЕ

ДЕДУШКА РОХ

Дедушка Рох
Посеял горох,
Землю пахал —
Тяжко вздыхал,
Когда убирал —
Пот утирал.
Когда молотил —
По пальцу хватил.
Зато, когда ел,
Язык проглотил —
До того было вкусно!

СЧИТАЛОЧКА

— Тады-рады-тынка —
Где же наша свинка?

Рисунок В. Сутеева

А как вышли за калитку
 Да увидели улитку —
 Испугались,
 Разбежались!
 Вот они какие,
 Храбрые портные!

ПЕРЧАТКИ

Потеряли котятки
 На дороге перчатки
 И в слезах прибежали домой.
 — Мама, мама, прости,
 Мы не можем найти,
 Мы не можем найти
 Перчатки!

— Потеряли перчатки?
 Вот дурные котятки!

Я вам нынче не дам пирога.
 Мяу-мяу, не дам,
 Мяу-мяу, не дам,
 Я вам нынче не дам пирога!

Побежали котятки,
Отыскали перчатки
И, смеясь, прибежали домой!
— Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,
Потому что нашлись
Перчатки!

— Отыскали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога.
Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

— Маленькая девочка,
Скажи, где ты была?
— Была у старой бабушки
На том конце села.

— Что ты пила у бабушки?
— Пила с вареньем чай.
— Что ты сказала бабушке?
— «Спасибо» и «прощай».

РАНО В КРОВАТЬ

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори
Не будете знать.

ШОТЛАНДСКИЕ

КУПИТЕ ЛУК

Купите лук, зелёный лук,
Петрушку и морковку!
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!

Не нужен нам зелёный лук,
Петрушка и морковка,
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка!

КРОШКА ВИЛЛИ ВИНКИ

Крошка Вилли Винки
Ходит и глядит:
Кто не снял ботинки?
Кто еще не спит?
Стукнет вдруг в окошко
Или дунет в щель:
Вилли Винки крошка
Лечь велит в постель.

Где ты, Вилли Винки?
Влезь-ка к нам в окно.
Кошка на перинке
Спит уже давно.
Спят в конюшне кони,
Начал пес дремать.
Только мальчик Джонни
Не ложится спать!

ШВЕДСКИЕ

ЕДЕМ, ЕДЕМ НА ЛОШАДКЕ

Едем, едем на лошадке
По дорожке гладкой.
В гости нас звала соседка
Кушать пудинг сладкий.
Мы приехали к обеду,

А соседки дома нету.
Две собачки у порога
Нам сказали очень строго:
— Ав-ав-ав!
— Гав, гав, гав!

ФИНСКАЯ

БЕЛЬЧАТА

Видишь — ушки беличьи торчат,
Возле белки четверо бельчат.
Ветка да иголки над гнездом —
На сосне такой уютный дом!

ФРАНЦУЗСКИЕ

Ручки, спляшите разок —
Будет вам завтра пирог!
Ах вы мои мастерички,
Быстрые ручки-сестрички!

Яблочный будет пирог,
Только спляшите разок!

МАЛЫШ РУССЕЛЬ

Малыш Руссель жил, не тужил,
Построить три дворца решил.
Дворцам дивился весь Париж:
Один — без стен и два — без крыш!
Гремит труба, поет свирель:
Вот молодец, Малыш Руссель!
Малыш Руссель жил, не тужил,
Однажды три рубашки сшил.
Фасон рубашек был таков:
Манжеты есть, нет рукавов!
Гремит труба, поет свирель:
Вот молодец, Малыш Руссель!
Малыш Руссель жил, не тужил,
С тремя собаками дружил.
Собак он вот как обучал:
На кошек вместо них рычал.
Гремит труба, поет свирель:
Вот молодец, Малыш Руссель!

АМЕРИКАНСКИЕ

ДЖОН И ДЖОН

Джон спросил у Джона: «Сколько стоит утка?»
Джон ответил Джону: «Двадцать пять монет!»
Джон спросил у Джона: «Может, это шутка?»
Джон ответил Джону: «Может быть, и нет!»

ОРЕЛ И ЛЯГУШКА

Орел на лягушку обижен и зол:
Лягушкой хотел пообедать орел,
Лягушка взяла от орла удрала,
Лягушка обед отняла у орла.

ЧАЙНИК

Я — чайник, ворчун, хлопотун, сумасброд,
Я вам напоказставляю живот,
Я чай кипячу, клопочу и кричу:
— Эй, люди, я с вами почайпить хочу!

КУБИНСКАЯ

Утро в дверь стучится:
— Эй, вставай, Бартоло!
Хлеб возьми с корицей
И скорее — в школу.

ВЬЕТНАМСКАЯ

ТУНГ-ЗИНЬ, ТУНГ-ЗИНЬ

Тунг-зинь, тунг-зинь,
Как сынок красив-красив!
Как цыпленок маленький,
Как цветочек аленький,
Как теленок на бегу,
Как тропинка на лугу,
Как грейпфрутовый цветок,
Баклажановый росток...

Ешь побольше, лапушка,
Будет рада бабушка,
Молочка себе налей,
Будет мама веселей:
Станешь быстро расти,
Станешь стадо пасти,
А еще подрастешь,
В мир огромный пойдешь.

СКАЗКИ

ВИШЕНКА

(Венгерская сказка)

Жил на свете бедняк. Был у него сын — Янош. Да такой лентяй был этот Янош, такой лежебока, что и рассказать невозможно.

Как-то раз сказал отец сыну:

— Пойдем-ка, сынок, поглядим, что на белом свете делается. И пустились они в путь-дорогу.

Шли, шли, и вдруг видит Янош — подкова лежит, целехонькая.

Ох, и полезная в хозяйстве вещь — подкова! Поднял бы ее Янош, да вот беда — нагнуться лень.

А отец его не поленился — нагнулся, поднял подкову и сунул ее за пазуху.

Вскоре пришли они в деревню. Зашел отец в лавку к купцу и продал подкову. Дал купец бедняку за подкову целый грош.

Вот теперь у них уже и деньги есть!

Пошли они дальше.

А солнце высоко в небе. Янош то на небо посмотрит, то вокруг оглядится: нет ли где поблизости деревни, нет ли трактира — ведь полдень-то прошел и обедать давно пора. Ох, до чего Яношу есть хочется, просто немогуту!

Вошли они в деревню.

Вдруг на базарной площади увидел Янош воз с вишнями.

— Отец! Отец! — закричал Янош. — Смотри, вишни! Грошик-то у тебя цел?

— Цел, — ответил отец и подошел к возу.

Обрадовался Янош, когда за грошик им насыпали полный платок вишен. Да только рано обрадовался Янош: отец завязал платок узелком и пошел дальше.

Поплелся за отцом Янош. Ждет не дождется, когда они присядут под деревцем, в тени, да вишенок поедят!

Но отец молчит и вперед идет.

Вот сошли они с дороги. Пошли чистым полем. Кругом земля в траве, в цветах.

Шел, шел Янош за отцом, вдруг видит — упала вишенка в траву: лежит в зеленой траве, рдеет, дразнится.

Янош нагнулся, схватил вишенку — и в рот.

Ах, до чего же хороша! Сочная, мясистая, душистая, прохладная!

Глядь — вторая вишенка в траве!

Опять нагнулся Янош, опять поднял вишенку, съел ее.

А старик идет молча и нет-нет да и обронит из платка вишенку в траву. Одну обронит, другую, третью...

Янош все ягоды съел, малость голод утолил. Тогда отец обернулся и сказал Яношу:

— Видишь, сынок, тебе один раз лень было за подковой нагнуться — и пришлось девяносто девять раз нагибаться, каждой вишенке кланяться.

Так-то оно всегда бывает с лентяями.

ВОРОБЕЙ И ЛИСА

(Болгарская сказка)

Одно время воробей и лиса были закадычными друзьями. Куда лиса бежит, туда и воробей летит.

— Братец-воробушек, — говорит как-то раз лиса, — хочешь, давай вместе посеем пшеницу?

— Хочу, кумушка.

Посеяли пшеницу. Выросла она, поспела. Пришла пора убирать урожай. Воробей с лисой начали жать с самого утра. Но вот

солнышко припекать стало,— а лиса-то была всем лентяйкам лентяйка, и надумала она схитрить.

— Братец-воробушек,— говорит,— ты жни, а я пойду вон на ту горку, буду небо подпирать,— боюсь, как бы оно не упало. Упадет небо,— поломает нашу хорошую пшеничку.

— Иди, кумушка,— говорит воробей, а сам опять нагнулся — жнет себе да жнет.

Взошла лиса на пригорок. А тут как раз облако выплыло из-за гор. Села лиса, подняла лапы — будто облако подпирает.

Воробей сжал ниву, убрал снопы, подмел гумно и говорит:

— Иди, кумушка, давай молотить.

— Молоти ты, воробушек-братик, а мне и нынче доведется небо подпирать. Не то оно упадет, да и погубит нашу хорошую пшеничку.

Запряг воробей волов, обмолотил пшеницу, провеял и зовет лису:

— Иди, кумушка, будем пшеницу делить.

— Иду!— кричит лиса. И прибежала.

Взяла лиса меру и говорит:

— Вот тебе, воробушек, мера, а мне причитается две меры. Ведь моя работа потяжелее твоей — я небо подпирала. К тому же я тебе старшей сестрой довожусь.

Воробей проглотил обиду, забрал свое зерно и полетел во-свояс. Увидела его собака и спрашивает:

— Ты что пригорюнился?

Рассказал ей воробей про свое горе. А собака разгневалась и говорит:

— Веди меня в лисицыну житницу!

Привел ее воробей к житнице. Собака влезла туда и зарылась в зерно.

На другой день собралась лиса на мельницу — пшеницу молоть. Пришла она в свою житницу, стала сгребать зерно, видит — из него собачье ухо торчит. Подумала лиса, это что-то съестное, да и хватить ухо зубами. А собака как выскочит, как бросится на лису и задушила вмиг.

ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

(Польская сказка)

Задумала тетушка Черепаха пироги печь. Хватились — нет дрожжей.

— Проснись-ка, Черепахович, полно тебе спать! Сбегай к куме Зайчихе, попроси дрожжей.

Черепахович проворчал что-то спросонья, приоткрыл заспан-ные глаза и недовольно спросил:

— Чего тебе?

— Сбегай, говорю, к куме Зайчихе за дрожжами...

— Сроду никуда я не бегал. Вот сходить могу,— пробормотал Черепახович.

Сел, подумал, почесал поясницу и, кряхтя, осторожно полез с печи.

— Ты бы поживей, горе мое черепашьё!— торопила тетушка Черепеха.

— К чему такая спешка? Недаром говорят: «Поспешишь — людей насмешишь».

Пока он слезал, пока сунул ноги в валенки, пока надел зипун да напялил на голову шапку, недели как не бывало.

— И чего ты топчешься! Шел бы скорее, время-то не ждет.

— Да вот кушак засунул куда-то, не найду никак.

— Так и знала!— воскликнула тетушка Черепеха и вместе с Черепახовичем принялась искать пропажу.

А черепашьё суета известна: пока искали — еще неделя миновала.

Черепახович поднял воротник, занес ногу через порог, за ней другую... Дело на лад пошло.

— Смотри не мешкай, гостей ведь на пироги позвала!

— Знаю, знаю...

— А посудину захватил?

— Эх, совсем из ума вышло... Подай-ка сюда, неохота возвращаться.

— Вот был бы тут Заяц, он бы живо обернулся! А ты все топчешься на месте, как медведь у пасеки,— сказала тетушка Черепеха, протягивая посудину для дрожжей.

— Подумаешь, невидаль какая — Заяц! Прыг-шмыг — вот и вся доблесть. А я как-никак хозяин с достатком: куда ни приду, всюду своя крыша над головой. Это понимать надо!

Приладив поудобнее посудину за пазухой, Черепახович нагнул шапку на самые глаза и отправился к Зайчихе.

Ушел, а тетушка Черепеха радуется: поедят гости вдоволь пирогов вкусных, поджаристых, с капустой, с лучком да с грибами! И занялась приготовлением начинки.

Совсем стемнело, пора бы уж воротиться Черепახовичу, а его нет как нет. Так и не пришлось званым гостям отведать черепашьих пирогов. Вот и день прошел, другой настал — нет ни дрожжей, ни Черепახовича. Год прошел, другой и третий. Сгинул Черепახович, как топор в проруби.

«И куда-то он запропал? Хоть бы далеко послала, а то — рукой подать...» — раздумывала тетушка Черепеха.

Прошло еще четыре года.

«Дай-ка,— думает тетушка Черепеха,— сбегая на околицу, посмотрю».

Накинула платок, к двери двинулась — глядь, Черепახович по улице идет, спешит-торопится, дрожжи в посудине глиняной несет, крепко к груди прижимает — не уронить бы.

— Ну наконец-то! — обрадовалась тетушка Черепеха.

Не прошло и часу, завернул Черепахович в свой двор, подошел к двери, у порога остановился передохнуть.

Отдышавшись, стал перелезать через порог. Одну ногу перетаскивал благополучно, да рваным валенком зацепился и растянулся во весь рост. Голова в избе, а ноги за дверь. Посудина вдребезги разбилась, дрожжи по избе потекли.

— Эх ты, скороход! Семь лет нес, до избы не донес! Зря только время потерял!

— Да-а-а... — заворчал Черепахович. — Говорил я тебе — не торопи, хуже будет. Так оно и вышло! Не зря говорится: «Поспешишь — людей насмешишь».

ГОНЗА И СКРИПКА

(Чешская сказка)

Жила-была в Чехии в старые времена бедная женщина со своим сыном Гонзой. И в такой нужде они жили, что после долгих раздумий и слез решила, наконец, мать отправить своего единственного сына в чужие места на заработки. Очень не хотелось Гонзе расставаться со своей матушкой, но ничего нельзя было поделать. Приходилось идти. Обняла его мать на прощание, дала ему три гроша, ломоть хлеба, и отправился Гонза в путь-дорогу.

Прошел Гонза ни много ни мало, а ровно полпути до ближайшего города, когда на опушке леса повстречался ему нищий старик и попросил дать что-нибудь на пропитание. Гонза протянул нищему грош и при этом сказал:

— Возьми, пожалуйста, у меня еще осталось два гроша...

Пошел Гонза дальше и у самого поворота дороги встретил еще одного нищего старика, и тот тоже попросил хоть что-нибудь на пропитание. Гонза дал ему второй грош, и не успел сделать несколько шагов, как из-за кустов появился еще один нищий.

Можно было подумать, что они как грибы вырастают в этом лесу!

Гонза уже не стал дожидаться, пока этот нищий попросит у него милостыню, и отдал ему свой третий грош. И, отдавая, подумал: «В конце концов, мне не так плохо, как ему, у меня ведь остался еще ломоть хлеба».

Нищий посмотрел на Гонзу и сказал:

— А ты, паренек, меня не узнал? Это ведь я все три раза просил у тебя милостыню. И ты мне отдал все до последнего гроша. В награду за это я исполню три любых твоих желания.

— Вот я слышал, — после некоторого раздумья нерешительно промолвил Гонза, — что есть на свете такой чудесный кошелек, в котором никогда не переводятся монеты... Нам бы с матушкой очень пригодился такой кошелек...

— Раз,— произнес нищий, и в этот самый миг в руке у Гонзы появился кошелек, в котором позвякивали монетки.— Ну, говори свое второе желание.

Гонза сперва положил в карман кошелек и только потом сказал:

— Говорят, что есть такое ружье, которое всегда попадает в цель и никогда не промахнется. Вот если б можно было...

— Два,— произнес старик, и на правом плече Гонзы появилось ружье.— Говори, какое у тебя третье желание.

— Хотелось бы мне еще скрипку,— сказал Гонза,— но не простую, а такую, что, если на ней заиграть, все бы пустились в пляс...

— Три,— произнес старик, а на левом плече Гонзы уже висела скрипка на алом шнуре.

И прежде чем Гонза поблагодарил старика, тот исчез, словно его никогда и не было.

Гонза поскорее открыл кошелек, вытащил из него два гроша, а в кошельке зазвенели новые. Вытащил Гонза и эти гроши. В кошельке появились еще две монеты. Убедился Гонза, что кошелек волшебный, и захотелось ему поскорее испытать ружье.

Побежал Гонза к пруду и вскоре увидел дикую утку, которая плавала очень далеко от берега. Из простого ружья в нее, конечно, никогда бы не попасть. Снял Гонза ружье, взвел курок и уже собирался выстрелить, как вдруг услышал чей-то голос:

— Эй, простофиля, неужели ты собираешься попасть в утку на таком расстоянии?

Гонза оглянулся и увидел мельника, который подходил к нему. Это был жадный и злой человек.

— Ты же, чудак, стрелять не умеешь,— продолжал издеваться мельник.

Ничего не ответил Гонза и нажал курок.

Бах!— раздался громкий выстрел, и подстреленная утка забила крыльями по воде.

— Моя, моя!— закричал жадный мельник, быстро скинул кафтан и побежал вприпрыжку к воде. Но вдруг остановился: по самому берегу, вокруг пруда, росли густые кусты колючего репейника. А Гонза взял скрипку и заиграл плясовую. И мельник стал плясать. Он скакал в зарослях репейника, весь исцарапался, но никак не мог остановиться.

— Ой, ой, довольно!— взмолился мельник.— Я тебе дам сто золотых, только перестань играть...

Гонза перестал играть. А скупому мельнику пришлось дать ему сто золотых.

Мельник оделся, побежал в город к самому главному судье и начал кричать, что какой-то бродяга украл у него сто золотых. Судья послал двух стражников к пруду. Они обыскали Гонзу, нашли у него сто золотых и отвели в тюрьму.

В этом городе в те старые времена существовал очень жестокий обычай — вешать вора без всякого суда. Отобрали у Гонзы кошелек, ружье и скрипку и повели на большую площадь.

Гонза стал просить, чтобы ему разрешили в последний раз перед смертью поиграть на скрипке.

В народе закричали:

— Дайте ему скрипку! Пусть поиграет в последний раз!

Дали Гонзе скрипку. Начал он играть, и тут все, кто был на площади, пустились в пляс. Плясали все — и сам главный судья, и стражники, и мельник. У них уже подкашивались ноги, но остановиться они никак не могли. Тогда стали просить Гонзу перестать играть, а Гонза все играл. Судья обещал немедленно освободить его, если он перестанет играть.

— Пусть мельник расскажет всю правду, — сказал Гонза, — тогда перестану.

Жадному мельнику пришлось рассказать все, как было, и возвратить Гонзе сто золотых. Гонза в тот же день вернулся домой. И с тех пор зажили они с матушкой очень хорошо. В кошельке у них никогда не переводились гроши, ружье без промаха стреляло на охоте, и на обед всегда бывала утка или заяц... А на скрипке Гонза и теперь играет, когда людям хочется повеселиться и поплясать.

КОЗА С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

(Румынская сказка)

Коза получила в подарок от хозяина серебряный колокольчик. Он очень ей понравился, потому что чудесно звенел. Пошла она колокольчиком хвастаться. Прыгала, скакала, головой мотала, чтобы колокольчик непрерывно звенел-позванивал. Забрела она в лес. Стала продираться сквозь терновник, зацепилась колокольчиком за колючку — он и повис на ней.

Принялась коза терновник упрашивать:

— Отдай мой колокольчик, отдай мой серебряный!

— Сама повесила — сама и снимай, — отвечает терновник.

— Ах, вот ты каков! Ну, я найду на тебя управу!

Пошла коза к старой пиле:

— Пилушка-пила, помоги мне! Взял терновник у меня колокольчик серебряный и не отдает! Спили терновник!

— Ох, матушка, стара я стала, зубы притупились. Не спилю.

— Ах, вот ты какова! Ну, я найду на тебя управу!

Пошла коза к огню:

— Огонь-огонек, помоги мне! Взял терновник у меня серебряный колокольчик и не отдает! Пошла я к старой пиле, прошу терновник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Сожги ее, огонек!

— Зачем мне сжигать пилу, когда у нее и впрямь зубы притупились! Не сожгу.

— Ах, вот ты каков! Ну, найду на тебя управу!

Пошла коза к ручью:

— Ручей-ручеек, помоги мне! Взял терновник у меня серебряный колокольчик и не отдает! Пошла я к старой пиле, прошу терновник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и впрямь зубы притупились. Не сожгу». Залей огонь, ручеек!

— Зачем же мне его заливать, если он старуху пожалел! Хорошо сделал. Не залью.

Пошла коза к хозяину:

— Хозяин, хозяин, помоги мне! Взял терновник у меня серебряный колокольчик и не отдает! Пошла я к старой пиле, прошу терновник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и впрямь зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью».

Рассмеялся хозяин:

— Пойдем, я тебе сниму колокольчик.

Снял колокольчик и сказал:

— Сама ты за колючку зацепилась. Никто тебя не обижал, а ты на всех наговариваешь. Сварлива ты больно, коза! За это я тебя накажу и не дам тебе больше колокольчика.

И не дал. Пошла коза с горя траву щипать. Прыгала, скакала, головой мотала, но раз колокольчика нет, то и звенеть нечему.

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ

(Сербская сказка)

У короля Матии была красавица дочь, лентяйка отпетая: никогда ничего не делала, да и не умела делать, день-деньской сидела перед зеркалом и любовалась собой.

Пришла пора выдавать ее замуж. Король объявил: кто в три года научит его дочь работать, за того он ее и замуж выдает. Время идет да идет, а за королевну никто не сватается. Послал король приближенных искать мужа для дочери. Поехали они в разные стороны. И вот встретился им как-то парень — пашет поле на восьми волах. Они тут же ему приказали идти к королю. Парень испугался, но делать нечего. Приходит он к королю, а тот ему и рассказал все по порядку. Согласился парень, обещал в три года научить девушку работать. Привел он королевну домой. Мать выбежала навстречу, дивится на прекрасную девушку.

На другой день парень взял плуг, запряг волов и поехал в поле, а матери сказал, чтобы не принуждала сноху работать.

Вечером возвратился с работы, мать подала ужин, а сын спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Я и ты,— отвечает она.

— Ну, кто работал, тот и есть может.

Не понравилось это королевской дочери, рассердилась она и голодная пошла спать. И на другой день все так же было.

На третий королевна и говорит свекрови:

— Мама, дай и мне какую-нибудь работу, чтоб не сидеть без дела.

Та велела ей наколоть дров.

Вечерело. Сели за ужин, а парень снова спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Мы трое: я, ты и королевна.

— Ну, кто работал, тот и есть может.

И все трое поужинали. Так, понемногу, королевна научилась работать.

Через три года приезжает король проведать дочку. Видит — работает она дружно со свекровью. Обрадовался и говорит:

— Как, и ты научилась работать?

— А как же,— отвечает королевна,— у нас так положено: кто не работает, тот не ест. И знаешь, отец, коли ты хочешь поужинать, пойди-ка накопи дров.

Король привез дочери и зятю много подарков, погостил, а потом отвез всех троих к себе во дворец. Парня того он принял как родного сына, обещал еще при жизни передать ему королевство.

ЛИСА И КУРОПАТКА

(Французская сказка)

Как-то раз повстречала лиса на опушке серую куропатку и спрашивает:

— Скажи, голубушка, как это ты умудряешься днем спать?

— Как? Да очень просто. Спрячу голову под крылышко и сплю спокойно. Вот погляди!

И, чтобы лучше лиса ее поняла, спрятала она под крылышко голову. Разгорелись тут у лисы глаза. Метнулась она к куропатке, ухватила ее за крыло и помчалась прочь.

Бёжит мимо реки, увидали ее прачки и давай кричать:

— Глядите-ка! Глядите! Вон тащит лиса в зубах куропатку!

Услыхала куропатка женские крики и говорит лисе потихоньку:

— Ну и нахальный народ здесь! И не стыдно им в чужие дела нос совать?

«А ведь верно,— подумала лиса.— Какое им дело?» — и разжала на миг зубы, чтобы хорошенько отчитать прачек. Но не

успела она слово вымолвить, как куропатка вырвалась от нее и на ветку дуба вспорхнула.

Взглянула лиса на куропатку и процедила сквозь зубы:

— Эх! Никогда не надо болтать попусту!

А куропатка, усмехнувшись, ей и вторит:

— Да! И спать ложиться не вовремя тоже не след.

КОШЕЧКА И ВЯЗАЛЬНЫЕ СПИЦЫ

(Немецкая сказка)

Жила-была одна бедная женщина. Вот отправилась она в лес за хворостом. Собрала большую вязанку, взвалила на спину и пошла домой. Вдруг видит — лежит под кустом кошечка, больная-пребольная, и жалобно мяукает. Пожалела ее женщина, положила в передник и понесла домой.

Возле дома встретили ее дети и спросили:

— Мама, мама! Что это у тебя в переднике?

— Кошечка.

— Кошечка! — закричали дети. — Дай ее нам поиграть!

Но мать не отдала ее. Ведь кошечка была больная-пребольная. Напоила она кошечку тёплым молочком, постелила мякonnéкие тряпочки и уложила спать.

Отлежалась кошечка, поправилась, стала здоровой.

Прошло немного времени, и вдруг кошечка исчезла.

Нет кошечки!..

Пожалела бедная женщина, погоревала, да что поделаешь — ушла кошечка, и нет ее.

Однажды отправилась бедная женщина в лес. Насобирила хворосту и решила: пора домой возвращаться. Подошла она к тому самому месту, где подобрала больную кошечку. И что же? Смотрит — а на том самом месте сидит седая старушка.

Поманила старушка бедную женщину, а когда та подошла, бросила ей в передник пять вязальных спиц.

Пять вязальных спиц! Вот так подарок!.. И зачем они ей, когда дома свои спицы есть?

Принесла бедная женщина эти пять спиц домой и положила на стол. Утром встала, смотрит — а на столе лежит пара новехоньких, только что связанных чулок.

Удивилась бедная женщина. Но чулки взяла: ведь вон сколько у нее детей, и каждому чулки нужны!

Вечером она снова положила спицы на стол, а наутро там опять новые чулки лежат!

Поняла бедная женщина, что это кошечка ей за добро добром отплатила.

С тех пор спицы каждую ночь вязали бедной женщине по одной паре чулок.

Пара чулок — как будто пустяк, ну, а если каждый день по-немногу, да так день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом — сколько будет?

Вот и стала бедная женщина продавать чулки, и хватило ей заработка на всю жизнь.

А спицы все вяжут да вяжут, каждую ночь — по новой паре. Если еще не перестали.

КАК ОСЕЛ ПЕТЬ ПЕРЕСТАЛ

(Итальянская сказка)

В давние времена осел, как рассказывает сказка, пел лучше тенора.

Однажды собрались все звери на совет, и лев, который был у них царем, спросил:

— Кто из вас самый красивый?

— Я, йя! — сразу же закричал осел.

— Хорошо, ты самый красивый.

— А кто же самый сильный?

— Я, йя! — закричал осел, раньше чем остальные звери успели раскрыть рты.

— Ладно, — сказал лев. — А кто здесь самый глупый?

— Я, йя, йя! — второпях заревел осел, испугавшись, как бы его не опередили.

Все звери так и покатались со смеху, а бедняга осел со стыда потерял свой красивый голос.

С тех пор он только и умеет реветь:

— Я, йя, йя!

ДОЧКА ПЕКАРЯ

(Английская сказка)

Вы знаете, почему сова так сердито кричит по ночам: «Уух, уух!»? Если нет, мы вам расскажем.

В былое время — то было не мое время, и не ваше время, да и ничье то время — в Англии водилось много всякой нечисти. Всякие там эльфы, великаны, говорящие жабы и прочее. И конечно, феи, которые были всесильны и всемогущи. Они часто принимали образ людей и визнавали все людские секреты. Но больше всего феи любили наказывать людей за дурные поступки и награждать за добрые.

Как-то вечером одна такая могущественная фея пришла в деревню, что в графстве Хэрфордшир, под видом простой нищенки и постучалась в дом пекаря. Дверь оказалась незаперта, и фея вошла в лавку. Там было довольно темно, пахло свежесве-

печенным хлебом, а в глубине полыхала жаром огромная печь. Перед печью хлопотала хорошенькая опрятная девушка — дочка пекаря. Рядом с ней на большом низком столе грудой лежали свежие, хрустящие хлеба.

Фея залюбовалась на девушку, глядя, как она ловко вынула из пылающей печи готовую партию хрустящих хлебов и отправила в огонь новую. По готовым хлебам девушка постучала костяшками пальцев, чтобы проверить, хорошо ли они пропеклись, а тогда уже выложила их на низкий стол.

— Подайте кусок хлеба бедной женщине! — попросила дрожащим голосом фея, переодетая старой нищенкой.

Дочка пекаря продолжала заниматься своими хлебами, едва удостоив старушку взглядом. Немного погодя, не сказав старушке доброго слова, как будто та не заслуживала, девушка оторвала кусок сырого теста и бросила ей.

— Но у меня в хижине нет огня, чтобы испечь его, — сказала старушка, подняв с пола этот кусочек теста. — Разрешите мне положить его вместе с твоими хлебами в печь.

Дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы отвечать какой-то там нищей старушонке. Однако, когда пришла пора отправлять в печь новую партию хлебов, она разрешила старушке положить на деревянную лопату и ее кусочек теста.

Когда же хлебы подрумянились и девушка вытащила их из печи, оказалось, что из маленького кусочка получился самый большой и самый румяный хлеб. Нищенка протянула к нему руку, но девушка оттолкнула ее.

— Уходи, грязная попрошайка! — крикнула она. — Это не твой хлеб!

И сколько старушка ни просила, девушка ни за что не хотела отдать хлеб, а вместо этого бросила фее кусочек сырого теста, даже меньше первого. Но когда старушка сунула его в печь, он тоже превратился в большой и румяный хлеб, еще больше и румяней первого.

Да только девушка опять не позволила старушке взять этот хлеб и опять хотела прогнать ее, но старушка попросила дать ей последний, третий кусочек теста, чтобы попытать счастья. И девушка бросила ей совсем крохотный комочек, даже не взглянув на старушку. А напрасно...

Как мы уже говорили, дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы глядеть на какую-то там старушонку. А если бы она поглядела, когда в третий раз вынула из печи большой, румяный хлеб, что получился из крохотного комочка теста, который она бросила нищей старушонке в третий раз, она бы не оттолкнула ее и не крикнула, заикаясь от злобы: «Ух... уух... уходи!», — а заметила бы необычайную перемену, какая вдруг произошла в старой нищенке.

Из сгорбленной старушки она превратилась в высокую молодую женщину, вместо рваного тряпья с ее плеч спускалась

блестящая мантия, а кривая клюка превратилась в сверкающую волшебную палочку!

Но девушка вовремя не поглядела на нее, а, вынув из печи большой, румяный хлеб, грубо оттолкнула фею и крикнула, заикаясь от злобы:

— Уух... уух...

Но не успела закончить, как превратилась вдруг в серую сову и с громким «уух, уух!» вылетела в окно. Вот теперь вы знаете, отчего совы так сердито кричат: «Уух! Уух!»

ЗАЗНАЙКА

(Кубинская сказка)

Жила в горах девушка. Из самых бедных была, а зазнавалась — дальше некуда. В Гаване у нее была родственница. И вот однажды эта родственница прислала за ней. Собралась наша гордячка в дорогу. В Гавану поехала.

Вскоре вернулась она обратно в свою деревню, наряженная по моде, завитая — не узнать ее. А нос стала задирать пуше прежнего.

Видит она мачете и спрашивает:

— Это что за вещь? Для чего она?

Крестьяне дивятся, говорят:

— Это мачете, им тростник рубят.

А она все городской барышней прикидывается. Остановилась возле плуга и тычет пальцем:

— А это как называется? Для чего это?

Крестьяне отвечают:

— Это плуг, им землю пашут.

Так подходила она к коровам, козам и все делала вид, будто знать не знает, что это такое. Увидала грабли и спрашивает:

— А это как называется?

Спрашивает, а сама поставила ногу на зубья. Не успели ей ответить, грабли как хлопнут ее по лбу, а наша барышня как закричит:

— Ах, проклятые грабли!

Тогда все поняли, что она только прикидывается городской барышней.

НЕПОСЛУШНЫЙ КОЗЛЁНОК

(Монгольская сказка)

Весной паслись на пастбище козел и маленький козлёнок. Они всюду ходили вместе, и старый козел заботливо выбирал для козленка места с нежной весенней травкой баранье ушко, которая белела первыми цветами и казалась пятнами снега на

желтой ещё степи. Когда они выщипали всю травку, старый козел сказал козленку:

— Ты побудь здесь, а я пойду поищу хороших пастбищ. Вот тебе бубенчик. Если с тобой приключится беда, звони в него.

С этими словами козел повесил ему на шею бубенчик, медный, круглый, с прорезью и узором, попрощался и ушел.

Не успел он отойти далеко, как услышал звон бубенчика. Козел испугался, что на козлёнка напали волки, и быстро побежал на выручку. Прибежал и видит: никаких волков нет.

— Что с тобой? — испуганно спросил козел. — Почему ты звал на помощь?

— Муха села на ногу, сгони ее, — отвечал козленок.

Побранил его козел и ушел.

— Не звони без нужды! — сказал он ему на прощание.

Но не успел он скрыться, как опять раздался звон бубенчика, и козел побежал обратно. Прибежал, а козленок стоит и глаз зажмурил.

— Что с тобой? — спрашивает его козел.

— Соринка в глаз попала, — отвечает козлёнок, — вынь ее!

Вынул козел соринку и говорит:

— Ну, я уйду, а ты не звони по пустякам.

Однако едва он скрылся за ближним холмом, как опять услышал звон бубенчика.

«Идти или не идти?» — подумал козел, но все-таки не выдержал и побежал. Прибегает, а козленок преспокойно стоит, прошлогодною травку пощипывает.

— В чем дело? — спросил козел. — Неужели ты опять по пустякам звонил?

— Сухая трава пристала к боку, стряхни ее, — отвечает козленок.

Рассердился козел.

— И сам стряхнешь! — говорит. — Не смей меня больше разными глупостями тревожить!

И ушел.

Долго, долго бродил он за горой, выбирая пастбище. Устал и прилег отдохнуть. Только стал глаза закрывать, бубенчик опять зазвонил. «Наверно, по пустякам звонит», — подумал козел и закрыл глаза.

Но бубенчик звонил все тревожнее, а вскоре и собаки залаяли.

«Что бы это могло быть?» — подумал козел и кинулся бежать.

Прибегает и видит — собаки гонят волка, а козленок стоит и дрожит от страха: чуть не съел его волк.

Поглядел на него козел и говорит:

— Счастье твое, что собаки вовремя подбежали, а то пообедал бы тобою волк.

ЗНАЕМ!

(Корейская сказка)

Жили себе муж и жена, хорошие люди. Но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

— Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

— Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу,— сказал человек,— то поднимешься на один аршин от земли; на две пуговицы— до полунеба улетишь; на три— совсем в небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

— Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы— и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала:

— Смотрите, смотрите: мой муж летит!

Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела все в небо. На дне пропасти протекала река.

Говорят, он превратился в орла, а она в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

ТКАЧ ИЗ МАХИЛАРОПЬИ

(Индийская сказка)

В городе Махиларопья, на юге Индии, жил ткач по имени Сагарадатта. Он умел ткать очень красивые ковры, но делал их слишком медленно — по одному ковру в год — и поэтому зарабатывал совсем мало денег.

Однажды, когда Сагарадатта заканчивал ткать самый красивый ковер, у него сломался станок.

Человек он был бедный и потому не стал долго сокрушаться и жаловаться на судьбу, а взял топор и пошел искать дерево покрепче для нового станка.

Много деревьев осмотрел он, пока наконец не увидел высокий самшит, росший на самом берегу моря.

— Вот такое дерево мне и нужно! — обрадовался ткач.

Но только успел Сагарадатта замахнуться топором, как вдруг услышал:

— Пощади это дерево, друг!

— Кто это со мной говорит? — удивился ткач.

— Это я, лесной волшебник. Самшитовое дерево — мой дом. Зачем ты хочешь рубить его?

Сагарадатта очень испугался, но, вспомнив о своем поломанном станке, сказал лесному волшебнику:

— Если я не достану хорошего дерева для нового станка, я не смогу закончить ковер и продать его. И тогда моей семье придется голодать. Лучше ты уходи в другое место, а я срублю этот самшит.

— Нет, это дерево ты не трогай! Мне здесь так хорошо! Ветер с моря дует прямо сюда, и потому даже в самый жаркий день мне прохладно. Лучше попроси у меня что хочешь, и я исполню твою просьбу,— предложил лесной волшебник.

Сагарадатта подумал и сказал, что сначала пойдет посоветоваться с женой.

По дороге Сагарадатта встретил знакомого цирюльника.

— Куда спешишь, друг? — спросил его цирюльник.

— Ах, не задерживай меня, пожалуйста! Я лесного волшебника покорил. Спешу к жене посоветоваться, что попросить у него.

— О, если так, попроси у него царство! Тогда ты станешь царем, а я твоим советником, и мы вдвоем насладимся всеми радостями этого мира.

— Может быть, ты и прав,— ответил ткач,— но сначала мне все же надо посоветоваться с женой.

— Ах, что ты, друг! Разве можно спрашивать совета у женщины?

— Может быть, ты и прав, но все же я пойду с ней посоветоваться.

С этими словами Сагарадатта поспешил к себе домой.

— Что нам попросить у лесного волшебника, милая? — спросил Сагарадатта у жены.— Мой друг цирюльник говорит: «Царство попроси».

— Как же глуп твой цирюльник! Не слушай его! Разве ты не знаешь, что у царя нет истинных друзей, что жизнь его полна забот? Ведь его окружают лести и предательство. Нет радости в такой жизни!

— Ты хорошо сказала, жена моя. Но что же мне тогда попросить?

— Что ты любишь больше всего, даже больше меня? Ткать свои узоры на ковре, не так ли?

— Да, да, ты права, моя милая!

— Все хвалят твою работу и с радостью покупают твои ковры. Но больше одного ковра в год ты не можешь выткать. Поэтому мы очень бедны. Вот ты и попроси у лесного волшебника такой станок, который делал бы ковров сколько ты захочешь и ткал бы на них самые красивые узоры.

Сагарадатта согласился с женой и пошел к морю, где был дом лесного волшебника. Но чем дальше шел Сагарадатта, тем тяжелее становилось у него на сердце.

«Ну что ж... ну, даст мне лесной волшебник чудесный ста-

нок,— думал он.— И ткать, и узор делать будет станок, а мне что же остается? Продавать ковры да деньги копить?»

И так ему горько стало, что, придя к лесному волшебнику, Сагарадатта сказал:

— Ничего мне от тебя не надо! Если не разрешаешь срубить это дерево, помоги починить мой старый станок.

— Будь по-твоему,— ответил лесной волшебник.— Я исполню твою просьбу.

Как только Сагарадатта вернулся домой, он сразу же бросился к своему станку. Станок был в полной исправности.

Сагарадатта принялся ткать и забыл обо всем на свете. Он ткал день и ночь, пока не закончил свой ковер. Не слышал он, как к нему подходила жена, не видел, как заходил в его дом цирюльник.

Закончив работу, Сагарадатта долго смотрел на свой новый ковер, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

— Кто поймет, как я теперь счастлив! Я мог бы стать царем — тогда у меня были бы богатства, много покорных рабов и льстецов, но ни одного истинного друга. Лесной волшебник мог сделать меня богачом, но тогда я бы лишился покоя от страха потерять свое богатство. Чье счастье сравнится с моим, когда я вижу прекрасные узоры моих ковров и слышу, как все хвалят мою работу!

Много лет прожил ткач Сагарадатта. Богатства он так и не нажил, но слава о его искусстве пошла по всей стране, и даже после его смерти долго вспоминали в народе, какие красивые ковры умел делать ткач из Махиларопьи.

ВОРОН НА ДЕРЕВЕ

(Вьетнамская сказка)

Во времена давние-стародавние жили два брата. Братья рано осиротели. Старший брат был жаден и скуп. Он забрал себе все наследство, а младшему брату оставил одну только хижину.

Возле той хижины росло чудесное дерево карамбола, оно давало вкусные, сладкие плоды. Младший брат и его жена были люди добрые, незлобивые и на бедность свою не сетовали, работали от зари до зари в поле на хозяина да заботливо ухаживали за своим деревом карамболой — сладкие его плоды они относили на рынок и продавали. Тем и жили супруги.

И вот в ту пору, когда на дереве уже созрели плоды, к нему повадился прилетать огромный Ворон. Едва наступит день, а Ворон тут как тут. Сядет на ветку и клюет плоды. Как ни гнала его жена младшего брата, Ворон все посиживал себе на ветке да поклевывал плоды, выбирая те, что повкуснее. Бедная женщина из сил выбилась, его прогоняя. Однажды села она под деревом и громко заплакала:

— Горе нам, горе! Ведь семья наша тем и живет, что продает плоды. Как же нам быть теперь, о господин Ворон? Вы все склевали, нам почти ничего не оставили. Придётся нам с голоду помирать!

И вдруг Ворон с вершины дерева ответил ей человеческим голосом:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шейте суму три ладони в длину!

Испугалась жена, она поняла, что птица эта волшебная, и не посмела больше своими жалобами докучать Ворону, побежала к мужу и обо всём ему рассказала.

Рассудили супруги, что надо так и сделать, как приказала птица, и сшили каждый себе по суме длиной в три ладони. С тех пор изо дня в день прилетал Ворон, садился на дерево, а досыта наклевавшись, кричал, перед тем как взмахнуть крыльями и улететь:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шейте суму три ладони в длину!

А когда Ворон склевал последний плод, он распушил крылья, опустился во двор и громко крикнул:

— За каждый плод заплачу куском золота! Несите суму три ладони в длину!

Младший брат вынес обе сумы, а Ворон приказал сесть ему на спину. Ворон взмыл в вышину, помчался по небу в дальнюю даль, пролетел десять тысяч раз по десять тысяч эмов¹ и опустился на острове, что одиноко стоял среди синего моря.

— О человек, ты можешь набрать в две сумы всего, что пожелаешь, — сказал Ворон.

Открыл младший брат глаза, тарашит их, сам себе не верит: вокруг него лежат жемчуг и драгоценные камни, золото и серебро рассыпано, будто песок или галька на берегу ручья. В глазах у бедняги зарябило. Но он был не жаден, а потому набрал две полные сумы, взобрался на спину к Ворону и полетел во свояси.

С тех пор младший брат и его жена зажили в достатке: построили новый дом, купили землю.

И вот, когда подошел праздник, младший брат пригласил старшего брата в гости. Старший брат и его жена не любили младшего и презирали его за бедность.

— Когда ты устелешь цветными циновками путь от нашего дома до твоей хижины и позолотишь ворота, тогда мы, пожалуй, придем, — заявил с усмешкой старший брат.

Обрадовался младший брат, сказал жене, чтобы она купила циновки с красной каймою и расстелила их по дороге, а сам купил золотой краски и позолотил ворота.

Увидели это старший брат с женой, диву дались. Поспешили

¹ Э́м — вьетнамская старинная мера длины, равная приблизительно 500 м.

к младшему брату, стали расспрашивать, как это он богаче их стал. Младший брат рассказал все, как было, ничего не утаил. Затрясся от зависти и жадности старший брат и уговорил младшего брата обменяться. Все свои богатства и дом отдал за хижину рядом с деревом карамболой. Живет старший брат с женой в хижине, Ворона поджидает. Прилетел наконец Ворон, сел на дерево и стал плоды клевать. А скупец только того и ждал. Начал стенать и охать, на бедность свою жаловаться. Ворон ему в ответ:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шей суму три ладони в длину!

Тотчас жадные супруги сшили два огромных мешка. На завтра Ворон отнес старшего брата на тот самый остров, где младший брат уже побывал. Обрадовался завистник, набил золотом два огромных мешка, да ему все было мало. Насыпал золота за пазуху, в штаны, даже в нос и в уши умудрился засунуть.

Летит птица над морем, с трудом тяжесть несет. Сложила крылья, чтоб отдохнуть, а скупец камнем и упал в воду. Не даром говорится: знай во всем меру, завязывай мешок прежде, чем доверху наполнишь.

СКРЯГА ВСЕГДА НЕСЕТ ДВОЙНОЙ УБЫТОК

(Афганская сказка)

Сидел однажды скряга и ел лепешки с медом. Проходил по улице человек и окликнул его. Пришлось скряге позвать его, а самому спешно спрятать лепешки. Только он хотел убрать и мед, как появился гость. Так он и не успел спрятать мед. «Ничего,— думает скряга,— не станет он есть один мед». А сам говорит гостю: — Да ты ешь мед, коли любишь.

— Ладно,— отвечает гость,— мед вещь хорошая. Как его не любить!

И принялся уплетать мед, расхваливая его необыкновенный вкус.

— Да,— говорит скряга,— вкус у него действительно хорош. Только ты не ешь слишком много, а то сердце заболит.

— Правильно,— отвечает гость,— заболит сердце. Только чье? Твое?

МАЛЫШ ЛЕОПАРД И МАЛЫШ АНТИЛОПА

(Африканская сказка)

Как случилось это? Жил-был маленький леопард. Пошел он на реку погулять по песочку, напился воды и увидел маленькую антилопу. Они пили воду вместе и вместе вышли на берег и стали играть на песке. Наигрались досыта и расстались.

Рисунок Ф. Лемкуля

Малыш леопард сказал малышу антилопе:

— Мне пора домой, а завтра я приду снова, будем опять играть. И ты приходи.

— Я приду,— сказала антилопа.

И пошли по домам. На другой день они снова встретились у реки и играли на песке и совсем подружились. Каждый день они так играли, десять дней подряд.

Как-то говорит малышу леопарду его мать:

— Чем это ты пахнешь, сынок? Никак, ты пахнешь антилопой?

А сын отвечает:

— Ну да, мы вместе с ней играем у реки, на песочке.

Мать ему:

— Что ты, сынок! Ведь антилопа — это еда! Это самое вкусное мясо! Вот пойдешь завтра на реку играть вместе с ней — укуси ее зубами вот здесь, за горло, и тащи сюда. Это кушанье, это мясо, мы ведь каждый день его едим!

— Хорошо,— сказал малыш леопард,— я сделаю так, как ты велишь.

Малыш антилопа пришел к себе домой. Мать и говорит:

— Чем это ты пахнешь, сынок? Никак, ты пахнешь леопардом?

Малыш отвечает:

— Ну да, мы вместе с ним играем у реки, на песочке. Это мой друг.

Тогда мать сказала:

— Ох, сынок, разве ты не знаешь, что случилось с твоими братьями? Ведь их всех убил леопард. Помнишь своего отца? И его убил леопард. Помнишь младшего брата отца? И его убил леопард. Помнишь старших братьев отца? Их убил леопард. Мы забрались в самую густую чащу и тут живем, потому что боимся леопарда. Мы не смеем жить там, где чаща пореже. Когда завтра пойдешь есть траву, ешь потихоньку. Если леопард увидит тебя, то убьет. И как будешь пить воду, пей потихоньку, а увидишь леопарда — беги со всех ног! Поверь своей матери — беги со всех ног! Они убивают нас всюду, где только увидят!

Малыш антилопа сказал:

— Хорошо. Я сделаю, как ты велишь.

На другое утро пошел малыш антилопа к водою.

Малыш леопард увидел его издали и кричит ему:

— Это ты, антилопа?

— Это я.

— Беги же сюда, поиграем.

— Нет, не хочу,— отвечал малыш антилопа.

Тогда кинулся маленький леопард, чтобы схватить маленькую антилопу. А малыш антилопа крикнул ему:

— Видно, у тебя родители такие же, как у меня!

И пустился бежать прочь. А малыш леопард? Малыш леопард пошёл домой. Вот как это случилось. И сказка вся.

ЖЕЛТЫЙ АИСТ

(Китайская сказка)

Говорят, что жил когда-то в Китае один бедный студент. Звали его Ми. Он был так беден, что не мог заплатить даже за чашку чаю. Ми наверняка умер бы с голоду, если бы не один хозяин чайной. Он пожалел бедняка и стал бесплатно кормить его и поить.

Но вот однажды Ми явился к хозяину и сказал:

— Я ухожу. Денег у меня нет, и заплатить за все, что я здесь выпил и съел, мне нечем. Однако я не хочу оставаться неблагодарным. Вот, смотри!

И с этими словами студент Ми вынул из кармана кусок желтого мела и нарисовал на стене чайной аиста. Аист был совсем как живой, только желтый.

— Этот аист,— сказал Ми,— принесет вам в десять раз больше денег, чем я вам задолжал. Каждый раз, когда соберутся люди и трижды хлопнут в ладоши, он будет сходить со стены

Рисунок Н. Кочергина

и танцевать. Однако помните об одном: никогда не заставляйте аиста танцевать для одного человека... А теперь прощайте.

И с этими словами студент Ми повернулся и вышел.

Хозяин был удивлен, однако решил попробовать. Когда на другой день в чайной собралось много народу, он попросил всех трижды хлопнуть в ладоши. И сейчас же желтый аист сошел со стены и протанцевал несколько танцев. Да еще как весело и забавно! А потом ушел обратно. Гости были в восхищении — удивлялись, ахали, не могли поверить своим глазам.

И так было каждый раз.

Слух о диковинке разнесся повсюду. Народ валом валил в чайную, и хозяин быстро богател. Обещание студента Ми сбылось.

Но вот однажды в чайную зашел богатый начальник — мандарин. Видит: сидят кругом одни крестьяне да ремесленники. Рассердился мандарин и приказал всех выгнать.

Слуги налетели с палками — народ разбежался, и мандарин остался один. Выложил он перед хозяином кучу денег и потребовал показать ему аиста. Хозяин при виде денег забыл обо всем. Он трижды хлопнул в ладоши; аист нехотя сошел со стены и протанцевал один танец. Вид у него был пасмурный и больной. Потом он ушел обратно и больше не шевелился. Мандарин кричал, грозил, но сделать ничего не мог.

А ночью у дверей чайной раздался сильный стук. Хозяин пошел открывать. Видит: стоит студент Ми и молчит. Вынул Ми из кармана дудочку, заиграл и пошел не оборачиваясь. Аист встрепенулся, соскочил со стены и поспешил за ним. С тех пор никто уже не видел студента Ми и его волшебного желтого аиста.

Старые люди говорят, что если где-нибудь появится такая диковинка, то это для всех. А если завладеет ею один человек, она все равно исчезнет.

ЖАДНАЯ ХОЗЯЙКА

(Японская сказка)

В одну деревенскую гостиницу зашел странствующий торговец. За плечами у него был большой тюк с товарами. А хозяйка гостиницы была жадная женщина. Когда она увидела тюк, ей захотелось его заполучить. Она отвела торговца в комнату, а сама побежала к мужу посоветоваться, как выманить у торговца тюк.

— Это очень легко сделать, — сказал ей муж. — Надо нарвать травы мега, сварить ее и подмешать в кушанье, которое ты подашь ему на ужин. Трава мега отшибает память. Если торговец поест ее, он всё забудет и, наверно, оставит тюк у нас.

Хозяйка так и сделала: пошла в сад, нарвала полную охапку травы мега, сварила ее и отвар подмешала во все блюда, даже в рис. А потом подала все это на ужин торговцу.

Торговец съел все, что ему подали, и ничего не заметил. Только голова у него немного закружилась и к лицу прилила кровь; ему захотелось спать. Он пошел к себе в комнату, лег и сразу заснул. Наутро он проснулся еще на рассвете с тяжелой головой, собрался и ушел дальше.

Хозяйка подождала, пока торговец уйдет из гостиницы, и сейчас же бросилась в его комнату за тюком. Но комната оказалась пустой. Хозяйка все осмотрела, все обшарила. Тюк — не иголка, заметить его нетрудно. Но как хозяйка ни искала, а найти его никак не могла. Раздосадованная, она побежала к мужу:

— Ни к чему твоя хваленая трава мега! Напрасно я ее варила. Торговец ушел и ничего нам не оставил.

— Не может быть! Кто поест травы мега, непременно что-нибудь да забудет. Поищи хорошенько! Наверно, он что-нибудь забыл.

Хозяйка опять бросилась в комнату, где ночевал торговец, опять все осмотрела, все перерыла — и опять ничего не нашла. И вдруг она остановилась посреди комнаты, растерянно огляделась по сторонам и, хлопнув себя по лбу, на весь дом закричала:

— Забыл! Забыл!

Муж услышал ее крик и прибежал к ней:

— Ну что? Забыл он что-нибудь?

— Заплатить забыл!

СИНДБАД-МОРЕХОД

(Арабская сказка)

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Давно-давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвращаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далеких странах, где они побывали.

Синдбад слушал их рассказы, и ему все больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран.

И вот он решил поехать в далекое путешествие.

Он накупил много товаров, выбрал самый быстрый и крепкий корабль и пустился в путь. С ним поехали и другие купцы со своими товарами.

Долго плыл их корабль из моря в море и от суши к суше, и, приставая к земле, они продавали и выменивали свои товары.

И вот однажды, когда они уже много дней и ночей не видели земли, матрос на мачте закричал:

— Берег! Берег!

Капитан направил корабль к берегу и бросил якорь у большого зеленого острова. Там росли чудесные, невиданные цветы, а на ветвях тенистых деревьев пели пестрые птицы.

Путешественники сошли на землю, чтобы отдохнуть от качки. Одни из них развели костер и стали варить пищу, другие стирали белье в деревянных корытах, а некоторые гуляли по острову. Синдбад тоже пошел погулять и незаметно для себя удалился от берега. Вдруг земля зашевелилась у него под ногами и он услышал крик капитана:

— Спасайтесь! Бегите на корабль! Это не остров, а огромная рыба!

И в самом деле, это была рыба. Ее занесло песком, на ней выросли деревья, и она стала похожа на остров. Но когда путешественники развели огонь, рыбе стало жарко и она зашевелилась.

— Скорей! Скорей! — кричал капитан. — Сейчас она нырнет на дно!

Купцы побросали свои котлы и корыта и в ужасе бросились к кораблю. Но только те, что были у самого берега, успели добежать. Рыба-остров опустилась в глубь моря, и все, кто опоздал, пошли ко дну. Ревущие волны сомкнулись над ними.

Синдбад также не успел добежать до корабля. Волны обрушились на него, но он хорошо плавал и вынырнул на поверхность моря. Мимо него плыло большое корыто, в котором купцы только что стирали белье. Синдбад сел верхом на корыто и попробовал грести ногами. Но волны швыряли корыто направо и налево, и Синдбад не мог им управлять.

Капитан корабля приказал поднять паруса и поплыл прочь от этого места, даже не взглянув на утопавшего.

Синдбад долго смотрел вслед кораблю, а когда корабль скрылся вдаль, он заплакал от горя и отчаяния. Теперь ему неоткуда было ждать спасения.

Волны били корыто и бросали его из стороны в сторону весь день и всю ночь. А утром Синдбад вдруг увидел, что его прибило к высокому берегу. Синдбад схватился за ветки дерева, которые свешивались над водой, и, собрав последние силы, вскарабкался на берег. Как только Синдбад почувствовал себя на твердой земле, он упал на траву и лежал как мертвый весь день и всю ночь.

Утром он решил поискать какую-нибудь пищу. Он дошел до большой зеленой лужайки, покрытой пестрыми цветами, и вдруг увидел перед собой коня, прекраснее которого нет на свете. Ноги коня были спутаны, и он щипал траву на лужайке.

Синдбад остановился, любуясь этим конем, и спустя немного времени увидел вдали человека, который бежал, размахивая руками, и что-то кричал. Он подбежал к Синдбаду и спросил его:

— Кто ты такой? Откуда ты и как ты попал в нашу страну?

— О господин, — ответил Синдбад, — я чужеземец. Я плыл на корабле по морю, и мой корабль утонул, а мне удалось схватиться за корыто, в котором стирают белье. Волны до тех пор носили меня по морю, пока не принесли к вашим берегам. Скажи мне, чей это конь, такой красивый, и почему он пасется здесь один?

— Знай, — отвечал человек, — что я конюх царя аль-Михрдж-

на. Нас много, и каждый из нас ходит только за одним конем. Вечером мы приводим их пастись на этот луг, а утром уводим обратно в конюшню. Наш царь очень любит чужеземцев. Пойдем к нему — он встретит тебя приветливо и окажет тебе милость.

— Благодарю тебя, господин, за твою доброту, — сказал Синдбад.

Конюх надел на коня серебряную уздечку, снял путы и повел его в город. Синдбад шел следом за конюхом.

Скоро они пришли во дворец, и Синдбада ввели в зал, где сидел на высоком троне царь аль-Михрджан. Царь ласково обошелся с Синдбадом и стал его расспрашивать, и Синдбад рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Аль-Михрджан оказал ему милость и назначил его начальником гавани.

С утра до вечера стоял Синдбад на пристани и записывал корабли, которые приходили в гавань. Он долго прожил в стране царя аль-Михрджана, и всякий раз, когда к пристани подходил корабль, Синдбад спрашивал купцов и матросов, в какой стороне город Багдад. Но никто из них ничего не слышал о Багдаде, и Синдбад почти перестал надеяться, что увидит родной город.

А царь аль-Михрджан очень полюбил Синдбада и сделал его своим приближенным. Он часто разговаривал с ним о его стране и, когда объезжал свои владения, всегда брал Синдбада с собой.

Много чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду в земле царя аль-Михрджана, но он не забыл своей родины и только о том и думал, как бы вернуться в Багдад.

Однажды Синдбад стоял, как всегда, на берегу моря, грустный и печальный. В это время подошел к пристани большой корабль, на котором было много купцов и матросов. Все жители города выбежали на берег встречать корабль. Матросы стали выгружать товары, а Синдбад стоял и записывал. Под вечер Синдбад спросил капитана:

— Много ли еще осталось товаров на твоём корабле?

— В трюме лежит еще несколько тюков, — ответил капитан, — но их владелец утонул. Мы хотим продать эти товары, а деньги за них отвезти его родным в Багдаде.

— Как зовут владельца этих товаров? — спросил Синдбад.

— Его зовут Синдбад, — отвечал капитан.

Услышав это, Синдбад громко вскрикнул и сказал:

— Я Синдбад! Я сошел с твоего корабля, когда он пристал к острову-рыбе, а ты уехал и покинул меня, когда я тонул в море. Эти товары — мои товары.

— Ты хочешь меня обмануть! — вскричал капитан. — Я сказал тебе, что у меня на корабле есть товары, владелец которых утонул, и ты желаешь взять их себе! Мы видели, как Синдбад утонул и с ним утонуло много купцов. Как же ты говоришь, что товары твои? Нет у тебя ни чести, ни совести!

— Выслушай меня, и ты узнаешь, что я говорю правду, — сказал Синдбад. — Разве ты не помнишь, как я нанимал твой

корабль в Басре, а свел меня с тобой писец по имени Сулейман Вислоухий?

И он рассказал капитану обо всем, что случилось на его корабле с того дня, как все они отплыли из Басры. И тогда капитан и купцы узнали Синдбада и обрадовались, что он спасся. Они отдали Синдбаду его товары, и Синдбад продал их с большой прибылью. Он простился с царем аль-Михрджаном, погрузил на корабль другие товары, которых нет в Багдаде, и поплыл на своем корабле в Басру.

Много дней и ночей плыл его корабль и наконец бросил якорь в гавани Басры, а оттуда Синдбад отправился в Город Мира, как называли в то время арабы Багдад.

В Багдаде Синдбад роздал часть своих товаров друзьям и приятелям, а остальные продал.

Он перенес в пути столько бед и несчастий, что решил никогда больше не выезжать из Багдада.

Так окончилось первое путешествие Синдбада-Морехода.

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XIX И НАЧАЛА
XX ВЕКА**

ПОЭЗИЯ

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

ЖАВОРОНОК

На солнце темный лес зардел,	Он голосисто с вышины
В долине пар белеет тонкий,	Поёт, на солнышке сверкая:
И песню раннюю запел	Весна пришла к нам молодая,
В лазури жаворонок звонкий.	Я здесь пою приход весны...

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

(Сказка)

Жил маленький мальчик:	В жары отдыхал он,
Был ростом он с пальчик,	И ночью там спал он;
Лицом был красавчик,	С зарей просыпался,
Как искры глазенки,	Живой умывался
Как пух волосенки;	Росой, наряжался
Он жил меж цветочков;	В листочек атласный
В тени их листочков	Лилеи прекрасной...

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799—1837)

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,—
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,—
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод,—
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался.
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась.
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха.

Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.

Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».
Вот пошел он к синему морю
(Помутилося синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю
(Неспокойно синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке.
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает:
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:

Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? Пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взаши затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.

Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою:
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

* * *

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,

И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кашей над златом
чахнет;
Там русский дух... там Русью
пахнет!

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

Из поэмы «Руслан и Людмила»

* * *

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

Из «Сказки о царе Салтане...»

* * *

Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет.
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут...

Из «Сказки о царе Салтане...»

* * *

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе...

Из «Сказки о мертвой царевне
и о семи богатырях»

* * *

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людем горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Из поэмы «Цыганы»

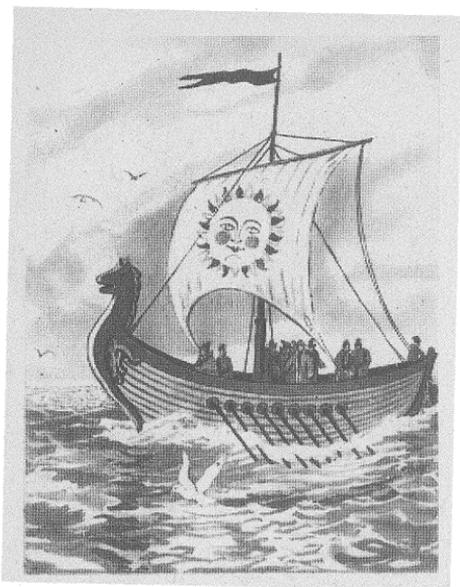

Рисунок В. Горяева

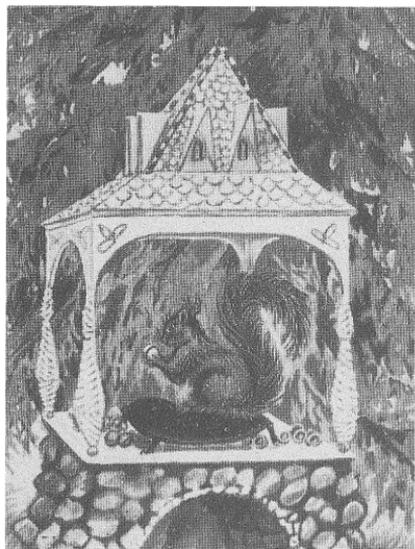

Рисунок В. Горяева

* * *

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Из романа «Евгений Онегин», гл. IV

* * *

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;

Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

«Зимнее утро»

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница-зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

Из романа «Евгений Онегин», гл. VII

* * *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Из романа «Евгений Онегин», гл. V

* * *

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Из романа «Евгений Онегин», гл. VII

УТРО

Румяной зарею
Покрылся восток.
В селе за рекою
Потух огонек.
Росой окропились
Цветы на полях.
Стада пробудились
На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам.
Гусей караваны
Несутся к лугам.
Проснулись люди,
Спешат на поля.
Явилось солнце,
Ликует земля.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?

Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?
...Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

(1821—1877)

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет,—
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишка на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребяташек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелься — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,

Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись:
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...»

* * *

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.
Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?
Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

Из поэмы «Мороз, Красный нос»

* * *

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной,
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:

Рисунок Г. Никольского

Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребяташки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лавке, где matka колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный веноч, —
Все беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.

...Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с обליнялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

Из стихотворения «Крестьянские дети»

* * *

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;

Рисунок Д. Шмаринова

Отец слышишь, рубит, а я отвожу». (В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— «Так вот оно что! А как звать тебя?»
— «Власом».
— «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

Из стихотворения «Крестьянские дети»

**ФЕДОР
ИВАНОВИЧ
ТЮТЧЕВ**

(1803—1873)

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезво

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.

Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят—
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!

Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»
Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль
летит,

Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум

нагорный —
Все вторит весело громам.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

(1817—1875)

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

**АПОЛЛОН
НИКОЛАЕВИЧ
МАЙКОВ**

(1821—1897)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны все гонял?» —

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал.
Колыбелечку качал!»

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Все весною пахнет!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

МАТЬ И ДЕТИ

Кто вас, детки, крепко любит,
Кто вас нежно так голубит,
Не смыкая ночи глаз,
Все заботится о вас?

— «Мама дорогая!»
Колыбель кто вам качает,
Кто вас песней забавляет
Или сказку говорит,

Кто игрушки вам дарит?
— «Мама золотая!»

Если, детки, вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Как бывает иногда,
Кто же слезы льет тогда?

— «Все она — родная!»

**ИВАН
САВВИЧ
НИКИТИН**

(1824—1861)

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

...В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей

Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей...

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать,—
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

* * *

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

...Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнезд понавьют,— посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

**АЛЕКСЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ПЛЕЩЕЕВ**

(1825—1893)

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...

Прошебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

ДЕТИ И ПТИЧКА

— Птичка, нам жаль твоих песенок звонких.
Не улетай от нас прочь... подожди!

— Милые крошки! Из вашей сторонки
Гонят меня холода и дожди.

Вон на деревьях, на крыше беседки

Сколько меня поджидает подруг!

Завтра вы спать еще будете, детки,

А уж мы все понесем на юг.

Нет там ни стужи теперь, ни дождей,

Ветер листы не срывает с ветвей,

Солнышко в тучи не прячется там...

— Скоро ли, птичка, вернешься ты к нам?

— Я с запасом новых песен

К вам вернусь, когда с полей

Снег сойдет, когда в овраге

Зажурчит, блестя, ручей...

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!

Распустилась в нем сирень;

От черемухи душистой

И от лип кудрявых тень...

...И весь день, в траве высокой

Лежа, слушать бы я рад,

Как заботливые пчелы

Вкруг черемухи жужжат.

НА БЕРЕГУ

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосой
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошел и третий,
А его все нет.
Ждут напрасно дети,
Ждет и старый дед.

Всех нетерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели.
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Все слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился,
Весел и здоров!
В рассказы пустился
Тотчас про улов...

Смотрит дед на щуку:
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины,
Детям обещали
Радостные сны.

**ИВАН
ЗАХАРОВИЧ
СУРИКОВ**

(1841—1880)

ЗИМА

Белый снег, пушистый,
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

Темный лес — что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Все его одело.

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Весь ты переязбнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-Жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку—
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватай!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

* * *

Ярко солнце светит,
В воздухе тепло.
И куда ни взглянешь,
Все кругом светло.

По лугу пестреют
Яркие цветы;
Золотом облиты
Темные листья.

Дремлет лес: ни звука,—
Лист не шелестит,
Только жаворонок
В воздухе звенит.

**ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
(1870—1953)**

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно
Грачей пролетные стада
Кричат и весело и важно

Весна, весна! И все ей радо
Как в забытьи каком стоишь

И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает

НА ПРУДЕ

Ясным утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги
крылом

На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега

* * *

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет,
Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут,
На рассвете в долинах теплом и черемухой веет,
Соловьи до рассвета поют

АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
БЛОК

(1880—1921)

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка Вся в снегу стоит. Бабушка-старушка Из окна глядит.	Звонко раздаются Голоса кругом...
Внукам-шалунишкам По колено снег, Весел ребятишкам Быстрых санок бег...	В снежном доме будет Резвая игра... Пальчики застудят,— По домам пора!
Бегают, смеются, Лепят снежный дом,	Завтра выпьют чаю, Глянут из окна,— А уж дом растаял, На дворе — весна!

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику На сырой ложбинке Прежде глазки тешили Белые цветочки...	Бедный зайчик прыгает Возле мокрых сосен, Страшно в лапы волку Серому попасть...
Осенью расплакались Тонкие былинки, Лапки наступают На желтые листочки.	Думает о лете, Прижимает уши, На небо косится— Неба не видеть...
Хмурая, дождливая Наступила осень, Всю капусту сняли, Нечего украсть...	Только б потеплее, Только бы посуше... Очень неприятно По воде ступать.

СНЕГ ДА СНЕГ

Снег да снег. Всю избу занесло. Снег белеет кругом по колено. Так морозно, светло и бело! Только черные, черные стены...	И дыханье выходит из губ Застывающим в воздухе паром. Вон дымок выползает из труб; Вон в окошке сидят с самоваром;
---	--

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюде;
Вон и бабушка с печки

сползла,

И кругом ребятишки смеются.
Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятками кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в

лукошко...

Прочь от дома на снежный
простор

На салазках они покатили.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза,
Вот возьмет, вот ухватит
в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

(1895—1925)

ПОЕТ ЗИМА — АУКАЕТ

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень прятая
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,

Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самую макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

НОЧЬ

Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет,
И дергач не кричит.

Серебрится река,
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

ПРОЗА

**ВЛАДИМИР
ФЕДОРОВИЧ
ОДОЕВСКИЙ**

(1803—1869)

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка»,— сказал он. Миша был послушный мальчик: тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый,— и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые, а деревья-то тоже золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

— Что это за городок? — спросил Миша.

— Это городок Динь-Динь,— отвечал папенька и тронул дружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям — не из другой ли комнаты? и к часам — не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке.

...Папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса... Миша удивился. «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» — спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, — подумал Миша, — папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости».

— Извольте, с величайшей радостью!

С сими словами Миша подбежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

— Позвольте узнать, — сказал Миша, — с кем я имею честь говорить?

— Динь-динь-динь, — отвечал незнакомец, — я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ним был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды — чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

— Я вам очень благодарен за ваше приглашение, — сказал ему Миша, — но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, — там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

— Динь-динь-динь! — отвечал мальчик. — Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды поднимались, и наши мальчики всюду свободно про-

ходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

— Отчего это? — спросил он у своего проводника.

— Динь-динь-динь! — отвечал проводник смеясь, — издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется маленьким, а подойдешь — большое.

...Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое, по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждую крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотой головкою, в серебряной юбочке, и много их, много, и все мал мала меньше.

— Нет, теперь уж меня не обманут, — сказал Миша. — Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

— Ан вот и неправда, — отвечал провожатый, — колокольчики не одинакие. Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что, кто из нас побольше, у того и голос потолще.

...Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

— Весело вы живете, — сказал им Миша, — век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

— Динь-динь-динь! — закричали колокольчики. — Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли?..

— Да, — отвечал Миша, — вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру и делается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

— Да сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

— Какие же дядьки? — спросил Миша.

— Дядьки-молоточки, — отвечали колокольчики, — уж какие

злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больно достается!

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задавай! тук-тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику «тук да тук», индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

— Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! тук-тук-тук!

— Какой это у вас надзиратель? — спросил Миша у колокольчиков.

— А это господин Валик, — зазвенели они, — предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша — к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки, видимо-невидимо; только что попадетя ему молоток, он его крючком сперва зацепит.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

— Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

— Это я, — храбро отвечал Миша, — я — Миша...

— А что тебе надобно? — спросил надзиратель.

— Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

— А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь на́больший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

— Ну, многому же я научился в этом городке! — сказал про себя Миша. — Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! — думаю я, — ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знай бы сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее — и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою: наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна

Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

— Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

— Зиц-зиц-зиц, отвечала царевна. — Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц.

Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком — и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

— Что во сне видел, Миша? — спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

— Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? — спрашивал Миша. — Так это был сон?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам, по крайней мере, что тебе приснилось!

— Да видите, папенька, — сказал Миша, протирая глазки, — мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал, и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерке растворилась... — Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

— Ну, теперь вижу, — сказал папенька, — что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

**КОНСТАНТИН
ДМИТРИЕВИЧ
УШИНСКИЙ**

(1824—1870)

ВМЕСТЕ ТЕСНО, А ВРОЗЬ СКУЧНО¹

Говорит брат сестре: «Не тронь моего волчка». Отвечает сестра брату: «А ты не тронь моих кукол». Дети расселись по разным углам, но скоро им обоим стало скучно.

Отчего детям стало скучно?

БИШКА

— А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. «Не мое,— говорит,— дело книги читать; я дом стерегу, по ночам не сплю,

Рисунок *Н. Устинова*

¹ Рассказы взяты из «Родного слова» (1864 г.) и «Детского мира» и «Хрестоматии» (1861 г.).

лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уток ищу, поноску тащу — будет с меня и этого».

УМЕЙ ОБОЖДАТЬ

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленехонькую смородину, а курочка и говорит ему: «Не ешь, Петя! Обожди, пока смородина поспеет». Петушок не послушался, клевал да клевал, и наклевался так, что насилу домой добрел. «Ох! — кричит петушок, — беда моя! больно, сестрица, больно!» Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник — и прошло.

Выздоровел петушок и пошел в поле: бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

— Не пей, Петя, обожди, пока простынешь.

Не послушался петушок, напился холодной воды — и тут его стала бить лихорадка: насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась: захотелось петушку на коньках покататься; а курочка и говорит ему: «Ох, обожди, Петя! Дай реке совсем замерзнуть; теперь еще лед очень тонок, утонешь». Не послушался петушок сестрицы: покатился по льду; лед проломился, и петушок — бултых в воду! Только петушка и видели.

ПЕТУШОК С СЕМЬЕЙ

Ходит по двору петушок: на голове красный гребешок, под носом красная борода. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

— Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяйюшки! Пестренькие-рябенькие! Черненькие-беленькие! Собирайтесь с цыплятками, с малыми ребятками: я вам зернышко припас!

Курочки с цыплятками собрались, раскудахтались; зернышком не поделились, — передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит — сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зернышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во все горло заорал: «Ку-ку-ре-ку!»

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замерзшей реке, прибежал домой румяный, веселый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы все зима была!

— Запиши твое желание в мою карманную книжку,— сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пестрыми бабочками по зеленому лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит: — Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы все весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать свое желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

Рисунок *Н. Устинова*

— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и желтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времен года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

ГАДЮКА

Вокруг нашего хутора, по оврагам и мокрым местам, водилось немало змей. Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеей-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество, особенно в кучах соломы, что лежала около гумна: как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда пойдешь, язык или жало показывают; но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи; как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас не одни ужи; водилась и ядовитая змея, черная, большая, без тех желтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас гадюкой. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падет — раздует ее, бедную, как гору. Один мальчик у нас так же умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и, прежде чем пришел Охрим, опухоль перешла с руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много слышал про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придется встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растет высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сеносу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копен.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался: баб не было, косари пошли далеко, и только наша черная большая собака Бровка лежала на копне и грызла кость. Кувыркнулся я в одну копну, перевернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о га-

дюке мелькнула в голове моей — и что же? Огромная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться. Вместо того чтобы бежать, я стою как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвеки-ми неморгающими глазами. Еще бы минута — и я погиб; но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба. Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

Тут только воротился ко мне голос: я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добили еще трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где. Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которой они лечатся от укуса гадюки.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

Наше **отечество**, наша **родина** — **матушка** Россия. **Отечеством** мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. **Родиной** мы зовем ее потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком, и все в ней для нас родное; а **матерью** — потому, что она вскормила нас своим хлебом, напоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережет нас от всяких врагов...

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

(1828—1910)

У бабки была внучка; прежде внучка была мала и все спала, а бабка сама пекла хлебы, мела избу, мыла, шила, пряла и ткала на внучку; а после бабка стала стара и легла на печку и все спала. И внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабку¹.

¹ В хрестоматию включены рассказы из «Азбуки» (1872 г.), «Новой азбуки» и «Книг для чтения» (1874—1875 гг.).

У Вари был чиж. Чиж жил в клетке и ни разу не пел. Варя пришла к чижу. «Пора тебе, чиж, петь». — «Пусти меня на волю, на воле буду весь день петь».

Хотела галка пить. На дворе стоял кувшин с водой, а в кувшине была вода только на дне. Галке нельзя было достать. Она стала кидать в кувшин камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

Спала кошка на крыше, сжала лапки. Села подле кошки птичка. Не сиди близко, птичка, кошки хитры.

Пришла весна, потекла вода. Дети взяли дощечки, сделали лодочку, пустили лодочку по воде. Лодочка плыла, а дети бежали за нею, кричали, и ничего впереди себя не видали, и в лужу упали.

Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Старик сказал: «Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут»

Рисунок А. Пахомова

Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу кукле, будто школа.

— Учи, кукла, буквы! Это — А. Это — Б. Бе. Смотри, помни!

МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА

(Б а с н я)

Муравей подполз к ручью пить. Волна набежала и чуть его не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет и бросила ему ветку. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть и хотел поймать голубку. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу. Охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и полетела.

СТАРЫЙ ДЕД И ВНУЧЕК

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать и давали ему обедать за печкой. Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел ее подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им все в доме портит и чашки бьет, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только горько вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет: что-то слаживает. Отец и спросил: «Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорит: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить».

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика, и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

ТРИ МЕДВЕДЯ

(Сказка)

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена. Она посмотрела в дверь, видит: в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой — была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома — они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлебкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановича. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина. Третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлебка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Иваныча, другой поменьше — Настасьи Петровнин, и третий, маленький, с синенькой подушечкой — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул -- на нем было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлебку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева, другая, средняя — Настасьи Петровнина, третья, маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую — ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кровать пришлось ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЕ ВЫХЛЕБАЛ!

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО!

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ!

— заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ!

— зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ!

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-яяй! Держи!

Он хотел ее укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали ее.

КОТЕНОК

(Быль)

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали ее везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали: над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и все спрашивала:

— Нашел? Нашел?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашел! Наша кошка... и у нее котят; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котенка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котенка. Ветер шевелил солому по дороге, а котенок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котенка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели котенка и хотят схватить его. А котенок глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котенку и в одно время с соба-

Рисунок А. Пахомова

ками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котенка, но Вася упал животом на котенка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принес домой котенка и уж больше не брал его с собой в поле.

ЛЕВ И СОБАЧКА

(Быль)

В Лондоне показывали диких зверей и за смотрение брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошел к ней и понюхал ее.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул ее лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лег спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришел в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН-СИБИРЯК

(1852—1912)

АЛЕНУШКИНЫ СКАЗКИ

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Аленушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое — слушает.

Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пес Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пестрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Аленушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косою Заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились желтыми огоньками; медведь Мишка сосет свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Аленушкиной сказки.

Один глазок у Аленушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое — слушает.

Баю-баю-баю...

ПРИТЧА О МОЛОЧКЕ, ОВСЯНОЙ КАШКЕ И СЕРОМ КОТИШКЕ МУРКЕ

I

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашкой, так и начнется. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

— Я — Молочко...

— А я — овсяная Кашка...

Сначала разговор идет тихонько, шепотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

— Я — Молочко!

— А я — овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюлке, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

— А я все-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти

из своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит,— Молочко и полилось на горячую плиту.

— Ах, уж это мне Молочко! — жаловалась каждый раз кухарка.— Чуть-чуть недосмотришь,— оно и убежит.

— Что же мне делать, если у меня такой вспылчивый характер! — оправдывалось Молочко.— Я и само не радо, когда сержусь. А тут еще Кашка постоянно хвастается: я — Кашка, я — Кашка, я — Кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убежала из кастрюльки, несмотря на свою крышку,— так и поползет на плиту, а сама все повторяет:

— А я — Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случалось не часто, но все-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

— Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!..

II

Кухарка вообще довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, что это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила. Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

— Вот-то ненасытная утроба! — удивлялась кухарка, отгоняя кота.— Сколько вчера ты одной печенки съел?

— Так ведь то было вчера! — удивлялся, в свою очередь, Мурка.— А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!..

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

— Я тебя знаю, старый плут! — кричит Скворец сверху.— Нечего смотреть на меня...

— А если мне хочется познакомиться с тобой?

— Знаю я, как ты знакомишься... Кто недавно съел настоящего живого воробышка? У, противный!..

— Нисколько не противный,— и даже наоборот. Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

— Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник!

III

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чем тут дело, и только моргал.

— Я — Молочко.

— Я — Кашка! Кашка-Кашка-кашшшш...

— Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю,— говорил Мурка.— Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я — кот, я — кот, кот, кот... Разве кому-нибудь будет обидно? Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю Молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причем поднялся ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

— Ну, что я теперь буду делать? — жаловалась она, отставляя с плиты Молочко и Кашку.— Нельзя отвернуться...

Оставив Молочко и Кашку, кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

— Пожалуйста, не сердитесь, Молочко...

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошел его кругом, еще раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

— Вот что, господа... Ссориться вообще нехорошо. Да. Выберите меня мировым судьей, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели черный Таракан даже поперхнулся от смеха: «Вот так мировой судья... Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору, наконец, разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чем дело и из-за чего они спорили.

— Хорошо, хорошо, я все разберу,— говорил кот Мурка.— Я уж не покривлю душой... Ну, начнем с Молочка.

Он обошел несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

— Батюшки! Караул! — закричал Таракан.— Он все молоко вылакает, а подумают на меня.

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока,— горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чем не бывало.

— Ах ты, негодный! — бранила его кухарка, хватая за ухо.— Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облизал помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

— Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает...

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**АЛЕКСЕЙ
МАКСИМОВИЧ
ГОРЬКИЙ**
(1868—1936)

УТРО

Самое лучшее в мире — смотреть, как рождается день!

В небе вспыхнул первый луч солнца — ночная тьма тихонько прячется в ущелье гор и трещины камней, прячется в густой листве деревьев, в кружевах травы, окропленной росой, а вершины горы улыбаются ласковой улыбкой — точно говорят мягким теням ночи:

— Не бойтесь — это солнце!

Волны моря высоко поднимают белые головы, кланяются солнцу, как придворные красавицы своему королю, кланяются и поют:

— Приветствуем вас, владыка мира!

Доброе солнце смеется: эти волны всю ночь, играя, кружились, кружились, и теперь они такие растрепанные, их зеленые одежды измяты, бархатные шлейфы спутаны.

— Добрый день! — говорит солнце, поднимаясь над морем. — Добрый день, красавицы! Но — довольно, тише! Детям невозможно будет купаться, если вы не перестанете так высоко прыгать! Надо, чтобы всем на земле было хорошо, не правда ли?

...Просыпаются люди, те, для которых вся жизнь — труд: просыпаются те, кто всю жизнь украшают, обогащают землю, но — от рождения до смерти остаются бедняками.

Почему?

Ты узнаешь об этом потом, когда будешь большой, — если, конечно, захочешь узнать, а пока — умеи любить солнце, источник всех радостей и сил, и будь весел, добр, как для всех одинаково доброе солнце.

Проснулись люди, и вот они идут на свои поля, к своему труду, — солнце смотрит на них и улыбается: оно лучше всех знает, сколько сделано людьми доброго на земле, оно когда-то видело ее пустынной, а ныне вся земля покрыта великой работой людей — наших отцов, дедов, прадедов, — между серьезным и, покуда, непонятным для детей, они сделали также и все игрушки, все приятные вещи на земле — синемаграф¹, между прочим.

¹ Синемаграф — кинематограф, кино.

Ах, они превосходно работали, наши предки, есть за что любить и уважать великую работу, сделанную ими всюду вокруг нас!

Над этим не мешает подумать, дети,— сказка о том, как люди работали на земле,— самая интересная сказка мира!..

...День пришел!

Добрый день, дети, и пусть в жизни вашей будет множество добрых дней!

* * *

...Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила ее говорить:

— Ну, проси: скворушке — кашки!

Сворец, скосив на нее круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мякнуть кошкой, подражает вою собаки, а человечья речь не дается ему.

— Да ты не балуй! — серьезно говорит ему бабушка. — Ты говори: скворушке — кашки!

Черная обезьяна в перьях оглушительно орет что-то похожее на слова бабушки,— старуха смеется радостно, дает птице просяной каши с пальца и говорит:

— Я тебя, шельму, знаю; притворяшка ты,— все можешь, все умеешь!

И ведь выучила скворца: через некоторое время он довольно ясно просил каши, а завидя бабушку, тянул что-то похожее на — Дра-астуй!..

Сначала он висел в комнате деда, но скоро дед изгнал его к нам на чердак, потому что сворец выучился дразнить дедушку.

Из повести «Детство»

* * *

Я стал почти каждый день просить бабушку:

— Пойдем в лес!

Она охотно соглашалась, и так мы прожили все лето, до поздней осени, собирая травы, ягоды, грибы и орехи. Собранное бабушка продавала, и этим кормились.

Как-то вечером, набрав белых грибов, мы, по дороге домой, вышли на опушку леса; бабушка присела отдохнуть, а я зашел за деревья — нет ли еще гриба?

Вдруг слышу ее голос и вижу: сидя на тропе, она спокойно срезает корни грибов, а около нее, вывесив язык, стоит серая поджарая собака.

— А ты иди, иди прочь! — говорит бабушка. — Иди!

Незадолго перед этим отравили мою собаку, и мне очень захотелось приманить эту, новую. Я выбежал на тропку, собака странно изогнулась, не ворочая шеей, взглянула на меня зеленым взглядом голодных глаз и прыгнула в лес, поджав хвост. Осанка у нее была не собачья, и, когда я свистнул, она дико бросилась в кусты.

— Видал? — улыбаясь, спросила бабушка. — А я обозналась, думала — собака: гляжу — ан клыки-то волчьи, да и шея тоже! Испугалась даже: ну, говорю, коли ты волк, так иди прочь! Хорошо, что летом волки смиренны...

Из повести «В людях»

ВОРОБЬИШКО

(Сказка)

...Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и все выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать, что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробья-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробья одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал:

«Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!»

И все высовывался из гнезда, все разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадешь на землю, кошка — чик! и — слопает! — объяснял отец, улетаая на охоту.

Так все шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер дунет на тебя — чирк! и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснять ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять все по-своему.

Идет мимо бани мужик, махает руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка,— сказал Пудик,—
одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьяха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на
ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с
папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик.— Чушь, чепуха! Все должны
иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вы-
расту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он еще не знал, что, если маме не ве-
рить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во все горло распевал стихи
собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,	Едят тебя мошки!
У тебя две ножки,	А я маленький совсем,
Хоть и очень ты велик,	Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьяха за ним, а
кошка — рыжая, зеленые глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких
ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробьяха отталкивает его в сторону, перья у нее дыбом
встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаза кошке
целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, зама-
хал крыльями — раз, раз, и — на окне!

Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости,
села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказал Пудик.— Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьишины перья,
смотрит на них — рыжая, зеленые глаза — и сожалительно мя-
укает:

— Мя-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-
увы...

И все кончилось благополучно, если забыть о том, что мама
осталась без хвоста...

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

(1869—1939)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

— Папа, расскажи мне про него.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это Ленин.

— Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь.

Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжелая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул, а жил он, ох как богато!

Откуда все было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало — прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было.

Вот и приходилось к нему на работу идти. Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне — бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работал, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочих. Все больше

их становилось, все крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов.

Партия видела, что без борьбы ничего не добьешься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далекую Сибирь, хотела его навек в тюрьму посадить. Ленин уехал за границу и издалека писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков, и капиталистов.

Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки.

Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся все делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

**АННА
ИЛЬНИЧНА
УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА**
(1864—1935)

ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ИЛЬИЧА

Глава первая

Наш вождь Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10 (22) апреля 1870 года на Волге, в городе Симбирске, переименованном теперь в честь его в Ульяновск.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из простого звания, рано лишился отца и лишь при помощи старшего брата с трудом получил образование. По окончании университета он был сначала учителем в Пензе и Нижнем. Ученики очень любили его, потому что он никогда не наказывал их, не жаловался на них директору, терпеливо и очень понятно объ-

яснял им уроки и занимался бесплатно по воскресеньям с теми, кто не успевал, кому дома никто объяснить не мог. И бывшие ученики его всегда с любовью и благодарностью вспоминали о нем.

В Симбирске он старался устроить побольше школ для бедноты, для крестьянских детей и, не жалея сил и трудов, совершенно не щадя себя, во всякую погоду ездил для этого по губернии.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача; большую часть юности она провела в деревне, где крестьяне очень любили ее. Она была хорошей музыканткой, хорошо знала музыку и языки — французский, немецкий и английский — и учила тому и другому детей. Она не любила большого общества и развлечений, проводила почти все время дома с детьми, которые очень любили и уважали ее.

Достаточно ей было сказать им что-нибудь спокойным, ласковым голосом, чтобы они послушались. Илья Николаевич любил проводить свои досуги тоже в семье, занимаясь с детьми или играя с ними, рассказывая им что-нибудь.

Семья, в которой вырос Владимир Ильич, была очень дружна. Он был третьим ребенком, очень шумным, с бойкими, веселыми карими глазами.

Володя и его сестра Оля, которая была на полтора года моложе его, росли очень живыми и бойкими детьми. Они любили шумные игры и беготню. Особенно отличался этим Володя, который обычно командовал сестренкой. Так, он загонял Олю под диван и потом командовал: «Шагом марш из-под дивана!»

Бойкий и шумный везде, Володя кричал громко и на пароходе, на котором вся семья собралась, чтобы ехать на лето в деревню Казанской губернии.

— На пароходе нельзя так громко кричать,— говорит ему мама.

— А пароход-то ведь и сам громко кричит,— отвечает не задумываясь и так же громко Володя.

Если бывало, что Володя или Оля расшались чересчур, мама отводила их для успокоения в папин кабинет и сажала на клеенчатое кресло — «черное кресло», как они называли его. Они должны были в наказание сидеть в нем, встать и идти опять играть. Раз на «черное кресло» был усажен Володя. Маму кто-то отозвал, и она забыла о Володе, а потом, спохватившись, что слишком долго не слышит его голоса, заглянула в кабинет. Володя все так же смиренно сидел в «черном кресле», но только крепко спал.

Игрушками он мало играл, больше ломал их. Так как мы, старшие, старались удержать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из папьемаше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы

стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отвалились одна за другой.

Глава вторая

Читать Володя выучился у матери лет пяти. И он и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи. Это любила, впрочем, больше Оля, которая знала много длинных и трудных стихотворений и очень выразительно говорила их наизусть.

Любимым стихотворением Володи, когда ему было лет семь-восемь, была «Песня бобыля», и он с большим азартом и задором декламировал:

Богачу-дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится.

Верно, она ему по душе пришлась.

Особо любимых книг у Владимира Ильича в детстве не было. Охотно читал он журнал «Детское чтение». Начитавшись, он бежал с сестрой играть, причем, как было уже сказано, любил больше шумные, подвижные игры. Летом они бежали во двор и в сад, лазали на деревья, играли вместе с нами, двоими старшими, в «черную палочку» (теперь эта игра называется, кажется, «палочкой-застукалочкой»). Володя очень любил эту игру, а позднее — крокет. Зимой катался на санках с горы, которую устраивали у нас во дворе, и играл в снежки с товарищами, а позднее стал кататься на коньках.

Помню, как на общественном катке, который устраивали в Симбирске, он и старший брат Саша катались на коньках с высоких гор, с которых и на санках-то сначала жутко было лететь — так они были круты. Согнутся сперва в три погибели на верхней, самой крутой части горы, потом постепенно расправляются и долго-долго катятся по раскату уже во весь рост. Я только с завистью поглядывала на них, а подражать им не решалась. При этом Володе, по-моему, кататься было легче, чем Саше: он был небольшого роста, коренастый такой, крепкий. Но на коньках-то Володя катался, конечно, позже, гимназистом.

Как уже было сказано, Володя был большим шалуном и проказником, но его хорошей стороной была правдивость: нашалит и всегда признается. Так, в возрасте пяти лет он сломал раз у старшей сестры линейку, которую она только перед тем получила в подарок. Он сам прибежал со сломанной линейкой сказать ей об этом; а когда она спросила, как это случилось, сказал: «Об

коленку сломал», приподнимая ногу и показывая, как это произошло.

— Хорошо, что он не делает ничего исподтишка,— говорила мать.

Раз, впрочем, она рассказала, что и этот грех с ним однажды случился. Она чистила в кухне яблоки для пирога; кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлек ее; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблочной кожуры, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и сказал, что больше так делать не будет.

— И действительно,— говорила мать,— он больше ничего не брал тайком.

Другой раз, когда ему было восемь лет, он скрыл одну свою проделку. Он был взят отцом вместе со старшими в первый раз в Казань, чтобы ехать оттуда в деревню Кокушкино, к тете. В Казани, в квартире тети, он, разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сестрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тетя.

— Кто разбил графин, дети? — спросила она.

— Не я, не я,— говорил каждый.

— Не я,— сказал и Володя.

Он испугался признаться перед малознакомой тетей, в чужой квартире; ему, самому младшему из нас, трудно было сказать «я», когда все остальные говорили легкое «не я». Вышло, таким образом, что графин сам разбился. Прошло два или три месяца. Володя давно уже уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером, когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кровати, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

— Я тетю Аню обманул,— сказал он, всхлипывая.— Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешала его, сказав, что напишет тете Ане и что она, наверное, простит его.

А Володя показал этим, что ложь ему противна, что хотя он солгал, испугавшись признаться в чужом доме, но не мог успокоиться, пока не сознался.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БОНЧ-БРУЕВИЧ

(1873—1955)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА СУББОТНИКЕ

Первое мая 1920 года.

Брошенный большевистской партией клич организовать вместо демонстрации Всероссийский субботник был горячо принят трудящимися. С самого раннего утра по городу с революционными песнями на субботник двинулись колонны московских рабочих и служащих.

В этот день в Кремле рано началась жизнь.

Сотрудники, явившиеся на субботник, объединялись в группы, отряды, колонны и уходили в назначенные места.

Красноармейцы Кремля не могли оставить свою службу. Поэтому и было решено, что субботник они проведут в Кремле, где также было много работы.

Кремлевская воинская часть выстроилась на площади, против казарм.

Около девяти часов утра Владимир Ильич вышел на площадь, подошел к командиру, по-военному отдал честь и сказал:

— Товарищ командир, разрешите мне присоединиться к вашей части для участия в субботнике.

Произошло секундное замешательство, после чего командир ответил:

— Пожалуйста! Станьте, Владимир Ильич, на правый фланг!

Владимир Ильич быстро прошел к правому флангу и встал в шеренгу. Гул одобрения пронесся по рядам красноармейцев. Они были счастливы, что Владимир Ильич вместе с ними.

Под звуки оркестра часть направилась к месту работы. Надо было очистить кремлевскую площадь от огромных беспорядочных груд досок, бревен, камней, перенести все это довольно далеко и сложить по сортам: доски к доскам, бревна к бревнам, тес к тесу.

Все дружно принялись за дело. Владимир Ильич с увлечением работал, отдыхая лишь вместе со всеми, когда наступал пятиминутный перерыв «покурить». В эти пять минут Владимир Ильич был в центре внимания. Он шутил, смеялся, расспрашивал, рассказывал и вообще чувствовал себя великолепно.

По всей Москве разнеслась весть, что Владимир Ильич тоже участвует в субботнике. Везде с восторгом было встречено это радостное известие.

АЛЕКСАНДР
ТЕРЕНТЬЕВИЧ
КОНОНОВ

(1895—1957)

В СМОЛЬНОМ

Из далекой сибирской деревни ехал в Петроград старик крестьянин. В дороге он всем рассказывал, что едет к Ленину. Ему надо поговорить с Лениным о крестьянской жизни.

Долго старик был в пути. Наконец, приехал в Петроград. Глядит, на улицах стоят рабочие с винтовками. Прошел с музыкальной полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошел к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас — Советская власть.

Пошел старик по улице, стал расспрашивать, где найти Ленина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шел он через весь город и пришел к громадному дому. Около дома горели костры, стояли пулеметы. У пулеметов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он все постукивал каблуками о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся, было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне б Ленина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Ленину?

— Пришел рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском, — сказал матрос и показал, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные — видно, много народу прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его привыкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской.

Получил у него старик пропуск, пошел искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому веселому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во

двор. Там строились в отряды и уходили. Где-то далеко громы-хали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах два красногвардейца: старый усатый рабочий в черном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне б Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошел туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери.

В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперед. И только протиснулся в зал, как раздался страшный шум. Старик не сразу понял, в чем дело. Пригляделся: кругом кричат, хлопают, машут шапками.

И народ в этом нарядном зале все больше простой: в шинелях, в полушубках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Ленин! Лени-и-ин! Ленин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Ленина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал.

— Ленин!.. Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились еще больше.

Ленин развел руками. Подождал немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, наклонился вперед и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Ленин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войну надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

Кончил Ленин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он пошел по коридору — искать широкую лестницу, что ведет на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну, что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет, — ответил старик. — Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

ЕЛКА В СОКОЛЬНИКАХ

За елкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу.

Ребята видели, как прибили елку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтер Володя провел проволоку для освещения елки и повесил к веткам электрические лампочки.

На следующий день чуть не с самого утра стали ждать Владимира Ильича Ленина. Еще светло было на дворе, а ребята то и дело спрашивали школьного завхоза:

— А что, если Ленин не приедет?

— А если метель опять будет, Ленин приедет все-таки или нет?

Завхозом был старый петроградский рабочий. Он знал Ленина еще до революции. Потому-то именно его и спрашивали. И он отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит, приедет.

Наступил вечер. Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками. А потом с неба повалили белые хлопья.

Елка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный дед-мороз с белой бородой; сидел он на елке — на самой верхушке.

Время шло, а Ленина все не было.

И тут ребята услышали, как кто-то из больших сказал вполголоса:

— Ну, в такую метель, конечно, не приедет.

Ребята опять побежали к старому завхозу.

Завхоз сказал строго:

— Не приставайте! Говорю: раз он сказал, что приедет, значит, приедет.

Стали опять ждать.

На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьет в стекла окошек. Так за этим шумом и не слышно было, как подъехала к школе машина.

Из машины вышел Владимир Ильич.

Он поднялся по лестнице, разделся, вытер платком мокрое от

растаявшего снега лицо. И сейчас же пошел в большую комнату, к ребятам.

Те сразу его узнали: сколько раз они видели портрет Ленина! Но почему-то растерялись сперва — стояли, не двигаясь с места. Глядели на Ленина и молчали.

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Первой ответила самая большая девочка, Вера:

— Я!

— И я! — закричал громко мальчик Леша.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Владимир Ильич.

Ребята стали в круг. А елка посередине. Мышкой назначили маленькую Катю, Леша кинулся за Катей — ее легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял ее высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Потом мышкой был Сеня. Леша поймал его, схватил и стал мышкой, а Сеня — кошкой.

Играли долго, и всем стало жарко.

Тут открылась дверь, и в комнату вошел большой серый слон. Ребята завизжали хором. Правда, многие из них сразу же разглядели знакомый серый чехол от черного рояля. Но кто под чехлом?

Чехол медленно раскачивался, впереди шевелился длинный хобот; передние ноги слона были обуты в валенки, а задние — в ботинки. Если не придираться, это было очень похоже на настоящего слона.

Слон, похрюкивая, прошел вокруг елки, помахал на прощание хоботом и опять вразвалку зашагал в дверь.

А за дверью из-под чехла вылезли монтер Володя и школьный сторож; оба были мастера на разные выдумки. Вылезли они из-под чехла и вернулись в комнату.

А там хохотали ребята; от этого хохота подпрыгивал дедмороз на верхушке елки.

Много еще веселого было в тот вечер.

Кто-то из ребят крикнул:

— Теперь в жмурки! В жмурки!

Владимир Ильич вынул платок, завязал себе глаза.

Монтер Володя скорей передвинул елку в самый угол, и в комнате стало просторно.

Ленин расставил руки и пошел вперед на цыпочках.

Ребята разбежались кто куда.

Потом стали подкрадываться к Владимиру Ильичу и кричать:

— Жарко!

А когда Владимир Ильич был совсем близко, ребята кричали ему:

— Обожжешься!

А то присядут на корточки под самой рукой Ленина — он и не заденет, пройдет мимо.

Тогда они начинают кричать:

— Холодно, замерзнешь!

Ленин увидел, что все дети очень проворные, играют ловко и, видно, долго ему придется ходить с завязанными глазами.

Тогда он притворился, что пойдет вперед, а сам мигом повернулся на носках и схватил первого попавшегося, кто был у него за спиной.

Ребята закричали, как полагалось:

— Узнай, узнай!

А пойманный смеялся и старался вырваться. Это был мальчик Сеня.

Владимир Ильич пощупал у него волосы, провел пальцами по лбу, по щекам:

— Сеня!

Сене было и жалко, что он так попался, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом маленькая Катя читала стихи Пушкина, да сбилась. И заплакала.

Ленин стал ее утешать.

Катя перестала плакать, вытерла платочком слезы и сказала:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалеку живу.

Потом все принялись бегать вокруг елки. Маленькая Катя бегала рядом с Владимиром Ильичем. Он бережно взял ее за руку. Кате запомнилось: у Ленина рука была большая, теплая.

В это время Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эти подарки привез ребятам Ленин.

Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан.

Катя получила куклу.

А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал.

Вот какая была елка на самом краю Москвы, в Сокольниках, в 1919 году.

ПОЕЗДКА В КАШИНО

В 1920 году жители деревни Кашино выстроили у себя электрическую станцию. Тогда это было очень трудное дело: не было самых нужных материалов; гвоздь и тот стал в деревне редкостью.

И вот в такое время кашинские крестьяне сами, своими силами, по своему собственному желанию, начали строить электрическую станцию.

Достали с большим трудом несколько мотков телефонного

провода. Он был очень толстый, крученный из проволоки. Его разостлали по земле и стали раскручивать щипцами, клещами и просто голыми руками. Раскрутили — получилось много проволоки.

Из лесу привезли бревна, распилили на столбы, гладко остругали. Теперь надо было добывать электрическую машину — динамо.

Если в те времена нелегко было купить гвоздь, то каких же трудов стоило достать динамо-машину!

Поехали кашинские крестьяне в Москву. И куда бы они ни приходили, начинали разговор с того, что вот у Ленина есть план — провести электричество по всей стране; они, значит, по этому ленинскому плану и действуют.

И хоть не сразу, а добились кашинцы своего: получили динамо-машину.

Привезли ее в Кашино, поместили в большом сарае.

Поставили по всей улице столбы, натянули проволоку, в каждую избу дали по электрической лампочке.

Когда все было готово, послали письмо Ленину — пригласили его на открытие электростанции.

Письмо послали, а не верилось: где же Ленину приехать, не когда ему...

Все-таки стали готовиться. В самой большой избе поставили длинный стол, лавки, а все лишнее — сундуки, кровати — вынесли вон.

Наварили, напекли, сколько могли, угощения.

Наступил день открытия электростанции — 14 ноября.

Крестьяне уж и не знали, ждать ли Ленина.

И вдруг на дороге показалась легковая машина.

Ребятишки первые побежали навстречу. Машина остановилась. В ней сидели Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Владимир Ильич спросил ребят:

— Где тут у вас электростанция?

Ребята обрадовались:

— Прокати, тогда покажем.

Посадил Ленин ребят в машину, поехали.

У большой избы встретили его крестьяне.

Начался в избе разговор.

Ленин рассказал о победе Красной Армии над белогвардейцами, поздравил крестьян с этой победой.

Стали крестьяне рассказывать ему о своих делах.

Ленин слушал с интересом. Когда рассказчик замолкал, Владимир Ильич его подбадривал:

— Ну, а дальше?

У Ленина была замечательная память: он сразу запомнил, как кого зовут, и потом называл стариков крестьян по имени-отчеству: Алексей Андреевич, Василиса Павловна. Очень это старикам нравилось.

Рисунок И. Ильинского

Разговор получился такой интересный и для Ленина и для крестьян, что никто и не заметил — день-то уже кончается. Беспокоился только один человек — фотограф. Он приехал снять Владимира Ильича вместе с крестьянами и теперь все думал с тревогой: скоро вечер, снимок, пожалуй, не выйдет — свету мало.

Наконец он решился:

— Владимир Ильич, крестьяне хотели бы сняться с вами.

— А... ну хорошо, — ответил Ленин. А сам продолжал вести разговор.

Прошло еще минут десять. За окном стало темно.

Фотограф сказал с отчаянием:

— Через несколько минут будет уже поздно снимать!

Владимир Ильич поглядел на него. Сниматься не хотелось, но Ленин уважал чужой труд: фотограф приехал из города, потратил время. И Ленин сказал:

— Ну, идите во двор, готовьтесь. Мы с Надеждой Константиновой сейчас выйдем.

Фотограф побежал с аппаратом на улицу, стал устанавливать его. Горе ему было с ребятами: налетели со всех сторон, норовят усесться перед самым аппаратом.

Вышли из избы и Владимир Ильич с Надеждой Константиновой. Фотограф усадил их в середине, а кругом стал рассаживать крестьян.

Но и тут вмешались ребята: вертелись под ногами, жались поближе к Владимиру Ильичу. Фотограф рассердился: надо, чтобы все сидели тихо, а то снимок будет испорчен.

Владимир Ильич тоже начал уговаривать ребят — показал им на аппарат:

— Вы вон в ту черненькую дырочку смотрите.

Стали ребята глядеть в дырочку аппарата. Фотограф накинул себе на голову длинный черный платок и замер так.

Ленин ему сказал:

— Вы мне ребят не заморозьте.

Кругом засмеялись:

— Ничего, они у нас здоровые, выдержат.

Ребята опять зашевелились: разговор про них зашел. Тут фотограф не вытерпел и закричал:

— Смирно!

Ленин улыбнулся и так, улыбающийся, вышел на фотографии...

Потом открылся митинг. Посреди площади стоял высокий столб, на нем висел новый электрический фонарь; его еще ни разу не зажигали. Столб был обвит еловыми ветками и красными лентами. Под фонарем стоял столик.

А кругом собрались крестьяне не только из деревни Кашино, но и из других сел и деревень. Многие пришли сюда издалека.

Ленин подошел к столику и начал речь:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическую станцию. Замечательное дело! Но это только начало. Наша задача в том, чтобы вся наша республика была залита электрическим светом...

Когда Ленин кончил речь, струнный оркестр сыграл «Интернационал». И в ту же минуту в сарае, где стояла динамо-машина, монтер пустил ток.

На площади вспыхнул электрический фонарь, в избах разом загорелись огоньки.

Раньше кашинские крестьяне жгли у себя маленькие лампочки-коптилки; они горели еле-еле, тускло, зеленоватым светом.

А теперь кто-то сказал, глядя на яркий электрический свет:

— Вот и загорелась у нас лампочка Ильича...

Стал Ленин прощаться с крестьянами.

Прощался, пошел к машине. Было совсем темно, холодный ноябрьский ветер дул в лицо.

Когда отъехали уже далеко, Владимир Ильич оглянулся. Позади, среди темных полей, ярко светились окна кашинских изб.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО

(1896—1958)

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилил дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Он был по профессии печник. Но, кроме того, он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит — кто-то ему говорит:

— Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит — перед ним стоит Ленин.

А Бендерин не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только сердито кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

— Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

— Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время — может быть, там через месяц — Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину: — Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

— Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой.

И дома говорит жене:

— Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время — может быть, там два месяца — и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник — этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости — и как я его в поле пугнул, и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

— А, старый знакомый. Помню, помню, как ты меня на покосе пугнул. И как дерево пилил.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

— Ну ладно, чего там. Я уж забыл про это. Что касается тра-

вы, то, пожалуй, ты был прав. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можешь ли ты, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можешь ли ты это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать.

МАРИЯ ПАВЛОВНА ПРИЛЕЖАЕВА

(Род. в 1903 г.)

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

День за днем, год за годом, Володя подрос — исполнилось восемь лет. Он давно не младший в семье. Теперь Маняша лежит в плетеной колыбели. Да еще Оля и Митя родились после Володи. Анюта, Саша, Володя, Оля, Митя, Маняша. Да папа, да мама. Вот какая большая семья!

Анюта и Саша ходят в гимназию. Всегда у них новости и рассказы о товарищах и подругах, об уроках, в книгах. А Володя только готовится поступать в гимназию, арифметике и грамоте его учит учитель. И мама. Много разных интересных историй знает мама. О жарких и холодных странах. Об умном псе сенбернаре, который спас путника, заблудившегося в альпийских снегах. О нашествии на Россию Наполеона и Бородинском сражении.

Не перечислить маминых рассказов зимними вечерами за обеденным столом. Горит висючая лампа под белым абажуром. Мягко падает свет. Рассказывай, мама!

А то все засядут на целый вечер за книжки.

В разгаре зимы, перед елкой, вечера особенно дружны и веселы. В столовой настоящая мастерская игрушек. Стол завален разноцветной бумагой. Дети режут и клеят из бумаги коробочки, домики, цепи для елки.

Илья Николаевич работает. Мама плотно прикрыла дверь из столовой, чтобы в папин кабинет не долетали голоса.

Шумит, извивается в руках детей длинная цепь из розовых, синих, золотых и желтых колечек. Скоро зажгутся свечи на елке. Елка уже стоит в темном зале, дожидается, когда будут ее наряжать.

— Идем посмотрим елку,— позвал Володя.

Оля мигом согласилась:

— Идем!

Маленький Митя спрыгнул со стула:

— И я.

— Возьмемся за руки, цепью,— сказала Анюта.

Неслышно шагая, они вошли в зал. Таинственно в темном зале. Сквозь ледяные узоры окон светит луна. Белые пятна лунного света лежат на полу. Высится елка. Запах хвои льется от лапчатых веток. Дети бесшумно обошли душистую елку.

— Идемте по всему дому,— позвал Володя.

Все почему-то затихли. Сегодня вечерний дом кажется новым, необычным. Дом и верно новый, они недавно сюда переехали. Вот мамина комната, отгороженная от коридорчика не стеной, а занавеской. Слабо горит ночник на комод. В колыбели Маняша. Живая цепь тихо обогнула Маңяшину колыбель. Потянулась дальше, в угловую нянину комнату. Там кровать под лоскутным одеялом, возле стены кованный железом сундук, крышка изнутри заклеена картинками и конфетными обертками. Забавный нянин сундук!

Дальше. По узенькой лестнице поднялись на антресоли, в детские комнаты. Здесь еще ярче и полнее светит луна. Снежные цветы на замороженных окнах похожи на пушистые папоротники. Не разрывая рук, дети обошли антресоли и спустились по узкой лестнице вниз.

Распахнулась дверь из кабинета отца, и он появился на пороге.

— Вот она, моя гвардия! — воскликнул отец, загребая в охапку их всех.

Но заметил: дети задумчивы. Крепко держатся за руки. Отец не знал, что Володя придумал игру: обойти цепью весь дом.

Но о чем-то отец догадался и с чувством сказал:

— Мои дорогие, дружите всегда, как сейчас.

ЗОЯ ИВАНОВНА ВОСКРЕСЕНСКАЯ

(Род. в 1907 г.)

МАМА

Мама!

Самое прекрасное слово на земле — мама.

Это первое слово, которое произносит человек, и оно звучит на всех языках мира одинаково нежно.

...У мамы самые добрые и ласковые руки, они все умеют. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нем никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остается равнодушным.

И сколько бы ни было тебе лет — пять или пятьдесят, тебе всегда нужна мать, ее ласка, ее взгляд. И чем больше твоя любовь к матери, тем радостнее и светлее твоя жизнь.

«Мамочка!» — ласково называл Владимир Ильич свою мать в детстве.

«Дорогая мамочка», — обращался он к ней в письмах из тюрьмы, из ссылки, из эмиграции.

«Берегите нашу мамочку, не оставляйте ее одну», — напоминал он сестрам и брату.

Мать Владимира Ильича Ленина, Мария Александровна Ульянова, прожила большую жизнь — восемьдесят один год. Она не состояла в организации революционеров, царские жандармы не заключали ее в тюрьму, не угоняли в ссылку. Но она воспитала всех своих детей революционерами и сама стала их верным единомышленником.

Дети ей отвечали большой любовью, вниманием и заботой.

В Ленинграде, на Волковом кладбище, на могиле Марии Александровны всегда живые цветы. Люди приносят их в знак благодарности и глубочайшего уважения к великому жизненному подвигу этой замечательной русской женщины, подарившей миру его гения — Владимира Ильича Ленина.

НА КОНЧИКЕ НИТКИ

Мама сидит на диване. Перед ней стоит Маняша. На руках у девочки растянута моток ниток. Мама сматывает нитки в клубок, берет две тоненькие блестящие спицы и показывает девочке, как надо вязать.

Едва заметно шевелятся мамины руки, и с левой спицы на правую, словно голубое ожерелье, нанизываются петли.

Маняше все понятно. Теперь она свяжет Мите шарф, и брат больше не будет болеть ангиной.

Девочка берет из маминых рук спицы, крепко сжимает их в пальцах, но поддеть и вытянуть кончиком спицы петлю не так-то просто.

— Вот если бы кончики были загнуты крючками, тогда было бы легче,— говорит Маняша.

А такими гладкими спицами могут управлять только мамины руки — они все умеют. Не прекращая вязания, мама может взглянуть в учебник и объяснить задачу. Слушать, как Оля играет на рояле, и уловить неправильно взятую ноту. Спросить у Володи про дела в гимназии и продолжать считать петли.

Легко шевелятся кисти рук у мамы, указательный палец все постукивает да постукивает о кончик спицы. У нее все легко и просто. А Маняша ковыряет спицами и зевает до слез. Обернулась — чему это так заразительно смеются Володя и Оля? — и вязание выпало из рук. Мурка прыгнула с дивана и подцепила его лапкой, и со спицы, как капельки, соскользнули петли и пролились на пол извилистой ниткой.

Маняша тяжело вздыхает.

— Мамочка, мне не хочется вязать,— говорит она, откладывая спицы в сторону.— Я лучше буду учиться шить.

— И шить ты научишься и вязать,— отвечает мама.— Нужно уметь делать.

— А зачем? — простодушно спрашивает Маняша.

— Мамочка, а если человеку не нравится какое-нибудь занятие, зачем же его заставлять? — заступает за сестру Оля. Мама покачала головой.

— Человек должен уметь все делать, чтобы обслуживать себя. Тогда он будет независимым, ему не потребуется просить других. А занятие в жизни надо выбрать то, которое по душе.

— Поэтому ты и Митю учишь шить на машинке? — спросила Оля.

— Да, он учится быть самостоятельным.

После обеда мама опять засадила Маняшу за работу.

— Это волшебный клубок. Когда весь вывяжешь, на кончике нитки получишь сюрприз.

— А нельзя сейчас размотать клубок и посмотреть, что там?

— Нет, сюрприз надо заработать.

Маняша старается. Руки уже не так напряжены, и петли перебегают с одной спицы на другую почти как у мамы, только медленнее.

К вечеру можно было видеть, что Маняша вяжет шарф, голубой, пушистый.

Клубок с каждым днем становился все меньше, шарф — длиннее.

И каждый раз, вернувшись из гимназии, Митя торопит Маняшу с уроками, хочет, чтобы она поскорее кончила вязанье.

На Свяге устроили каток, а мама без теплого шарфа не пускает. И Маняша поэтому не ходит на каток. Дети катаются парами: Володя с Олей, Митя с Маняшей.

Сегодня Маняша закончит шарф. Клубок сильно похудел и из круглого стал угловатым. Интересно, что это там, на кончике нитки?

Спицы в Маняшиных руках ходят легко и быстро. Теперь она может взглянуть на Мурку, когда кошка крадется к корзиночке, в которой бьется клубок, и отогнать ее ногой. Митя сидит на диване и торопит сестру.

— Потерпи немножко, совсем чуть-чуть осталось,— говорит ему Маняша.

Вот и последний ряд. Шарф закончен. Нитка натянулась.

Маняша тянет нитку — на кончике привязана маленькая дощечка шоколада.

Сюрприз!

Когда же мама сумела запрятать в клубок шоколадку, ведь она наматывала нитки вместе с ней, Маняшей?

— Мамочка, ты волшебница! — восхищается Маняша.

— А по-моему, волшебник тот, кто умеет простую нитку превратить в очень красивый и теплый шарф.

Мите шарф тоже очень понравился, он сразу повязал его на шею.

Оля и Володя в полном снаряжении ждут у дверей.

В шоколадке четыре дольки. Маняша отламывает и протягивает одну Оле, другую — Володе, третью — Мите, а четвертую разламывает пополам: маме и себе.

Сейчас все четверо побегут на каток.

Как много радости на кончике нитки!

ЯКОВ МАКСИМОВИЧ ПИНЯСОВ

(Род. в 1913 г.)

ОБЫКНОВЕННЫЕ ВАРЕЖКИ

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок. Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая прокуренная трубка — солдатская радость, и разный плотницкий инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревянные варежки. Из грубой овечьей шерсти, простой вязки, да еще заштопанные. Зачем он их бережет?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да Расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскорости после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года, стоял я на посту у Смольного, где помещалось первое Советское правительство.

Стоял я на посту и голыми руками держал винтовку. Не было тогда у часовых ни варежек, ни перчаток. Трудное было время — холодное и голодное. Только что свергли мы буржуев. Злобились они на нашу народную власть.

— Смотри зорче, солдат,— предупредил меня караульный начальник, бравоый матрос,— в этом доме сам товарищ Ленин. Понимаешь, как его беречь надо!

Понимаю, как же. Я солдат молодой, но в октябрьских боях участвовал, с юнкерами сражался. Винтовка у меня на боевом взводе. Смотрю в оба. А ночь студеная. С черного неба белая крупа сыплется. Ветер колючий, злой, за полы шинельки рвет. Руки знобит.

Дрожь меня пробирает. Топчусь, ежусь, пальцы дыханием грею, а сам думаю: «Мне-то еще ничего, какво теперь солдатам в окопах да в чистом поле». Замечтался я о теплой родной хате, о мирной жизни. Вдруг как фыркнет на меня автомобиль да как осветит глазами электрическими, так я в сторону, а штык вперед.

Из автомобиля выходит какой-то человек в штатском пальтишке, посматривает на меня прищурившись. Заметил, как я машины напугался, улыбается и хочет пройти в Смольный.

Рассердился я. Хочу спросить построже: «Ваш-ш пропуск?» — а губы замерзли, и вместо слов прошипел я что-то непонятное, как рассердившийся гусь.

Однако незнакомый человек понял, что я пропуск требую. В один карман, в другой. Ищет — не найдет. А злоющий ветер и за полы пальто и за рукава так и рвет, со всех сторон холодом продувает. Зябко ему.

Нашел все-таки. Протягивает бумажку, а я не могу, как положено, рассмотреть печать и подпись. Пальцы не разжимаются, к винтовке пристыли.

Заметил он это и говорит сочувственно:

— Очень вам холодно здесь, товарищ.

Поднес пропуск поближе, чтобы я разглядел печать. Показал и пошел по лестнице вверх.

Вот и все. Он ушел, а мне не по себе стало: зачем я так долго держал человека на таком злом ветру? И пальто на нем холодное, и ботинки без калош...

Вдруг вижу: бежит ко мне сам караульный начальник. Матросик наш боевой. В бескозырке. В распахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замерз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству пожаловался?

— Никому я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах дерзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы еще у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос.

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Еще бы! Царя сверг... мильон буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это все так — сила в нем необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ, Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушел в караулку.

На крыльце обернулся а крикнул весело:

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушел матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и заглохло. Как же это я Ленина на морозе держал, на студеном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие-красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошел, как доложил. Приставил руку к папахе по-военному. Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достает вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Сама связала.

Смотрю — хорошие варежки. Плотные, теплые. Два пальца отделно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять. Для нашего брата солдата гожи. Завидую, а брать стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего,— говорит,— берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

И сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я «спасибо» и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза, словно хотел еще раз увидеть эту милую сердцу картину.

Вздыхнул и сказал:

— Давно это было, а вот как сейчас помню... Да, такой-то вот получил я от товарища Ленина подарок. Душевный. Бесценный...

— Бесценный, а не сберег! — воскликнула внучка Наташа, пионерка. — Все варежки заштопанные. Как же ты мог изорвать ленинский подарок, дедушка?

— Солдатское дело. Они рвались, а я их штопал.

— Ты бы их получше спрятал, дедушка! — так и всплеснула руками внучка Мариша.

Дед Андрей усмехнулся:

— Зачем их прятать, разве это бриллианты какие? Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Чтобы винтовку лучше в руках держать да врагов бить, непонятные! — крикнул сестренкам внучонок Яша.

— Так я и делал, — сказал дед Андрей, убирая варежки в сундук. — Врагам спуску не давал, а всем добрым людям был защитой.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

(Род. в 1922 г.)

СНЕГИРЬ

В Горках, гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, березка, у самой березки — кусты.

Придет Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго-долго. Все смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило кругом дорожки. Елки в шубках стоят из снега. Разлетелись птицы. Остались в парке одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот еще один, с розовой. А вот

Рисунок Ю. Лаврухина

прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Сразу видать — озорник и проказник: на головке сбились перышки в хохолок. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был неглупый — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то хлебных крошек принесет для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Едва рассветет — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Вообще снегири непоседы. Эти, однако, прижились.

Любуется Ленин на птичку с красной, как знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку, грудку расправит, головку подымет — смотри, мол, Владимир Ильич, правда, я самый красивый?

— Правда, — ответит Ленин.

Резвится снегирь: прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с березки на елку, с елки на куст. То спорхнет, то снова присядет. Пронесется у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит: вот я какой! Правда, я самый проворный?

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте веселого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря.

Забеспокоился Ленин:

— Что же случилось?

А дело в том, что попался снегирь в силок. Поймал его мальчишка Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстречал Егорку. Мальчик снова пришел сюда, в парк, и снова силки расставил. Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский трюх, на огромные дедовы валенки.

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой? «Видел», — хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал: а что, если Ленин спросит: «Так где же снегирь?»

— Нет, не видел, — сказал Егорка.

— Неужели замерз снегирь? — тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле», — хотел было сказать Егорка. Но тут же осекся. Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замерз, замерз, — сокрушается Ленин. — Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет, — замахал головой. — Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит?!

— Прилетит, прилетит! — закричал Егорка.

Пришел Владимир Ильич на следующий день к березке.

Смотрит — прав оказался Егорка: сидит на ветке снегирь. А под березкой стоит Егорка.

Посмотрел Владимир Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй,— сказал Егорке.— Здравствуй,— сказал снегирю.— Где же ты пропадал?

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с березки глянул. Похолодело в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмет и все Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку?

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

(1895—1964)

ИЛЬИЧ И ДЕВОЧКА

Я вам стихи читать начну,
Я расскажу вам, дети,
Как в голод девочку одну
Ильич однажды встретил.
 Чтоб наша красная звезда
 Была навеки с нами,
 Тогда, в те трудные года,
 Сражались мы с врагами.
И Ленин очень занят был,
Но взял с собой малышку,
Ее согрел и накормил,
Достал с картинкой книжку.
 Среди больших и важных дел
 Смог малое увидеть...
 Людей любить Ильич умел,
 Умел и ненавидеть.
Он ненавидел всех господ,
Царя и генералов,
Зато любил простой народ,
Любил детишек малых.
 Все ребятишки в наши дни
 Растут, как сад весенний.
 Так пусть стараются они
 Таковыми быть, как Ленин!

**НИНА
ПАВЛОВНА
САКОНСКАЯ**

(1896—1951)

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Январь. Начало года. Морозец на дворе. Хорошая погода Бывает в январе.	Ильич встречал их шуткой, Смеялся звонче всех, Заботливо на шубках Отряхивая снег.
---	---

Вот снегом занесенный Знакомый парк, и в нем Старинные колонны Стоят у входа в дом.	Такие же морозные Тогда стояли дни. И загорались звездные За окнами огни.
--	--

Пологие ступени Снежок запорошил... Давно когда-то Ленин В этом доме жил.	Там елка ветви свесила, Вся в блестках и сладях. Ребятам было весело У Ленина в гостях.
--	--

Тогда еще на свете Нас не было с тобой, И в парк другие дети Сбегалися гурьбой.	Он всем дарил подарки, Смеялся от души... А нынче в старом парке Другие малыши.
--	--

И в этот день погожий,
Много лет спустя,
Они как будто тоже
У Ленина в гостях.

**СЕРГЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
МИХАЛКОВ**

(Род. в 1913 г.)

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
«Я поведу тебя в музей!» —
Сказала мне сестра.

Вот через площадь мы идём
И входим наконец
В большой, красивый красный дом,
Похожий на дворец.

Из зала в зал переходя,
Здесь движется народ.
Вся жизнь великого вождя
Передо мной встаёт.

Я вижу дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист,
Что из гимназий принёс
Ульянов-гимназист.

Здесь книжки выстроились в ряд —
Он в детстве их читал,
Над ними много лет назад
Он думал и мечтал.

Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале.

За днями дни, за годом год
Проходят чередой,
Ульянов учится, растёт,
На сходку тайную идет
Ульянов молодой.

Семнадцать минуло ему,
Семнадцать лет всего,
Но он — борец! И потому
Бойтся царь его!

Летит в полицию приказ:
«Ульянова схватить!»
И вот он выслан в первый раз,
В деревне должен жить.

Проходит время. И опять
Он там, где жизнь кипит:
К рабочим едет выступать,
На сходках говорит.

Идет ли он к своим родным,
Идет ли на завод —

Везде полиция за ним
Следит, не отстает...

Опять донос, опять тюрьма
И высылка в Сибирь...
Долга на Севере зима,
Тайга и вдаль и вширь.

В избе мерцает огонёк,
Всю ночь горит свеча.
Исписан не один листок
Рукою Ильича.

А как умел он говорить,
Как верили ему!
Какой простор он мог открыть
И сердцу и уму!

Не мало смелых эта речь
На жизненном пути
Смогла увлечь, смогла зажечь,
Поднять и повести.

И те, кто слушали вождя,
Те шли за ним вперед,
Ни сил, ни жизни не щадя
За правду, за народ!

Мы переходим в новый зал,
И громко, в тишине,
«Смотри, Светлана,— я сказал,—
Картина на стене!»

И на картине — тот шалаш
У финских берегов,
В котором вождь любимый наш
Скрывался от врагов.

Коса, и грабли, и топор,
И старое весло...
Как много лет прошло с тех пор,
Как много зим прошло!

Уж в этом чайнике нельзя,
Должно быть, воду греть,
Но как нам хочется, друзья,
На чайник тот смотреть!

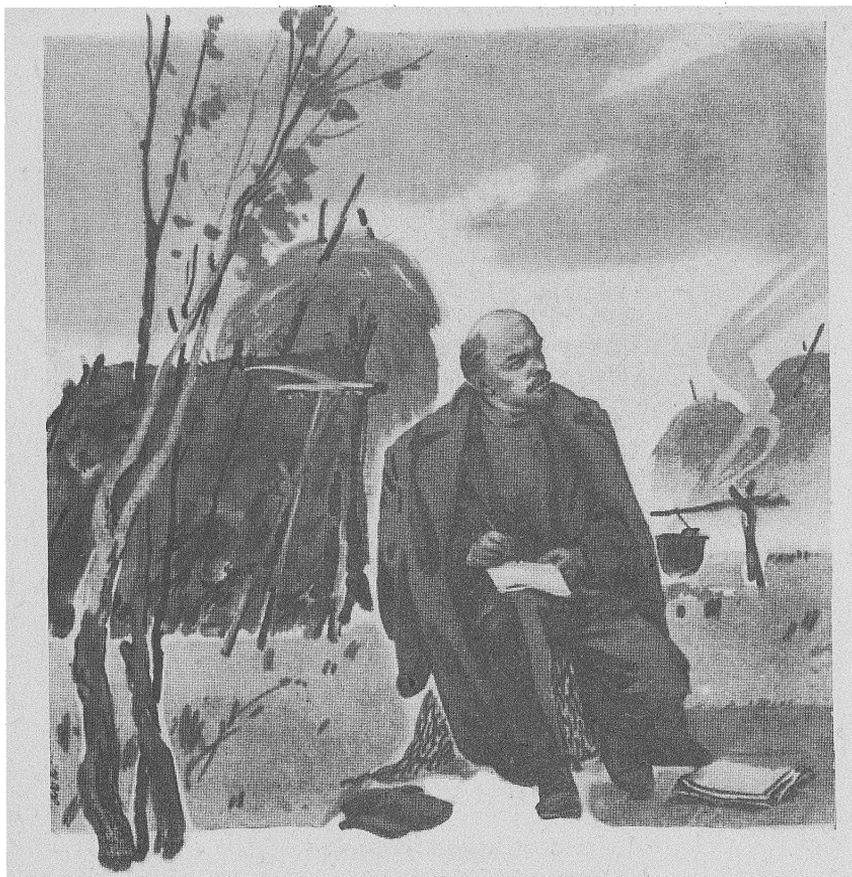

Рисунок *И. Ильинского*

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

Рабочий тащит пулемёт.
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Несут отряды и полки
Полотна кумача,
И впереди — большевики,
Гвардейцы Ильича.

Пришёл Октябрь. И свергли власть
Буржуев и дворян.
Так в Октябре мечта сбылась
Рабочих и крестьян.

Далась победа нелегко,
Но Ленин вёл народ.
И Ленин видел далеко,
На много лет вперёд.

И правотой своих идей —
Великий человек —
Он всех трудящихся людей
Объединил навек.

Как дорог нам любой предмет,
Хранимый под стеклом!
Предмет, который был согрет
Его руки теплом!

Подарок земляков своих,
Красноармейцев дар —
Шинель и шлем. Он принял их
Как первый комиссар.

Перо. Его он в руки брал
Подписывать декрет.
Часы. По ним он узнавал,
Когда идти в Совет.

Мы видим кресло Ильича
И лампу на столе.
При этой лампе по ночам
Работал он в Кремле.

Здесь не один рассвет встречал,
Читал, мечтал, творил,
На письма с фронта отвечал,
С друзьями говорил.

Крестьяне из далёких сёл
Сюда за правдой шли,
Садись с Лениным за стол,
Беседу с ним вели.

Жил Ленин в Горках под Москвой
И часто налегке
Ходил тропинкой полевой
И в рощу и к реке.

Он по пути встречал ребят
Из ближних деревень,
И с Ильичём был каждый рад
Гулять хоть целый день.

Сегодня дети тех ребят
Пришли на сбор в музей.
То юных ленинцев отряд —
Отряд ребят-друзей.

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Партии они
Торжественно дают:

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!

Клянёмся ленинским путём —
Прямее нет пути! —
За мудрым и родным вождём —
За Партией идти!»

**ОЛЬГА
ИВАНОВНА
ВЫСОТСКАЯ**

(1903—1970)

ВСЕГДА МЫ ПОМНИМ ЛЕНИНА

Всегда мы помним Ленина	Готовимся по-ленински
И думаем о нем.	Мы Родине служить,
Мы день его рождения	И труд любить по-ленински,
Считаем лучшим днем.	И дружбой дорожить.

Всегда мы помним Ленина
И думаем о нем.
Мы день его рождения
Считаем лучшим днем.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

(1893—1930)

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Крошка сын к отцу пришёл,
и спросила кроха:
— Что такое хорошо
и что такое плохо? —
У меня секретов нет,—
слушайте, детишки,—
папы этого ответ
помещаю в книжке.
— Если ветер крыши рвет,
если град загрохал,—
каждый знает — это вот
для прогулок плохо.
Дождь покапал и прошёл.
Солнце в целом свете.
Это — очень хорошо
и большим и детям.
Если сын чернее ночи,
грязь лежит на рожице,—

ясно, это плохо очень
для ребячьей кожицы.
Если мальчик любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик очень милый,
поступает хорошо.
Если бьёт дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого не хочу
даже вставить в книжку.

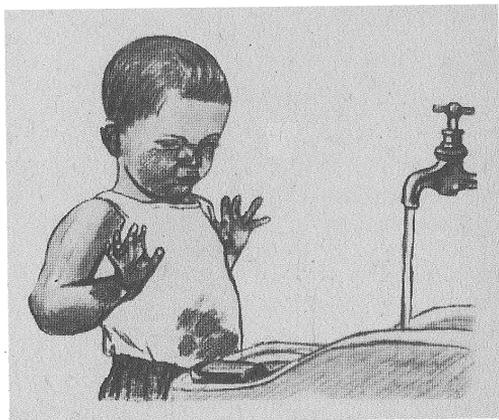

Рисунок А. Пахомова

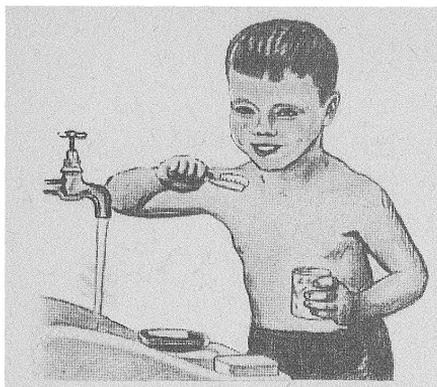

Рисунок А. Пахомова

Этот вот кричит:

— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!
Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрюта говорят:
плоховатый мальчик.
Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.
От вороны
карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
просто трус.

Это
очень плохо.
Этот,
хоть и сам с вершок,
спорт
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,
в жизни
пригодится.
Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.
Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.
Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свиненок.
Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо
и не буду — плохо».

КОНЬ-ОГОНЬ

Сын
отцу твердил раз триста,
за поупкою гоня:
— Я расту кавалеристом.
Подавай, отец, коня! —
О чём же долго думать тут?
Игрушек
в лавке
много вам.
И в лавку
сын с отцом идут
купить четвероногого.
В лавке им
такой ответ:
— Лошадей сегодня нет.
Но, конечно,
может мастер
сделать лошадь
всякой масти.—
Вот и мастер. Молвит он:
— Надо
нам достать картон.
Лошадей подобных тело
из картона надо делать.—
Все пошли походкой важной
к фабрике писчебумажной.
Рабочий спрашивать их стал:
— Вам толстый
или тонкий? —
Спросил
и вынес три листа
отличнейшей картонки.
— Кстати,
нате вам и клей.
Чтобы склеить —
клей налеп.
Тот, кто ездил,
знает сам,
нет езды без колеса.
Вот они у столяра.
Им столяр, конечно, рад.
Быстро,
ровно, а не криво,
сделал им колёсиков.
Есть колёса,
нету гривы,

нет
на хвост волосиков.
— Где же конский хвост
найти нам? —
Там,
где щётки и щетина.
Щетинщик возражать
не стал,—
чтоб лошадь вышла дивной,
дал
конский волос
для хвоста
и гривы лошадиной.
Спохватились —
нет гвоздей.
Гвоздь необходим везде.
Повели они отца
в кузницу кузнеца.
Рад кузнец.
— Пожалте, гости!
Вот вам
самый лучший гвоздик.—
Прежде чем работать сесть
осмотрели —
всё ли есть?
И в один сказали голос:
— Мало взять картон и волос.
Выйдет лошадь бедная,
скучная и бледная.
Взять художника и краски,
чтоб раскрасил
шерсть и глазки.—
К художнику,
удал и быстр,
вбегает наш кавалерист.
— Товарищ,
вы не можете
покрасить шерсть у лошади?
— Могу.—
И вышел лично
с краскою различной.
Сделали лошажье тело,
дальше дело закипело.
Компания остаток дня
впустую не теряла
и мастерить пошла коня

Рисунок А Пахомова

рубанком стругаем.
Хороши стружки —
желтые игрушки
А если
нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном

круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.
Сделали вот сколько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру —
лучше,
я бы строить дом пошел,
пусть меня научат.
Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу
Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание
славное,
живое словно.
Это будет
перед,
называется фасад.
Это
каждый разберет —
это ванна,
это сад.
План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.
Упираются леса
в самые небеса
Где трудна работка,
там
визжит лебедка;
подымает балки,
будто палки.
Переташит кирпичи,
закаленные в печи.
По крыше выложили жечь.
И дом готов,
и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нем
удобно и просторно.
Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше,
я б детей лечить пошел,

пусть меня научат.
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
— Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живете,
как животик? —
Погляжу
из очков
кончики язычков.
— Поставьте этот градусник
под мышку, детишки.—
И ставят дети радостно
градусник под мышки.
— Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.
Вам
в постельку лечь,
поспать бы,
вам —
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
все, конечно, заживет.—
Докторам хорошо,
а рабочим —
лучше,
я б в рабочие пошел,
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовет,
и мы приходим на завод.
Народа — уйма целая,
тысяча двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести ташим;

молот паровой
гнет и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим
Работа всякого
нужна одинаково
Я гайки делаю,
а ты
для гаек
делаешь винты.
И идет
работа всех
прямо в сборочный цех
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там —
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нес
и вез.
На заводе хорошо,
а в трамвае —
лучше,
я б кондуктором пошел,
пусть меня научат.
Кондукторам
езда везде.
С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно
— Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,

бери любые —
зеленые,
красные
и голубые —
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
и грейся
Кондуктору хорошо,
а шоферу —
лучше,
я б в шоферы пошел,
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофер я —
сдержать нельзя
Только скажите,
вам куда надо —
без рельсы
жителей
доставлю на дом
Е-
дем,
ду-
дим:
«С пу-
ти
уй-
ди!»
Быть шофером хорошо,
а летчиком —
лучше,
я бы в летчики пошел,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер
«В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,
ни града
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору

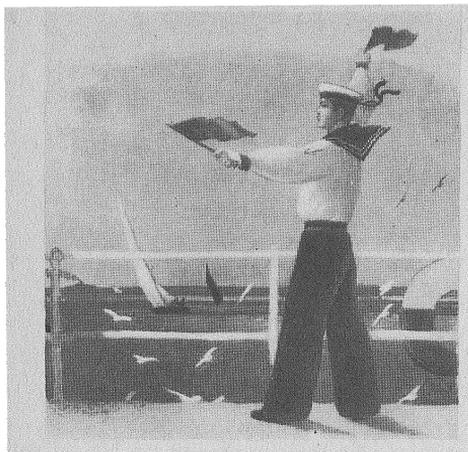

Рисунок Ю Коровина

облетаю гору
«Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна и масса звезд
совсем отдалены».

Летчику хорошо,
а матросу — лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске

якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете —
морской дорожкой,
на реях и по мачте
карабкаюсь кошкой.
Сдавайся, ветер выжженный,
сдавайся, буря скверная,
открою

полюс
Южный,
а Северный —
наверное.

Книгу перевероршив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай на вкус!

ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,
гонят лодки парусные.
Вечером,
а также к ночи
плавать в море трудно очень.
Все покрыто скалами,
скалами немалыми.
Ближе к суше
еле-еле
даже
днем обходят мели.
Капитан берет бинокль,
но бинокль помочь не мог.
Капитану так обидно —
даже берега не видно.

Закружит волна кружение,
вот
и кораблекрушение.
Вдруг —
обрадован моряк:
загорается маяк
В самой темени как раз
показался красный глаз.
Поморгал —
и снова нет,
и опять зажегся свет.
Здесь, мол, тихо —
все суда
заплывайте вот сюда
Бьется в стены шторм и вой.
Лестницу винтовой
каждый вечер,

ближе к ночи,
на маяк идет рабочий.
Наверху фонарище —
яркий,
как пджарище.
Виден он
во все моря,
нету ярче фонаря.
Чтобы всем заметиться,
он еще и вертится.
Труд большой рабочему —
простоять всю ночь ему.
Чтобы пламя не погасло,
подливает в лампу масло.
И чистит
исключительное
стекло увеличительное
Всем показывает свет —
здесь опасно или нет.
Пароходы,
корабли —
запыхтели,

загребли.
Волны,
как теперь ни ухайте,—
все, кто плавал,—
в тихой бухте.
Нет ни волн,
ни вод,
ни грома,
детям сухо,
дети дома.
Кличет книжечка моя:
— Дети,
будьте как маяк!
Всем,
кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу.
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал
дядя
Маяковский.

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ

(1882—1969)

МОЙДОДЫР

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!
Я хочу напиток чаю,

К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.
Что такое?
Что случилось?
Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?
Утюги
за
сапогами,
Сапоги

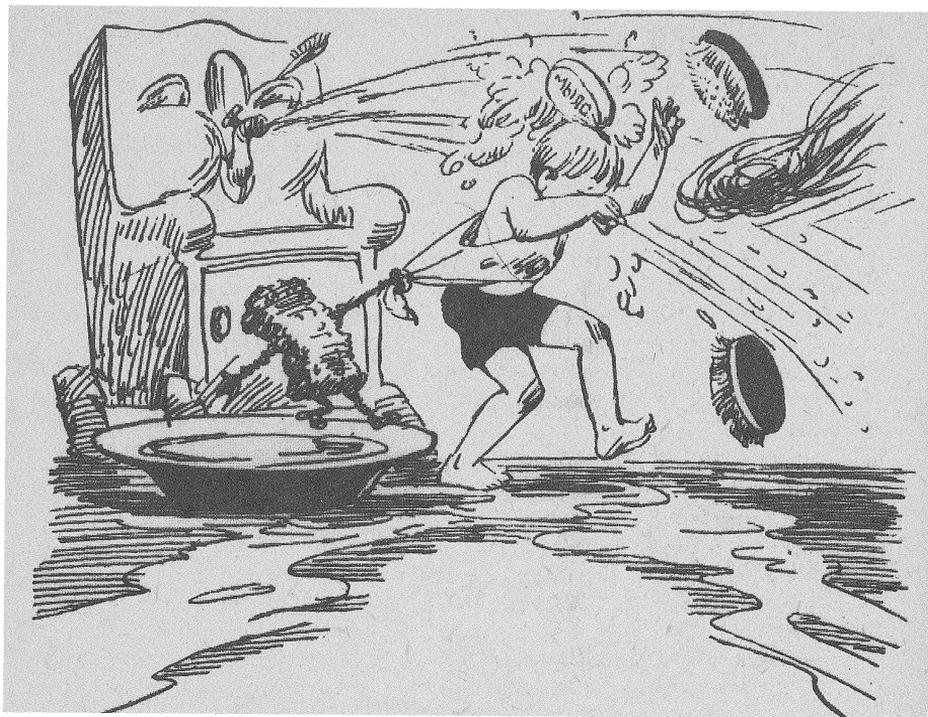

Рисунок Ю. Узбякова

за
пирогамы,
Пирогы
за
утогами,
Кочерга
за
кушаком —
Все вертётся,
И кружится,
И несётся кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросенок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя:

У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утята,
И жучки, и паучки

Ты один не умывался,
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки, и башмаки.

Я — Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!

Если топну́ я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоют,
И ногами застучат,
И тебе головомоюку,
Неумытому, дадут —
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»
И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица
Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотшей и Кокошей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:

«Уходи-ка ты домой
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то как налечу,
Говорит,
Расстопчу и проглочу!»
Говорит
Как пустился я по улице
бежать,
Прибежал я к умывальнику
опять,

Мылом, мылом,
Мылом, мылом
Умывался без конца,
Смыл и ваксу
И чернила
С неумытого лица
И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки

А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:
Подскочил — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилася тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам —

Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло
душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться,
плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,—
И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

ТЕЛЕФОН

1

У меня зазвонил телефон.
— Кто говорит?
— Слон.
— Откуда?
— От верблюда.
— Что вам надо?
— Шоколада.
— Для кого?
— Для сына моего.
— А много ли прислать?
— Да пудов этак пять
Или шесть:
Больше ему не съесть,
Он у меня еще маленький!

2

А потом позвонил
Крокодил
И со слезами просил:
— Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.
— Постой, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?
— Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждем не дождемся,
Когда же ты снова пришлешь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!

3

А потом позвонили зайчатки:
— Нельзя ли прислать
перчатки?
А потом позвонили мартышки:
— Пришлите, пожалуйста,
книжки!

4

А потом позвонил медведь.
Да как начал, как начал
реветь.
— Погодите, медведь, не
ревите,
Объясните, чего вы хотите? —
Но он только «му» да «му»,
А к чему, почему —
Не пойму!
— Повесьте, пожалуйста,
трубку!

5

А потом позвонили цапли:
— Пришлите, пожалуйста,
капли:
Мы лягушками нынче
объелись,
И у нас животы разболелись!

6

А потом позвонила свинья:
— Пришлите ко мне соловья.
Мы сегодня вдвоем

С соловьем
Чудесную песню споем.
— Нет, нет! Соловьи
Не поют для свиньи!
Позови-ка ты лучше ворону!

7

И снова медведь:
— О, спасите моржа!
Вчера проглотил он морского
ежа!

8

И такая дребедень
Целый день:
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень!
То тюлень позвонит, то олень.

А недавно две газели
Позвонили и запели:
— Неужели
В самом деле
Все сгорели
Карусели?

— Ах, в уме ли вы, газели?
Не сгорели карусели,
И качели уцелели!
Вы б, газели, не галдели,
А на будущей неделе
Прискакали бы и сели
На качели-карусели!

Но не слушали газели
И по-прежнему галдели:
— Неужели
В самом деле
Все качели
Погорели? —

Что за глупые газели!

9

А вчера поутру
Кенгуру:
— Не это ли квартира
Мойдодыра?
Я рассердился да как заорю:
— Нет! Это чужая квартира!!!
— А где Мойдодыр?
— Не могу вам сказать...
Позвоните по номеру
сто двадцать пять.

10

Я три ночи не спал,
Я устал.
Мне бы заснуть,
Отдохнуть...
Но только я лег —
Звонок!
— Кто говорит?
— Носорог!
— Что такое?
— Беда! Беда!
Бегите скорее сюда!
— В чем дело?
— Спасите!
— Кого?
— Бегемота!
Наш бегемот провалился
в болото...
— Провалился в болото?
— Да!
И ни туда, ни сюда!
О, если вы не придете —
Он утонет, утонет в болоте,
Умрет, пропадет
Бегемот!!!
— Ладно! Бегу! Бегу!
Если смогу, помогу!

11

Ох, нелегкая это работа —
Из болота тащить бегемота!

АЙБОЛИТ

1

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!

Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!

2

И пришла к Айболиту лиса:
«Ой, меня укусила оса!»

И пришел к Айболиту барбос:
«Меня курица клюнула в нос!»

И прибежала зайчиха
И закричала: «Ай, ай!
Мой зайчик попал под трамвай!
Мой зайчик, мой мальчик
Попал под трамвай!»

Он бежал по дорожке,
И ему перерезало ножки,
И теперь он больной и хромой,
Маленький зайныка мой!»

И сказал Айболит: «Не беда!
Подавай-ка его сюда!
Я пришью ему новые ножки,
Он опять побежит по дорожке».

И принесли к нему зайку,
Такого больного, хромого,
И доктор пришел ему ножки,
И зайныка прыгает снова.

А с ним и зайчиха-мать
Тоже пошла танцевать.
И смеется она и кричит:
«Ну, спасибо тебе, Айболит!»

Вдруг откуда-то шакал
 На кобыле прискакал:
 «Вот вам телеграмма
 От Гиппопотама!»

«Приезжайте, доктор,
 В Африку скорей
 И спасайте, доктор,
 наших малышей!»

«Что такое? Неужели
 Ваши дети заболели?»

«Да-да-да! У них ангина,
 Скарлатина, холерина,
 Дифтерит, аппендицит,
 Малярия и бронхит!

Приходите же скорее,
 Добрый доктор Айболит!»

«Ладно, ладно, побегу,
 Вашим детям помогу.
 Только где же вы живете?
 На горе или в болоте?»

«Мы живем на Занзибаре,
 В Калахари и Сахаре,
 На горе Фернандо-Пó,
 Где гуляет Гиппо-по
 По широкой Лимпопó».

И встал Айболит, побежал Айболит.
 По полям, по лесам, по лугам он бежит.
 И одно только слово твердит Айболит:
 «Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

А в лицо ему ветер, и снег, и град:
 «Эй, Айболит, воротися назад!»
 И упал Айболит, и лежит на снегу:
 «Я дальше идти не могу».

И сейчас же к нему из-за елки
 Выбегают мохнатые волки:

Рисунок *В Сутеева*

**«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя доведём!»**

**И вперед поскакал Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»**

5

Но вот перед ними море —
 Бушует, шумит на просторе,
 А в море высокая ходит волна,
 Сейчас Айболита проглотит она.

«О, если я утону,
 Если пойду я ко дну,
 Что станется с ними, с больными,
 С моими зверями лесными?»

Но тут выплывает кит:
 «Садись на меня, Айболит!
 И, как большой пароход,
 Тебя повезу я вперед!»

И сел на кита Айболит
 И одно только слово твердит:
 «Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

6

И горы встают перед ним на пути,
 И он по горам начинает ползти.
 А горы все выше, а горы все круче,
 А горы уходят под самые тучи!

«О, если я не дойду,
 Если в пути пропаду,
 Что станется с ними, с больными,
 С моими зверями лесными?»

И сейчас же с высокой скалы
 К Айболиту спустились орлы:
 «Садись, Айболит, верхом,
 Мы живо тебя довезем!»

И сел на орла Айболит
 И одно только слово твердит:
 «Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

7

А в Африке,
 А в Африке,
 На черной Лимпопó,
 Сидит и плачет
 В Африке
 Печальный Гиппопó.

И плясать и баловаться,
Лимпопо!

И акула Каракула
Правым глазом подмигнула
И хохочет, и хохочет,
Будто кто ее щекочет.

А малютки бегемотики
Ухватились за животики
И смеются, заливаются —
Так, что дубы сотрясаются.

Вот и Гйппо, вот и Пóпо,
Гйппо-пóпо, Гйппо-пóпо!
Вот идет Гиппопотам.
Он идёт от Занзибáра,
Он идет к Килиманджáро —
И кричит он, и поет он:
«Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!»

ПУТАНИЦА

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:
«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
Мяу, мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрюкали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

Только зайнышка
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:

«Кому велено чирикать —
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать —
Не чирикайте!

Не бывать вороне
Коровою,
Не летать лягушатам
Под облаком!»

Но веселые зверята —
Поросята, медвежата —
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,
Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.
Море пламенем горит.
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушеными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат — не потушат,
Заливают — не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крылышками помахала,
Стало море потухать —
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,

Ушками захлопали
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Мухи зажужжали:
Ж-ж-ж!

Лошади заржали:
И-и-и!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крикают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!

Мурочку баюкают,
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

ТАРАКАНИЩЕ

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.

А за ними кот
Задом наперед.

А за ним комарики
На воздушном шарике.

А за ними раки
На хромой собаке.

Волки на кобыле,
Львы в автомобиле.

Зайчики
В трамвайчике.

Жаба на метле...

Едут и смеются,
Пряники жуют.

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан,
Тараканище!

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу,
не помилую».

Звери задрожали,
В обморок упали.

Волки от испуга
Скушали друг друга.

Бедный крокодил
Жабу проглотил.

А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки-забияки
Не боятся бою-драки:
Хоть и пятятся назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:

«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами
Шевелить усами!»
И назад ещё дальше
попятились.
И сказал гиппопотам
Крокодилам и китам:

«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалуй!» —

«Не боимся мы его,
Великана твоего:
Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»

И веселою гурьбой
Звери кинулися в бой,

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).

По лесам, по полям
разбежались.
Тараканьих усов испугались.

И вскричал гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,

Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже
не дешевы».

И сидят и дрожат
Под кусточками,
За болотными прячутся
Кочками.

Крокодилы в крапиву
Забились,
И в канаве слоны
Схоронились.

Только и слышно
Как зубы стучат,
Только и видно,
Как уши дрожат.

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутек.

И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.

А за нею каракатица —
Так и пятится,
Так и катится.

Часть вторая

Вот и стал Таракан
победителем,
И лесов, и полей
повелителем,
Покорились звери усатому.

(Чтоб ему провалиться,
проклятому!)
А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери,
ваших детушек.
Я сегодня их за ужином
скушаю!»

Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге и
в каждой пещере
Злого обжору клянут.
Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребенка —
Медвежонка, волчонка,
слоненка,—

Чтобы несытое чучело
Бедную крошку
Замучило!
Плачут они, убиваются,
С малышами навеки
Прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,
Закричала сгоряча:
«Разве это великан?
(Ха-ха-ха!)
Это просто таракан!
(Ха-ха-ха!)
Таракан, таракан,
таракашечка,
Жидконогая козявочка-
Букашечка.

И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы — зубастые,
Вы — клыкастые,
А малявочке
Поклонились,
А козявочке
Покорились!»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что ты, что ты!

САМУИЛ
ЯКОВЛЕВИЧ
МАРШАК

(1887—1964)

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

СЛОН

Дали тувельку слону.
Взял он тувельку одну
И сказал: — Нужны пошире,
И не две, а все четыре!

ЖИРАФ

Рвать цветы легко и просто
Детям маленького роста,
Но тому, кто так высок,
Нелегко сорвать цветок!

ТИГРЕНОК

Эй, не стойте слишком близко
Я тигренок, а не киска!

ЗЕБРЫ

Полосатые лошадки,
Африканские лошадки,
Хорошо играть вам в прятки
На лугу среди травы!

Разлинованы лошадки,
Словно школьные тетрадки,
Разрисованы лошадки
От копыт до головы.

СОВЯТА

Взгляни на маленьких совят —
Малютки рядышком сидят.
Когда не спят,

Они едят.
Когда едят,
Они не спят.

СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

Пела ночью мышка в норке:
— Спи, мышонок, замолчи!
Дам тебе я хлебной корки
И огарочек свечи.

Побежала мышка-мать,
Стала утку в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя утка,
Нашу детку покачать.

Отвечает ей мышонок:
— Голосок твой слишком тонок.
Лучше, мама, не пищи,
Ты мне няньку поищи!

Стала петь мышонку утка:
— Га-га-га, усни, малютка!
После дождика в саду
Червяка тебе найду.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком громко ты поешь!

Побежала мышка-мать,
Стала жабу в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя жаба,
Нашу детку покачать.

Стала жаба важно квакать:
— Ква-ква-ква, не надо
плакать.
Спи, мышонок, до утра,
Дам тебе я комара.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень скучно ты поешь!

Побежала мышка-мать
Тетю лошадь в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя лошадь,
Нашу детку покачать.

— И-го-го! — поет лошадка.—
Спи, мышонок, сладко-сладко,
Повернись на правый бок,
Дам овса тебе мешок.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень страшно ты поешь!

Побежала мышка-мать
Тётю свинку в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя
свинка,
Нашу детку покачать.

Стала свинка хрипло хрюкать,
Непослушного баюкать:
— Баю-баюшки, хрю-хрю.
Успокойся, говорю.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень грубо ты поешь!

Стала думать мышка-мать:
Надо курицу позвать.
— Приходи к нам, тетя клуша,
Нашу детку покачать.

Закудахтала наседка:
— Куд-куда! Не бойся, детка!
Забирайся под крыло:
Там и тихо и тепло.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Этак вовсе не уснешь!

Побежала мышка-мать,
Стала щуку в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя щука,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку щука —
Не услышал он ни звука:
Разевает щука рот,
А не слышно, что поет...

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком тихо ты поешь!

Побежала мышка-мать,
Стала кошку в няньки звать:
— Приходи к нам, тетя кошка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку кошка:
— Мяу-мяу, спи, мой крошка!
Мяу-мяу, ляжем спать,
Мяу-мяу, на кровать.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Голосок твой так хорош!
Очень сладко ты поешь!

Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать,
Ищет глупого мышонка,
А мышонка не видать...

УСАТЫЙ-ПОЛОСАТЫЙ

Жила-была девочка.

Как ее звали?
Кто звал,
Тот и знал.

А вы не знаете.

Сколько ей было лет?

Сколько зим,
Столько лет,—
Сорока еще нет.

А всего четыре года.

И был у нее... Кто у нее был?

Серый,
Усатый,
Весь полосатый.

Кто это такой? Котенок.

Стала девочка котенка спать укладывать.

Вот тебе под спинку	Вот тебе под ушки
Мягкую перинку.	Белые подушки.
Сверху на перинку	Одеяльце на пуху
Чистую простынку.	И платочек наверху.

Уложила котенка, а сама пошла ужинать.

Приходит назад,— что такое?

Хвостик — на подушке,
На простынке — ушки.

Разве так спят? Перевернула она котенка, уложила, как надо:

Под спинку —
Перинку.
На перинку —
Простынку.
Под ушки —
Подушки.

А сама пошла ужинать. Приходит опять,— что такое?

Ни перинки,	А усатый,
Ни простынки,	Полосатый
Ни подушки	Перебрался
Не видать,	Под кровать.

Разве так спят? Вот какой глупый котенок!
Захотела девочка котенка выкупать.

Принесла	И водицы
Кусочек	Из котла
Мыла,	В чайной
И мочалку	Чашке
Раздобыла,	Принесла.

Не хотел котенок мыться —
Опрокинул он корытце
И в углу за сундуком
Моем лапку языком.

Вот какой глупый котенок!

Стала девочка учить котенка говорить:

— Котик, скажи: мя-чик.

А он говорит: мяу!

Скажи: ло-шадь.

А он говорит: мяу!

Скажи: э-лек-три-че-ство.

А он говорит: мяу-мяу!

Все «мяу» да «мяу»! Вот какой глупый котенок!

Стала девочка котенка кормить.

Принесла овсяной каши —
Отвернулся он от чашки.

Принесла ему редиски —
Отвернулся он от миски.

Принесла кусочек сала.
Говорит котенок: — Мало!

Вот какой глупый котенок!

Не было в доме мышей, а было много карандашей. Лежали они на столе у папы и попали котенку в лапы. Как помчался он вприпрыжку, карандаш поймал, как мышку,

И давай его катать —
Из-под стула под кровать,
От стола до табурета,
От комода до буфета.
Подтолкнет — и цап-царап!
А потом загнал под шкаф.

Ждет на коврик у шкапа,
Притаился, чуть дыша...
Коротка кошачья лапа —
Не достать карандаша!

Вот какой глупый котенок!

Закутала девочка котенка в платок и пошла с ним в сад.

Люди спрашивают: — Кто это у вас?

А девочка говорит: — Это моя дочка.

Люди спрашивают: — Почему у вашей дочки серые щечки?

А девочка говорит: — Она давно не мылась.

Люди спрашивают: — Почему у нее мохнатые лапы, а усы, как у папы?

Девочка говорит: — Она давно не брилась.

А котенок как выскочит, как побежит, — все и увидели, что это котенок — усатый, полосатый.

Вот какой глупый котенок!

А потом,

А потом

Стал он умным котом.

А девочка тоже выросла, стала ещё умнее и учится в первом классе сто первой школы.

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Однажды на грамбасе
Он ехал на вокзал.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,

И, двери открывая,
Вожатому сказал:

В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважаемый!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вагоноуважаемый
Глубокоуважаемый!

Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.

Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?

Стал натягивать гамаши —
Говорят ему: не ваши.

Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.

А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,

Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

— Это что за остановка —
Бологое иль Поповка? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

— Что за станция такая —
Дибунь или Ямская? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

ПОЖАР

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Дозорный у будки
Поглядывал вокруг —

На север,
На юг,
На запад,
На восток,—

Не виден ли дымок.

И если видел он пожар,
Плывущий дым угарный,
Он поднимал сигнальный шар
Над каланчой пожарной.

И два шара,
И три шара
Взвивались вверх, бывало.
И вот с пожарного двора
Команда выезжала.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая.
И мчалась с грохотом вперед
Команда удалая.

Теперь не надо каланчи —
Звони по телефону
И о пожаре сообщи
Ближайшему району.

Пусть помнит каждый
гражданин
Пожарный номер: ноль-один!

В районе есть бетонный дом —
В три этажа и выше —
С большим двором и гаражом
И с вышкой на крыше.

Сменяясь, в верхнем этаже
Пожарные сидят,
А их машины в гараже
Мотором в дверь глядят.

Чуть только — ночью или
днем —
Дадут сигнал тревоги,
Лихой отряд борцов с огнем
Несется по дороге...

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
— Печку, Леночка, не тронь.
Жжется, Леночка, огонь!

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В шелку красную глядит,
А в печи огонь гудит.

Приоткрыла дверцу Лена —
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,
Побежал по стульям
с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Но пожарные узнали,
Где горит, в каком квартале.
Командир сигнал дает,
И сейчас же — в миг единый —
Вырываются машины
Из распахнутых ворот.

Вдаль несутся с гулким
звоном.

Им в пути помехи нет.
И сменяется зеленым
Перед ними красный свет.
В пять минут автомобили
До пожара докатили.
Стали строем у ворот,
Подключили шланг упругий,
И, раздувшись от натуги,
Он забил, как пулемет.

Заклубился дым угарный,
Гарью комната полна.

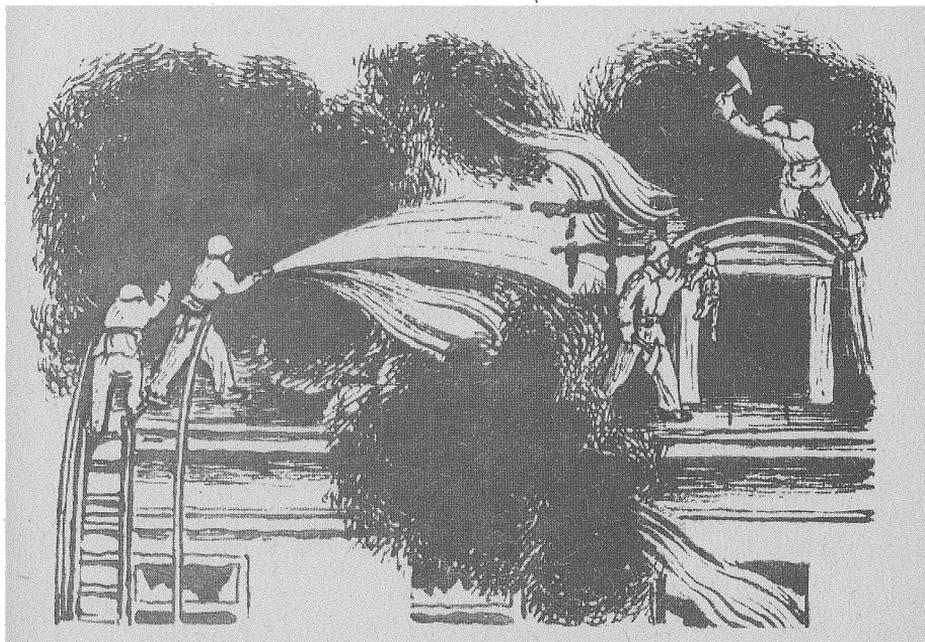

Рисунок В. Конашевича

На руках Кузьма-пожарный
Вынес Лену из окна.

Он, Кузьма,— пожарный
старый,
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Бился с пламенем не раз.

Ничего он не боится,
Надевает рукавицы,
Смело лезет по стене.
Каска светится в огне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий,
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.

Сунул голову в окошко,
Поглядел...— Да это кошка!
Пропадешь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне!..

Широко бушует пламя...
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Черным облаком густым
Под ногами вьется дым.

Пламя ежится и злится,
Убегает, как лисица.
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

Вот уж бревна почернели...
Злой огонь шипит из щели:
— Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!

— Замолчи, огонь
коварный! —
Говорит ему пожарный. —
Покажу тебе Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!

Оставайся только в печке,
В старой лампе и на свечке!

На скамейке у ворот
Лена горько слезы льет
На панели перед домом —
Стол, и стулья, и кровать...
Отправляются к знакомым
Лена с мамой ночевать.

Плачет девочка навзрыд,
А Кузьма ей говорит:
— Не зальешь огня слезами,
Мы водой потушим пламя.
Будешь жить да поживать.
Только чур — не поджигать!
Вот тебе на память кошка.
Посуши ее немножко!

Дело сделано. Отбой.
И опять по мостовой
Понеслись автомобили,
Затрубили, зазвонили.
Мчится лестница, насос,
Вьется пыль из-под колес.
Вот Кузьма в помятой каске.
Голова его в повязке,
Лоб в крови, подбитый глаз,—
Да ему не в первый раз.
Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром!

ВОЙНА С ДНЕПРОМ

Человек сказал Днепру: ...Человек сказал Днепру:

— Я стеной тебя запру. — Я стеной тебя запру,

Ты
С вершины
Будешь
Прыгать,
Ты
Машины
Будешь
Двигать!

— Нет,— ответила вода,—
Ни за что и никогда!

И вот в реке поставлена
Железная стена.
И вот реке объявлена
Война,
Война,
Война!

Выходит в бой
Подъемный кран,
Двадцатитонный
Великан,
Несет
В протянутой руке
Чугунный молот
На крюке.
Идет
Бурильщик,
Точно слон.
От ярости
Трясется он.
Железным хоботом
Звенит
И бьет без промаха
В гранит.

Вот экскаватор
Паровой.
Он роет землю
Головой,
И тучей
Носятся за ним
Огонь,
И пар,
И пыль,
И дым.

Чтобы,
Падая
С вершины,
Побежденная
Вода
Быстро
Двигала
Машины
И толкала

Поезда.
Чтобы
Столько
Полных

Бочек
Даром
Льющейся
Воды
Добывали
Для рабочих
Много хлеба
И руды.

Чтобы
Углем,
Сталью,
Рожью
Был богат
Наш край родной.
Чтобы солнце
Запорожья
Загорелось
Над страной!

Чтобы
Плуг
По чернозему
Электричество
Вело.
Чтобы
Улице
И дому
Было
Вечером
Светло!

КРУГЛЫЙ ГОД

ЯНВАРЬ

Открываем календарь —
Начинается январь.

В январе, в январе
Много снегу на дворе.

Снег — на крыше,
На крылечке.
Солнце в небе голубом.
В нашем доме топят печки.
В небо дым идет столбом.

ФЕВРАЛЬ

Дуют ветры в феврале,
Воют в трубах громко.
Змейкой мчится по земле
Легкая поземка.

Поднимаясь, мчатся вдаль
Самолетов звенья.
Это празднует февраль
Армии рождение.

МАРТ

Рыхлый снег темнеет в марте.
Тают льдинки на окне.
Зайчик бегаёт по парте
И по карте
На стене.

АПРЕЛЬ

Апрель, апрель!
На дворе звенит капель.
По полям бегут ручьи,
На дорогах лужи.
Скоро выйдут муравьи

После зимней стужи.
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь.
И расцвел подснежник.

МАЙ

Распустился ландыш в мае
В самый праздник — в первый
день.
Май цветами провожая,
Распускается сирень.

ИЮНЬ

Пришел июнь.
«Июнь! Июнь!» —
В саду щебечут птицы...
На одуванчик только дунь —
И весь он разлетится.

ИЮЛЬ

Сенокос идет в июле,
Где-то гром ворчит порой.
И готов покинуть улей
Молодой пчелиный рой.

АВГУСТ

Собираем в августе
Урожай плодов.
Много людям радости
После всех трудов.

Солнце над просторными
Нивами стоит.
И подсолнух зернами
Черными набит.

СЕНТЯБРЬ

Ясным утром сентября
Хлеб молотят села,
Мчатся птицы за моря —
И открылась школа.

ОКТАБРЬ

В октябре, в октябре
Частый дождик на дворе.
На лугах мертва трава,
Замолчал кузнечик.
Заготовлены дрова
На зиму для печек.

НОЯБРЬ

День седьмого ноября —
Красный день календаря.
Погляди в свое окно:
Все на улице красно.

Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.

Видишь, музыка идет
Там, где шли трамваи.

Весь народ — и млад и стар
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

ДЕКАБРЬ

В декабре, в декабре
Все деревья в серебре.
Нашу речку, словно в сказке,
За ночь вымостил мороз.
Обновил коньки, салазки,
Елку из лесу привез.

Елка плакала сначала
От домашнего тепла
Утром плакать перестала,
Задышала, ожила

Чуть дрожат ее иголки,
На ветвях огни зажглись.

Как по лесенке, по елке
Огоньки взбегают ввысь.

Блещут золотом хлопушки,
Серебром звезду зажег
Добежавший до верхушки
Самый смелый огонек.

Год прошел, как день
вчерашний.
Над Москвою в этот час
Бьют часы Кремлевской башни
Свой салют — двенадцать раз.

РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же значков —
Каждый
К труду-обороне
Готов!

Кто же,
Откуда
И что он за птица —
Парень,
Которого
Ищет столица?
Что натворил он
И в чем виноват?

Вот что в народе
О нем говорят.

Ехал
Один
Гражданин
По Москве —
Белая кепка
На голове,—

Ехал весной
На площадке трамвая,
Что-то под грохот колес
Напевая...

Вдруг он увидел —
Напротив
В окне
Мечется кто-то
В дыму и огне.

Много столпилось
Людей на панели.
Люди в тревоге
Под крышу смотрели:
Там из окошка
Сквозь огненный дым
Руки
Ребенок
Протягивал к ним.

Даром минуты одной
Не теряя,
Бросился парень
С площадки трамвая —
Автомобилю
Наперерез —
И по трубе
Водосточной
Полез.

Третий этаж,
И четвертый,
И пятый...
Вот и последний,
Пожаром объятый.
Черного дыма
Висит пелена.
Рвется наружу
Огонь из окна.

Надо еще
Подтянуться немножко.
Парень,
Слабея,
Дополз до окошка,

Встал,
Задыхаясь в дыму,
На карниз,
Девочку взял
И спускается вниз.

Вот ухватился
Рукой
За колонну.
Вот по карнизу
Шагнул он к балкону...
Еле стоит
На карнизе нога,
А до балкона —
Четыре шага.

Видели люди,
Смотревшие снизу,
Как осторожно
Он шел по карнизу..
Вот он прошел
Половину
Пути.
Надо еще половину
Пройти.

Шаг. Остановка.
Другой. Остановка.
Вот до балкона
Добрался он ловко,
Через железный
Барьер перелез,
Двери открыл —
И в квартире исчез...

С дымом мешается
Облако пыли.
Мчатся пожарные
Автомобили,
Щелкают звонко,
Тревожно свистят,
Медные каски
Рядами блестят.

Миг — и рассыпались
Медные каски.
Лестницы выросли
Быстро, как в сказке,

Люди в брезенте —
Один за другим —
Лезут
По лестницам
В пламя и дым...

Пламя
Сменяется
Чадом угарным.
Гонит насос
Водяную струю.
Женщина,
Плача,
Подходит
К пожарным:
— Девочку,
Дочку
Спасите
Мою!

— Нет,—
Отвечают
Пожарные
Дружно,—
Девочка в здании
Не обнаружена.
Все этажи
Мы сейчас обошли,
Но никого
До сих пор
Не нашли!

Вдруг из ворот
Обгоревшего дома
Вышел
Один
Гражданин
Незнакомый.
Рыжий от ржавчины,
Весь в синяках,
Девочку
Крепко
Держал он в руках.

Дочка заплакала,
Мать обнимая.
Парень вскочил
На подножку трамвая,

Тенью мелькнул
За вагонным стеклом,
Кепкой махнул
И пропал за углом...

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой

Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же
Значков.
К славному подвигу
Каждый
Готов!

УРОК РОДНОГО ЯЗЫКА

В классе уютном, просторном
Утром стоит тишина.
Заняты школьники делом:
Пишут по белому черным,
Пишут по черному белым,
Перьями пишут и мелом:
«Нам не нужна
Война!»

Стройка идет в Ленинграде,
Строится наша Москва,
А на доске и в тетради
Школьники строят слова.

Четкая в утреннем свете,
Каждая буква видна.
Пишут советские дети:
«Мир всем народам на свете.
Нам не нужна
Война!»

Мир всем народам на свете.
Всем есть простор на планете,—
Свет и богат и велик.
Наши советские дети
Так изучают язык.

ДЕТИ НАШЕГО ДВОРА

На дворе у нас живут
Многие герои.
Но ребята признают
Правило такое:

Ты гордись своим отцом,
Знатным гражданином,
Но и сам будь молодцом,
А не только сыном.

Тот, кто водит самолет
Дома по паркету,
Завтра в небо поведет
Самолет-ракету.

...Кто построил на дворе
Мост через канаву,—
Мост на Волге, на Днестре
Выстроит на славу.

Кто готовит для скворцов
Летний дом фанерный,—
Своды башен и дворцов
Выстроит наверно.

Дети нашего двора,
Крепнут ваши крылья.
Ваша детская игра
Завтра станет былью.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГИНИНА

(Род. в 1903 г.)

АЛЕНУШКА

1

А у нас есть девочка.
Звать ее Алenuшка,
Девочка-припевочка,
Круглая головушка.
Целый день «уа-уа»,
Вот и все ее слова.

2

Как у нашей дочки
Розовые щечки.
Как у нашей птички
Темные реснички.
Как у нашей крошки
Тепленькие ножки.
Как у нашей лапки
Ноготки-царапки.

3

Ой, ладушки-ладушки,
Испечем оладушки,
На окно поставим,
Остывать заставим,
А остынут — поедим
И воробышкам дадим.

Воробышки сели,
Оладушки съели,
Оладушки съели,
Шшу-у-у!.. — и улетели!

4

Мы не ляжем рано спать:
Дочку надобно купать.
Теплую водичку
Льем на нашу птичку.

Ой, с гуся вода,
С Аленушки худоба!
Дайте-ка пеленку
Завернуть Аленку!

5

Баю-баю-баиньки,
Прискакали зайньки:
— Спит ли ваша девочка,
Девочка-припевочка?
— Уходите, зайньки,
Не мешайте баиньки!

Люли-люли-люленьки,
Прилетели гуленьки:
— Спит ли ваша девочка,
Девочка-припевочка?
— Улетайте, гуленьки,
Дайте спать дочуленьке!

Завтра встанет солнышко,
Встанет и Аленушка.
Будет солнце греть,
Будет дочка петь.
Целый день «уа-уа»...
Полюбуйтесь какова!..

ВОТ КАКАЯ МАМА

Мама песню напевала,
Одевала дочку,
Одевала — надевала
Белую сорочку.
Белая сорочка —
Тоненькая строчка.

Мама песенку тянула,
Обувала дочку,
По резинке пристегнула
К каждому чулочку.
Светлые чулочки
На ногах у дочки.

Мама песенку допела,
Мама девочку одела:
Платье красное в горошках,
Туфли новые на ножках...

Вот как мама угодила —
К Маю дочку нарядила.
Вот какая мама —
Золотая прямо!

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ

Мама спит, она устала...
Ну, и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сажу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.
А по маминой подушке
Луч крадется золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу.

Я бы многого хотела —
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать,
Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
— Ничего,— шепнул он

Посидим и в тишине... будто,—

НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ ТРУДИТЬСЯ

Не мешайте мне трудиться!
Я водицы притащу
И колодезной водицей
Всех, конечно, угощу.
Пейте,
Пейте,

Не жалейте!
А хотите,
В лейку
Лейте,
Поливайте огород,
Он ведь тоже воду пьет!

ШИНЕЛЬ

— Почему ты шинель
бережешь? —
Я у папы спросила.—
Почему не порвешь,
не сожжешь? —
Я у папы спросила.—
Ведь она и грязна и стара,
Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядись-ка получше!

— Потому я ее берегу,—
Отвечает мне папа,—
Потому не порву, не сожгу,—
Отвечает мне папа,—
Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели!

МИРУ — МИР

Бабушка дала мне
Красный лоскуток.
Подарила шелку
Желтый моток.
Ножницы мы взяли,
Вырезали флаг
И на флаге
Написали так:
«Миру — мир».

Желтыми стежками
Буквы обведу,
На Октябрьский праздник
Я гулять пойду.
Алый флаг взвьется
У меня в руке,
И прочтут все люди
На моем флажке:
«Миру — мир».

**АГНИЯ
ЛЬВОВНА
БАРТО**

(1906—1982)

ИГРУШКИ

БЫЧОК

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

ЗАЙКА

Зайку бросила хозяйка,—
Под дождем остался зайка.
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок.

МИШКА

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.

Все равно его не брошу —
Потому что он хороший.

МЯЧИК

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
— Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

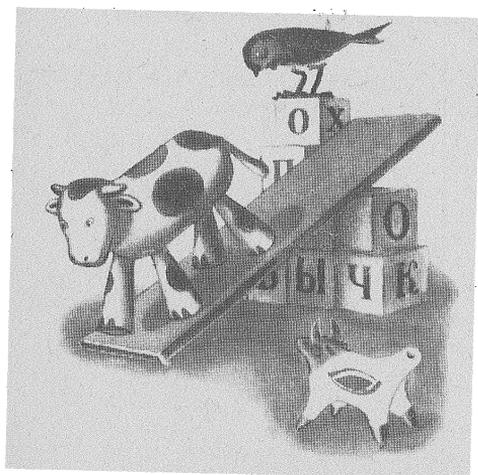

Рисунок *В. Конашевича*

ГРУЗОВИК

Нет, напрасно мы решили
Прокатить кота в машине:
Кот кататься не привык —
Опрокинул грузовик.

ВОВКА — ДОБРАЯ ДУША

ШЛА ВЧЕРА Я ПО САДОВОЙ...

Шла вчера я по Садовой,
Так была удивлена —
Паренек белоголовый
Закричал мне из окна:

— С добрым утром!
С добрым утром!
Я спросила: — Это мне? —
Улыбнулся он в окне,

Закричал еще кому-то:
— С добрым утром!
С добрым утром!
Малышам и взрослым людям
Паренек махал рукой,
С ним теперь знакомы будем:
Это Вовка,— есть такой!

*КАК ВОВКА СТАЛ СТАРШИМ
БРАТОМ*

— У меня есть старший брат,
Очень умный парень! —
Уверяет всех ребят
Таня на бульваре.—

В красном галстуке он ходит,
В пионерской форме,
Сорняки на огороде
Вырывает с корнем!

И толстушка Валечка
Старшим братом хвалится:

— Если кто меня обидит —
Старший брат в окно увидит.

Если я заплакала —
Он проучит всякого.

Он готов меня спасти
И от тигра лютого,
Десять лет ему почти,
Павликом зовут его.

Катя в красном платье
Как расплечется:

— Я одна ничья сестра,—
Цапнул кот меня вчера.
Что ж, меня кусай, царапай...
Я одна у мамы с папой,
Нету братьев у меня,
Папа с мамой — вся родня.

К ней подходит не спеша
Вовка — добрая душа.

Объявляет он ребятам:
— Буду Кате старшим братом.
С понедельника, с утра,
Будешь ты моя сестра.

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто,

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Подждал ее в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирях.

Было сухо, но калоши
Я послушно надевал.
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал.

Сколько снега намело!
Но флажками расцвело
Зимнее село,
И глядит с календаря
День Седьмого ноября —
Красное число.

Календарь такой же самый
В тихом домике над Камой,

В новом доме на Днепре
Красный день в календаре,

И на юге, где тепло,
Тоже красное число.

Туфли-босоножки,
Песчаные дорожки,

В море теплая вода —
Детский сад бежит сюда.

Флаги в гавани висят.
Вслух считает детский сад:
— Посмотрите, сколько флагов!
Десять! Двадцать!
Пятьдесят!

2

Об Октябре поет Москва,
О празднике великом,
И слышны ее слова
И русским и таджикам.

И слышат праздничный салют
Мальчики-якуты,
А самый маленький якут
Считает вслух салюты.

Всех пионеров, всех ребят
Октябрь сдружил навеки.
Он у костра собрал отряд,
Он много лет тому назад
Зажег костер в Артеке.

И у братьев и сестер
На значках горит костер.
Вот, косички по привычке
Поправляя на ходу,

В пары строятся москвички —
Детский сад несет звезду.

Пляшет девочка-узбечка,
На руке блестит колечко.

У узбечки нет привычки
Две косички заплетать:
У москвички — две косички,
У узбечки — двадцать пять.

В Стране советской всех ребят
Октябрь сдружил навеки,
Он у костра собрал отряд,
Он много лет тому назад
Зажег костер в Артеке.

Рисунок Г. Алимова

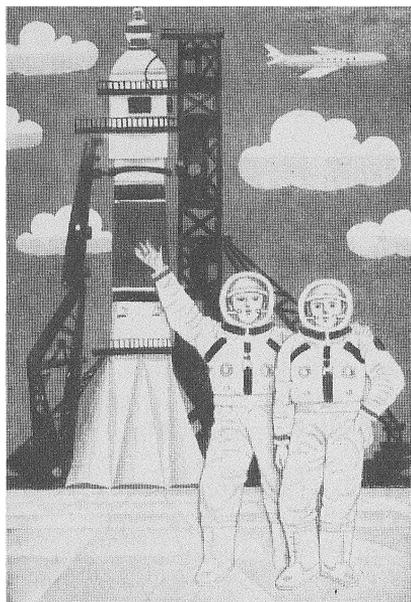

Рисунок Г. Алимова

3

Скоро станут косами
Тонкие косички,
Скоро станут взрослыми
Девочки-москвички.
Будут звать по отчеству
Бывших пионеров:

Летом весь Звенигород
Полон птичьим свистом.
Там синицы прыгают
По садам тенистым.

Там дома со ставнями
На горе поставлены,
Лавочка под кленами,
Новый дом с балконами.

Новый, двухэтажный
На пригорке дом.

Агронома, летчицу,
Новых инженеров.
«Мне б учительницей стать! —
Думает узбечка.—
Буду детям ставить «пять»
За каждое словечко».

Самый маленький якут
Будет агрономом —
Пусть в тайге хлеба растут
Прямо перед домом!

Выйдут в степи чабаны,
В цех войдут бригады —
Для своей родной страны
Все трудиться рады!

Пусть посадит садовод
Новый сад фруктовый.
Новый выстроишь завод,
Дом построишь новый!

Хочешь — космонавтом будь,
Хочешь — в море плавай!
Выходи смелее в путь,
Возвратись со славой!

А сегодня праздник твой,
Гром салютов над Москвой!

От знамен везде светло,
Всюду — красное число.

ЗВЕНИГОРОД

Тридцать юных граждан
Проживают в нем.

На реке с восьми часов
Затевают игры,
И от звонких голосов
Весь звенит Звенигород.

Вдалеке зеленый бор
Виден в окна спальни...
Тридцать братьев и сестер
В лес уходят дальний.

Хорошо в лесу густом!
Отдыхай под елкой,
Под ореховым кустом
Ты орешки шелкай.
А зимой катайся с гор
И у печки грейся.
Тридцать братьев и сестер —
Шумное семейство.

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети.
Анна Павловна встает
Рано, на рассвете.

Тишиной наполнен сад,
И, как будто в сказке,
Три медведя мирно спят
На пустой терраске.

Беготни пока тут нет,
Непривычно тихо,
Но приходит на совет
Настя, повариха.

Сарафаны принесла
Тетя Шура, прачка.
Начинаются дела,
И пойдет горячка.

Дети встанут, прибегут,
Сто вопросов зададут,
Тысячу вопросов:

— Сколько лет слоны живут?
— Кто был Ломоносов?
— Где течет река Нева?
— А когда же спит сова?

Лейки выстроятся в ряд,
Садоводы мчатся в сад —
Пусть работают в саду,
Приучаются к труду!

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети.
Анна Павловна встает
Рано, на рассвете.

Видит всех она насквозь...
Вдруг подходит к Ване,
Говорит: — Лягушку брось,
Не держи в кармане!

А кто болен, кто здоров,
Узнает без докторов.

Что же это за семья?
Дочки тут и сыновья...

Здесь со всех концов страны
Собраны ребята:
В этот дом их в дни войны
Привезли когда-то...

После, чуть не целый год,
Дети рисовали

Сбитый черный самолет,
Дом среди развалин.

Вдруг настанет тишина,
Что-то вспомнят дети...
И, как взрослый, у окна
Вдруг притихнет Петя.

До сих пор он помнит мать...
Это только Лелька
Не умеет вспоминать —
Ей три года только.

У Никиты нет отца,
Мать его убита.
Подобрали два бойца
У сожженного крыльца
Мальчика Никиту.

Был у Клавы старший брат,
Лейтенант кудрявый,
Вот на карточке он снят
С годовалой Клавой.
Защитил он Сталинград,
Дрался под Полтавой.

Дети воинов, бойцов
В этом детском доме.
Здесь портреты их отцов,
Карточки в альбоме.

Вот какая тут семья —
Дочки тут и сыновья.

**ЗИНАИДА
НИКОЛАЕВНА
АЛЕКСАНДРОВА**

(1907—1983)

МОЙ МИШКА

Я рубашку сшила мишке,
Я сошью ему штанишки.
Надо к ним карман пришить
И платочек положить.

На плите сварилась каша.
Где большая ложка наша?

Я тебе перед едой
Лапы вымою водой.

Повяжу тебе салфетку —
Ешь котлетку, ешь конфетку,
Молоко свое допей
И пойдем гулять скорей.

Это куры, это утки.
Черный Шарик возле будки.
Мы его не позовем,
Убежим гулять вдвоем.

Пьет козленок из корыта,
На тебя глядит сердито.
Ты не бойся — это гусь.
Я сама его боюсь!

Мы по узенькой дощечке
Побежим купаться в речке,
Будем плавать, загорать,
Наши трусики стирать.

Мишка топал, баловался —
Легкий мостик зашатался,
По воде идут круги...
— Шарик, Шарик, помоги!

Мишка мокрый, будто губка,
Сохни, плюшевая шубка.
Шарик убежал вперед...
Нам от мамы попадет!

ВЕТЕР НА РЕЧКЕ

Возле речки детский сад,
На лугу ромашки...
Сорок маленьких ребят
Бегают в пятнашки.

По дорожке побеги, побеги, поймай-ка
Голубые трусики, беленькие майки!

Мы приехали сюда,
Ходим за цветами,
Солнце, воздух и вода
На прогулках с нами.

Одинаковые все, кружат по лужайке
Голубые трусики, беленькие майки.

Мы купаться побежим,
Голышами ляжем,
Ветер, ты посторожи
Трусики на пляже!

Ветер дунул, обманул — и летят, как чайки,
Голубые трусики, беленькие майки.

Кто поймает всех скорей?
Ну-ка, без оглядки!..
Распугали пескарей
Озорные пятки.

Ух, поймали!.. На кусты сели сохнуть стайкой
Голубые трусики, беленькие майки.

САРАФАНЧИК

Сшили Тане сарафанчик —
Нет такого у подруг:
Ярко-желтый одуванчик,
Колокольчики вокруг.

Чтобы ситец сделать Тане,
Много было всем хлопот.
Далеко в Узбекистане
Хлопок на поле растет.

Там жара, как будто в печке,
На песке лежит верблюду,
В поле смуглые узбечки
С ребятишками идут.

Дед в узорной тюбетейке,
Внучка с косами до пят.
Поле это не из лейки —
Из арыка напоят.

Зацветут кусты весной,
Но цветы не надо рвать:
Пусть в коробочках под зноем
Будет хлопок созревать.

Вот коробочки раскрылись,
Хлопок выглянул на свет,—
Как барашек белый, вылез,
В шубку теплую одет.

Весь колхоз пришел с мешками
Спелый хлопок собирать.
Брать его двумя руками
Ребятишек учит мать.

Но машина в поле белом
Всех проворней, всех быстрее
Собирает хлопок спелый —
Не угонишься за ней!

По степям, лесам зеленым
Паровоз летит вперед.
Хлопка полные вагоны
Машинист в Москву везет.

Паровоз бежит по ветке,
По фабричному пути...
Много в новой пятилетке
Надо хлопка привезти!

Много надо сделать тканей,
Ярких, как весенний сад,
Для тебя, для нашей Тани
И для всех других ребят.

Скоро хлопок станет ситцем,
Уж работа началась...
Будут хлопок мастерицы
На больших машинах прясть.

Чтобы нитки крепче стали
И не путались комком,
Хлопок много раз чесали
Частым длинным гребешком.

Шумом, шелестом и звоном
Вся прядильная полна.
Закружились веретена,
Будто детская юла.

Вихрем надо им кружиться,
Много пряжи намотать,
Чтоб скорее мастерицы
Сарафанчик стали ткать.

Пряжа смотана мотками,
Быстро бегаёт челнок.

У ткачихи под руками
Ткань бежит, как ручеек.

Ручеек бежит не тихо —
Он летит, как водопад,
Чтоб одеть могла ткачиха
Сразу тысячу ребят.

Славный будет сарафанчик,
Рада Танечка моя.
Только где же одуванчик?
Ткань бела, как простыня.

Много надо повозиться,
Много будет всем хлопот —
И на белом гладком ситце
Колокольчик зацветет.

Ведь художница немало
Обошла полей и гор
И для ситца срисовала
Яркий, радостный узор.

Там венки из маков красных,
Из ромашек полевых.
Много будет тканей разных,
Пестрых ситцев набивных!

Напечатали на ткани
Полевой букет цветов.
Посмотри скорее, Таня,
Сарафан почти готов!

Ярко-желтый одуванчик,
Колокольчики вокруг...
Сшили Тане сарафанчик,
Сшили платья для подруг.

БЕЛАЯ ЧЕРЕМУХА

Расцвела черемуха
Около ручья,
На апрельском солнышке
Ветками шепча.

Легкая как облачко,
Чистая как снег.

Радовался деревцу
Каждый человек.

Приходили девочки
Посидеть под ней,
И могла цвести она
Много-много дней.

— Это чья черемуха?
— Да она ничья,
Белая снегурочка
Около ручья...

Мимо бабка ехала.
Оглядысь вокруг,
Сразу от черемухи
Отломила сук.

Городские школьники
Шли в далекий путь.

Увидав черемуху,
Стали ветки гнуть.

Прибежали девочки,
А снегурки нет.
Лишь в пыли валяется
Вянущий букет.

А была черемуха
Чистая как снег,
Радовался деревцу
Каждый человек.

РОДИНА

Если скажут слово — Родина,
Сразу в памяти встает
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.

У реки березка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор.

В лужах первые кораблики,
Над скакалкой топот ног,
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

(Род. в 1913 г.)

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?
— А у нас сегодня гость.

А у вас?
— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?

— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презеленый красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привез дрова —
Это два.

А в-четвертых, наша мама
Отправляется в полет,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — летчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.

А у Левы мама — повар.
Мама — летчик?
Что ж такого!

— Всех важней,— сказала
Ната,—
Мама-вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть
портнихой?

Кто трусы ребятам шьет?
Ну, конечно, не пилот.

Летчик водит самолеты —
Это очень хорошо.

Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мама разные нужны,
Мама всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

ПЕСЕНКА ДРУЗЕЙ

Мы едем, едем, едем
В далекие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.

Нам весело живется,
Мы песенку поем,
И в песенке поется
О том, как мы живем.

Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижику, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Когда живется дружно,
Что может лучше быть!
И ссориться не нужно,
И можно всех любить.
Ты в дальнюю дорогу
Бери с собой друзей:
Они тебе помогут,
И с ними веселей.

Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижику, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Мы ехали, мы пели,
И с песенкой смешной

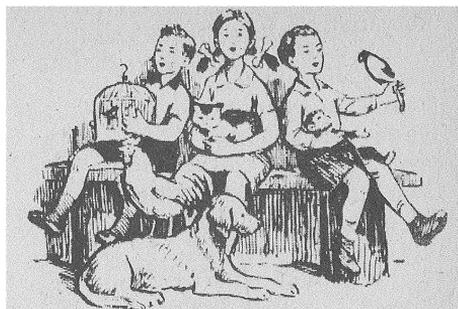

Рисунок Ф. Глебова

Все вместе, как сумели,
Приехали домой.
Нам солнышко светило,
Нас ветер обвевал;
В пути не скучно было,
И каждый напевал:

— Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижику, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

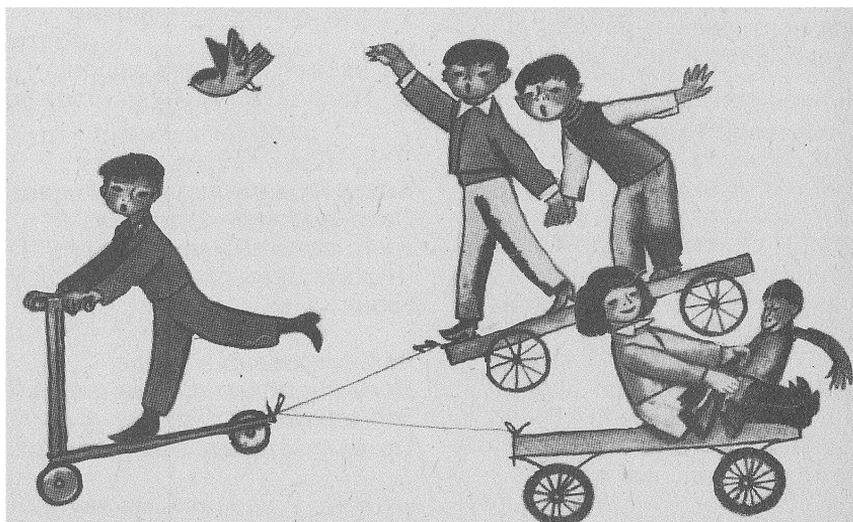

Рисунок Ф. Лемжуля

ДЯДЯ СТЕПА

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча»,
По фамилии Степанов,
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Степу
За такую высоту.
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя, книги брал со шкапа.
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на пол —
Вам, товарищ, все равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:

Пропускали дядю Степу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет.

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живешь? — кричат
ребята.
Он чихнет — ребята хором:
— Дядя Степа, будь здоров!

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал,
Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.

— Вам, — кричат Степану
люди, —
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Степе две минуты
Остается до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.

А внизу народ хохочет:
— Вышка с вышки прыгать
хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еле влез.
— Разрешите обратиться,
Я за выстрелы плачу.
В этот шар и в эту птицу
Я прицелиться хочу!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Степа просит кассу:
— Я пришел на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно
просто, —
Раздается дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!

Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!

На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста. —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Дядя Степа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно, —
Дяде Степе говорят.

— Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:
— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжаем к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь
размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
Дом пылает за углом,

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый,
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Степа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.
Дали отпуск моряку.

Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!

Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята
Пионеры, октябрята,—
Что знакомы с дядей Степой,
С настоящим моряком.

Он домой идет с Арбата.
— Как живешь? — кричат
ребята.

И теперь зовут ребята
Дядю Степу «Маяком».

ПРО МИМОЗУ

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате?
Кто лежит на трех подушках
Перед столиком с едой
И, одевшись еле-еле,
Не убрав своей постели,
Осторожно моет щеки
Кипяченою водой?

Это, верно, дряхлый дед
Ста четырнадцати лет?
Нет.

Кто, набив пирожным рот,
Говорит: — А где компот?
Дайте то,
Подайте это,
Сделайте наоборот!

Это, верно, инвалид
Говорит?
Нет.

Кто же это?
Почему
Ташат валенки ему,
Меховые рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,

Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа умереть,
Если солнце светит с неба,
Если снег полгода не был?

Может, он на полюс едет,
Где во льдах живут медведи?
Нет.

Хорошенько посмотрите —
Это просто мальчик Витя,
Мамин Витя,
Папин Витя
Из квартиры номер шесть.

Это он лежит в кровати
С одеялами на вате,
Кроме плюшек и пирожных,
Ничего не хочет есть.

Почему?
А потому,
Что только он глаза откроет,—
Ставят градусник ему.
Обувают,
Одевают
И всегда, в любом часу,
Что попросит — то несут.

Если утром сладок сон —
Целый день в кровати он.
Если в тучах небосклон —
Целый день в галошах он.

Почему?
А потому,
Что все прощается ему,
И живет он в новом доме,
Не готовый ни к чему.

Ни к тому, чтоб стать пилотом,
Быть отважным моряком,
Чтоб лежать за пулеметом,
Управлять грузовиком.

Он растет, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду.

МИР

Женя празднует рождение,
Юбиляру восемь лет!
Подарили гости Жене:
Пушку, танк и пистолет.

И, совсем как настоящий,
Как бывает у солдат,—
Черный, новенький, блестящий,
С круглым диском автомат.

Гости кушали ватрушки,
Женя в комнате играл —
Он военные игрушки
По частичкам разобрал.

— Что же ты наделал, Женя?!
Все сломал? Какой кошмар!..
— У меня разоруженье! —
Громко крикнул юбиляр.

НЕДОТЕПА

«Талантливые дети
Надежды подают:
Участвуют в концертах —
Танцуют и поют.

А детские рисунки
На тему «Мир и труд»
Печатают в журналах,
На выставки берут.

И только недотепам
К успеху путь закрыт...» —
Моя родная мама
Мне это говорит.

Но я не возражаю,
А, губы сжав, молчу,
И я на эту тему
С ней спорить не хочу.

Пусть другие дети
Надежды подают:

Картиночки рисуют,
Танцуют и поют,

На скрипочках играют,
Снимаются в кино —
Что одному дается,
Другому не дано.

Я знаю, кем я буду
И кем я стать могу:
Когда-нибудь из дома
Уеду я в тайгу.

И с теми, с кем сегодня
Я во дворе дружу,
Железную дорогу
В тайге я проложу.

По рельсам к океану
Помчатся поезда,
И мама будет сыном
Довольна и горда.

Она меня сегодня
Стыдила сгоряча —
Строитель в наше время
Не меньше скрипача.

БЫЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Спать легли однажды дети —
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете —
В окнах свет и нет войны!

Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налетов не бояться,
И ночных тревог не ждать.

Отменили затемнение,
И теперь на много лет
Людям только для лечения
Будет нужен синий свет.

Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих — ордена.
Где они не побывали,
И в какие только дали
Не бросала их война!

Не расскажешь в этой были,
Что за жизнь они вели;
Как они в Карпатах стыли,
Где рекой, где морем плыли,
Как в восьми столицах жили,
Сколько стран пешком прошли.

Как на улицах Берлина
В час боев нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына —
Русский сын и сын грузина —
Водрузили Красный флаг.

От Берлина до Амурса,
А потом до Порт-Артура,

Что лежит у теплых вод,
Побывали на Хингане,
Что всегда стоит в тумане,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Говорит сосед соседу:
— Как домой к себе приеду,
Сразу в школу загляну
И колхозных ребятишек —
Танек, Манек, Федек, Гришек —
Я опять учить начну.

— Ну, а я домой приеду, —
Говорит сосед соседу, —
После фронта отдохну,
Поношу еще с недельку
Гимнастерку и шинельку,
Строить в городе начну,
Что разрушено в войну!

— А по мне колхоз скучает, —
Третий с полки отвечает, —
Мой колхоз под Костромой.
Еду я восьмые сутки
Да считаю всё минутки —
Скоро, скоро ли домой?!

День и ночь бегут вагоны,
По шоссе идут колонны
Фронтowych грузовиков,
И поют аккордеоны
О делах фронтовиков...

Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),
Как горды солдаты были,
Что народ встречает их.
Их — защитников своих!

И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:

Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.

Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель —
Красной Армии солдат!

...Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,

Счет ведет полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копиям и заводам
И в пример другим народам
Управляет ими сам!

И у нас стоят у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий — мастер
И колхозный бригадир.

Выбираемый народом
Наш советский депутат
Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.
Он богат своей свободой
И сознанием того,

Что от имени народа
Он вершит судьбу его!

...Соберутся две Палаты,
Бьются рядом депутаты:
Белорус и армянин,
Украинец, молдаванин,
Осетин, казах, татарин,
И эстонец, и грузин —
Все народы, как один!

Их немало соберется,
Сыновей и дочерей:
И солдат, и полководцев,
И других богатырей!..

С нашей Партией любимой
Мы нигде не делимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна.

Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ
И за Партией идет,
Кто хоть что-то сделать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живет!

Так поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

ГЕОРГИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЛАДОНЩИКОВ

(Род. в 1916 г.)

САМОКАТ

Самокат сломался мой,
Я принес его домой.
Жалко расставаться —
Не на чем кататься.

Дома папу стал просить
Самокат мой починить.
— Занят я! — он говорит,—
Подожди! Ведь не горит?

И тогда решил я сам
Сделать ось для колеса.
Гвозди взял и ножик.
Кто захочет — сможет!

А теперь мой самокат
Лучше, чем у всех ребят.
Вот он! Посмотрите!
Ну-ка, догоните!

КАМЕНКА МОЯ

Деревенька Каменка
И тиха и маленька,
Обжила когда-то
Солнечный бугор.

Перед нею быстрая
Речка омутистая,
А за нею поле
И сосновый бор.

Вся в садах, зеленая,
Тыном обнесенная

Каменка в округе
Издали видна.

...Может быть, красивее,
Может быть, счастливее,
Может быть, богаче
Есть края.
Только нет милее,
Только нет роднее
На земле деревни,
Чем Каменка моя!

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХОДЕР

(Род. в 1918 г.)

СТРОИТЕЛИ

Пусть не сердятся родители,
Что измажутся
Строители,
Потому что тот, кто строит,

Тот чего-нибудь да стоит!
И неважно, что пока
Этот домик из песка!

ПЕРЕПЛЕТЧИЦА

Заболела	Я больную
Эта книжка:	Пожалею:
Изорвал ее	Я возьму ее
Братишка.	И склею!

САПОЖНИК

Мастер, мастер,
Помоги —
Прохудились
Сапоги.

Забивай покрепче
Гвозди —
Мы пойдем сегодня
В гости!

НИКТО

Завелся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья.
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всем
Лишь он один — НИКТО!
Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашел
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?

Кто в папин стол свой нос
совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!
— НИКТО — ужасный
сорванец! —
Сказала строго мать.—
Его должны мы наконец
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдет
Ни в гости, ни в кино!
Смеетесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ АКИМ

(Род. в 1923 г.)

НЕУМЕЙКА

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон
С необычным письмом.
Измятый
Конверт,
А на нем
По линейке
Написано четко:
ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.

На первый этаж
Письмоносец
Зашел.
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.

Со сказкою
Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.

За ложку
Схватился
Испуганный
Вова,
А мама ответила:
— Нету такого!

В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюшка.
По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.

Услышав про адрес,
Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я — неумейка!

Я, дядя,
Еще не окончил
Игру,
Вот выстрою
Домик —
И все уберу.

Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.

Сестренка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.

Сказал почтальон:
— Неплохая семейка!
Не здесь ли живет
Гражданин
Неумейка?

Но Слава,
Услышав
Обидное слово,
Чулок натянул
И воскликнул:
— Да что вы!
Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну... просто
Сестренку учу!

Идет письмоносец
В другую
Квартиру —

И видит
На кухне
Такую картину:

Тарелки
Помыты
И сложены в груды,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.

Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!
Простите,
Я снова
Попал не туда.

Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре
Чуть-чуть не упал
На трехлетнего
Борю —
Цветы
Поливал он
Из маленькой
Лейки.

И здесь
Не нашел
Почтальон
Неумейки!

Присел
Почтальон,
Отдохнул
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.

...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?

Два слова
В конверте
Письма заказного:

ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! —

Обидных два слова.

И я вас прошу:
Постарайтесь,
Ребята,
Чтоб это письмо
Не нашло
Адресата.

ПЕРВОЕ МАЯ

Шумливые теплые ветры
Весну на поля принесли.
Сережки пушатся на вербе,
Мохнатые, точно шмели.

Речные запруды ломая,
Весенняя хлещет волна...

Да здравствует Первое мая!
Да здравствует труд и весна!

Пусть мир торжествует на свете
И дружат народы Земли,
И так же на солнышке дети
Пускают весной корабли.

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОРИНЕЦ

(Род. в 1923 г.)

СЕВЕРНЫЙ КОЛОБОК

Гаснут в небе звезды-свечки,
Зажигается восток —
И оттуда, как из печки,
Катит Солнце-Колобок.

Поднимается все выше —
По камням да по траве,
По коньку на острой крыше,
По небесной синеве.

Он запляшет на волне —
Вспыхнут камешки на дне.

Он сквозь чашу прoderется —
Под сосной медведь проснется,
Колобку подставит бок,
Чтоб погрел его чуток.

Колобок повсюду светит,
Все на Севере заметит:
Белый парус над волнами,
Самолет под облаками,
Гусеницу на листке
И медузу на песке.

Вот сверкнула в ярком свете
Чешуя рыбацкой сети.

Вышел на берег помор,
Встал у моря возле гор,
Загляделся на рассвет,
Колобку послал привет.

-- Друг, — сказал он Колобку, —
Зиму спал ты на боку,

А теперь у нас в избушке
Посвети моей старушке.

Посвети на печке деду,
Чтобы с внуком вел беседу.

Посвети моей жене —
Вышивать на полотне.

Освети в тайге дорожку —
Ребятам собирать морошку.

Мне тихонько посвети —
К зверю в чаще подойти.

Посвети мне ярко в сети —
Вынуть семгу на рассвете.

Посильней свети мне ты,
Чтоб по рекам гнать плоты,
Посвети мне что есть мочи,
Чтоб светлее были ночи!

— Я, — ответил Колобок, —
Дело знаю назубок!
Зиму я поспать не прочь,
Потому что летом
Я сверкаю день и ночь
Незакатным светом!

**ВАЛЕНТИН
ДМИТРИЕВИЧ
БЕРЕСТОВ**

(Род. в 1928 г.)

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ

Без четверти шесть!
Без пятнадцати шесть!
Хотите услышать
Приятную весть?
— Так что же случилось
Без четверти шесть?

Какая такая
Приятная весть?
— А то, что я сам,
Понимаете? САМ
Умею часы
Узнавать по часам.

ЧИТАЛОЧКА

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать.
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай еще страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять и почитать!

АЛЬБОМ ДЛЯ РИСОВАНИЯ

И в десять лет, и в семь, и в пять
Все люди любят рисовать.
И каждый сразу нарисует
Все, что его интересует:
Далекий космос, ближний лес,
Цветы, машины, пляски, сказки...
Все нарисуем! Были б краски,
Да лист бумаги на столе,
Да мир в семье и на Земле!

ИРИНА ПЕТРОВНА ТОКМАКОВА

(Род. в 1929 г.)

ГДЕ СПИТ РЫБКА

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Лисий след ведет к норе.
След собачий — к конуре.

Белкин след ведет к дуплу.

Мышкин — к дырочке в полу.

Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.

Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

ЕЛИ

Ели на опушке —
До небес макушки —
Слушают, молчат,
Смотрят на внучат.

А внучата — елочки,
Тонкие иголочки —
У лесных ворот
Водят хоровод.

РАЗГОВОР ВЕТРА И ОСИНОК

— Здравствуй, Ветер!
Ветер, здравствуй,
Ты куда летишь, вихрастый?
Что поднялся до зари?
Погоди, поговорим!

— Я спешу, Осинки, в город,
Я несу приветов ворох,

Должен их сегодня сам
Разнести по адресам.

Площадям и переулкам,
Фонарям, тоннелям гулким,

Перекресткам и домам
Я приветы передам.

От тропинок и дорожек,
От рябинок-тонконожек,
От калиновых кустов,
От малиновок, дроздов.

Чтобы город стал весенним,
Чтоб пришло туда веселье,
Чтоб запахло там весной,
Светлой радостью лесной!

ЖИВИ, ЕЛОЧКА!

Мне елку купили!
Мне елку купили!
В лесу на опушке ее не рубили.
А сделали елку на добром заводе
Хорошие дяди, веселые тети.
Скорей приходите,
Скорей поглядите
На елку из тонких серебряных нитей:
Вся в хвое мохнатой, блестящей
и пышной,
Задень — и она зазвонит еле
слышно.
А елка лесная осталась живая,
Стоит на опушке, макушкой
кивая.
Кому?
Никому!
Просто — ветру, метели,
Такой же красивой неспиленной ели!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Мы с детства запомнили эти слова,
И нету прекрасней и проще
Для города имени — город Москва,
Для площади — Красная площадь.
На свете немало других площадей,
Героев на свете немало,
Но сколько здесь было отважных людей,
Пожалуй, нигде не бывало.
Кто в море уходит, кто в космос летит,
Там путь пролагая опасный,
Но каждый считает началом пути
Прогулку по площади Красной.
Здесь встретишь гостей из столицы любой —
Парижа, Варшавы, Алжира,
Давай же сегодня пройдемся с тобой
По стартовой площади мира.

МНЕ ГРУСТНО — Я ЛЕЖУ БОЛЬНОЙ

Мне грустно — я лежу больной. Вот новый катер заводной. А в деревне — лошади.	Мне грустно — я лежу больной. Вот вертолетик жестяной. А в деревне — лошади.
---	--

Папа мне купил тягач, Кран игрушечный и мяч. А в деревне — лошади.	А я в деревне летом был, Я лошадь серую кормил, Она сухарь жевала И головой кивала.
--	--

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ УСПЕНСКИЙ

(Род. в 1937 г.)

ЕСЛИ БЫЛ БЫ Я ДЕВЧОНКОЙ...

Если был бы я девчонкой —
Я бы время не терял!
Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал.

Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмел,
Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки,
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам!

Отчего ж я не девчонка?
Я бы маме так помог!
Мама сразу бы сказала:
— Молодчина ты,
Сынок!

ПРОЗА

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН

(1873—1954)

РЕБЯТА И УТЯТА

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро, на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперед. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Все время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелетывала в разные стороны на нескольких шагов в величайшем волнении.

Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать ее, как утят, но тут я подошел.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они трусили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала свое путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеетесь, глупыши,— сказал я ребятам.— Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья!».

И те же самые шапки, запыленные на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжелую сумку и стал свое добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий,— ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живет в лесу, как бормочет весной, как березовые почки клюет, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Еще я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и черных. Еще у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Еще я принес с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся,— ответил я.— Придет, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнет топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнет. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдет. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тот же, нарочно для Зиночки, принес я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слезки, валерьянка, петров крест, заячья капуста.

И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок черного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой черный хлеб, так и обомлела.

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой черный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берет, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит: — Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел — он впереди, а я в пяту.

«Сережа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были желтые, и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

МОЯ РОДИНА

(Из воспоминаний детства)

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепелок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху всегда покрывалось румяной пенкой, а под этой пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспять восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что если бы мы так и для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей при-было здоровья, радости жизни и счастья!

...После чаю я уходил на охоту за перепелками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горlinkами, бабочками. Ружья тогда у меня еще не было, да и теперь ружье в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я еще не видел, и может быть, и никто еще в своей жизни с этим не встречался...

Хозяйство мое было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ

(1882—1938)

ЧТО Я ВИДЕЛ

К ВЗРОСЛЫМ

Эта книга — о вещах. Писал я ее, имея в виду возраст от трех до шести лет.

Читать ее ребенку надо по одной-две главы на раз. Пусть ребенок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живет в ней и вырастает.

Еще раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

КАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ

Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?»

Мама скажет:

— Смотри, уже девять часов.

— Почему?

Мне скажут:

— Иди спать.

А я опять говорю:

— Почему?

Мне говорят:

— Потому что поздно.

— А почему поздно?

— Потому что девять часов.

— А почему девять часов?

И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алешей.

МОСКВА

Как в Москве на улицах

...Дома с двух сторон высокие: все окошки, окошки. Кругом трамваи звенят, автомобили кричат гудками всякими.

И вдруг сзади как завоет!

Я думал — это ничего, а наш шофер вдруг сразу вбок повернул, к самым домам, к тротуару, где люди ходят. И даже стал.

А это нас перегнал автомобиль, как маленький вагончик.

Он очень громко выл — на всю улицу.

Он белый, и на нем красный крестик.

Я закричал:

— Почему?

А шофер обернулся ко мне и говорит:

— «Скорая помощь». За больным поехали. Там, в автомобиле, и кровать есть. Вот ты себе голову разобьешь, за тобой приедут и — в больницу.

И мы опять поехали.

Мы ехали, и нас несколько не трясло. Потому что в Москве на улицах очень гладко. Будто пол, только черный. Мама сказала, что это асфальт.

Потом я вдруг увидал — впереди нас едет бочка. Очень большая, как цистерна. И из нее сзади выливается вода и прямо назад и вбок брызгает. И поливает весь асфальт.

Я закричал:

— Ай-ай-ай! Как смешно! Вот и выбежит вся вода!

И стал смеяться. Нарочно громко. Вырвал у мамы руку и стал в ладоши бить.

А мама засмеялась и говорит:

— Фу, глупый какой! Это нарочно поливают водой. Чтоб пыли не было. И чтоб не было жарко.

Мы догнали бочку, и я увидел, что это автомобиль, а не бочка. А впереди тоже шофер, как и у нас.

Светофор

Потом мы остановились, и все другие автомобили остановились, и трамвай остановился. Я закричал:

— Почему?

Мама тоже сказала:

— Почему все стали? Что случилось?

И встала в автомобиле. И глядит. А шофер говорит:

— Вон видите красный фонарик? Светофор?

...Мама говорит:

— И долго мы стоять будем?

А шофер говорит:

— Нет. Сейчас вот проедут, кому через нашу улицу надо переезжать, и поедем.

И все смотрели на красный фонарик. И вдруг он загорелся желтым светом. А потом зеленым.

И шофер сказал:

— Теперь можно: зеленый огонь.

Мы поехали.

А сбоку через нашу улицу шла другая улица. И там все автомобили стояли, никто на нас не наезжал. Они ждали, чтобы мы проехали.

А потом еще раз на улице горел красный фонарик, а я уж знал и закричал:

— Дядя, стойте! Красный огонь!

Шофер остановил, оглянулся и говорит:

— А ты молодец.

Потом мы опять остановились, а огонька вовсе никакого не было. А только я увидел: очень высокий милиционер поднял руку вверх и так держит.

Потом он рукой махнул, чтобы мы ехали.

Он как руку поднимет, так все станут: автомобили, трамваи... Только люди могут ходить.

Милиционер — самый главный на улице.

Красная площадь

Мама спросила у одного военного, где Красная площадь. Он показал, как идти. И мы очень скоро пришли.

А Красная площадь большая-большая. И там эта стена с зубчиками и башни.

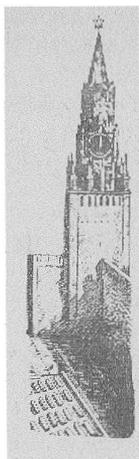
На одной башне часы высоко приделаны. У них стрелки золотые, и цифры написаны тоже золотыми буквами.

Мама сказала, что это самые главные часы. Они звонят.

И часы вдруг как зазвонили: бам, бам! — на всю площадь.

Мама сказала:

— Вот слышишь? Это часы звонят. Сейчас двенадцать часов. Вон обе стрелки вместе и вверх глядят.

Я смотрел на часы, а они звонили.

А потом я увидел дом. Он очень блестел, потому что очень гладкий, такой гладкий, что я думал — он мокрый. А он не мокрый, он так заглажен. Он каменный, и я думал, что это как из кубиков построили.

Он очень красивый.

Мама сказала, что этот дом называется Мавзолей. И там никто не живет. А что Ленин умер и его туда положили.

Я сказал:

— Почему положили?

Мама сказала, что если кто умрет, так его похоронят, и больше не увидишь. А что Ленина любили и хотели, чтоб всегда его видеть. Его не стали хоронить, а положили в Мавзолей.

...Мы с мамой дальше пошли, мимо стены, которая с зубчиками.

И я стал смотреть, где звезды. Они высоко-высоко — на башнях, на самом верху. Я две видел. Они красные и блестят. Только они не горели, потому что там лампочки не зажгли. Там зажигают, когда темно.

А за стеной очень большой дом. И еще там дома всякие есть. И это Кремль.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке паруходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба желтая, и на ней два черные пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам веревочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме -- медное рулевое колесо. Снизу под

кормой руль. И блестел перед рулем винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне все позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать не смей. Никогда. Это для меня дорогая память.

Я видел, что если и заплакать — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснешься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка! — и схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я все смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И все больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверное, в нем живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул.

Я спрятался за дверь и глядел в щелку. А они, хитрые человечки, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этукую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты все ворочаешься?

— А я без света боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка заворчала, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но все же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. А из дырочки глядел, не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне все стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы ти-

кали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание сперло. Я чуть двинулся вперед. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человека!

...Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

Я решил, что у них на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днем там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я все время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наслідят по всему пароходу. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими шутками.

Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Все к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязанные и натер себе и лоб и щеки — все лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилег на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лег?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и все приговаривала:

— Я сейчас вернусь, живым духом.

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернется? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели, как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши.

Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стяхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидели на лавке, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят, как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтобы не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно все заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти веревочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щелку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! И захлопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в середку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадет. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки — прыск все в разные стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Все криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты реवेशь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она еще не видала пароходика.

КАК СЛОН СПАС ХОЗЯИНА ОТ ТИГРА

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошел со слоном в лес по дрова.

Лес был глухой и дикий. Слон протапывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел.

Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил. Он стал сердиться на слона и бить его по ушам веткой. А слон загнул хобот крючком, чтоб поднять хозяина на спину.

Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне еще удобней будет им править».

Он уселся на слона и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пытался, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтобы со всей силой ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперек живота, сдвинул, как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами.

А слон уж поднял его вверх, потом ударил оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепешку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я глупый, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

ОБВАЛ

Девочка Валя ела рыбу и вдруг подавилась косточкой. Мама закричала:

— Съешь скорее корку!

Но ничего не помогало. У Вали текли из глаз слезы. Она не могла говорить, а только хрипела и махала руками.

Мама испугалась и побежала звать доктора. А доктор жил за сорок километров. Мама сказала ему по телефону, чтоб он скорей, скорей приезжал.

Доктор сейчас же собрал свои щипчики, сел в автомобиль и поехал к Вале. Дорога шла по берегу. С одной стороны было море, а с другой стороны — крутые скалы. Автомобиль мчался во весь дух.

Доктор очень боялся за Валю.

Вдруг впереди одна скала рассыпалась на камни и засыпала дорогу. Ехать стало нельзя. Было ещё далеко. Но доктор все равно хотел идти пешком.

Вдруг сзади затрубил гудок. Шофер посмотрел назад и сказал:

— Погодите, доктор, помощь идет!

А это спешил грузовик. Он подъехал к завалу. Из грузовика выскочили люди. Они сняли с грузовика машину-насос и резиновые трубы и провели трубу в море.

Насос заработал. По трубе он сосал из моря воду, а потом гнал ее в другую трубу. Из этой трубы вода вылетала со страшной силой. Она с такой силой вылетала, что конец трубы людям нельзя было удержать: так он трясся и бился. Его привинтили к железной подставке и направили воду прямо на обвал. Получилось, как будто стреляют водой из пушки. Вода так сильно била по обвалу, что сбивала глину и камни и уносила их в море. Весь обвал вода смыла с дороги.

— Скорей, едем! — крикнул доктор шофёру.

Шофер пустил машину. Доктор приехал к Вале, достал свои шипчики и вынул из горла косточку.

А потом сел и рассказал Вале, как завалило дорогу и как насос-гидротаран размыл обвал.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ

(1892—1975)

ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ

ВЕСНА

Над полями и лесом все ярче и ярче светит солнышко. Потемнели в полях дороги, посинел на реке лед. Прилетели белоносые грачи, торопясь поправлять свои старые растрёпанные гнезда.

Зазвенели по скатам ручьи. Надулись на деревьях смолистые пахучие почки.

Увидели ребята у скворечен первых скворцов. Весело, радостно закричали:

— Скворцы! Скворцы прилетели!

Выбежал на опушку заяц-беляк; присел на пенёк, огляделся. Ушки на макушке у робкого зайца. Смотрит заяц-беляк: вышел на опушку леса огромный лось с бородой. Остановился, слушает лось... А в глухом лесу вывела медведица родившихся в берлоге маленьких медвежат на первую прогулку. Еще не видели медвежата весны, не знают большого темного леса. Не знают, чем пахнет пробуждающаяся земля.

На поляне, у лесного разлившегося ручейка, весело играют смешные, неуклюжие медвежата. Со страхом заглядывают в холодную бегучую воду, взбираются на пни и оттаявшие на солнце старые коряги...

Стройными косяками летят, тянутся с юга гуси; показались первые журавли.

— Гуси, гуси! Журавли! — кричат, задрвав головы, ребята. Вот закружились над широкой рекой гуси, спустились отдохнуть на наполненную водой полынью.

Увидели отдыхающих на льду гусей другие пролетавшие гуси, стали подсаживаться к ним. Обрадовались товарищам другие гуси. Далеко над рекой покатылся радостный крик...

Все теплее, шумнее и краше весна.

На пригреве в лесу распустились на веточках ивы шелковистые мягкие пуховки. Побежали по кочкам хлопотливые муравьи. А над полянкой, где раскрылись подснежники, вспорхнула первая бабочка.

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Пришел сентябрь. После знойного лета, после августовских теплых дней наступила золотая осень.

По опушкам лесов еще растут грибы: красноголовые подосиновики, зеленоватые и розовые сыроежки, скользкие грузди и душистые рыжики. На старых больших пнях жмутся друг к дружке тонконогие опенки.

В моховых болотах ожерельем рассыпана по кочкам румяная клюква. На опущенных солнцем лесных полянах краснеют гроздья рябины.

Чист и прозрачен воздух. Далеко слышны звуки, отчетливо разносятся голоса.

На дне лесного ручья виден каждый камешек, каждая тонкая травинка.

По прозрачному высокому небу бегут и бегут облака. В погожие дни многие птицы готовятся к отлету. Уже улетели ласточки, быстрокрылые стрижи. Остаются зимовать рябчики, тетерева, куропатки. В шумные стайки собираются скворцы, улетают на юг певчие птицы. В дальний путь отправляются дикие гуси, покидают родные болота длинноногие журавли.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Я очень люблю эти простые цветы -- веселые колокольчики. Выйдешь из лесу на нескошенный, заросший высокой травой луг и от радости ахнешь: столько красуются всевозможных цветов, похожих на праздничный хоровод. По всему зеленому лугу белеют ромашки, желтеют одуванчики, цветет мышиный горошек. А выше всех, всех веселее - лиловые колокольчики. От легкого дыхания теплого летнего ветерка колышутся, кланяются, неслышно звенят колокольчики, радостно приветствуя гостя.

Все лето цветут, неслышно звенят колокольчики, знакомые и милые цветы наших лугов и лесов.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

(1892—1968)

ЗАБОТЛИВЫЙ ЦВЕТОК

Есть такое растение — высокое, с красными цветами. Цветы эти собраны в большие стоячие кисти. Называется оно кипрей. Об этом кипрее я и хочу рассказать.

Прошлым летом я жил в маленьком городке на одной из наших полноводных рек. Около этого городка сажали сосновые леса.

...Около дома, где помещалось лесничество, разросся по склону оврага тенистый сад. По дну оврага протекала речушка. Тут же невдалеке она впадала в большую реку.

Речушка была тихая, с ленивым течением и густыми зарослями по берегам. В этих зарослях была протоптана к воде тропинка, а около нее стояла скамейка. В свободные минуты лесничий Михаил Михайлович, Аня и другие сотрудники лесничества любили немного посидеть на этой скамейке, посмотреть, как толчется над водой мошкара и как заходящее солнце догорает на облаках, похожих на парусные корабли.

В этот вечер я застал Михаила Михайловича и Анюту на скамейке на берегу реки.

В омуте у наших ног плавала необыкновенно зеленая ряска. На чистых местах цвел водокрас — белые и тонкие, как папиросная бумага, цветы с красной сердцевинкой. Выше омута на крутом берегу островами разросся кипрей.

— Кипрей — это наш помощник, — заметил Михаил Михайлович.

— И белки тоже неплохие помощники, — добавила Аня. — ...Лучших сборщиков шишек, чем белки, нету на свете. Пойдемте с нами завтра в лес. Сами увидите.

— Ну что ж, — согласился я, — пойдемте. А вот кипрей чем вам помогает, я не знаю. До сих пор я только знал, что его листья заваривают вместо чая.

— Потому его и прозвали в народе иван-чаем, — объяснил Михаил Михайлович. — А помогает он нам вот чем...

Михаил Михайлович начал рассказывать.

Кипрей всегда разрастается на лесных пожарищах и порубках. Недавно еще кипрей считали сорной травой. Он только и годился, что на дешевый чай.

Лесники безжалостно вырывали весь кипрей, что выростал рядом с молодыми сосенками. Делали это они потому, что счи-

тали, будто кипрей заглушает побеги сосен, отнимает у них свет и влагу.

Но вскоре заметили, что сосенки в тех местах, где уничтожен кипрей, совсем не могут бороться с холодом и от первых же утренних морозов, какие бывают в начале осени, начисто погибают.

Ученые, конечно, начали искать причину этого и наконец нашли.

— Что же оказалось? — спросил Михаил Михайлович и сам себе ответил: — А оказалось, что кипрей — очень теплый цветок. Когда ударит осенний мороз и иней посеребрит траву, то около кипрея иней нету. Потому что вокруг кипрея стоит теплый воздух. Этот цветок выделяет из себя теплоту. И в этой теплоте растут себе без страха все соседи кипрея, все слабенькие побеги, пока зима не прикроет их, как ватным одеялом, глубоким снежком. И заметьте, что кипрей всегда разрастается рядом с молодыми соснами. Это их сторож, их защитник, их нянька. Бывает, в сильный мороз у кипрея отмерзнет вся верхушка, а он все равно не сдается, живет и дышит теплотой. Самоотверженный цветок!

— Кипрей, — сказала Аня, — не только воздух обогревает, но и почву. Так что и корешки всех этих побегов не замерзают.

— Вы думаете, один кипрей такой замечательный? — спросил меня Михаил Михайлович. — Почти про каждое растение можно рассказать такие удивительные вещи, что вы просто ахнете. Что ни цветок, то прямо рассказ. Растения спасают нас от болезней, дают крепкий сон, свежие силы, одевают, кормят, — всего не перечтешь. Нет у нас лучших друзей, чем растения. Да если бы я умел рассказывать сказки, я бы о каждой травинке, о каждом каком-нибудь незаметном маленьком лютике или колоске порассказал бы такое, что все старые добрые сказочники мне бы позавидовали.

— Еще бы! — сказала Аня. — Если бы они знали тогда то, что мы знаем сейчас, тогда и сказок не надо бы.

На следующий день я ходил вместе с мальчиком и Аней в Моховой лес, видел беличьи склады сосновых шишек, видел заросли кипрея на горях и молодых посадках, и с тех пор я начал относиться и к белкам, и к цветам кипрея, и к молодым сосенкам как к своим верным друзьям.

Перед отъездом я сорвал кисть кипрея. Аня высушила ее мне в сухом песке. От этого цветы не потеряли своей яркой пунцовой окраски.

У себя в Москве я заложил эту сухую кисть кипрея в толстую книгу. Называлась она «Русские народные сказки». И каждый раз, когда я раскрывал эту книгу, я думал о том, что жизнь, окружающая нас, хотя бы жизнь вот этого простенького и скромного цветка, бывает интереснее самых волшебных сказок.

**ВИТАЛИЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
БИАНКИ**

(1894—1959)

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый. Прилетел Дятел — пестрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук — выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Летом в нем пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка. Чем Скворцу не теремок?

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живет, другой живет — сохнет старый дуб, крошится — больше дупло, шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил Дятел пестрый — нос вострый, теперь я живу — Скворец — первый в роще певец. А ты кто?

— Я Сыч. Попадешь мне в когти — не хнычь. Ночью прилечу — цоп! — и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаскал Сыч, стал так в дупле жить: на своих перышках.

Год живет, другой живет — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Белка. Прискакала. Видит — дуб, в дубу — дырка с собачью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил Дятел пестрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, теперь я живу — Сыч. Попадешь мне в когти — не хнычь. А ты кто?

— Я Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, остры, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч Белки, улетел.

Натаскала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живет, другой живет — крошится старый дуб, шире дупло.
На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит — дуб, в дубу — дыра с человечью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил Дятел пестрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадешь ему в когти — не хнычь, теперь я живу — Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

— Я Куница — всех малых зверей убийца. Я страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Белка Куницы, ускакала.

Ничего не натаскала Куница, стала так в дупле жить: на своей шерстке.

Год живет, другой живет — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчелы. Прилетели. Видят — дуб, в дубу — дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил Дятел пестрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадешь ему в когти — не хнычь, жила Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь живу я — Куница — всех малых зверей убийца. А вы кто?

— Мы пчелиный рой — друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчел, убежала.

Натаскали пчелы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришел. Видит — дуб, в дубу — дырища в целое окнище. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Жил Дятел пестрый — нос вострый, жил Скворец — первый в роще певец, жил Сыч — попадешь ему в когти — не хнычь, жила Белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила Куница — всех малых зверей убийца, теперь мы живем — пчелиный рой — друг за дружку горой. А ты кто?

— А я Медведь, Мишка — вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло, да как нажал! Дуб-то пополам и расселся, а из него — считай-ка, сколько лет копилось: шерсти,

да сена,
да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли —
да пх-х-х!..

Теремка-то и не стало.

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шел берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два веселых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенько не выполоסקала в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом — в воду, как первого.

Очтившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошел домой.

ЛИС И МЫШОНОК

- Мышонок, мышонок, отчего у тебя нос грязный?
- Землю копал.
- Для чего землю копал?
- Норку делал.
- Для чего норку делал?
- От тебя, лис, прятаться.
- Мышонок, мышонок, а я тебя подстерегу!
- А у меня в норке спаленка.
- Кушать захочешь — вылезешь!
- А у меня в норке кладовочка.
- Мышонок, мышонок, а ведь я твою норку разрою.
- А я от тебя в отнорочек — и был таков!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЧАРУШИН

(1901—1965)

ВОЛЧИШКО

Жил в лесу волчишко с матерью. Вот как-то раз ушла мать на охоту. А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принес в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нем волчишко и вылез.

В одну сторону посмотрел — черный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пес зубы скалит.

Совсем забоялся волчишко, полез в мешок обратно, да не влезть, — лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился, да как зашипит!

Прыгнул на стол, блюдец свалил. Разбилось блюдец.

Пес залаял.

Человек закричал громко:

— Ха-ха-ха!

Забился волчишко под кресло и там стал жить — дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит.

Кот со спинки кресла вниз посматривает.

Пес вокруг кресла бегаёт.

Человек в кресле сидит — дымит.

А волчишко еле жив под креслом.

Ночью человек уснул, и пес уснул, и кот зажмурился.

Коты — они не спят, а только дремлют.

Вылез волчишко осмотреться.

Походил, походил, понюхал, а потом сел и завыл.

Пес залаял.

Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, закричал. А волчишко опять под кресло залез. Стал тихонечно там жить.

Утром ушел человек. Молока налил в плошку.

Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишко, пополз к двери, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в поле.

А за полем стоит лес.

А в лесу мать — волчиха.

Обнюхались, обрадовались и дальше побежали по лесу.

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

ЗАЙЧАТА

Сидите в траве, зайчатки, не шевелитесь! Глазом не моргните, ухом не поведите! Никто вас, сереньких, здесь и не увидит.

А бегать вам пока нельзя. Кто на месте сидит, у того и следу нет. А следу нет — кто вас найдет?

МЕДВЕДИЦА И МЕДВЕЖАТА

А ну-ка, лезь на пенек, сорви ягодки! Не свались, не ушибись! Хоть мы, медведи, косяпы, а ловкачи. Мы так бегать умеем — лошадь догоним.

На деревья лазим, в воду ныряем.

Тяжелые пни выворачиваем, жирных жуков ищем.
Мы мед и траву едим, корешки и ягоды.
А дичинка попадет — и ей рады.

КАК МАЛЬЧИК ЖЕНЯ НАУЧИЛСЯ ГОВОРИТЬ БУКВУ «Р»

Мальчик Женя не умел говорить букву «р».

Ему говорят:

— Ну-ка, Женя, скажи: «Пароход».

А он говорит: «Палоход».

— Скажи: «Таракан».

А Женя говорит: «Талакан».

— Скажи: «Рыба».

А он говорит: «Лыба».

Все ребята во дворе над ним смеялись.

Вот однажды играл Женя с ребятами, сказал тоже что-то неправильно и ребята начали его дразнить.

Тогда Женя обиделся и залез на крышу невысокой бани.

Лежит он на крыше и тихонько плачет.

Вдруг на забор прилетела ворона и как каркнет:

— Кррааа!..

Женя тоже каркнул — только получилось: «Кллааа».

А ворона посмотрела на него, наклонила набок голову, прищелкнула клювом и давай выговаривать на разные лады:

— Каррр, краа, кррр, ррра, ррра.

У Жени получается: «Клавла, кллл, клкклк».

Полчаса кричал Женя по-вороньи, язык во рту в разные места ставил и дул изо всех сил — все не выходило.

У него и язык устал, и губы распухли. И вдруг так хорошо получилось:

— Крррррррраааа!

Так хорошо, словно куча камней по камушкам в разные стороны раскатывается: «р-р-р».

Обрадовался Женя и полез с крыши.

Торопится, лезет и все время каркает, чтобы не забыть, как «р» выговаривается.

Лез, лез и свалился с крыши. Да крыша-то невысокая, упал он в куст смородины — не ушибся.

Встал Женя, побежал к ребятам, радуется, кричит:

— Я «рры» научился говорить!

— А ну,— говорят ребята,— скажи нам что-нибудь.

Женя подумал и сказал:

— Паврруша.

Это Женя хотел сказать «Павлуша», да спутал.

Вот как обрадовался!

**ВАЛЕНТИНА
АЛЕКСАНДРОВНА
ОСЕЕВА
(1902—1969)**

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь,— сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Еще бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не дает. А у самой сколько?

— Не дает? Ну, из-за этого убежать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берет. Я ему говорю: «Возьми лучше, все равно я от тебя не отстану, весла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берет тебя брат?

— А почему вы все спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,— усмехнулся Павлик,— я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зеленые, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгрэбла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик.— Разве такая поймет волшебное слово!..»

Павлик боком подошел к сестре и потянул ее за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы ее разжались, и, сняв руку со стола, она смущенно пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю,— робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал ее в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке...

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок. Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал ее в обе щеки.

«Волшебник! волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата.

Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо спросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его,— вдруг сказала сестра.— Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улынулась бабушка.— Конечно, возьми.

— Пожалуйста,— повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

ПЕЧЕНЬЕ

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка зазвенела чашками. Вова и Миша уселись за стол.

— Дели по одному,— строго сказал Миша.

Мальчики выгребли все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки.

— Ровно. Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

— Рассыпчатое! Сладкое! — говорил Миша.

— Угу! — отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба...

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕРМЯК

(1902—1982)

СМОРОДИНКА

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала. Однажды отец принес пучок зеленых прутиков и сказал:

— Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Ничего особенного, палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки.

А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами.

А там лопухи с репейниками росли. Да такие цепкие, что и не сразу выpoleшь их.

Бабушка помогла. Пovyдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелегкая это работа. Сперва надо дерн снять, потом комья разбить. А дерн у земли толстый да жесткий. И комья твердые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Все сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила Таня черенки и принялась ждать.

Пришел долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А еще через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая «смородинка» у Калининковых растет. Нстойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребенка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего первым на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сема Пичугин ни о чем таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сема любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через нее было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдешь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сема Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелегким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла.

Вдвоем не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но, когда обрубил их Сема, ходить стало еще труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадешь. Особенно если снег.

Решил Сема приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдет, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идешь за семь верст киселя хлебать! Иди напрямик через Пичугин мост.

Так и стали его называть Семиной фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших бревен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через реку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь еще. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

**АРКАДИЙ
ПЕТРОВИЧ
ГАЙДАР (ГОЛИКОВ)
(1904—1941)**

ПОХОД

Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того, чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом

они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что с такой песней, как «В лесу родилась елочка», никуда далеко не нашагаешь. И мотив не тот, и слова не такие, в общем эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днем готовили Альку в далекий путь. Шили штаны, рубахи, знамена, флаги, вязали теплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьем и барабаном висело на стене уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь еще короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было бы отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал теплого солнца.

Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжелыми шагами в комнату вошел вернувшийся из похода отец. Лицо его было темное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел все Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: все это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало.

ЧУК И ГЕК

На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменной и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежeweмытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы: Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Рисунок Д. Дубинского

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

...На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутков и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и наvertsели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их все новые и новые затеи.

Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от завертки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, на-

конец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было.

Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди. Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите, — сказал им сторож, — вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правой большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будет дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстрходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников.

И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, прыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днем чистились, брились и мылись. А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампы и зажгли свечи.

Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл веселый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь, — взглянув на часы, сказал отец. — Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издали донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!
Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

...И тогда все люди встали, еще раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

**ЛЕВ
АБРАМОВИЧ
КАССИЛЬ**
(1905—1970)

У НАС В МОСКВЕ

НАЧИНАЕТСЯ ЗЕМЛЯ, КАК ИЗВЕСТНО, ОТ КРЕМЛЯ

Это Маяковский так написал: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Здесь, в Кремле, работает наше всенародное Правительство. И развеается Государственный флаг Советского Союза, самый главный флаг страны! И нет для нас на земле места дороже и роднее, чем Красная площадь Москвы, где у древней кремлевской стены, в гранитном Мавзолее, спит вечным сном Владимир Ильич Ленин, основатель нашего Советского государства. Откуда бы ни приехал человек в Москву, он первым делом спешит на Красную площадь. Какая бы погода ни была, какое бы время года ни стояло — зима ли, лето ли, — через всю площадь тянется к Мавзолею длинная очередь людей, пришедших поклониться памяти Ленина.

А сколько людей приходят в Кремль, чтобы побывать там, где жил Владимир Ильич Ленин, где он работал за своим домашним письменным столом, где почивал в короткие часы отдыха!

Затаив дыхание, тихие и внимательные приходят гости Москвы и москвичи в кремлевский кабинет Ленина. Смотрят на рабочий стол, где Ленин подписывал мудрые декреты-указы, которые известны теперь всем людям в нашей стране и далеко от нее.

Вот он тут жил, работал, думал о нашем будущем, читал, принимал людей, учил их, как лучше строить хорошую жизнь для всего народа.

Вот таким — в глубокой задумчивости, полным мыслей и забот — изобразил его скульптор.

Ты увидишь этот памятник В. И. Ленину в Кремле.

Жить, учиться, работать по-ленински! Бороться за дело Ленина! — вот что обещают наши пионеры, юные ленинцы, надевая алый пионерский галстук. Это великая честь и праздник — прийти на Красную площадь и перед Мавзолеем Ленина, в пионерском строю, под алыми знаменами, повторить Торжественное пионерское обещание.

И слышать в эти минуты, как бьют куранты кремлёвской башни: ведь по этим часам проверяет время вся страна, потому что «начинается земля, как известно, от Кремля».

Все здесь, в Кремле, на каждом шагу напоминает о долгих веках, прожитых нашим народом. И высокие каменные стены с

фигурными зубцами, и старинные терема и хоромы. И золотые макушки храмов. И стройные башни, на пяти из которых день и ночь горят алые звезды. Эти звезды загорелись над Кремлем в знак того, что тут сердце первого в мире красноезвездного государства трудовых людей — Советской страны.

А за древними башнями Кремля, словно бы пораздвинув старинные храмы и дворцы, поднялся новый светлооконный Дворец съездов — одно из самых красивых зданий нашей столицы! Шесть тысяч человек свободно, легко и удобно размещаются в его главном зале. Здесь собираются посланцы всей страны на съезды свои, чтобы решать самые важные государственные дела. Здесь на сцене, шире которой нет в стране, идут спектакли знаменитого Большого театра.

Сотнями окон светится здание дворца ночью. А днем в огромных стеклах отражаются островерхие красноезвездные кремлевские башни.

Тут рядом с новым дворцом бережно хранится старина. Царь-пушка! Не было в старые времена на свете пушки больше. Отлил пушку четыреста лет назад славный русский мастер Андрей Чохов.

Царь-колокол! Нигде на свете не было и нет больше. Он весит 200 тонн — свыше 12 тысяч пудов. Отец и сын Моторины триста с лишним лет назад отлили этот колокол.

Никто не собирается сегодня палить из царь-пушки или бухать в царь-колокол. Но все с уважением думают здесь о том, какие дивные мастера-умельцы издавна рождались в нашем народе.

А сегодня, если попадешь к Новому году, увидишь тут и «царь-елку», самую большую, самую главную елку нашей страны. Тысячами огней горит она в Кремлевском дворце. И можешь встретить тут главного Деда Мороза. Если попросишь его хорошенько, он тебе, пожалуй, устроит прогулку на санках по Кремлю.

Если же попадешь на Красную площадь в дни главных наших праздников, увидишь тут парад войск Советской Армии. Полюбуешься, какими точными рядами шагают наши воины, солдаты, офицеры, генералы. Позавидуешь маленьким барабанщикам из музыкального училища. Подивишься могучим ракетами, от которых враг, если полезет на нас, не укроется нигде на свете.

Ползут через площадь, медленно катятся на специальных тележках огромные ракеты эти. А могут они, взвившись в небо, нестись быстрее всех самолетов на свете. В любой уголок мира долетят они, если понадобится. И на Луну, и на соседнюю с нами планету уже долетали космические аппараты, запущенные нашими ракетами.

А потом увидишь, как двинутся на Красную площадь сотни тысяч москвичей и гостей столицы, пришедших сюда на празд-

ник. И каких только флажков тут не насмотришься! И из каких только стран ребят тут не встретишь!

А когда выйдут московские спортсмены, запылает, взвьется, разгорится над Красной площадью веселый праздничный чудокостер, костер без дыма и огня.

Здесь, на Красной площади Москвы, мы встречали и чувствовали тех, кто побывал чуть ли не под самыми звездами, кто своими глазами видел с прежде недоступной людям высоты, как прекрасна наша голубая шарообразная планета Земля. Здесь приветствовали наших славных подзвездных путешественников, советских космонавтов. И москвичи вместе с гостями столицы славили, поздравляли здесь первого космонавта мира Юрия Гагарина...

ТВОИ ЗАЩИТНИКИ

...Эта книжка о Советской Армии, о твоих славных защитниках.

Много у нашей Родины друзей в разных странах. Но есть у нее и злые враги — те, что привыкли чужим трудом наживаться, чужое добро грабить. Ненавидят они нашу мирную, трудовую страну. Но крепко охраняет Родину Советская Армия.

Хорошо спалось тебе ночью, а пограничники всю ночь стояли на страже, чтобы никто тайком не прополз на нашу землю. И дежурили на своих постах те, кто охраняет наше небо.

А утром, когда еще птицы спали, поднялись в небо самолеты. Бывалые командиры стали учить полету молодых летчиков. Наши корабли подняли на рассвете флаги и пошли по морям, по волнам. Старые капитаны принялись учить молодых матросов морской службе. Ты еще спишь утром, а танкисты уже заводят моторы своих боевых машин. И уже вышли в поле на учение солдаты-пехотинцы.

И у летчиков, и у моряков, и у пехотинцев — у всех на шапках красные звезды.

Все люди знают свет этих алых звезд. Добрая слава у храбрых советских солдат! Много лет назад, когда была гражданская война, Красная Армия защитила Советскую страну: победила белогвардейцев и прогнала вон чужеземные войска, которые насладились на нашу землю богачи-капиталисты из четырнадцати стран.

А в 1941 году напал на нас злой и сильный враг — фашисты из Германии. Никогда еще не было врагов страшнее их. Четыре долгих года шла Великая война. Вдребезги разбила наша армия хваленые фашистские войска. Прочь с нашей земли выгнала их и помогла соседним странам избавиться от захватчиков-фашистов. Но не сразу — в тяжелых, опасных боях досталась нам победа. Одни дрались с врагом на земле, другие били фашистов

в воздухе. На морях и реках, среди скал и гор, в лесах и степях побеждали врага наши войска.

Это твои защитники. И сегодня стоят они на страже мирной жизни, чтобы тебе и другим ребятам можно было жить и никого не бояться, спокойно спать и читать разные книжки.

Прочти же эту книжку и запомни, какое важное и славное дело — защита Родины. Только не легкое это дело. Надо сильным быть, чтобы не устать. Смелым — чтобы не испугаться. И умелым нужно стать — чтобы знать хорошо, как с оружием обращаться. Расти, дружок, и ты таким!

СЕСТРА

Пошел в бой солдат Иван Котлов. Ударила Ивана фашистская пуля. Руку пробила и в грудь попала. Упал Иван. А товарищи вперед ушли, врага гнать. Лежит Иван один в снегу. Рука болит, дышать трудно — пуля в груди мешает. Лежит и думает: «Конец мой приходит. Умру сейчас». И глаза закрыл. И думать перестал.

Вдруг слышит: кто-то тихонько его трогает. Стал Иван глаза открывать, да не так-то легко это. Смерзлись ресницы. Вот один глаз открыл, потом другой. Видит: подползла к нему девушка, на сумке красный крест, — медицинская сестра из отряда. Вынимает из сумки бинт и начинает перевязывать рану — осторожно, чтобы не больно.

«Кругом бой, а она приползла», — подумал Иван и спросил: — Умру?

— Будете жить, товарищ. Я вас сейчас перевяжу.

— Спасибо, сестрица! — говорит Иван Котлов. — Дозвольте узнаться, как вас зовут.

— Надя зовут, — отвечает, — Надя Балашова.

Перевязала она раненого, взяла его винтовку, обхватила Ивана Котлова рукой и потащила в безопасное место. Фашисты по ней стреляют, а она знай себе ползет и раненого тащит. Маленькая, а сильная. И ничего не боится. Так и спасла она Ивана Котлова. Славная подружка, храбрая девушка Надя Балашова!

ПАМЯТНИК СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ

Долго шла война. Остановила Советская Армия полчища фашистов и погнала их прочь с нашей земли.

За каждую канавку, за каждый кустик, за кочку всякую цеплялись фашисты, чтобы удержаться. Но не устояли перед нашей армией. Побежали туда, куда ноги несут, куда глаза глядят... Только теперь глаза-то их завидующие уже не на восход смотрели, не на страну нашу, а назад — туда, куда солнце закатывается.

Двинулась Советская Армия по вражеской земле, стала

освобождать соседние страны, захваченные фашистами. Вот уже фашистам и бежать дальше некуда. Засели они в главном немецком городе — Берлине.

Ударили наши войска на Берлин. Стали брать в Берлине улицу за улицей, дом за домом. А фашисты все не сдаются.

Как-то раз во время боя за Берлин увидел один наш солдат маленькую немецкую девочку. Видно, отстала от своих. Осталась бедняга одна-одинешенька посреди улицы. А деваться ей некуда. Кругом бой идет. Из всех окон огонь полыхает, бомбы рвутся, дома рушатся, со всех сторон пули свистят. Вот-вот камнем задавит, осколком пришибет... Видит наш солдат — пропадает девочка: «Ах ты, горяха, куда же тебя это занесло, неладную!»

Бросился солдат через улицу под самые пули, подхватил на руки немецкую девочку, прикрыл ее своим плечом от огня и вынес из боя.

Скоро сдались фашисты. И война кончилась. Мы победили. Начался мир.

И построили в городе Берлине огромный памятник. Высоко над домами, на зеленом холме стоит богатырь из камня — солдат Советской Армии. В одной руке у него тяжелый меч, которым он сразил врагов — фашистов, а в другой — маленькая девочка. Прижалась она к широкому плечу советского солдата. Спас ее солдат от гибели, уберег от фашистов всех на свете детей и грозно смотрит сегодня с высоты, не собираются ли злые враги снова затеять войну и нарушить мир.

ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА ВОРОНКОВА

(1906—1976)

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

МЕДОК И ХОЛОДОК

Аленка вылезла из лужи и сказала:

— А вода до чего теплая!

И побежала по улице, по всем лужицам и калужинкам. Таня бросилась за ней.

Они догоняли друг друга, шлепали босыми ногами по воде, поднимали веселые брызги и смеялись.

Вдруг Алена остановилась.

— Гляди-ка,— сказала она,— пионерский вожатый хворост несет!

Вожатый пионерского отряда Ваня Дозоров услышал Аленку.

— Это не хворост,— сказал он,— это маленькие деревца — липки.

Таня подбежала к нему:

— Липки! А где же ты их столько накопал?

— Не накопал. В лесничестве взял. Там их в питомнике из семян вырастили...

— А на что они?

— Как «на что»? Сажать будем.

Посреди деревни около избы-читальни кучкой сидели ребята-школьники: кто на ступеньках, кто на бревнышках. У всех были заступы, и солнечные огоньки то тут, то там загорались на отточенных лезвиях.

— Ну, идите,— сказал Ваня,— некогда мне с вами! А вон и бригада моя собралась, ждет меня.

В это время школьники увидели Ваню и побежали ему навстречу:

— Сад в деревню принесли, сад принесли!

Они окружили Ваню Дозорова, разглядывали маленькие деревца, расспрашивали:

— А сколько их тут?

— А где сначала сажать будем?

— Сначала будем сажать вокруг пасеки,— сказал Ваня,— потому что это липка, а пчелы липовый цвет любят.

— А потом где?

— А потом по всей деревне насажаем. Разных деревьев насажаем. Сирени побольше. Пускай у нас избы как в саду стоят.

— На пасеку, так на пасеку! — закричал Вася Бражкин.— Шагай, ребята.

— На пасеку! — подхватила Ариша Родионова.

Настя вскинула заступ на плечо и первая зашагала по тропке, ведущей на пасеку.

Таня уцепилась за Ванин рукав:

— И мы с вами пойдем липки сажать!

Ваня засмеялся:

— И вы? Да вы же не сумеете!

— Сумеем! — сказала Таня.

Тут и Аленка ее поддержала:

— Мы сумеем!

Тогда Ваня дал им два деревца:

— Вот сажайте. Только на пасеку не ходите, вам далеко. Посадите их где-нибудь у своих дворов. Но смотрите, если не справитесь, позовите кого-нибудь из старших. А саженцы зря не губите — они трудов стоят.

И ушел.

Аленка посмотрела на свое деревцо и сказала:

— Разве это деревцо? Это просто какой-то прутик. Он, наверно, нам нарочно сказал.

Таня засмеялась:

— Эх ты, «прутик»! А у прутиков корни бывают?

Аленка потрогала пальцами нежный маленький корешок, подумала и больше не стала спорить.

Подружки стали советовать.

— Ты где сажать будешь? — спросила Аленка. — У ворот или под окнами?

— Я у ворот.

— Ну, тогда и я у ворот. А ты у чьих ворот? — опять спросила Аленка. — У наших или у ваших?

— Я у наших.

— Ну, тогда и я у ваших.

Дедушка уже кончил копать в палисаднике и поставил заступ в сараюшку, под навес, а сам стал собираться на конюшню. Ему надо было лошадям приготовить корму. Лошади все в поле, на работе, придут с работы — есть захотят.

Таня нашла под навесом заступ и приволокла его к воротам:

— Давай ямки копать!

Но заступ был очень тяжелый. Такой заступ и поднять-то не поднимешь, не то что им ямки копать!

Дедушка вышел на улицу и увидел, как Таня и Аленка мучаются с заступом. Он подошел к ним:

— Вы что это делаете?

— Мы, дедушка, деревья сажаем, — ответила Таня, — липки!

— А ну-ка, давайте сюда заступ, — сказал дедушка.

Он взял заступ и выкопал две ямки.

— Ну вот, теперь и сажайте.

Таня и Аленка посадили свои деревца, примяли вокруг них землю, полили их теплой водой из калужины... Светит горячее весеннее солнышко, идут по небу веселые облака, поют скворцы у скворечен, разворачиваются почки на деревьях. И два новых деревца стоят у ворот, расправляют корешки в теплой земле!

— Мою липку знаешь, как звать? — сказала Таня. — Мою липку звать Медок!

Аленка удивилась:

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то на ней будут медовые цветы. И на нее пчелы будут прилетать за медом. Вот потому и Медок!

— А как же мою?.. — спросила Аленка. — Мою тоже Медок?

— Нет, твою пусть как-нибудь еще!

— А как?

— Знаешь, как? Холодок!

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то будет густая-прегустая. Кругом будет жара, дышать нечем, а под твоей липкой — холодок! Ну, пусть?

Аленка улыbnулась и сказала:

— Пусть!

ВСТРЕЧИ В ПОЛЕ

Дорога шла сначала среди зеленей. Ровные, чистые озими, раскинувшись, лежали под солнышком, расправляя свои зеленые, густые стебельки.

А потом кончились озими и открылась широкая пашня. Сырые комья свежей земли блестели и чуть-чуть дымились под горячими весенними лучами.

В небе было полно звона, друг перед другом заливались веселые жаворонки. По ровной, мягкой земле шли тракторы с сеялками на прицепе. Один трактор шел далеко, возле рошцы, а другой двигался навстречу у самой дороги.

— Вот бы прокатиться! — сказала Таня. — Давай попросимся!

— Не посадит, — сказал Демушка. — Я уж просился один раз — не сажает.

— Ну, тебя не сажает, а нас посадит!

Трактор шёл медленно и очень ровно. А когда подошел поближе, Таня закричала:

— Эй, дяденька тракторист! Прокати немножко!

— Вот отсеемся, тогда и прокатим, — ответил тракторист, — а сейчас — куда же? Смотрите, что к трактору-то прицеплено: сеялки с овсом. А за сеялками еще и бороны. Да еще вы сядете — трактор-то и уморится совсем!

Трактор прошел мимо, протащил и сеялки и бороны.

Таня стояла и смотрела трактору вслед.

— Гляди, сколько тащит! — сказала она. — И сразу из трех сеялок сеет!

— А видала, как из сеялок овес по трубочкам в землю сплетется? — спросила Аленка. — Я видала.

— И я видала!

— А что, прокатились на тракторе? — спросил Демушка. — Не затрясло?

Таня тоненьким голоском запела песенку, Аленка подхватила. И ничего не ответили Демушке, будто не слышали. Так и пошли с песенкой дальше. А вот и полю конец, и деревню видно!

На конце пашни встретился ещё один человек — женщина в розовом платочке запахивала углы. Трактор на поле поворачивается не круто, закругляет на поворотах. Потому и остаются в поле незапаханные углы.

Таня посмотрела на эту женщину, на ее розовый платок, низко надвинутый на глаза от солнца, и вдруг закричала:

— Мамушка! Вот ты где!

И побежала к ней по зеленой кромке поля.

Танина мать остановила свою серую лошадку.

— Это вы где же пропадаете? — сказала она. — С утра вас дома нету!

— А мы ходили море смотреть! — быстро начала Таня. — И на ГЭС были! Там всякие машины видели!

— Ну вот, — сказала мать, — убежали из дому; не сказались. А там бабушка тебя ищет — не найдет! Беги скорей домой! Небось в животе-то петухи поют!

— Мамушка, — сказала Таня, — а ты домой не пойдешь? Ведь уж небось обеды!

— Какие там обеды! — ответила мать. — Обеды уж прошли! Бегите домой сейчас же!

И снова тронула лошадь.

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

В конце улицы уже собрались все колхозные ребяташки-школьники. Кто идет в четвертый класс, кто в третий, кто во второй, а кто и вовсе только в первый раз учиться идет.

Все собрались и вместе пошли в школу. И Таня с Аленкой тоже пошли.

Светлое поле лежало по сторонам дороги. В поле было уже пусто, хлеб убран, и желтая стерня слабо блестела на солнце. А за полем стоял нарядный сентябрьский лес.

С дальних полей возили овес. Большие косматые возы, покачиваясь, шли по дороге.

— Эй, школьники, садитесь, подвезем! — кричали им с возов.

— Подвезете в ригу, — отвечали ребята, — а нам надо в школу. Не по пути!

В риге шумела молотилка, рокотали веялки, слышались голоса... Веселый шум работ далеко разносился над опустевшими полями.

— Слышите? — сказал Юра председателев. — Вот как у нас теперь — все молотилки и веялки на электричестве работают! ГЭС пустили! — И тут же крикнул: — Ребята, сторонись! Машина сзади!

Ребяташки сбежали с дороги. Машина шла, поднимая невысокую пыль. Она была доверху нагружена тяжелыми мешками — колхоз отправлял хлеб на сыпной пункт.

С машины тоже покричали:

— Может, подвезти?

— Далеко едете! — отвечали ребята. — Увезете в район, а наша школа близко.

Дорога спустилась в овражек, заросший ольшаником. А ког-

да поднялась на горку, кусты расступились, и стало видно школу. Вот она стоит на зеленой луговине — новая, с голубыми наличниками — и блестит на солнце своими большими окнами.

Со всех сторон, изо всех деревьев собрались в школу ученики. Учителя встретили их и развели по классам.

Таня и Аленка, держась друг за друга, вошли в первый класс и сели за парту.

— Сядьте прямо, дети,— сказала учительница,— положите руки на парту...— И вдруг посмотрела на дверь: — Кто это цапаается за дверью?

Учительница открыла дверь, и в класс вбежал Снежок. Он увидел Таню и сразу завил хвостом. Все ребята засмеялись, учительница тоже засмеялась и сказала:

— Вот так ученик явился! Ну нет, нам таких учеников не надо! Уходи, уходи из класса!

Она прикрикнула на Снежка и прогнала его. Ребята посмеялись, но скоро успокоились и стали слушать, что говорит учительница.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ (1908—1976)

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комод. Котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу. Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу — и вдруг как закричит: «Ай-ай-ай!» — и бегом в сторону.

— Чего ты? — спрашивает Вадик.

— Она жи-жи-живая!

— Кто живая?

— Шля-шля-шля-па.

— Что ты! Разве шляпы бывают живые?

— По-смотри сам!

Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу.

Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

→ Ай! — и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята

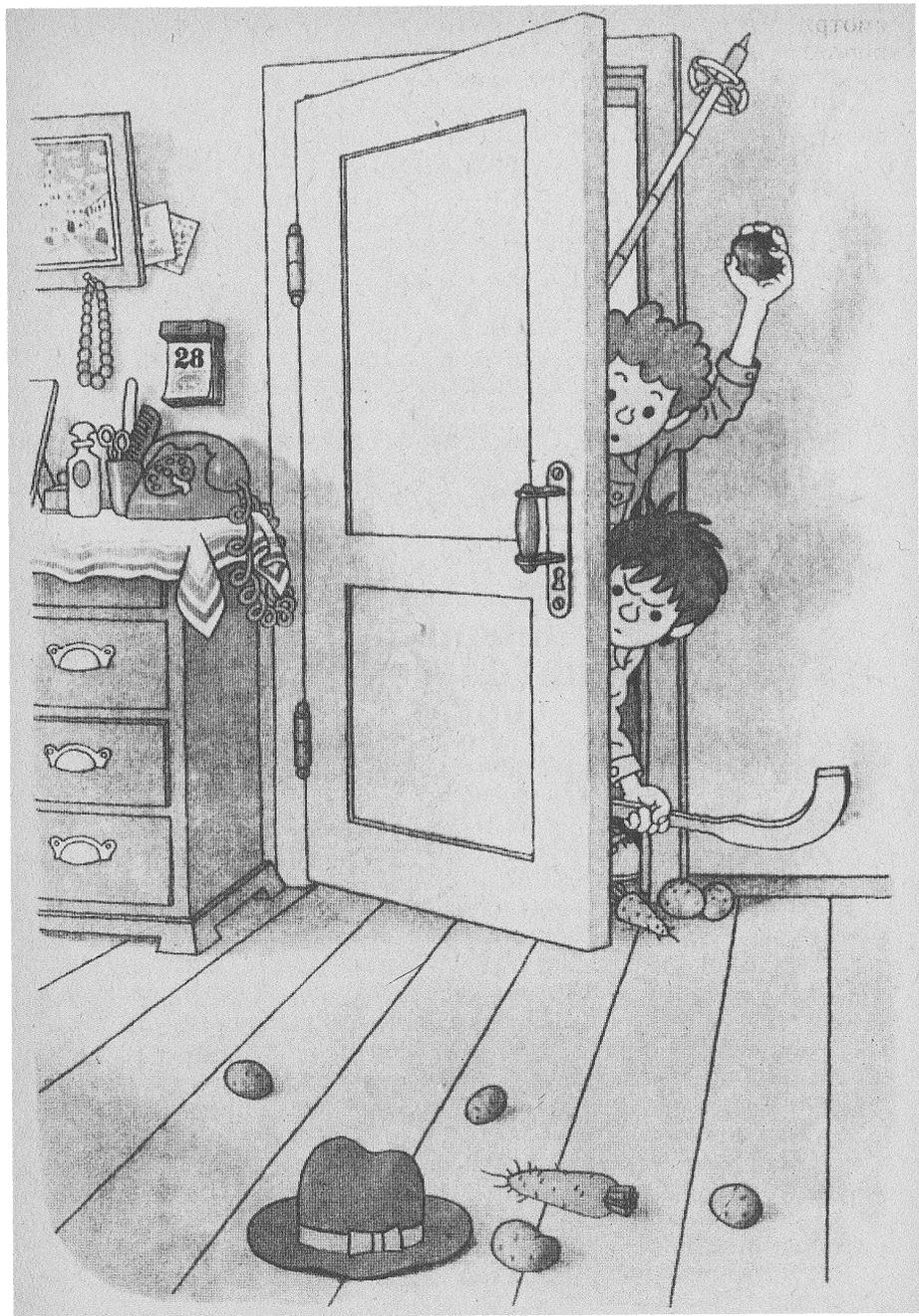

Рисунок Г. Огородникова

смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хожу! — закричал Вовка.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?

— Ну пойдн, посмотри.

— Пойдем вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я ее кочергой тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Володя.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я ее как тресну кочергой! — говорит Вадик. —

Пусть только подлезет ближе.

Но шляпа лежала около стола и не двигалась.

— Ага, уже испугалась! — обрадовались ребята. — Боятся теперь лезть к нам.

— Сейчас я ее спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай: наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь: из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и свистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришел домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принес!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за паузой огурцы лежат, и в руках еще два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто же тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай, — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Все равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесешь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня.

— И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдем со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брать не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь:

— Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошел по улице. Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнес,— решил Котька и стал оглядываться вокруг.— Нет, отнесу: еще кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадет».

Он шел по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котька.— Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошел полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет все громче и громче. Сторож услышал и подошел к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принес огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнес обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож.— Это, значит, я вам свистел, а вы все-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает,— ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну, что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что один огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка.— Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принес остальные, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что еще?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм,— сказал дед,— вот еще какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котык во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошел по деревне домой. На душе у него было радостно.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СЛАДКОВ

(Род. в 1920 г.)

ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

КТО КАК СПИТ?

— Ты, Заяц, как спишь?

— Как положено — лежа.

— А ты, Тетерев, как?

— Я сидя.

— А ты, Журавль?

— А я стоя.

— Выходит, друзья, что я, Летучая мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!

— Как же ты спишь-отдыхаешь?

— Да вниз головой!

* * *

— Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ноги?

— А все потому, Лисонька, что уж очень у тебя тихие шаги да уж очень острые зубы!

ДУБ И РЯБИНА

— Ой, Рябина-рябинушка, что взгрустнула ты?

— Была я, Дуб, свежей рябинкой, а стала сухой корягой. Ободрали меня, как липку, разделали под орех. Ни ягод, ни сучков, ни веток — хоть в костер головой. Хоть бы ты за меня вступился!

— Что ты, Рябинушка! Я сам такой, что краше в дровяной склад кладут. Всю осень желуди с меня сшибали — камнями да палками молотили. Всю душу вытрясли. Был я дубом, а стал дубиной.

— Эй, Миша-Медведь, на вопрос ответь!

— Какой вопрос, стрекотуха?

— Почему тебя Медведем зовут? Глухаря — понятно: он весной глухой. Зайца-беляка — понятно, он зимой белый, а вот медведь не понятно!

— Хе-хе! Бестолковая птица. Мед-ведь — значит мед ведает. Знаю, стало быть, где мед в лесу спрятан.

— А где, где он, мед-то?!

— Так я тебе и сказал! Ты же всем разболтаешь сразу, — все вы в лесу тогда медведями станете.

**СЕРГЕЙ
ПЕТРОВИЧ
АЛЕКСЕЕВ**

(Род. в 1922 г.)

**РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ
И РУССКИХ СОЛДАТАХ**

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец. — Ты и ружья не подымешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в теплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинет легкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, еще никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студеную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов окреп. Шестнадцати лет он поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Пятьдесят четыре из них он провел в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил ее фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боев и сражений провёл Суворов. Во всех он был победителем.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила

глубокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость. И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступить надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!» — передразнил Суворов. — «Домой!» Нет, — сказал. — Для русского солдата дорога домой через Измаил идет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости.

Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, авроровец. Учитель он, правда, временный: до той поры, пока настоящий придет. Старый сбежал, вот и понадобилась срочно замена.

Явился учитель в класс. Притихли ребята, ждут, когда тот начнет им про буквы и цифры рассказывать.

А матрос — раз им про «Аврору». На следующий день — про штурм и про взятие Зимнего. Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про товарища Ленина.

Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.

Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те поняли и что недопоняли. Спросил про «Аврору» и про взятие Зимнего.

— А что такое партия большевиков?

— Это та, что самая лучшая, — торопятся ответить ребята. — Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.

— Верно, — кивает матрос головой. — Ну, а что такое Советская власть?

— Это когда правят страной не царь, не буржуи, а трудовой народ.

Доволен матрос. Смотри, какие умные стали ребята. Начал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б». Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.

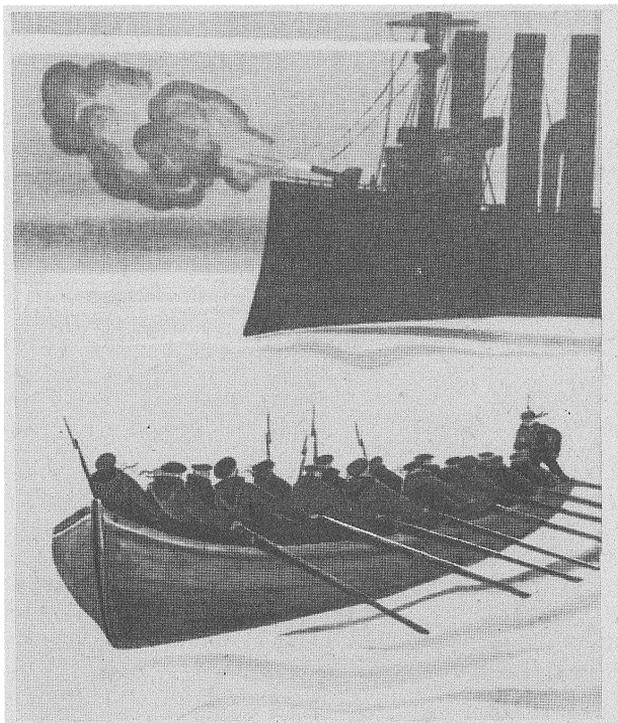

Рисунок В. Трубковича

Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка Зоя.

— Ну, что вы изучали?

— Про «а» и про «б».

— Про один и один, про два и два.

— Ну, а еще?

Жмутся ребята.

— Немного вы изучили,— говорит Зоя.— Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать такое ребятам. Поднялся Еремей Торопыгин:

— Зато мы про Ленина знаем.

— Верно, верно! — закричали ребята.

— И про Советскую власть.

— И про партию большевиков.

— И про штурм и про взятие Зимнего.

Улыбнулась Зоя.

— Кто же вам рассказал?

— Он, он, балтиец, авроровец!

Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МИТЯЕВ

(Род. в 1923 г.)

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК

7

ОКТАБРЬ

ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

Конституция СССР — это Основной Закон нашего государства, главные правила, по которым живут советские люди.

Твои родители никогда не останутся без работы. Дедушка и бабушка в старости получают пенсию. Сам ты будешь учиться, станешь образованным человеком... Советское государство — семья равноправных народов. Мы обязаны защищать Родину, если ей будет грозить враг... Все это записано в Конституции.

В знак уважения к нашему справедливому и мудрому Основному Закону само слово «Конституция» мы пишем с заглавной буквы.

7, 8
НОЯБРЬ
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Все наши праздники хороши. А главный среди них — Великий Октябрь, праздник победы рабочих и крестьян России над капиталистами и помещиками.

Тысячи и тысячи лет живут люди на Земле. За это долгое время были тысячи восстаний бедных против богатых. Но первую победу удалось одержать трудящимся только в 1917 году, в Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

В праздник Великого Октября мы славим героев революционных боев, славим Коммунистическую партию, Владимира Ильича Ленина, которые привели народ к победе.

30
ДЕКАБРЬ
ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

Праздником дружбы народов называем мы 30 декабря. В 1922 году, в этот день, Советские республики объединились в одно государство — в Союз Советских Социалистических Республик.

С а м о е г л а в н о е

Порознь, поодиночке не сделать того, что можно сделать вместе. Один посадит дерево, а все вместе — сад. Один успеет положить только кирпич, а у тех, кто вместе взялся за дело, уже дом готов!

Соединяет людей дружба.

Вместе они живут счастливо.

Если спросить, что для советских людей самое главное, то литовец ответит — драугісте, узбек — дустлік, грузин — мегობროба, молдаванин — приетение, калмык — ингльтын, удмурт — эшласькён, нганасан — ня.

Все эти слова означают одно — дружба. Нганасанское слово «ня» значит еще и «народ друзей». Весь советский народ — это народ друзей!

8
МАРТ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Этот праздник такой, словно у всех мам 8 Марта день рождения. Мама получают подарки, поздравления. Нарядные, они встречают гостей или сами идут в гости.

Есть страны, где жизнь не такая, как в нашей стране. Там

женщинам за одинаковую с мужчинами работу денег платят меньше. Там заболевших детишек в больнице лечат только за плату. Не все дети могут ходить там в школу. Для женщин таких стран 8 Марта и праздник, и день борьбы за лучшую жизнь.

За что люблю маму

Воспитательница в детском саду спросила:

— За что вы, дети, любите свою маму?

У Пети мама строитель. Он хотел сказать: «За то, что мама домá строит»,— но промолчал. Разве не любил бы он ее, если бы она была ткачихой, продавцом или доктором!

Зина хотела сказать: «За то, что мама вкусные кушанья готовит»,— и тоже промолчала. Мама однажды уехала в командировку, вкусную еду готовил папа, но девочка и тогда не разлюбила маму.

Тут со стульчика встала Галя.

— Когда мне больно, мама меня пожалеет, и мне уже не больно. Я люблю маму за это.

— И я за это! — закричал Петя.

— И я... — сказала Зина.

Оказалось, все дети любят своих мам за это.

12

АПРЕЛЬ

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Праздник в честь летчиков-космонавтов, в честь ученых, инженеров, рабочих, которые придумывают и делают ракеты, космические корабли и спутники.

Первый полет

Первый полет в космос совершил Юрий Алексеевич Гагарин — гражданин Союза Советских Социалистических Республик. Он летал на космическом корабле «Восток» 12 апреля 1961 года.

И до Гагарина были отважные путешественники. Они удливали в неведомые моря, исследовали дикие леса, пустыни, шли по снегам и льдам к полюсу. Но все они путешествовали на Земле и заранее знали, как опасны морские штормы, как жарко в пустыне, какой лютый холод на полюсе. А Гагарин был далеко от Земли — в космосе. Только там он узнал невесомость — странное состояние, когда сам космонавт и его вещи ничего не весят и плавают в корабле, словно рыбы в аквариуме. Там нет ни верха, ни низа. Там пролитая вода не растекается лужицей на полу, а собирается в шар, и шар висит в воздухе. За окном-иллюминатором всегда черная, непроглядная ночь. Удивительно! Ближе к

Солнцу, а темно... Когда ракета с огромной скоростью уносит человека от Земли, он становится очень тяжелым, а в космосе человек не весит ни грамма.

Все это первым увидел, узнал, испытал на себе Юрий Алексеевич Гагарин. Он проложил другим людям дорогу в космос.

Советское правительство присвоило Гагарину звание Героя Советского Союза. Он получил ордена и в других странах — за заслуги перед всем миром.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОДОПЬЯНОВ

(1899—1980)

КОСМОНАВТ-1

106 МИНУТ ВНЕ ЗЕМЛИ

— Говорят все радиостанции Советского Союза... Запущен космический корабль с человеком на борту...

В среду 12 апреля 1961 года в 9 часов утра люди, услышав весть об этом величайшем в жизни человечества событии, не отходили больше от радиоприемников и репродукторов. Для космонавта номер один Юрия Гагарина этот день начался еще до рассвета. Он и его неизменный товарищ, которого тогда называли «космонавт номер два» (мы теперь знаем, что это был Герман Титов), проснулись в точно назначенное время.

...Космонавтов начали одевать. На это ушло много времени. Сначала к телу приклеили маленькие серебряные пластинки, от них шли тонкие провода. Хотя в полете космонавт находится далеко от врачей, они по электрическим сигналам, полученным с корабля, всегда будут знать о его самочувствии.

Затем на тонкое шерстяное белье надели скафандр. Так называется многослойный защитный костюм, обеспечивающий сохранение тепла. На скафандр натянули комбинезон, окрашенный в оранжевый цвет. В таком ярком одеянии космонавта легче будет найти, если он приземлится где-нибудь в степи. В одном из карманов костюма — цветной порошок. Если космонавт приземлится на море, он сразу рассыплет этот порошок, и на воде получится хорошо заметное сверху пятно, и космонавта смогут найти летчики. В левом кармане маленький передатчик — в случае нужды можно дать о себе знать. Рядом — острый нож, чтобы обрезать стропы парашюта, если тот зацепится за деревья. Мягкие теплые перчатки и высокие зашнурованные ботинки не дадут за-

мерзнуть рукам и ногам. На голову водрузили шлем — круглый металлический шар с прозрачным забралом-иллюминатором спереди. Достаточно потянуть за шнурок, чтобы забрало открылось.

...И Гагарина и Титова одевали одинаково тщательно, хотя лететь должен был только один из них. Если перед самым стартом что-нибудь случится — участится пульс или поднимется температура у Гагарина, — его заменит Титов.

Оба они в автобусе поехали на космодром.

На стартовой площадке, окруженной стальными конструкциями, высился гигантский серебряный корпус ракеты. Первый луч восходящего солнца горел на ее острой вершине. Все проверено. «Восток» готов к невиданному полету.

...На космодроме было немного народу — Главный Конструктор, его ближайшие помощники, врачи, друзья — будущие космонавты. Каждый из них высказал Юрию Алексеевичу добрые напутствия и пожелания победы. Со всеми он тепло попрощался. Гагарин неуклюже обнял Титова: «Пока, Герман! Скоро и твой черед настанет». При этом космонавты стукнулись шлемами. Зазвенел металл. Оба рассмеялись — неудобно обниматься в космических костюмах.

...Быть первым в космосе — можно ли мечтать о большем счастье? Он знал, конечно, что все может случиться в полете, но был все-таки уверен в успехе. Конечно, пилот первого звездолета волновался, но старался быть спокойным. Он собрал всю свою волю и силы — надо выполнить задание. Он еще увидит тех, кто его провожает, встретит их снова. И поэтому, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, Гагарин приветственно поднял обе руки и закричал:

— До скорой встречи!

Отдана команда — подъем!

...Во время этого подъема Гагарину казалось, что огромная сила вдавливает его в пилотское кресло. Такая тяжесть навалилась на человека, что он был не в силах пошевелить рукой или ногой. Когда же корабль перешел на горизонтальный полет, он оторвался от кресла и повис в воздухе между потолком и полом кабины. Стало очень легко. Руки, ноги и все вещи ничего не весили. Гагарин положил карандаш рядом с собой, и тот уплыл от него. И так, вися, космонавт работал, делая наблюдения, записывал их, поддерживал радиосвязь с Землей.

...Он мчался с небывалой скоростью, близкой к 28 тысячам километров в час, но успевал узнавать страны, горные цепи и даже большие города.

Облет Земли завершился. Автоматически включилось тормозное устройство. «Восток», сбавляя скорость, начал снижаться. Невесомость исчезла.

...Все ближе и ближе Земля... Семь тысяч метров... Внизу блеснула Волга. Гагарин прыгнул с парашютом.

...Гагарин приземлился на вспаханное поле, и первым,

кто его встретил, была жена лесника с шестилетней внучкой Ритой.

— Неужели из космоса? — не совсем уверенно спросила женщина.

— Представьте себе, да! — ответил Гагарин.

Сто шесть минут прошло от первого старта до финиша первого космического полета. За это время советский летчик — коммунист Юрий Алексеевич Гагарин стал самым знаменитым человеком на Земле.

...Прошло пять месяцев. Гагарин провожал в космический полет Германа Титова. Он совершил уже семнадцать витков вокруг Земли.

Потом в космическом пространстве побывали Андриан Николаев, Павел Попович и Валерий Быковский. Отважная Валентина Терешкова была первой женщиной, побывавшей в межпланетном пространстве.

Вокруг Земли стали летать уже многоместные космические корабли.

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ САХАРНОВ

(Род. в 1923 г.)

КТО В МОРЕ ЖИВЕТ

В ХОЛОДНОМ МОРЕ

Белый медведь

Лед. Во льду промоина. В промоине рыба ходит.

Забрался мишка в промоину. Шумит, лапищами воду толчет:
бум — по воде — бум!

Это он так рыбу ловит. Оглушит рыбину, зацепит когтями —
и в рот.

Вкусно.

Селедка

Рыщет по морю селедка, носом туда-сюда тычется.

— Что, селедка, по морю рыщешь, считаешь кого?

— Родственников ищущу, родичей. Пересчитать их думаю.

— А много ли, селедка, их у тебя?

— Немного, немного. Килька — раз, салака — два, рыба-

мерзнуть рукам и ногам. На голову водрузили шлем — круглый металлический шар с прозрачным забралом-иллюминатором спереди. Достаточно потянуть за шнурок, чтобы забрало открылось.

...И Гагарина и Титова одевали одинаково тщательно, хотя лететь должен был только один из них. Если перед самым стартом что-нибудь случится — участится пульс или поднимется температура у Гагарина, — его заменит Титов.

Оба они в автобусе поехали на космодром.

На стартовой площадке, окруженной стальными конструкциями, высился гигантский серебряный корпус ракеты. Первый луч восходящего солнца горел на ее острой вершине. Все проверено. «Восток» готов к невиданному полету.

...На космодроме было немного народу — Главный Конструктор, его ближайшие помощники, врачи, друзья — будущие космонавты. Каждый из них высказал Юрию Алексеевичу добрые напутствия и пожелания победы. Со всеми он тепло попрощался. Гагарин неуклюже обнял Титова: «Пока, Герман! Скоро и твой черед настанет». При этом космонавты стукнулись шлемами. Зазвенел металл. Оба рассмеялись — неудобно обниматься в космических костюмах.

...Быть первым в космосе — можно ли мечтать о большем счастье? Он знал, конечно, что все может случиться в полете, но был все-таки уверен в успехе. Конечно, пилот первого звездолета волновался, но старался быть спокойным. Он собрал всю свою волю и силы — надо выполнить задание. Он еще увидит тех, кто его провожает, встретит их снова. И поэтому, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, Гагарин приветственно поднял обе руки и закричал:

— До скорой встречи!

Отдана команда — подъем!

...Во время этого подъема Гагарину казалось, что огромная сила вдавливает его в пилотское кресло. Такая тяжесть навалилась на человека, что он был не в силах пошевелить рукой или ногой. Когда же корабль перешел на горизонтальный полет, он оторвался от кресла и повис в воздухе между потолком и полом кабины. Стало очень легко. Руки, ноги и все вещи ничего не весили. Гагарин положил карандаш рядом с собой, и тот уплыл от него. И так, вися, космонавт работал, делая наблюдения, записывал их, поддерживал радиосвязь с Землей.

...Он мчался с небывалой скоростью, близкой к 28 тысячам километров в час, но успевал узнавать страны, горные цепи и даже большие города.

Облет Земли завершился. Автоматически включилось тормозное устройство. «Восток», сбавляя скорость, начал снижаться. Невесомость исчезла.

...Все ближе и ближе Земля... Семь тысяч метров... Внизу блеснула Волга. Гагарин прыгнул с парашютом.

...Гагарин приземлился на вспаханное поле, и первым,

кто его встретил, была жена лесника с шестилетней внучкой Ритой.

— Неужели из космоса? — не совсем уверенно спросила женщина.

— Представьте себе, да! — ответил Гагарин.

Сто шесть минут прошло от первого старта до финиша первого космического полета. За это время советский летчик — коммунист Юрий Алексеевич Гагарин стал самым знаменитым человеком на Земле.

...Прошло пять месяцев. Гагарин провожал в космический полет Германа Титова. Он совершил уже семнадцать витков вокруг Земли.

Потом в космическом пространстве побывали Андриан Николаев, Павел Попович и Валерий Быковский. Отважная Валентина Терешкова была первой женщиной, побывавшей в межпланетном пространстве.

Вокруг Земли стали летать уже многоместные космические корабли.

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ САХАРНОВ

(Род. в 1923 г.)

КТО В МОРЕ ЖИВЕТ

В ХОЛОДНОМ МОРЕ

Белый медведь

Лед. Во льду промоина. В промоине рыба ходит.

Забрался мишка в промоину. Шумит, лапищами воду толчет:
бум — по воде — бум!

Это он так рыбу ловит. Оглушит рыбину, зацепит когтями —
и в рот.

Вкусно.

Селедка

Рыщет по морю селедка, носом туда-сюда тычется.

— Что, селедка, по морю рыщешь, считаешь кого?

— Родственников ищу, родичей. Пересчитать их думаю.

— А много ли, селедка, их у тебя?

— Немного, немного. Килька — раз, салака — два, рыба-

залом — три, черноспинка — четыре. А еще — иваси, шпроты, анчоусы. И еще есть.

— Э-э, селедка, да тебе их век не пересчитать!

К и т

— Охотился кит за рыбьей мелочью, за рачками-черноглазками. Разбежится, пасть раскроет — ап! — полная пасть. Что добыча мелка — хорошо: у кита глотка узенькая.

— Нырни, кит!

— Не хочу, наелся. На воде полежу.

В ТЕПЛОМ МОРЕ

Д ю г о н ь

Хорошо на подводном лугу. Вода теплая — солнышко ее до самого дна прогревает. Кругом трава — сочные зеленые водоросли. Ползет по лугу дюгонь. Морду в зелень тычет, ест. Из травы усатые рачки-креветки — порск! порск!

— Эй ты, губастый! Поосторожнее. Чуть с травой нас не съел!

Л е т у ч а я р ы б а

Неслась под водой рыба, сама себя хвостом подгоняла. Разогналась, из воды выскочила, крылья-плавники расправила и полетела.

— Чем я хуже птицы?

— Голоса, рыба, у тебя нет.

— А он мне не нужен.

И обратно в воду — шлеп!

АНАТОЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АЛЕКСИН

(Род. в 1924 г.)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Шурик еще не умел читать, но уже знал эти стихи наизусть. Их читала ему мама. Стихи были грустные. И Шурик очень удивился, когда узнал, что Пушкин, оказывается, любил осень.

Шурик осени не любил. Не любил за то, что облетали листья и «реже солнышко блистало». А больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных тропинках, дождь бесчисленными молоточками заколачивал что-то в крышу, и все-таки мама не удерживала Шурика дома. Она даже поторапливала его. И Шурик почувствовал, что теперь он совсем большой: ведь и папа тоже ходит на работу в любую погоду!

Мама вынула из шкафа зонтик и приятно похрустывающий белый плащ, который Шурик тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

— Ты куда? — удивился Шурик.

— Тебя провожу.

— Меня... провожать? Да еще с зонтиком? Что ты?!

.. Мама вздохнула и положила вещи обратно в шкаф.

Шурику очень нравилось бежать в школу под дождем...

Один раз он обернулся — и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. На улице было много плащей и зонтиков, но маму он узнал сразу. А она, заметив, что Шурик обернулся, спряталась за углом старого двухэтажного дома.

«Прячется! Как маленькая!..» — сердито подумал Шурик. И побежал еще быстрее, чтобы мама не вздумала догнать его.

Возле самой школы он обернулся еще раз, но мамы уже не было. «Вернулась», — с облегчением подумал Шурик.

Ребята строились по классам. Молодая учительница проворно смахивала с лица мокрые прядки волос и кричала:

— Первый «В»! Первый «В»!

Шурик знал, что первый «В» — это он. Учительница повела ребят на четвертый этаж.

Еще дома Шурик решил, что ни за что не сядет за парту с девчонкой. Но учительница как-то очень просто и весело спросила его: «А ты, наверно, хочешь сесть с Черновой, да?» И Шурику показалось, будто он и правда всегда мечтал сидеть рядом с Черновой.

Учительница раскрыла журнал и начала переключку. Ребята откликались не сразу: они не привыкли, чтобы их называли по фамилии. И смущались, конечно.

— А что вам смущаться? — удивилась учительница. — Это когда один новичок в классе, ему сперва трудно бывает, а вы все в одинаковом положении — все новички. Давайте поскорее знакомиться!

После переключки учительница сказала:

— Орлов, прикрой, пожалуйста, окно.

Шурика уже второй раз в жизни назвали по фамилии. Он сразу вскочил и подошел к окну. Дотянуться до ручки ему было нелегко. Он приподнялся — и вдруг замер на цыпочках. За окном, на улице, он увидел маму. Она стояла, закрыв зонтик, не

обращая внимания на дождь, который струями стекал с плаща, и водила глазами по окнам школы. Мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит ее Шурик.

И тут Шурик не смог рассердиться. Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу, помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть ей: «Не волнуйся! Не волнуйся, мамочка... Все хорошо!» Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается.

ВЛАДИМИР КАРПОВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ

(Род. в 1925 г.)

РЫЦАРЬ

Саша вышел во двор и огляделся... Двор был пуст, только у гаража, который стоял в глубине, ворота были открыты настежь.

Ну, машины — это была его страсть. Он знал все марки советских автомобилей.

Саша подошел к гаражу, осторожно заглянул и остановился на пороге. Дальше идти без разрешения он боялся.

Шофер, совсем молодой на вид парень, возился в моторе «Волги». Он поднял голову и улыбнулся.

— Здравствуйте, дядя,— сказал Саша.

— Здравствуй, малый, если не шутишь,— ответил шофер.

— Я не шучу.— Саше понравилось, что шофер назвал его малым.

Это для него звучало необычно, ну, вроде как он сродни стал этому необыкновенному человеку, от которого так хорошо пахнет бензином, мазутом и еще чем-то таким, от чего просто захватывает дух.

— А если не шутишь, вот тебе ведро, принеси воды,— сказал шофер.— Вон там, в глубине гаража, есть водопровод.

Саша взял ведро, дужка его глухо звякнула. И он, Саша, пошел в глубь гаража.

В гараже было полутемно, но Саша совсем не боялся, он легко и свободно шел среди машин. Потом набрал полнехонько ведро воды, еле дотащил, а когда шофер сказал, что ведро, пожалуй, было для него тяжелым, он улыбнулся: ерунда, мол, не такие таскали. Хотя в своей жизни не притащил ни одного ведра воды. И сейчас, когда тащил, от собственной неловкости облил себе ноги.

Шофер залил воду в машину, закрыл капот и протянул Саше руку.

— Заходи, когда будет время,— сказал он.

Саша крепко пожал ему руку и ответил:

— Обязательно зайду, я ведь живу в этом доме.

Шофер уехал, а у Саши на руке осталась широкая темная полоса — это шофер вымазал его руку машинным маслом. Жалко, что во дворе не было ребят: некому было показать шоферскую заметину. Так и ушел Саша домой, но шофера теперь считал лучшим своим другом.

Прошло несколько дней, и как-то этот шофер, выезжая из ворот, обругал Сашину бабушку. Она стояла в воротах, разговаривала с женщиной и не видела, что загородила дорогу машине.

— Эй, тетка! — грубо крикнул шофер. — Нашла где стоять, а то толкну машиной, костей не соберешь!

И Саша это все услышал. Это так кричали на его бабушку, на самого хорошего, доброго человека! И кричал не кто-нибудь, а его друг шофер. Саша покраснел, потом побелел и вдруг бросился со всех ног за машиной. Он подскочил к шоферу и крикнул ему в лицо:

— Если вы еще раз когда-нибудь закричите на мою бабушку, я вас... я вас ударю! — Он кричал высоким тонким голоском.

Вот сейчас что-то должно было случиться.

— Ух ты! — сказал шофер. — Какой рыцарь, прямо благородный рыцарь! — Он оглушительно рассмеялся.

Больше он ничего не мог сказать. Просто не знал, что ему говорить. Может быть, ему было стыдно. До сих пор он часто гремел басом на людей и никогда не задумывался, что обижает их. Он кричал на них и уезжал дальше своей дорогой. А тут впервые ему сказали такие слова. И кто сказал? Маленький мальчик, которого он мог одним щелчком опрокинуть на землю, о котором он даже не помнил, стоило ему уйти с работы. Он даже не знал его имя.

А Саша стоял перед ним, как дикий зверек, — решительный, отчаянный, готовый до конца отстоять свою бабушку. Он сейчас совсем не боялся и совсем не стеснялся, это было с ним впервые. Пусть все-все люди смотрят на него, а он ничего не боится. Пусть на него смотрят случайные прохожие. И только где-то в глубине его глаз шофер увидел и боль и обиду. Тогда он сказал:

— Ну прости, малый, виноват, кругом сто раз виноват, и вы, бабушка, великодушно простите.

Он тронул машину и помахал Саше рукой.

А бабушка хотела сначала отругать Сашу за то, что он лезет не в свое дело, но потом передумала. Разве можно ругать человека за благородные поступки? Нет, конечно! И бабушка это отлично знала. Тем более, что у нее в голове вдруг запела старая, забытая песня. Ей захотелось запеть эту песню

вслух, так у нее было радостно на сердце, но она сдержалась. Пели одни глаза, пели тысячи мелких морщинок около глаз, пели губы, они почему-то расплзались в улыбку. Никто бы даже не поверил, что бабушка умеет так весело и молодо улыбаться. Пели руки, когда они стали непонятно зачем поправлять шапку у Саши. Так у нее было хорошо на сердце, ведь до чего дожила: Саша заступился за нее! Значит, не зря она сидела около него ночами, когда он болел. Жив человек.

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

(Род. в 1925 г.)

ПРОСТО ИСТОРИЯ

Неподалеку от Кешкиного дома протекала речка. Пахло от нее пенькой, водорослями, смолой, рыбой. И это был удивительный запах — лучше, чем аромат конфет и пирожных, — речка дышала морем.

Неуклюжие баржи навозили сюда целые горы морского песка и желтых камней. А в начале лета крикливые буксиры забили всю речку лесом. Намокшие за долгое путешествие бревна жалась к берегу, как стадо усталых молчаливых тюленей. Ребята постарше придумали игру, даже не игру, а просто так — занятие. Они перескакивали по бревнам с одного на другое. Бревна под ногами тонули, но в этом и был весь интерес. Сколько великолепного, сосущего под ложечкой страха, сколько хвастливой гордости доставляла прыгунам эта затея! Всякий раз она кончалась благополучно, если, конечно, не считать мокрых штанов и ботинок. Чемпионом на бревнах считался Мишка. В этой истории на его долю выпала немаловажная роль, но всему свое время.

Однажды на берегу играли Кешка, Круглый Толик и Людмила.

Мальчишки ходили по бревнам у самого берега. Людмила сидела на песке и поддразнивала:

— Слабо дальше!.. Слабо дальше!..

Мальчишки не очень-то слушали, что она там кричит, и скоро ей надоело их дразнить. Она стала переплетать свои маленькие, с мизинец, косы. Налетел ветер, вырвал у нее из рук белую шелковую ленточку и отнес ее на самые дальние бревна.

Людмила заревела:

— Моя ленточка!.. Теперь мне от мамы попадет... И все из-за вас!.. Зачем меня на речку позвали?..

Никто Людмилку не звал. Она сама пришла. Кешка видел, что ветер вот-вот сбросит ленточку в воду. Крику будет на весь двор!.. Не раздумывая, он прыгнул на бревно подальше, потом на следующее. Добрался до ленточки. Только наклонился, чтобы ее поднять, как бревна расступились и он провалился в воду. Не успей Кешка вовремя расставить руки, случилась бы непоправимая беда.

— Кешка утонул! — вскрикнула Людмилка.

Толик, чувствующий себя на бревнах очень неустойчиво, прыгнул на берег и что есть мочи припустил к дому. Людмилка, воя от страха, неслась следом.

— Мама!.. Никому не скажешь? — выпалила она, врываясь в квартиру. — Кешка утону-у-ул!..

— Да что ты! — всплеснула руками Людмилкина мать, заперла дочку на ключ, быстро выскочила на лестницу и застучала по ступенькам тонкими каблуками.

Кешка тем временем держался за бревна, болтал ногами по воде, стараясь закинуть хоть одну наверх. Но либо ботинки стали тяжелыми, либо сил у Кешки осталось совсем мало, — выкарабкаться ему не удавалось. Волнами поддавало соседние бревна. Они били Кешку по рукам. Пальцы немели. Плечи опускались все ниже. Вода уже щекотала подбородок. А над речкой спокойно кружились чайки.

— Держись, Кешка!

От забора, перескакивая через камни, размахивая руками для равновесия, мчался Мишка. За ним, пыхтя, катился Круглый Толик.

Мишка кричал:

— Держись!

Кешка крепче вцепился в скользкую кору, а Мишка вскочил на бревна, за ворот.

На берегу Кешку подхватил Толик. Ребята вели его медленно, осторожно.

Мишка рассказывал:

— Прибегает Толик, кричит: «Кешка тонет!..» Я ходу!..

Круглый Толик застенчиво отворачивается, — все-таки не он спас Кешку.

Кешка едва переставлял ноги и через несколько шагов без сил повалился в теплый песок. Ему казалось, что песок колышется под ним, расползается. Кешка запустил в него пальцы и закрыл глаза. Ребята стащили с Кешки ботинки, брюки, рубашку, разложили на камнях сушить.

— Теперь искусственное дыхание надо, — заявил Мишка.

— Он ведь и так дышит. — Толик неловко погладил Кешкино плечо. — Кешка, ты дышишь?

— Дышу...

— Мало ли что... «Дышу»... А может, у тебя полная внут-

ренность воды. По правилам обязательно искусственное дыхание полагается.— Мишка схватил Кешку за руку, Толик взял за другую.

— Довольно! — кричал Кешка.

Мишка ворчал строго:

— Терпи, я сам знаю, когда довольно.

Кешка терпел, а его друзья старательно пыхтели, нажимая ему на живот, на грудь. Остановились они внезапно. От забора к реке бежали Кешкин сосед — шофер Василий Михайлович, мама Кешкина, соседка тетя Люся. Позади всех, осторожно пробираясь между камнями и досками, поспешала мать Людмила.

Сразу стало шумно. Тетя Люся принялась тормозить Кешку, будто сомневалась, он ли это. Василий Михайлович стоял, сурово сдвинув брови. А Кешкина мама опустила на желтые камни и заплакала. Ребята прижались друг к другу; они почти оглохли от шума, оторопели от такого яростного внимания... А Кешка посмотрел на маму и сказал:

— Ну чего ты, ма?.. Ну чего?.. Я ведь не утонул, а ты плачешь!..

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БАРУЗДИН

(Род в 1926 г.)

СТРАНА, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Ты живешь, маленький читатель, в чудесной стране, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик.

В 1987 году нашей стране исполняется семьдесят лет. Семьдесят лет прошло со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Революция, организатором которой была партия Ленина, в корне изменила жизнь народов нашей страны, изменила судьбы народов мира. Это большой праздник всех народов нашей великой страны!

Ты хорошо узнаешь свою страну, когда вырастешь, много поездишь по ней и много поработаешь. Ты узнаешь, кто строил твою страну до тебя и кто ее защищал.

На Двадцать седьмом съезде советских коммунистов принята программа новой, счастливой жизни для нашей страны и для ее народа. И, конечно, для тебя. Ты живешь в этой жизни. Тебе ее продолжать. Завтра тебе предстоит достраивать то, что не успели достроить старшие, тебе предстоит защищать то, что построили

они и построишь ты. Эта книга поможет тебе совершить самое первое путешествие по земле, на которой ты живешь,— по Советскому Союзу. А впереди тебя ждут новые книги, новые большие дела и новые дороги по нашей стране.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

У меня есть хороший друг. По-настоящему его зовут Дмитрием Васильевичем. Ну, а мы зовем его просто Димкой.

Лет Димке ни мало ни много — пять. Почти как вам. И, уж конечно, Димка, как и вы, всем на свете интересуется.

Однажды Димка спросил меня:

— А мы с тобой где?

— В квартире,— ответил я своему другу.

— А еще где?

— В доме.

— А дом где?

— На улице.

— А улица?

— В Москве.

— А Москва?

— В Советском Союзе,— объяснил я.— Так наша страна называется. Знаешь?

— Знаю,— согласился Димка.— А какая она, наша страна?

Долго я думал, как рассказать Димке про нашу страну, и наконец предложил:

— Надо самому посмотреть, тогда поймешь.

— А как?

— По-всякому можно,— сказал я.— Лучше всего, конечно, пешком по стране пройти или на лошади проехать. Тогда все увидишь.

Можно на машине, на поезде или на пароходе прокатиться. Тоже неплохо.

Ну, а если побыстрее хочешь, можно на самолете. Всего, конечно, не увидишь, но кое-что...

— Давай на самолете! — предложил Димка.— А где самолет?

— Самолет в аэропорту,— сказал я.

— Поехали в аэропорт! — предложил мой друг.

НЕОБЫЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В Москве не один аэропорт, а четыре. Каждый день из них улетают сотни самолетов. И прилетает не меньше. Во все концы земли летят самолеты. И по всей нашей стране.

— В какой же аэропорт мы поедим? — спросил я своего друга.

Димка не растерялся.

— В самый главный! — сказал он.

Мы поехали в самый главный аэропорт. По улице Горького. Потом через Красную площадь. По мосту за Москву-реку. А там уже новая Москва начинается — Ленинский проспект. От Ленинского проспекта до аэропорта — рукой подать.

Вот мы и приехали в аэропорт. На летное поле заглянули. А на нем самолетов — видимо-невидимо. Есть маленькие, а есть и большие: Ил-62, Ил-86, Ту-134, Ту-154. Есть новые — Як-42. И вертолеты всех марок. Пассажирские, грузовые, вертолеты-краны.

Димка знает все самолеты и вертолеты. Он у нас специалист по технике.

— На каком полетим? — спросил я Димку.

— На самом большом, — ответил он.

Мы с Димкой сели в самый большой, необыкновенный самолет. Сели и полетели. Ну, а раз самолет был необыкновенный, то и путешествие наше было не совсем обычным. Это был рейс через всю страну!

ГЛАВНЫЙ ГОРОД

Вот наш самолет поднялся в воздух, и у Димки дух захватило. Под нами лежал огромный город — площади и улицы, дома и парки, заводы и стадионы. И Кремль под нами проплыл, и Дворец съездов, и Москва-река.

— И это все Москва? — спрашивал Димка.

— Москва, — говорил я.

Внизу проплыли новые районы города. С большими домами и широкими проспектами. С кинотеатрами и школами. Со стадионами и площадями. С искусственными прудами и настоящими лесами.

— И это Москва? — интересовался Димка.

— Москва, — отвечал я.

Говорил, а сам тоже удивлялся. Уж очень велика Москва и красива и с каждым годом все больше и красивее становится!

— Москва — главный город нашей страны, — сказал я, — и главный город России.

— Самый главный? — спросил Димка. — На всей земле?

— Для нас — и на всей земле, — согласился я.

ЕЩЕ ГОРОД, И ТОЖЕ ГЛАВНЫЙ

Но вот наш самолет пошел на посадку.

— Вот и остановка, — сказал один из летчиков.

Димка посмотрел вниз, увидел огромный город и огорчился:

— Уже прилетели? Это Москва?

Я успокоил Димку:

— Нет, не Москва, это Ленинград. Тоже большой и славный город.

— Про Ленинград я знаю,— сказал Димка.— По телевизору видел. А почему он такой же, как Москва?

Как ответить Димке?

— Ленинград и такой, как Москва,— сказал я,— и не такой. Большой город, верно. А вот красота у Ленинграда своя, особенная. И история у Ленинграда своя.

— А какая красота особенная?

— Сейчас сам увидишь.

Пока наш самолет готовили в дальнейший путь, успели мы с Димкой немного по Ленинграду прокатиться. По его прямым и красивым улицам, по набережной Невы, где стоит крейсер «Аврора», мимо здания Смольного и памятника Владимиру Ильичу Ленину, мимо Русского музея и памятника Александру Сергеевичу Пушкину. И конечно, мимо Медного всадника — памятника Петру...

— В очень давние времена были на этом месте не улицы и площади,— объяснил я Димке,— а непроходимые болота и леса. При Петре Первом построили здесь город. А много-много лет спустя в этом городе под руководством Владимира Ильича Ленина началась революция. Ленин руководил революцией из здания Смольного.

А началась она по сигналу крейсера «Аврора». Значит, и наша Советская власть как бы с этого города началась, с выстрела крейсера «Аврора».

И сейчас крейсер «Аврора» стоит на Неве. На него юные моряки — нахимовцы приходят учиться морскому делу. И просто разные люди из нашей страны и из других стран, как приедут в Ленинград, обязательно придут на «Аврору» посмотреть. Необычный это корабль, исторический!

— А

— Тракторы самые большие — «кировцы», атомные ледоколы, турбины для электростанций, станки и поточные линии, которые без человека сами работают...

Понравился Димке Ленинград. И улицы его, и парки, и дома, и заводы, и памятники.

— Как в Москве,— сказал Димка.

— А может, и лучше,— добавил я.— Улицы в Ленинграде прямее, чем в Москве.

— Может,— согласился Димка.— Ведь Ленинград тоже главный город! Верно?

ВОЛГА-КОРМИЛИЦА

С берегов Балтики мы перемахнули на берега великой русской реки Волги. Да не в те места Валдая, где начинается Волга. Там она вовсе и не великая и ничем не знаменитая речушка. А подальше, к городу Горькому, где Волга сливается с другой большой русской рекой — Окой.

Близка река Волга всем нашим людям. На Волге, в городе Ульяновске, Владимир Ильич Ленин родился. На Волге в давние времена русские люди вставали на борьбу со своими врагами. На Волге, под Сталинградом, в последнюю войну наши воины разбили фашистов.

Хороша Волга! Недаром зовут ее рекой-красавицей. Еще называют Волгу рекой-кормилицей.

— Что хочешь загадывай! — предложил я Димке. — Все на Волге найдешь!

— Так и все? — засомневался Димка.

— Все! — сказал я.

Димка задумался. Так задумался, что я решил: «Сейчас задаст мне какую-нибудь задачу!»

Так и есть. Придумал.

— А машины?

Тут я уже не выдержал — рассмеялся:

— Да ты вниз смотри! Ярославцы шины и автомобильные моторы выпускают. А ниже на Волге... Видишь — завод. Как раз на нем автомобили тоже делают — и грузовые и легковые. Из легковых ты «Волгу» знаешь и «Чайку». Грузовики и вездеходы «Уазики».

А в городе Тольятти делают легковые машины «Жигули», или «Лада», как их иностранцы называют.

А из Татарии, с берегов Камы, по всей стране идут могучие КамАЗы. Автомобили с прицепами! Целые грузовые поезда.

Вот она, Волга!

Мой друг вновь подумал и другой вопрос задал:

— А пароходы?

— Смотри! — опять сказал я.

Вниз по реке плыли могучие теплоходы, проносились быстроходные суда на подводных крыльях — «Ракеты», «Метеоры» и «Вихри». Их тоже на Волге делали.

На самоходных баржах везли по Волге легковые и грузовые машины, пшеницу и нефть, сборные дома и одежду, станки и рыбу, помидоры и арбузы. И все это тоже с Волги.

Перегородили Волгу большие плотины. Настоящие моря получились. От плотин и электростанций во все концы страны тянутся мачты с проводами. Это Волга дает электрический ток нашей стране.

По берегам Волги в земле лежат большие черные трубы. Что в них? Газ и нефть. Это Волга кормит страну газом и нефтью.

Тысячи городов и селений раскинулись по берегам Волги. Есть среди них и старые, и новые, да только все они выглядят как молодые. Много строят наши люди. Строят русские и татары, чуваша и удмурты, мордва и марийцы. Каких только народов нет на Волге! А живут все одинаково хорошо и вместе думают о том, как еще лучше жить.

Димка смотрел, слушал, а сам о чем-то о своем думал.

— А космонавты? — наконец спросил он.

— И Юрия Гагарина, и Германа Титова можно волжанами назвать, — сказал я. — Ведь их космические корабли приземлились в Поволжье, в Саратовской области.

— Не Юрий Гагарин, а Юрий Алексеевич Гагарин, — поправил меня Димка. — А Титова зовут Герман Степанович. — Многих космонавтов Димка по фамилиям и именам-отчествам перечислил.

СТРАНА, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Всю страну облетели мы с моим другом и всюду что-нибудь интересное встречали. На Украине и в Молдавии хорошо, и в Белоруссии интересно. О Прибалтике можно много рассказывать, и о Волге никак не меньше. Чего только не повидали мы на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе!

Но настал конец нашему путешествию — вернулись мы в Москву.

— Как, доволен? — спросил я своего друга.

— Ух! — сказал Димка, и это, видно, означало, что путешествие ему понравилось.

— Так какая же она, наша страна? — спросил я Димку.

— Большая! — сказал Димка.

— А еще?

— Богатая!

— А еще?

— Сильная!

— А еще?

— Дружная!

— А еще?

— Добрая!

— А еще?

Тут Димка подумал-подумал и добавил:

— Наша!

— Верно! — согласился я. — Страна — наша! Она и большая, и богатая, и сильная, и дружная, и добрая! А станет наша страна еще богаче, еще сильнее, еще красивее. Потому что советские люди под руководством партии коммунистов хорошо трудятся, строят новую, счастливую жизнь.

А называется эта новая, по-настоящему счастливая жизнь — коммунизм!

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ СОЛДАТ

Это рассказ о герое. О необыкновенном герое. О человеке, который прошел тысячу трудных боев и вышел из них победителем. О человеке, который сто раз погибал и не погиб. О человеке, который защищал и сейчас защищает нашу страну от врагов.

Это рассказ о твоих дедах и отцах. Они были солдатами-героями.

Сколько сейчас тебе? Пять, семь, а может быть, даже девять? Это, конечно, немало. Но стране нашей все же больше. И армии нашей больше. Значит, и рассказ этот надо начать с тех времен, когда тебя еще на свете не было...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КРАСНОГО СОЛДАТА

Шел по улице солдат. С виду и не солдат совсем. Ни шинели на нем, ни шапки с красной звездой. Рабочая телогрейка, сапоги да кепка. Просто рабочий. Но за спиной у него винтовка со штыком. И рядом с ним шли такие же рабочие с оружием и моряки с крейсера «Аврора».

Шел солдат по петроградским улицам, по набережной Невы. Шел к царскому Зимнему дворцу. Там — белые! Враги! Впереди — враги. На соседней улице — враги, за углом каждого дома — враги. На набережной Зимней канавки — враги. Дворец все ближе и ближе.

Отряд рабочих и моряков подходил к Зимнему дворцу. И не только этот отряд. Со всех сторон окружали дворец красные революционные рабочие, солдаты, матросы.

Но вот прозвучал выстрел. Один, другой, третий. Это пушки революционного крейсера «Аврора».

— Вперед! — крикнул солдат.

Бросились люди на штурм Зимнего дворца. До глубокой ночи шел тяжелый бой.

И вот — победа! Зимний дворец взят!

А на рассвете следующего дня солдат стоял уже у дверей Смольного — штаба революции.

В Смольном выступал Владимир Ильич Ленин.

Во дворе Смольного горели костры. Стояло холодное октябрьское утро. Отряды революционных бойцов уходили на бой с недобитым врагом.

— Дяденька, а вы кто — белый или красный?

Перед солдатом появились двое мальчишек — оба маленькие, в одинаковых картузах и одеты кое-как.

Обиделся солдат:

— Почему же белый? Красногвардеец я. Не видите?

— А как увидишь? — сказал один мальчишка.

— И формы на вас, дяденька, нет. И красного ничего нет! — сказал другой. — Как узнать!

— Будет и форма! Да еще с красной звездой! И ружьишко получше будет! — пообещал солдат.

Вдруг оба мальчишки попросили:

— Нам бы в Красную гвардию записаться! А-а? Дяденька! Запишите нас!

— Эх, чего захотели! — сказал солдат. Потом смягчился — вспомнил: скоро и у него такой сынишка будет. — Малы еще! Подростете — запишем!

Шел по улице солдат. Совсем молодой солдат, а на груди у него боевой орден.

Откуда орден, когда солдат на войне не был? Да и не мог он быть на войне. Война уже кончилась, а солдат еще на свет не родился.

И вот сейчас, в мирное время, получил молодой солдат боевой орден. За что?

А было так.

Высоко в небе летел самолет. Так высоко, что с земли не увидишь, не услышишь. Самолет не наш — чужой, из далекой страны. Заокеанский.

Приказали летчику: незаметно пролететь над Советским Союзом и рассекретить наши военные тайны.

Где какой завод у нас стоит — сфотографировать.

Где какие воинские части — сфотографировать.

Где какие военные аэродромы — сфотографировать.

Не виден был чужой самолет с земли, да только наши славные зенитчики по приборам его обнаружили. Где летит, на какой высоте, даже марку самолета определили точно.

— По местам! — раздалась команда.

Заняли ракетчики свои места. Направили ракету на невидимую цель.

Доложили:

— Готово!

Еще команда. Взрыв!

Пошла ракета высоко в небо, оставляя за собой хвост дыма.

Минута, другая, а ракета уже цель нашла.

Загорелся самолет.

А летчик на парашюте выбросился и долго еще удивлялся потом, как это его на такой высоте обнаружили и сбили.

А зенитчикам нашим, ракетчикам, ордена дали за точное падение.

И самому молодому солдату тоже.

КОГДА ПРОЙДЕТ НЕМНОГО ЛЕТ

Шел по улице солдат. Знакомый солдат. Где вы его видели? Кажется, он похож на того солдата, что брал Зимний дворец в семнадцатом году. И на того, что с победой пришел после гражданской войны в году двадцать втором. И на солдата, который в тридцатом году защищал наши границы. А еще на солдата, защищавшего нашу Родину на Хасане в тридцать восьмом и на Карельском перешейке в тридцать девятом и сороковом. И уж конечно, он похож на героического солдата Великой Отечественной войны. На того, кто победил фашистскую Германию и разгромил фашистскую Японию. На того, кто освободил народы

Европы и дальневосточной Азии от фашистского рабства. И на молодых солдат-ракетчиков, солдат-защитников, солдат, которые приходят на помощь своим друзьям, тоже похож.

Да, он похож на твоих дедов, отцов, старших братьев, и все же...

Шел по улице солдат. Это — ты.

Пройдет немного лет. Для кого десять, для кого двенадцать, для кого чуть больше, и ты станешь солдатом. Не для того, чтобы нападать на другие страны, а для того, чтобы защищать свою страну.

Ты станешь солдатом.

Ты станешь солдатом героической Советской Армии!

Ты станешь солдатом Советской страны!

Ты станешь солдатом великого советского народа!

ЭДУАРД ЮРЬЕВИЧ ШИМ

(Род. в 1930 г.)

ЧЕРЕМУХА

Очень я, Черемуха, на людей обижаюсь...

По весне белого кружева наряду, с головы до ног наряжусь, стою — как невеста... Глядите, стар и мал, любуйтесь. Пусть у вас на душе станет радостно!

А люди — ломать меня.

По стволу карабкаются, сучья гнут, веточки отдирают. И не поймут, что ведь себе хуже! Веточки в комнате долго ли простоят — вот уже и осыпались... А цвела бы я нетронутая, так сколько бы дней глаз веселила!

Поспеют летом черные ягоды, — снова люди ко мне. Потихоньку собирали бы ягодки, бережно, я бы смолчала. Но ведь снова гнут меня, снова ломают...

Этакий сорванец на ветке качается, приятелей зовет:

— Эгей! Сюда!..

Ну, я на хитрость пустилась.

Хоть ягоды мои и сладки, да вязкие они, рот вяжут.

Поел ягод, захотел крикнуть, а рот-то и связало.

Ну, и поделом тебе.

Ступай домой да помалкивай.

ХЛЕБ РАСТЕТ

Кругом деревни поля еще голые. А одно поле — будто зеленой краской залито. Такое яркое, такое веселое, такое праздничное!

Мама сказала:

— Это хлеб растет.

Зеленые ростки, одинаковые, как родные братцы, кустиками, кустиками торчат. Когда же они успели вырасти?

Мама объясняет: это озимый хлеб. Его под зиму сеяли, прошлой осенью.

Зерна успели до холодов проклюнуться, прорасти и поднять над землей кустики нежных зеленых листьев.

Потом их снегом закрыло. И уснули они до поры до времени. Над полем вьюги свистели, морозы студили землю.

А хлеб терпел.

Зябко ему было под снегом, темно. И долго-долго зима не кончалась.

Но дотерпел хлеб, дождался весны. И как только она пришла, сразу ожил, сразу начал расти. Не пропустил первое тепло, не замешкался.

Тянется к солнышку, старается!

Идут люди веселым зеленым полем, глянут по сторонам, улыбаются:

— До чего хлеб хорош!

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНОВ

(Род. в 1930 г.)

ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО

В городе жить хорошо — весело, шумно. В городе всего много — людей, домов, улиц. В городе толкучка, в городе дышат густым темным паром фабричные трубы. Они такие высокие, что выдыхают свой дым прямо на небе!..

«В городе жить хорошо. А в деревне хорошо жить или нет?» — думает Таня. Она стоит посреди пустой деревенской улицы, мнет валенком густой мартовский снег и думает. Солнышко льет — оттепель. А может, уже настоящая весна...

В деревне всего одна улица, фабрик нет — по небу только об-

лака плавают. Людей новых нет, и людей мало. Если б сюда перенести по какому-нибудь щучьему велению Танин московский дом, вся деревня в нем бы уместилась, все люди! «Вот было бы интересно,— думает Таня,— кругом леса, поля, а посреди стоит девятиэтажный дом и перед входом вывеска: «Деревня Кресты Ручьевские»...

Зато в деревне много всего живого. Таня это сразу заметила. В городе, хоть он и очень большой, столько живого ни за что не наберется. Там даже и живое какое-то не очень живое. Собаки слишком скромные, все на ремешках, а деревья обязательно рядками стоят. Таня, пока в городе жила, думала: так и нужно. А сюда приехала — поняла, как должно быть!

Вот бежит по улице собака. Ни забот у нее, ни хлопот. Машин она не боится, никто ее не трогает. Подошла к Тане, понюхала край пальто, заглянула в глаза снизу вверх. Таня показала собаке пустые руки: «Нету ничего!» Собака вильнула хвостом и побежала дальше. Вот какими должны быть настоящие живые собаки!..

На краю деревни стоит ферма — длинный-длинный дом, похожий на здоровенный батон. Там живет целое стадо коров. Туда Таня когда-нибудь обязательно ходит. Но пока ходить туда боязно. Коровы большие, тяжелые, рогатые. Таня к коровам еще не привыкла.

А к лошадям она сразу привыкла. Лошадей она нисколько не боится. Лошади живут на другом конце деревни, в старенькой конюшне. Таня туда уже два раза ходила и еще пойдет. Лошади смиренные, и сразу видно, что добрые.

А еще за два километра отсюда есть птичья ферма. Там куры... Еще здесь можно посмотреть овец, коз, гусей, которые ходят красными босыми лапами прямо по мартовскому снегу... Еще тут есть синички. Их приглашала смотреть Танина новая подружка Алена. И еще дед обещал отвезти Таню в поле, показать, как под снегом спит живая пшеница. Ее называют озимая, потому что она прямо в поле зимует.

Вот сколько живого есть в деревне. А на самом деле даже еще больше: и вороны, и сороки, и дятлы. Полный лес зверей и птиц. Зверей Таня пока не видела. Но дед говорит, что в лесу даже медведи есть. А уж о зайцах и говорить нечего! От зайцев даже приходится молодые яблони укрывать — обвязывать еловыми ветками. Зайцы для молодых деревьев хуже волков: всю кору объедают, если не уследишь. А деревья от этого сохнут. Вот и стоит молодняк колхозного сада весь в зеленых валенках...

В городе зайцы только плюшевые или заводные, деревья все выстроились по струнке, а коров вообще нет никаких. В деревне это все настоящее. Почти каждого живого — если только он не дикий — можно потрогать и погладить, можно о нем заботиться, носить ему еду. У колхозников это главная работа — заботиться

обо всем живом. Полеводы заботятся о растениях, а животноводы — о животных. Тане такая работа нравится. Она думает, что тоже, может быть, станет полеводом или животноводом. Но это немного погодя. А сначала — как только она станет взрослой — ей хочется немного побыть полярницей...

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦЫФЕРОВ

(1930—1972)

ЖИЛ НА СВЕТЕ СЛОНЕНОК

Жил на свете слоненок.

Это был очень хороший слоненок. Только вот беда: не знал он, чем ему заняться, кем быть. Так все сидел слоненок у окошка, сопел и думал, думал...

Однажды на улице пошел дождь.

— У-у! — сказал промокший лисенок, увидев в окошке слоненка. — Ушастый какой! Да с такими ушами он вполне может быть зонтиком!

Слоненок обрадовался и стал большим зонтиком. И лисята, и зайчата, и ежата — все спрятались под его большими ушами от дождя.

Но вот дождь кончился, и слоненок снова загрустил, потому что не знал, кем же ему все-таки быть. И снова он сел у окошка и стал думать.

Мимо пробежал зайчик.

— О-о! Какой прекрасный длинный нос! — сказал он слоненку. — Вы вполне могли бы быть лейкой!

Добрый слоненок обрадовался и стал лейкой. Он полил цветы, траву, деревья.

А когда поливать больше было нечего, он очень опечалился...

Ушло на закат солнце, зажглись звезды. Наступила ночь. Все ежата, все лисята, все зайчата улеглись спать.

Только слоненок не спал: он все думал и думал, кем же ему быть?

И вдруг он увидел огонь! «Пожар!» — подумал слоненок. Он вспомнил, как совсем недавно был лейкой, побежал к реке, набрал побольше воды и сразу потушил три уголька и горящий пень.

Звери проснулись, увидели слоненка, поблагодарили его

за то, что он потушил огонь, и сделали его лесным пожарником.

Слоненок был очень горд. Теперь он ходит в золотой каске и следит за тем, чтобы в лесу не было пожара.

Иногда он разрешает зайчику и лисенку пускаться в каске ко-раблики.

СТАНИСЛАВ ТИМОФЕЕВИЧ РОМАНОВСКИЙ

(Род. в 1931 г.)

ЛУКОШКО

Утром Алеша и бабушка Устинья пошли в лес по ягоды и взяли с собой то самое лукошко.

В лесу хорошо! Воздух смолистый, чистый, как вода в ключе. Пить его и не напиться досыта. Бабочки летают на полянах и пчелы гудят — осторожные, вежливые. Жалить они не собираются: делом заняты, первый взяток берут и добрых людей изда-лека чувствуют... А шишек сколько под ногами! Хватит на все самовары в мире да еще и останется. Берите, чаевники, не стесняйтесь, пейте чай в свое удовольствие!..

Ягод только нет.

— Шаром покати, — жалуется бабушка Устинья. — Куда они подевались? Куда спрятались ягодки-то, а?

— Может, не поспели еще? — спрашивает Алеша. — Не рано ли мы вышли?

— Не рано, — отвечает бабушка. — Были ягоды, да сплыли. Их поспеловские старухи подчистую выбрали.

— Чего они так?

— Азартные.

Шли бабушка и внучек по тропинке, прошнурованной сосно-выми корнями. Тропинка под гору повела-побежала. Поскольз-нулся Алеша на гладком корешке, упал.

Не больно упал, а все-таки!..

Лукошко вырвалось из рук, покатилося, как колесо, запрыга-ло на корнях, свернуло в сторону, задребезжало то тут, то там и затихло.

Где оно затихло-то?

Вроде бы справа. Тут склон поляночкой, смотрит на юг, на солнышко, и по этому склону встречается земляника. Робкая ягодка, ранняя, но такая сладкая, нежная. Если не лениться да каждой ягодке поклониться, набрать можно много.

Теперь другая забота: ягоды есть, а собирать не во что — лукошка нет.

То есть как это нет?

Лежит лукошко в траве-землянике донышком кверху, и прыгает по нему птичка-невеличка.

Хвост серый, грудка золотая, голосок тоже золотой:

«Цвинь! Цвинь!»

Скок-поскок; и опять:

«Цвинь! Цвинь!»

«Играй, пока не надоест. Радуйся», — подумал Алеша и стал собирать ягоды в фуражку, а больше — в рот.

Оглянулся проведать лукошко и замер.

Сидит на лукошке лягушка и на Алешу смотрит. Да какая! Темно-зеленая, прозрачная; лапки точеные; каждый пальчик видать.

А глаза васильковые.

Приподнимается на лапках, чтобы лучше рассмотреть мальчика, воздух в себя набирает и вот-вот скажет нечто важное.

— Царевна-лягушка! — вырвалось у Алеши.

— Да нет, — сказала бабушка. — Не царевна: некоронованная она.

— Некоронованная, — согласился Алеша. — Была бы корона на голове...

— Была бы корона, — подхватила бабушка, — мы бы у нее чего-нибудь выпросили.

— Я бы «Сказки» Пушкина попросил! — обрадовался мальчик. — С хорошими картинками. Да пирог с калиной. А ты?

— Я бы молодости, — сказала бабушка Устинья. — Больше ничего.

Лягушка посидела на лукошке и ускакала в траву, где пониже поляны точится ручей и вода в нем об эту пору пахнет земляникой и горчит смолой и хвоей.

Бабушка и внучек засветло принесли из лесу лукошко ягод. Мало сказать «полное». С верхом, под самую ручку вздымается красная ягодная горка, сама — как большая ягода!

Вот какое оно — старое лукошко: в любое время чем-нибудь да угодит хозяевам. Оно уже истерлось, разлохматилось кое-где. Иные прутьки заменить пришлось, подплести новые, молодые... А выбрасывать нельзя! Что вы: где еще такое найдешь?

Нигде.

Счастливое лукошко!

ВИТАЛИЙ ТИТОВИЧ КОРЖИКОВ

(Род. в 1931 г.)

РАССКАЗЫ О ТАЕЖНОМ ДОКТОРЕ

ВСТРЕЧА В ЗООПАРКЕ

Как-то в Московском зоопарке у клетки с уссурийским тигром собралась толпа. Маленькая девушка-экскурсовод рассказывала всем, какой это грозный, угрюмый зверь. Мальчишки рычали на него. А тигр спокойно спал в углу. Только иногда во сне он выпускал из мозолистых подушечек еще крепкие старые когти.

Но вот экскурсия пошла дальше, а у клетки остановился высокий седой человек. Он посмотрел на зверя и тихо позвал:

— Гром!

Тигр дернул ушами и на мгновение приподнял голову.

— Гром! — повторил мужчина.

Тогда тигр встряхнулся, оперся на передние лапы и внимательно посмотрел на решетку. С минуту он сидел, будто о чем-то думал, потом глаза его засветились, он быстро встал, ткнулся мордой в прутья и радостно заурчал.

— Вспомнил! — сказал мужчина. — Узнал! Ну, здравствуй, здравствуй, Гром!

Никого вокруг не было, и никто мужчину не спрашивал, почему это его вспомнил тигр.

А он мог бы рассказать целую историю про то, как много лет назад, еще во Владивостоке, Гром подавился громадной костью и как ее пришлось вытаскивать у тигра из пасти.

И не только эту историю мог бы рассказать старый ветеринар Миролюбов.

Я часто приходил к нему в небольшой деревянный домик на берегу океана. Приду и слушаю.

Исаак Иванович угощает меня в своем саду крупной пахучей смородиной и рассказывает, как совсем молодым попал с Волги на Дальний Восток, как ходил по тайге, лечил зверей.

ТАЕЖНЫЕ ГОЛОСА

Много лет жил в тайге у океана Исаак Иванович, ходил по таежным тропам, лечил и разводил зверей. Поседел. А все вспоминал свою родную речку, откуда к Тихому океану приехал. И как над ней бегут облака, и как кричат пароходы.

Мчались мимо тайги поезда, посвистывая, за собой звали. Простучит, бывало, рядом поезд. Загудит паровоз: «У-у! Уеду-у!» Только облачко дыма по лесу расплывется.

Грустно станет Исааку Ивановичу. «И я скоро уеду», — решает он.

Но зашумит ветер, качнет дымчатые сосновые ветки, донесет какие-то таежные звуки...

И доктор подумает: «Кажется, лисята плачут... Вот вылечу, тогда уж уеду!»

Вылечит, выходит лисят — выйдет на дорогу, а поезд снова зовет: «Чу-чу! Ук-ка-чу!»

...А порой, бывало, услышит стук колес и шум поезда и даже загрузить не успеет: бегут за ним.

— Исаак Иванович! Звери захворали!

Спешит Миролюбов на помощь.

Раскачивает ветер ветки. С ветки на ветку следом прыгают белки, будто торопят: «Скорей!»

Посвистывают, шелкают бурундуки: «Скорей! Скорей!»

Тихо свистят. Но только их свист слышней доктору, чем паровозные гудки.

Оттого и не может он из тайги уехать.

ДОКТОР АЙБОЛИТ

Долго я не был во Владивостоке. Но вот прилетел в город снежной зимой.

Ветер на улицах бушует. Все бегут в снегу, будто живые сугробы.

Вижу — мелькают возле меня сугробчики поменьше, и все к Дому пионеров. А там на двери шелестит, вот-вот сорвется афиша. Придержал я афишу варежкой и прочитал: «Встреча с доктором Айболитом».

«Пойду и я, — думаю, — кому не интересно встретиться с живым Айболитом!»

Вошел я в зал. Везде полно мальчишек и девчонок. Все шумят, хлопают в ладоши. Ждут.

И я встал в самый угол и тоже жду, когда же появится Айболит.

Вот открылась дверь, боком стал входить в нее человек в белом халате, седой, с седыми усами. Но могучий, на груди орден. Вот человек повернулся и сказал:

— Здравствуйте, ребята! — и начал рассказывать удивительные истории. Про слона. Про тигра. Про питона:

Я так и ахнул: «Какой же это Айболит? Это же Исаак Иванович!» Но тут же подумал: «А разве он хуже Айболита? Он всем зверям в беде помогал. На лошади к ним скакал, на поезде ехал. На пароходе плыл. На самолете летел! Самый настоящий, самый добрый доктор Айболит. Только еще с орденом Трудового Красного Знамени на груди...

Крикни он сейчас: «Звери лесные, птицы таежные!» — и при-
топает к нему слон, простучит копытцами олешек, приползет пи-

тон. Придут все, кому он помогал. Все поклонятся. Плохо было бы без него тому, кто любит лесное житье.

Я тоже очень люблю леса, люблю тайгу. Люблю слушать в тайге свист бурндука, пощелкивание белки, веселое пение птиц. Слушаю и думаю: «А может быть, их веселью тоже помог Исаак Иванович...»

И тогда мне тоже хочется поклониться моему знакомому доброму Айболиту.

ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СНЕГИРЕВ

(Род. в 1933 г.)

ЧАЙКА

Я жил с рыбаками на самом берегу океана. За нашей избушкой была тайга, и когда не шумел океан, то слышно было, как дятел долбит деревья.

Однажды рыбаки сказали мне:

— Посмотри, как над водой кружат чайки, они ловят рыбу, завтра утром мы тоже начнем лов.

Утром я проснулся, когда солнце еще не выплыло из океана. Было тихо, волны зелеными упругими рядами набегали на песок и откатывались назад, в океан. У самой воды, быстро перебирая розовыми лапками, ходила чайка, оставляя на мокром песке крестики своих следов. Ходила и громко ахала: «ах, ах, ах». А где-то дальше, за сопками, другая чайка отвечала ей: «ах, ах, ах».

«Что это,— думаю,— они расплакались? Детей своих, что ли, растеряли?»

Я долго смотрел на чайку, а потом вернулся в избушку.

Рыбаки снимали сети с шестов и относили подальше от воды, под дно баркасов подложили бревна и вкатили баркасы на берег.

Я удивился:

— В такую погоду только за рыбой идти, а вы к шторму готовитесь?

— Нельзя сегодня в море выходить,— сказали мне рыбаки,— шторм будет.

— На небе ни одного облачка, и ветра нет, откуда вы про шторм узнали?

Рыбаки мне на чайку показывают, а чайка все по песку ходит и ахает.

— Вот, посмотри: чайка бродит по песку, рыбаку сулит тоску!

К обеду подул ветер, он все усиливался. Мы сидели в избушке. За стеной ревел океан, иногда волна докатывалась до стены и сотрясала весь домик. Рыбаки громко кричали мне в ухо.

Я разобрал только: «Мы бы сейчас в открытом море были. Спасибо чайке: как шторм, она нас всегда предупреждает!»

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ

(Род. в 1938 г.)

ЧИСТЫЙ ДОР

НЮРКА

Нюрке дядизуевой было шесть лет.

Долго ей было шесть лет. Целый год.

А как раз в августе стало Нюрке семь лет.

На Нюркин день рождения дядя Зуй напек калиток — это такие ватрушки с пшенной кашей — и гостей позвал. Меня тоже. Я стал собираться в гости и никак не мог придумать, что Нюрке подарить.

— Купи конфет килограмма два, — говорит Пантелевна. — Подушечек.

— Ну нет, тут надо чего-нибудь посерьезнее.

Стал я перебирать свои вещи. Встряхнул рюкзак — чувствуется в рюкзаке что-то тяжелое. Елки-палки, да это же бинокль! Хороший бинокль. Все в нем было цело, и стекла есть, и окуляры крутятся.

Протер я бинокль сухой тряпочкой, вышел на крыльцо и навел его на дядизуев двор. Хорошо все видно: Нюрка по огороду бегаёт, укроп собирает, дядя Зуй самовар ставит.

— Нюрка, — кричит дядя Зуй, — хрену-то накопила?

Это уже не через бинокль, это мне так слышно.

— Накопила, — отвечает Нюрка.

...Повесил я бинокль на грудь, зашел в магазин, купил два кило подушечек и пошел к Нюрке.

Самый разный народ собрался. Например, Федюшка Миронов пришел в хромовых сапогах и с мамашей Миронихой. Принес Нюрке пенал из бересты. Этот пенал дед Мироша сплел.

Пришла Маня Клеткина в возрасте пяти лет. Принесла Нюрке фартук белый, школьный. На фартуке вышито в уголке маленькими буквами: «Нюра».

Пришли еще ребята и взрослые, и все дарили Нюрке что-нибудь школьное: букварь, линейку, два химических карандаша, самописку.

Тетка Ксения принесла специальное коричневое первоклассное школьное платье. Сама шила. А дядя Зуй подарил Нюрке портфель из желтого кожзаменителя.

Братья Моховы принесли два ведра черники.

— Целый день,— говорят,— собирали. Комары жгутся.

Мирониха говорит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное? — говорят братья Моховы.— Очень даже школьное.

И тут же сами поднавалились на чернику.

Я говорю Нюрке:

— Ну вот, Нюра, поздравляю тебя. Тебе теперь уже семь лет. Поэтому дарю тебе два кило подушечек и вот — бинокль.

Нюрка очень обрадовалась и засмеялась, когда увидела бинокль. Я ей объяснил, как в бинокль глядеть и как на что наводить. Тут же все ребята отбежали шагов на десять и стали на нас в этот бинокль по очереди глядеть.

А Мирониха говорит, как будто бинокль первый раз видит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное,— обиделся я,— раз в него будет школьница смотреть?

А дядя Зуй говорит:

— Или с учителем Алексей Степанычем залезут они на крышу и станут на звезды глядеть.

Тут все пошли в дом и, как за стол сели, так и навалились на калитки и на огурцы. Сильный хруст от огурцов стоял, и особенно старалась мамаша Мирониха. А мне понравились калитки, сложенные конвертиками.

...Нюрка была веселая. Она положила букварь, бинокль и прочие подарки в портфель и носилась с ним вокруг стола. Напившись чаю, ребята пошли во двор в лапту играть.

А мы сели у окна и долго пили чай и глядели в окно, как играют ребята в лапту, как медленно приходит вечер и как летают над сараями и над дорогой ласточки-касатки.

Потом гости стали расходиться.

— Ну спасибо,— говорили они.— Спасибо вам за огурцы и за калитки.

— Вам спасибо,— отвечала Нюрка,— за платье спасибо, за фартук и за бинокль.

Прошла неделя после этого дня, и наступило первое сентября.

Рано утром я вышел на крыльцо и увидел Нюрку.

Она шла по дороге в школьном платье, в белом фартуке

с надписью: «Нюри». В руках она держала большой букет осенних золотых шаров, а на шее у нее висел бинокль.

Шагах в десяти за нею шел дядя Зуй и кричал:

— Смотри-ка, Пантелевна, Нюрка-то моя в школу пошла!

— Ну-ну-ну...— кивала Пантелевна.— Какая молодец.

И все выглядывали и выходили на улицу посмотреть на Нюрку, потому что в этот год она была единственная у нас первоклассница.

Около школы встретил Нюрку учитель Алексей Степаныч. Он взял у нее цветы и сказал:

— Ну вот, Нюра, ты теперь первоклассница. Поздравляю тебя. А что бинокль принесла, так это тоже молодец. Мы потом залезем все на крышу и будем на звезды смотреть.

Дядя Зуй, Пантелевна, тетка Ксения, Мирониха и еще много народу стояли у школы и глядели, как идет Нюрка по ступенькам крыльца. Потом дверь за ней закрылась.

Так и стала Нюрка первоклассницей. Еще бы, ведь ей семь лет. И долго еще будет. Целый год.

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛЯВКИН

(Род. в 1929 г.)

КАК Я БОЯЛСЯ

Когда я впервые шел в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу — и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдет, я все равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошел в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

— Писать умеешь?

Он покачал головой.

— А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

— А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но все равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

— Я ничего не знаю!

— Чего не знаешь? — удивилась учительница.

— Ничего я не знаю! — крикнул я испуганно.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Не знаю! — сказал я.

— Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

— Ничего не знаю! — повторил я.

В классе засмеялись. Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во все горло:

— Свою фамилию и свое имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чем не будет. Пока еще никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и все знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнем с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и свое имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал свое имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

**ПАВЛО
ТЫЧИНА**
(1891—1967)

РОДИНА

Что прекрасней и милее
Этой ласковой земли?
Всюду яблони белеют.
И река течет вдали...

ИДЕТ ВЕСНА

Посмотри, погляди —
Ручеечки, как звоночки,
Да и жаворонок тоже
Заливается:
Ой, весна,
Ты красна,
Ты цветами-жемчугами
Разукрашена.

**НАТАЛЬЯ
ЗАБИЛА**
(1903—1985)

ЯСОЧКИН САДИК

За окном сегодня ветер, ветер...
Даже в доме слышно, как гудит.
В детский сад ушли давно все дети,
Только Яся в комнате сидит.

Наша Яся кашляет немножко —
Простудилась на дворе вчера.
Верно, Яся промочила ножки
Там, где баб лепила детвора.

Мамы нет, и на работе папа.
В Ясочкином доме тишина.
Думаете, Яся будет плакать,
В комнате соскучится одна?

Ну уж нет! Зачем же плакать Ясе?
Вон игрушки у нее стоят.
Села к ним, игрою занялася:
Будет у нее свой детский сад.

В детский сад пришел мохнатый Мишка,
Кукла Ляля и больной конек,
А еще веселый шалунишка —
Длинноухий маленький щенок.

И котенка записала Яся,
Но шмыгнул котенок под кровать.
— Непослушный, глупый котик Вася,
Больше не возьму тебя играть!

В уголок уселись ребяташки.
Смирная какая детвора!
Что-то лапы грязные у Мишки.
Он, лентяй, их не помыл с утра.

— Дом из книг для вас построю, дети,
Привяжу на башенку флажок,
Дам к обеду по большой конфете,
Испеку с вареньем пирожок.

А потом возьму из шкафа книжку,
Покажу вам буквы «А» и «О». —
Яся знает, что мохнатый Мишка
Хочет буквы выучить давно.

Яся коврик на полу расстелет,
Тихий час устроит для ребят.
— Ну, ложитесь, малыши, в постели!
И у нас в саду ребята спят!

Спать ложатся Ясочкины дети:
И щенок, и кукла, и медведь.
За окошком дует ветер, ветер...
Но тепло им в комнате сидеть.

Вот и мама в двери постучала,
Маленькую дочку обняла:
— Молодчина, дочка, не скучала,
Хорошо денек свой провела!

НАША РОДИНА

ЛУЧШАЯ НА СВЕТЕ

Советский край, моя земля,
Родимые просторы!
У нас и реки, и поля,
Моря, леса и горы.

И север есть у нас и юг.
Сады цветут на юге,
На севере снега вокруг —
Там холода и вьюги.

В Москве ложатся спать сейчас,
Луна глядит в оконце.
Дальневосточник в тот же час
Встает, встречая солнце.

Советский край, как ты велик!
С границы до границы
И скорый поезд напрямик
В неделю не домчится.

А быстрокрылый самолет
Летит неутомимо.

На север книжки он везет
И яблоки из Крыма.

Звучат по радио слова —
Им дальний путь не труден.
Знакомый голос твой, Москва,
Повсюду слышен людям.

И радуемся мы вестям
О новой, светлой жизни.
Как счастливо живется нам
В своей родной Отчизне!

Народы — как одна семья,
Хотя язык их разный.
Все — дочери и сыновья
Своей страны прекрасной.

И Родина у всех одна.
Привет тебе и слава,
Непобедимая страна,
Советская держава!

СЕВЕР

На севере снега, мороз,
Суровая природа,
На небе хороводы звезд,
А солнца нет полгода.

На Белом море синий лед
Сверкает под луною.
Медведь вдоль берега идет
Дорогой ледяною.

Песцов, тюленей и моржей
На севере немало
И птиц — бесшумных сторожей
На побережных скалах.

Проваливаясь в рыхлый снег,
Карабкаясь по льдинам,
Охотники добудут мех,
Отыщут след звериный.

Седые деды говорят,
Рассказывают внукам:
Здесь долгие года подряд
Не жизнь была, а мука.

Болеет и голодал народ.
Ведь раньше так бывало:
Меха охотник принесет —
Купец заплатит мало.

Но вот на север с Октябрем
Пришло к народу счастье.
Там светят ярче с каждым днем
Огни Советской власти.

На север сквозь туман и лед
Приходят ледоколы.
Везет на север самолет
Учебники для школы.

Там электричество горит
Веселыми огнями.
Москва родная говорит —
Она повсюду с нами!

Там санки по́ снегу скрипят.
Пускай мороз морозит —

От моря Белого пилот
Летит к другому морю.
Он видит — все кругом цветет,
Леса бегут с предгорий.

На севере зима давно,
Снегами все одето,
А здесь в садах цветов полно,
На Черном море — лето.

Летит под солнцем золотым
Серебряная птица,
И летчик на зеленый Крым
Глядит — не наглядится.

А вот Кавказ — цветущий край,
Веселый и богатый!
Под солнцем созревает чай —
Мы пьем его, ребята.

Там виноград свисает с лоз,
И синий и зеленый,

Олени северных ребят
На санках в школу возят.

Ребята учатся читать,
И пишут, и считают.
Всем нужно грамотными стать,
Помочь родному краю.

ЮГ

Растет герань, и поле роз
Цветет у горных склонов.

Снега белеют на горе,
Но в солнечных долинах,
В садах колхозных, в декабре
Поспели мандарины.

Все ярко, зелено кругом,
Летят за медом пчелы...
И, взявши книжки, жарким днем
Бегут ребята в школу.

Здесь солнце греет круглый год.
На юге ребяташки
И про морозы и про лед
Читают только в книжке.

Но север и цветущий юг
Навеки в дружбе тесной.
Народ — народу лучший друг
У нас в стране чудесной.

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

(Род. в 1913 г.)

ЛУЧШЕ НЕТ РОДНОГО КРАЯ

Жура-жура-журавель!
Облетал он сто земель.
Облетал, обходил,
Крылья, ноги натрудил.

Мы спросили журавля:
— Где же лучшая земля?
Отвечал он, пролетая:
— Лучше нет родного края!

ЛИПКА

Выросла я, липка,
Тоненькой и гибкой,—
Не ломай меня!

Медоносным цветом
Зацвету я летом,—
Береги меня.

В полдень подо мною
Спрячешься от зноя,—
Вырасти меня.

Я тебя листвою
От дождя укрою,—
Поливай меня.

Вместе, друг мой милый,
Наберемся силы,—
Ты люби меня.

А дождешься срока,
Выйдешь в мир широкий
Не забудь меня!

ЗЕЛЕНый ГОРОД

Мы посадим липы и клены.
Будет город нарядный, зеленый.

Тополя мы посадим рядами.
Станут площади наши садами.

Окружим мы деревьями школу,
Пусть звенит над ней гомон веселый.

Любят зелень советские дети,
Любят видеть деревья в расцвете.

Пусть цветет с каждым часом все краше
Молодое Отечество наше!

БОГДАН ЧАЛЫЙ

(Род. в 1924 г.)

ВЕСНА

Сияет солнце спозаранку,
Снег темным сделался, намок...
И, распеваячи веснянку,
Бежит веселый ручеек.

Навстречу утру золотому
Бегут, торопятся ручьи.

— Цвиринь, цвиринь! Неси из дому
Скорей кораблики свои.

И, щебеча нетерпеливо,
Взмывает к солнцу.
...Даль ясна.
Сползает снег,
Синеет нива.
Пришла весна! Пришла весна!

ЯНКА КУПАЛА

(1882—1942)

МАТЕРИ

Ты расти сынка, мамуля,
Весели его, ласкай,
Пой, баюкай: «Люли-люли»,
Пой тихонько: «Баю-бай».

Как начнет он, подрастая,
Понимать родную речь,
Ты его Отчизну нашу
Научи любить, беречь.

Песни звонкой белорусской
Ты для сына не жалеяй,
Чтоб навек ее запомнил,
Вечно верен был он ей.

Ты расти сынка, мамуля,
Весели его, ласкай,
Пой, баюкай: «Люли-люли»,
Пой тихонько: «Баю-бай».

ЗИМА

Так недавно к нам в оконце
Каждый день глядело солнце.
А теперь пора настала —
В поле вьюга загуляла.

Запушила снежным пухом —
Стало всюду пусто, глухо.

Разбежалась с песней звонкой,
Все укрыла, как пеленкой,

Не звенит река волною
Под одежкой ледяною;
Лес притих, глядит тоскливо,
Птиц не слышно хлопотливых.

ЯКУБ КОЛАС

(1882—1956)

ЦВЕТОК

Здравствуй, милый мой цветок,	Улыбнется ветерок
Леса гость весенний!	И с тобой играет.
Как красиво ты расцвел	Солнце целый день тебя
Здесь, в уединеньи!	Весело ласкает...

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

Уходи, мороз косматый, Слышишь, старый, или нет? И над садом, И над хатой Голубой весенний свет.	А другой, такой же чистый, Рядом весело бежит. Ты не слышишь, дед сердитый Как в заоблачной дали, Над землей, дождем умытой, Закричали журавли.
Солнце ласково смеется, Светит ярче, горячей, И с пригорка звонко льется Разговорчивый ручей.	А зима сдала, осела,— Хватит ей озорничать! Выходи, ребята, смело Песни петь и май встречать!
Он лучистый, серебристый, Он сверкает и дрожит,	

МАКСИМ ТАНК

(Род. в 1912 г.)

ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ

Сам Дед Мороз в блестящей шубе	Кому — лото, кому — хлопушки,
Пришел на вечер новогодний. Он всем ребятам в школьном клубе	А мне — карандаши цветные.
Подарки раздает сегодня.	Двенадцать штук! И всеми можно
Кому — забавные игрушки, Кому — конфеты золотые,	Нарисовать, что ты захочешь: Вот белый цвет — снежок морозный,

Вот черный — краска летней ночи.	Но красный цвет — любимый самый!
Вот голубой — небесный полог, Зеленый — лес в своем уборе, А желтый — золотое поле, А темно-синий — волны моря.	Недаром в песнях был воспет он. Ведь наши звезды, наше знамя Пылают ярким красным цветом!

ЭДИ ОГНЕЦВЕТ

(Род. в 1916 г.)

СТРОИТЕЛЬ

Недавно я новую форму надел,
Мне памятен этот денек!
Ведь каждый, кто шел мне навстречу, глядел
И думал: «Учись, паренек!»

Как мною гордится вся наша семья
И как мне завидует брат!
А бабушка старенькая моя
Ворчит:

— Ну чему же ты рад?

Вот стал бы, к примеру, хорошим врачом,
Меня бы лечил иногда...
— Я, бабушка, выстрою солнечный дом,
В нем будешь здорова всегда!

КТО НАЧИНАЕТ ДЕНЬ?

Шофер не любит долго спать,
Чуть свет встает шофер.
К своей машине он спешит,
Чтоб завести мотор.

Везде дела шофера ждут —
Во все концы земли
Возить готов он кирпичи,
Чтоб города росли.

Едва забрезжила заря —
Поднялся хлебопек,

Чтоб ты румяным калачом
Полакомиться мог.

Маляр порадовать спешит
Природу и людей, —
Нам пестроту весны дарит
Веселый чародей.

Спроси у солнца и земли,
Спроси у быстрых рек:
— Кто начинает новый день?
— Рабочий человек!

ГАФУР ГУЛЯМ

(1903—1966)

ТЫ НЕ СИРОТА¹

Мой мальчик,
Ты не сирота.
Не бойся, мой родной,
Как ласковая мать, страна
Склонилась над тобой.

Я знаю, что в ночном бою
Был твой отец убит,
Что, захлебнувшись горем, мать
В земле холодной спит.

Не надо, маленький, не плачь,
Людьми ты не забыт.

Да, мальчик,
Ты не сирота.
Узбекский дом — твой дом,
Здесь не услышишь по ночам
Орудий дальний гром.
Утихнет пусть твоя печаль,
Согретая теплом.

Моя семья — твоя семья,
Ведь я тебя люблю,
Свой трудовой военный хлеб
С тобою разделю,
В уютной комнате постель
Тебе я постелю.

У изголовья посижу.
Спи, улыбнись во сне.
Улыбка первая твоя
Согреет сердце мне,
Как нежный маленький цветок,
Напомнит о весне.

Близка победа,
День придет —
Исполнится мечта,
Фашистов разгромит народ,
Тьму и насилие сметет,
И солнце над тобой взойдет...
Нет, ты не сирота!

ПУЛАТ МУМИН

(Род. в 1922 г.)

У НАС РАБОЧАЯ СЕМЬЯ

Когда отец с работы
Под вечер входит в дом,
Мы в этот миг до неба
От радости растем!

И весело снимаем
С отцовских плеч пиджак,
И маленький братишка
От папы — ни на шаг.

¹ Это стихотворение было написано в годы Великой Отечественной войны. Дети погибших воинов, ребятишки различных наций, обрели тогда в братском Узбекистане родной дом.

Мы держим полотенце,
И мыло подаем,
И, как дела у папы,
По взгляду узнаем.

Он у станка за смену,
Конечно, устает,
Но весел взгляд — и, значит,
Как надо все идет!

А мама ставит ужин
И ласково глядит:
У всей семьи рабочей
Прекрасный аппетит!

...Потом проверит папа
Уроки и дневник,
Увидев тройку, скажет:
— В чем дело, ученик? —

Пятерку встретит молча,
Лукав у папы взгляд:
Мол, что же тут такого?
Но сам он очень рад.

...Придет отец с работы,
И сразу — полон дом!
И мы — и мы до неба
От радости растем!

КАДЫР МУРЗАЛИЕВ

(Род. в 1935 г.)

ТВОЙ ДОМ

Я со строителем знаком,
Который строил этот дом.
Не строил — нет, а возводил,
Как песню пел, как хлеб растил.
Кирпич сначала гладил,
Потом к другому ладил.
И с домом сам,
И с домом сам
Он поднимался к небесам.
Дом наконец под крышу встал,
Ждать новоселов после стал.
И тот, кто этот дом возвел,
Он тоже в доме новосел...

Вечера дождались —
Окна рассиялись.
Летчик любит небосвод.
В голубом окне живет.
Слева — врач.

А снизу, справа, —
Близнецы Олжас и Слава.
А кто вон там живет? Поэт.
В его окне сияет свет
Жар-птицей до утра.
И каплей синею рассвет
Скользит с его пера.
Он сказки пишет для ребят,
Пока ребята сладко спят...

**ИОСИФ
ГРИШАШВИЛИ**
(1889—1965)

ОХРАНЯЙ ПТИЦ

Милый, птиц ловить не надо!
Будут птицы на свободе —
вредных гусениц не станет
ни в саду, ни в огороде.

Нет вредителям пощады!
Пусть не губят урожаи!
Мы друзей встречаем дружкой,
а врагов уничтожаем.

Сделай гнездышки-домишки
на ветвях для птичек малых
да следы, чтоб коршун хищный
не ломал, не разорял их.

Обижать птенцов не надо!
Будут птицы на свободе —
вредных гусениц не станет
ни в саду, ни в огороде...

**НОДАР
ДУМБАДЗЕ**
(1928—1984)

КЭТИНО

Мне сказали мама с папой:
— Мы торопимся в кино,
А тебя оставим дома
Приглядеть за Кэтино.

Побережься не мешает —
Начинается зима.
Что еще?.. Да ты большая,
Догадаешься сама.

Посмотри, чтоб не упала,
Чтоб иголку не брала,
На стене не рисовала,
Платье не разорвала.

Спичек ей не доверяй,
Шкаф стеной не открывай.

Ножницы держи подальше,
Двери — сразу на замок:
Простудиться ей недолго,
Если выбежит во двор.

От нее подальше сразу
Спрячь фарфоровую вазу.

Вывет из горшка цветы —
Будешь виновата ты.
— Нет, — кричу я маме с папой, —
Лучше я пойду в кино,
А вас оставлю с Кэтино!

ОТИА ИОСЕЛИАНИ

(Род. в 1930 г.)

В ТЕНИСТОЙ ЗЕЛЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Есть на свете одна деревня, где даже летом широкие тени деревьев берегут тишину и прохладу. В этой деревне живут добрый мальчик Манучар, ласковая Ирина, веселый конопатый Важа и маленькая Теона.

Обычно Манучар вытачивает лук и стрелы; Ирина шьет из пестрых лоскутков платья для своей куклы; Важа улыбается; а маленькая Теона смеется, словно воркует.

Возле двора, где они играют, протекает ручеек. Через ручеек вместо мостика перекинута бревно. А по берегу ручья ходят вразвалку белые как снег гуси...

Однажды, когда наступило зеленое, прохладное лето, из большого города в деревню приехал мальчик в матросской бескозырке, по имени Котэ.

Обрадовался Манучар, обрадовались Ирина, Важа и маленькая Теона.

Новый мальчик то и дело поправлял свою бескозырку и, приподнимаясь на цыпочки, скрипел желтыми туфлями, носы у которых ну ни капельки не были сбиты.

В первый день он выстрелил из игрушечного ружья, потом закинул его за плечо и спросил:

— Ну, как? Понравилось?

— Здрóрово! — сказал добрый мальчик Манучар.

— Я чуть не испугалась! — сказала Ирина.

Важа улыбнулся, а Теона засмеялась.

— Когда-нибудь я научу вас стрелять...

Потом Котэ подбросил мячик в сеточке.

— А мяч вам нравится?

— Нравится! — сказал Манучар.

— Хороший мяч, — согласилась Ирина.

— Красивый, — улыбнулся Важа.

— Большой мяч, — засмеялась Теона.

— Когда-нибудь я дам вам поиграть этим мячом...

Потом мальчик в бескозырке тихонько завел машину и поставил ее на пол. Она жужжа покатила через балкон.

— Как настоящая! — сказал Манучар.

— Да, да! Совсем как настоящая! — подтвердила Ирина.

— Ты смотри! И руль у нее есть!.. — улыбнулся Важа.

— Колесики крутятся! — засмеялась Теона.

Котэ поправил бескозырку, спрятал машину и сказал:

— Когда-нибудь я научу вас управлять этой машиной.

Несколько дней Котэ стрелял из ружья, подбрасывал мяч и пускал заводную машину по полу.

Но вот он вышел во двор и сказал:

— Давайте теперь поиграем!

— Поиграем! — согласился Манучар.

— Сыграем в чижа! — улыбнулся Важа.

Манучар быстренько вырезал биток. Важа нашел где-то кизилую палку и вырезал отличного чижа. Ирина и маленькая Теона были с ними, а Котэ куда-то пропал. Ждали его, ждали и вдруг услышали стук топора. Побежали на звук и видят: положил Котэ на корягу сухую ветку, бьет по ней топором, но никак не разрубит.

Удивился Манучар, поразились Ирина, улыбнулся Важа и засмеялась Теона: на что ему столько чижей?

А Котэ отбросил топор и говорит:

— Давайте как-нибудь в другой раз поиграем в чижа. А сейчас пойдемте к ручью.

— Пойдем! — согласились дети.

Ручей шумел, бился о камни и захлебывался между затянутых мхом валунов. А по бережку ходили белые как снег гуси.

За оврагом раскинулся луг. На лугу паслось стадо.

Перейти через овраг можно только по бревну. А оно круглое и без перил.

Манучар взял за руку Теону, Теона — Ирину, Ирина — Вaju. Манучар пошел вперед, и, пока он не перебрался на ту сторону, Важа оставался на берегу и поддерживал всех. А когда Манучар перешел, Важа ступил на бревно и улыбнулся Котэ:

— Дай руку...

Котэ поправил бескозырку:

— Я как-нибудь сам перейду...

— Сними туфли, — посоветовал тогда ему Манучар.

— Оступишься, — сказала Ирина.

Но Котэ, поскрипывая желтыми туфлями, уже шел к ним. С другого конца на бревно вступил Манучар; держась за руку Ирины, он потянулся на помощь гостю. Котэ замотал головой: не нужна, мол, ваша помощь. Но именно тогда скользнули по бревну его туфли с несбитыми носами. Котэ наклонился в одну сторону, потом в другую, а бревно-то было без перил, и он упал. Слава богу, под мостом не было камней, и Котэ плюхнулся в тину.

Огорчился добрый Манучар, кроткая Ирина ударила себя по щекам, Важа не улыбнулся, и даже Теона не засмеялась.

Манучар, а за ним и Важа спрыгнули в овраг.

Ирина взяла Вaju за руку, Теона обхватила Ирину, и, как репку в сказке, они вытащили на берег вымазанного в грязи Котэ.

А гуси, белые как снег гуси, бродили по бережку и побрякива-

ли. Иногда они что-то шептали друг другу на ухо, взмахивали крыльями и снова покрякивали...

Все это случилось в деревне, где лето бывает зеленым и прохладным, в тени огромных деревьев.

НАБИ ХАЗРИ

(Род. в 1924 г.)

ВЕСНА — ЭТО Я!

Зазеленели луга и поля,
Дружно сказали:
«Весна — это я!»

Ласточка выбралась в наши края,
Также сказала:
«Весна — это я!»

Солнце блеснуло в росинках цветка,
Кипенью белой плывут облака,
И несмолкающий голос ручья
Всем говорит:
«Весна — это я!»

Гонит пшеница струнки-ростки,
Маков багряных зажглись огоньки,
Даже цветок на груди у меня
Тоже сказал:
«Весна — это я!»

ИЛЬЯС ТАПДЫГ

(Род. в 1934 г.)

ВОЗЬМИ МЕНЯ ЗА РУКУ!

Возьми меня, папа,
С собою в сады.
Возьми и на плечи
Себе посади.

Чтоб стал я большой
И высокий такой,
Чтоб мог дотянуться
До веток рукой.

С плеча я на дерево
Сам заберусь.
И ты не держи меня,
Я не боюсь.

И я полечу,
Полечу, полечу,
И я закричу:
«Я лечу! Я лечу!»

Я влзу на дерево —
Вот, посмотри.
Скажи мне: «Лети!»
И считай: «Раз-два-три!»

Взлечу я, как ласточка,
И закружусь,
И птицей на плечи тебе
Опущусь.

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

(Род. в 1919 г.)

ДНЕВНИК ДАЙНЫ

Я — папа Дайны, маленькой девочки, которая знает уже много слов и даже сочиняет стихи и сказки, но еще не научилась писать. И я решил стать секретарем Дайны: записывать самое интересное из того, что она говорит и сочиняет, до тех пор, пока она не сможет это делать сама.

Мне кажется, кое-что из «Дневника Дайны» будет интересно и вам. Почему? Потому, что все дети не то чтобы одинаковые, но похожи друг на друга. А это значит, что в «Дневнике Дайны» вы будете, так мне кажется, узнавать самих себя. Разве это не интересно?

Дайна увидела клумбу.

— Какие красивые цветы! — закричала она.

— Только не надо их рвать, — сказал ей папа.

— Ну вот, зачем ты мне это говоришь? — обиделась Дайна. — Я сама это знаю!

Мама жалуется папе:

— У нас завелись мыши. Одна из них забралась в буфет. Надо будет ее поймать.

— А что эта мышь натворила?

— Она открыла бонбоньерку, вытащила самую большую конфету и сгрызла ее. Вот как!

А Дайна слушает и молчит. Мама принесла бонбоньерку и положила ее на стол.

— Не понимаю, как мышка могла съесть эту конфетку, — она была с ликерной начинкой. Должно быть, мышка опьянела.

— А вот и нет, конфетка была без ликера! — закричала Дайна и испугалась: ведь она себя выдала.

— Ага! — обрадовалась мама. — Вот мы и поймали мышку.

— Не сердись, мама, я не виновата. Я стояла около буфета и вдруг слышу: «Дайна, Дайна, хочешь знать, что я прячу?» — «Конечно, хочу», — говорю я буфету и открываю дверцу. А за ней — бонбоньерка. «Открой и меня», — говорит. «Ладно». Открываю ее и снова слышу: «Дайна, Дайна, тебе не хочется меня попробовать?» — «А кто это?» — спрашиваю. «Это — конфета». — «А ты сладкая?» — «Очень сладкая! Ты такой и не ела еще никогда!» Вот я ее и съела...

— И конечно, самую большую, — говорит мама.

— Ну да! — отвечает Дайна. — Маленькие ведь еще не умеют разговаривать...

Дайна уговаривает котенка:

— Котик-белохвостик, пойдем с нами в гости.

Котенок в ответ мурлычет.

— Папа, котенок согласен, — я с ним договорилась!

СТИХОТВОРЕНИЕ, СОЧИНЕННОЕ ДАЙНОЙ НА ПРИХОД ЗИМЫ

Стоят совсем не голые

зимой наши клены.

На них, как листья, — голуби,
синицы и вороны.

СТИХОТВОРЕНИЕ, СОЧИНЕННОЕ ДАЙНОЙ НА ПРИХОД ВЕСНЫ

В речку превратилась улица,

в море превратился сад, —

целый день весна балуется,
а шалунью не бранят!

Дайна уже знает все буквы. И даже слова из них складывает. Но на листе бумаги ее буквы не стоят друг возле друга, хотя Дайна долго, по-доброму упрасивает их взяться за руки. Но буквы — нет, не хотят! Очень они непослушные.

И вот Дайна пошла в школу и написала свой первый диктант.

Папа заглянул в ее тетрадку и увидел, что буквы уже слушаются Дайну. И тогда он сказал:

— Теперь, когда эти буквы стали тебе подчиняться, ты можешь сама вести свой дневник.

КОСТАС КУБИЛИНСКАС

(1923—1962)

СНОПЫ

Прямо на дорогу,
Так что пыль столбом,
Взрослым на подмогу
Мчимся вчетвером.

Тяжелы колосья,
Зерна их крупны.
Мы со всеми носим
Желтые снопы.

Кружат птичьи стаи,
Так и льнут к зерну.

Весело мы ставим
За копной копну.

— Живо, парень, живо!
Рук не опускай.
Как тут быть ленивым —
Дела через край! —

...Мы глядим на поле,
Радости полны:
Будет хлеба вволю —
Пирог, блины.

ВИОЛЕТА ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ

(Род. в 1944 г.)

РАБОЧИЙ КЛАСС

Кто нам делает сапожки,
Ранцы, пуговицы, ложки?

Кто построил дом?
И кто
Сшил нам куртки и пальто?

Кто нам сделал эти парты,
Напечатал книжки, карты?

Кто кует металл для плуга,
Добывает нефть и уголь?

Отгадали вы:
Для нас
Трудится рабочий класс!

ЕСТЬ У КАЖДОГО СВОЙ ДОМ

У лисы в лесу глухом
Есть нора — надежный дом.

Не страшны зимой метели
Белочке в дупле на ели.

Под кустами еж колючий
Нагребает листья в кучу,
В них забьется до весны
И всю зиму смотрит сны.

Из ветвей, камней, коры
Хатки делают бобры —
Строят домик у пруда;
Вход туда — из-подо льда!

К дому своему стремится
Издаലെка аист-птица:
Прилетает каждый год
И в родном гнезде живет.

Разве спросишь без улыбки:
— Ну, а где же дом улитки?

И дошкольник рассмеется:
— С ним она не расстается!

Есть у каждого свой дом,
Всем тепло, уютно в нем!

СПИРИДОН ВАНГЕЛИ

(Род. в 1932 г.)

ПОДСНЕЖНИКИ

Однажды Гугуцэ нашел семь копеек. Не больше и не меньше. Опустил он монетки в самый глубокий карман, три дня туда не залезал: вдруг рядом с прежними новые монетки заведутся? Но в кармане, кроме гвоздя, ничего нового не обнаружилось. Сестренка сказала, что в ее кармашке деньги сами не заводятся. На счет папиного кармана брат с сестрой ничего сказать не могли: его не было дома.

Приближался день, какой бывает раз в году. Когда все мужчины всем женщинам делают подарки. Гугуцэ первым из мужчин своего села явился в магазин. По дороге он надумал купить маме машину. Вozить маму на базар будет, конечно, он, Гугуцэ.

Потирая руки, вошел мальчик в магазин. Но не нашел он, чего хотел. В машинах, которые там продавались, не помещался даже сам Гугуцэ, не говоря уже о маме.

Видя такое дело, купил Гугуцэ пуговицу. Теперь у него осталось три копейки. Надо бы к пуговице платье прикупить. И не какое-нибудь, а голубое. Но голубого платья в продаже не было. Может, взять вон те туфли на высоких каблуках? Гугуцэ чуть не попросил их у продавщицы, да не знал, какой размер ему купить.

Пошел он домой, стал дожидаться вечера, когда мама спать

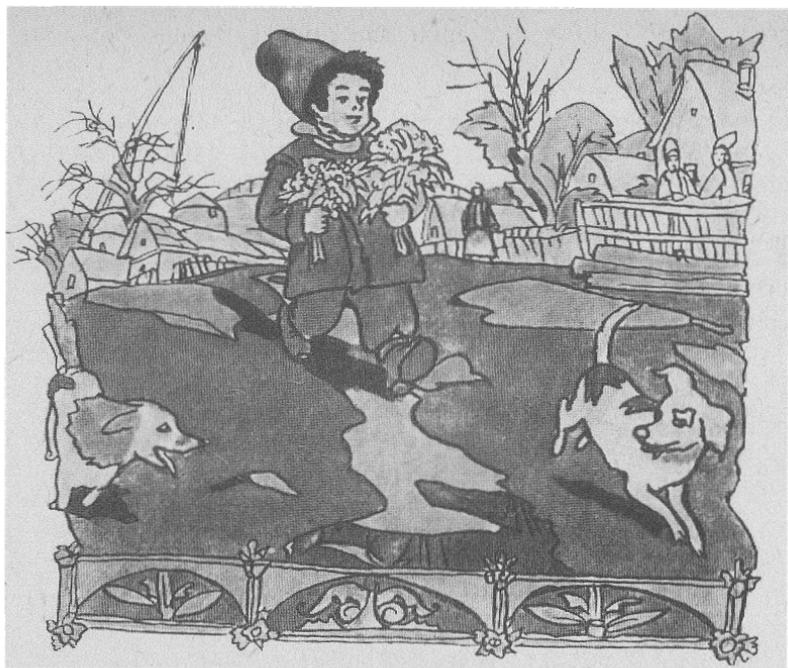

Рисунок И. Кабакова

ляжет. А чтобы она быстрее уснула, Гугуцэ стал рассказывать ей сказку про царевну. Мама уснула на середине, и другая половина сказки осталась в голове у Гугуцэ. Что ж, пусть царевна подождет своего Фэт-Фрумаса до следующего раза. Гугуцэ было не до них. На цыпочках вышел он из спальни и вернулся с ниткою в руках. Приложил он нитку к маминой ноге, и тут у мамы рука шевельнулась. Взял Гугуцэ мамину руку в ладошку, начал ее покачивать:

Ночь тиха, постель мягка,
Баю-баюшки, рука.

От этой песенки рука сразу уснула. Смерил Гугуцэ мамини ступни, лег в постель, а нитку под подушку спрятал.

Утром Гугуцэ первым делом побежал в магазин. Ко всем туфлям нитку приложил, выбрал самые лучшие. Но, узнав, сколько они стоят, почесал за правым ухом, вынул три копейки, пересчитал, почесал за левым ухом, поставил туфли на прилавок и пошел прочь.

Будь вы в тех краях, вы бы увидели, как вышел Гугуцэ из села, как шагал он по дороге, как скрылась за холмом его остроконечная шапка и долго не показывалась. А потом вы бы увидели, как он обратно спускался с холма, неся охалку подснежников. Ботинки у него разленились, ногам идти мешали, шапка так устала, что качалась на голове. Но Гугуцэ был куда сильнее, чем

несчастные ботинки и шапка. Он принес подснежники прямо в магазин. Самый большой букет подарил продавщице, остальные всем, кто был в магазине.

Люди первый раз в этом году увидели подснежники. Все очень хвалили Гугуцэ, а продавщица даже погладила его шапку, хотя шапка была совершенно ни при чем. Тут Гугуцэ на глазах у продавщицы вынул три копейки, три раза пересчитал их, посмотрел на туфли, вздохнул. Но продавщица ни о чем не догадалась.

Солнце садилось, собирались белые облака, а у Гугуцэ не было подарка для мамы.

«Ничего,— успокаивал он себя.— Утром встану чуть свет, наберу подснежников».

Но под вечер закружились за окном такие большие снежные хлопья, каких Гугуцэ еще и не видывал. Небо потемнело, холмы побелели, а мальчик уснул. Мама нашла его спящего у окна. В руке он держал три копейки и пуговицу. Чудесную пуговицу. Как раз такую, какая была маме очень нужна.

ГРИГОРЕ ВИЕРУ

(Род. в 1935 г.)

НОВЫЙ ДОМ

Приходил к нам каменщик,
Сложил стены дома.

Ах, приходил к нам каменщик,
Да не было нас дома.

И столяр к нам приходил,
Сладил дверь для дома.

Ах, столяр к нам приходил,
Да не было нас дома.

И маляр к нам приходил,
Красил стены дома.

Ах, маляр к нам приходил.
Да не было нас дома.

И монтер к нам приходил,
Свет провел для дома.

Ах, монтер к нам приходил,
Да не было нас дома.

В доме пахнет калачом,
Сок в кувшинах бродит.

Ах, почему ж никто из них
В гости не приходит!

У МОРЯ

— Море, море, море,
Что подаришь, море?
— Рыб да самоцветы,—
Отвечало море.—

Только подрастай скорей
И побольше кораблей
Приведи на море.

— Небо, небо, небо,
Что подаришь, небо?
— Дождь, снежинки, солнце,—
Отвечало небо.—
Только подрастай скорей,
Больше звездных кораблей
Выведи на небо.

— Папа, папа, папа,
Что подаришь, папа?
— Вот тебе земля в цвету,
В небе спутник на лету,
Солнце над полями,
Море с кораблями!

ЯН РАЙНИС

(1865—1929)

ЗОЛОТОЙ КЛУБОЧЕК

Вот послушайте, ребята,
Если любите загадки.

Был у моей матушки
Золотой клубочек.
Он с утра ранешенько
Поднимался в небо.

День-деньской катился
По небесной кровле,
По небесной кровле,
Подле облаков.

А зарей вечерней
Прямо в море падал —
Заливалось море
Златом-серебром.

— Отгадали, отгадали!
Мы его видали.
Золотой клубочек —
Золотое солнышко!

ОЯР ВАЦИЕТИС

(1933—1983)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КНИЖКЕ

Ты убаюкай послушные буквы Закрылась обложка,
И укачай непослушные буквы, Уснули картинки,
Пусть сказки спокойно уснут. Я больше на них не гляжу.

Спи, грустная сказка, Пока ты уснешь,
Спи, сказка смешная. Страницы сомкнешь,
Вся книжка усни до утра. Тихонько с тобой посижу.

ИМАНТ ЗИЕДОНИС

(Род. в 1933 г.)

СЕРАЯ СКАЗКА

Я — Серый.

Я серый, как мышонок.

Как птица, как пепел, как пыль.

Я — Серый, но чтобы делали без меня яркие!

Где я? Повсюду.

Вот растаял снег, обнажилась земля — серо вокруг, скучно.

Весна пока что серая. Но вот лопнула серенькая скромная почка — расцвела ветла. Разве она была бы так хороша и бела, если б я не был таким серым?

Вот вылезает из серой земли тюльпан, а вот и ревеня высоко вываает свои красные, как у черта, рога!

В серых сумерках плывут над лугом белые простыни тумана. В сером поднебесье восходит красное солнышко, и все видят, как прекрасно оно.

Я — Серый. И я прихожу раньше всех красок, которых ждут люди.

Серым утром они ждут солнце,

серой ночью — месяц,

серой весной — цветы,

серой осенью — снег.

Я — важный цвет, потому что все становится красивым рядом со мной.

Я помогаю краскам и, если они не могут явиться сами, выталкиваю их из себя. Пускай все глядят.

Из серой тучи я выталкиваю радугу.

МУСА ДЖАНГАЗИЕВ

(Род. в 1917 г.)

КОЛХОЗНЫЙ ПЧЕЛОВОД

Есть в Киргизии гора —
От цветов она пестра,
Будто выткала ковер
На заре моя сестра.

В диких маках южный скат,
Плещет горный водопад.
Как дома в моем аиле,
Ульи выстроились в ряд.

Там у нас весь день-деньской,
От восхода дотемна,
Пчел гудит веселый рой,
Как басовая струна.

Я на пасеку пришел,
Не боясь сердитых пчел.
В пиале душистый мед
Ставит дедушка на стол.

Только зимний снег сойдет,
Вместе с пчельником своим
Едет в горы пчеловод,
Старый дедушка Керим.

Он показывает мне
Медоносные цветы.
Я на пасеке гошу
От утра до темноты.

ШУКУРБЕК БЕЙШЕНАЛИЕВ

(Род. в 1928 г.)

РОГАТЫЙ ЯГНЕНОК

АЗИЗ

Азиз — сын чабана. И летом и зимой он живет высоко в горах на пастбищах — джайлоо. Весь день отец Азиза пасет крупных овец-валухов, а мать ждет отца в юрте, готовит еду, чинит одежду, а вечером помогает загонять овец в загон.

Вот загнали последнюю овцу. Отец входит в юрту, берет на руки маленького Азиза и давай его подкидывать.

Мать волнуется:

— Хватит, ты уронишь его!

— Сын чабана должен быть бесстрашным и крепким, — смеется отец. — Скоро он подрастет и будет мчаться верхом на коне, как настоящий чабан.

И вот однажды утром отец сказал:

— Сегодня я возьму Азиза с собой на пастбище.

АЗИЗ СТАНОВИТСЯ ЧАБАНОМ

...С тех пор как Азиз впервые побывал на пастбище, больше всего на свете нравилось ему сидеть с отцом в седле и пасти больших овец-валухов.

Когда он жил в юрте, около мамы, он ничего не видел, кроме овец. А теперь...

Теперь, как перепелка, высунув голову из-под халата отца, сидит Азиз на вельветовом одеяльце — корпачо — на спине огромного коня.

Конь покачивает его, как в люльке. И кажется Азизу, что стал он выше ростом, и даже горы, которые прежде пугали его, теперь, когда Азиз увидел их близко, показались не такими уж страшными и даже красивыми.

Азиз радостно замахал руками, когда впервые в горах потрогал листья на деревьях:

— Дерево, дерево!.. Ээ!

— Это елка... Это береза... Это арча... Это таволожник... А это жимолость... — называл отец деревья и кусты.

— Елка... береза... арча... — повторял за ним Азиз.

Ему хотелось запомнить все сразу. Но разве сразу отличишь одно дерево от другого!

...Когда выехали они с отцом за утес, увидел Азиз водопад, падающий со скалы, — белый от пены, наполненный шумом, грохотом.

— Вода, вода! — закричал Азиз.

Отец остановил коня, ласково потрепал кудрявый чубчик Азиза.

— Это водопад, — сказал он, улыбаясь.

Азиз удивленно посмотрел на отца:

— Водопад?

— Ну, конечно, — сказал отец. — Водопад — значит «вода падает». Видишь, вон из-за скалы падает вниз.

— Во-до-пад! Во-до-пад! — кричал Азиз, и голос его тонул в гуле водопада.

Каждый день ездил Азиз с отцом в горы и каждый день узнавал что-нибудь новое.

С утра до вечера Азиз ездит с отцом в седле и помогает ему пасти огромных валухов.

Обедает он у костра, как настоящий чабан, а спит на корпаче под елкой, положив голову на седло. Он уже узнал много нового, научился смело продирается сквозь густые травы на горных лугах и собирать на склонах гор ревеня, горлец, грибы. Он даже не боялся парящих над ним огромных орлов.

РОГАТЫЙ ЯГНЕНОК

На следующий день отец поехал к другим чабанам, отобрал из каждой отары по несколько десятков ягнят и начал сгонять их к своей юрте. Потом сказал Азизу:

— Вот, сынок, мы должны вырастить их. В следующем году они будут уже боруками, а через год, через два — валухами. Присмотрись к ним внимательно и возьми несколько себе.

Азиз радостно побежал к ягням и стал считать их по пальцам.

Ягнята были маленькие, тихие, робкие. Они окружили Азиза и слабо блеяли: «Ма-ма-ма».

Азизу стало жалко их, и он закричал:

— Скорее погоним ягнят на пастбище! Они хотят есть!

Отец и мать вышли из юрты и вместе с Азизом погнались ягнят на пастбище.

Впереди пошли самые крупные ягнята — те, что родились еще в начале весны. Они уже умели пастись сами и сразу поняли, куда их гонят.

— Молодец, сынок, хорошо придумал! Остальных ягнят будем пасти мы с мамой, а за маленькими ухаживай ты один. И не только сегодня, а все время. Согласен?

Азиз радостно кивнул головой:

— Согласен. Будем с тобой соревноваться.

С этого дня Азиз почти не отходил от своих малышей, пас их недалеко от юрты.

День за днем пасутся ягнята в степи, растут, поправляются. Только один малыш отстает от других — серый ягненок с маленькими крутыми рогами. Все ягнята без рогов, только серый ягненок с рожками. Может, от этого он и худой?..

Не знает Азиз, как помочь серенькому ягненку. Решил посоветоваться с отцом.

Отец принес в юрту мешок.

— В этом мешке, — сказал он, — крупа для слабых и больных ягнят. Накорми своего ягненка.

Азиз принес рогатому полную шапку крупы, но ягненок не хотел есть, только сердито мотал головой. Тогда Азиз схватил его за рога и силой впихнул ему в рот полную горсть крупы.

ГУЛЬЧЕХРА СУЛЕЙМАНОВА

(Род. в 1928 г.)

ТЕТУШКА-ЗОЛОТОШВЕЙКА

Тетушка моя,	Падают со звездочек
Золотошвейка,	Росинки
Разреши мне	На деревья, травы
Рядом посидеть —	И цветы.
Молча посмотреть,	Тетушка моя,
Как тибетейка	Золотошвейка,
Начинает золотом	Я сижу, стараясь
Гореть!	Не дышать...
Как на ней, сверкая,	Научи меня
Словно льдинки,	На тибетейке
Холодны, прозрачны	Утренние зори
И чисты,	Вышивать!

БАБУШКА

Раздается скрип ворот —	С ней мы сядем на терраске,
Наша бабушка идет.	В пиалу ей чай налью
Подбегу я к ней сначала,	И пока не задремлю,
Поцелую посильней,	Буду слушать, слушать сказки.
Постелю ей одеяло,	
Принесу подушки ей.	

УБАЙД РАДЖАБ

(Род. в 1932 г.)

МОЖЕТ, ПРИШЛА ВЕСНА?

Золотое солнце вышло,
Бродит по горам.
Галки подняли на крыше
Страшный тарарам.

Снег скользит по горным склонам,
Глыбой едет вниз.

Две сосульки с нежным звоном
С крыши сорвались.

Две синички что-то спели,
Воробьи галдят.
Мелодичный звон капели
Наполняет сад.

Стало в мире больше света,
Света и тепла.
Что случилось? Может, это
К нам весна пришла?

ОВАНЕС ТУМАНЯН

(1869—1923)

Я гляжу: передо мною
Необъятная земля...
Горы с вечной белизною,
Плодородные поля.

Ни конца у них, ни края,
Широко они легли.
Ветерок звенит, играя,
И леса встают вдали.

Тут везде зверям приволье,
В каждой чаще им приют...

Тут о счастье, о раздолье
Птицы радостно поют...

Вот река в долине вьется,
Над рекой стоят сады.
Мелодично отдается
Шепот медленной воды.

У реки желтеет нива,
Даль прозрачная ясна.
В легкой дымке — синь залива,
Тихо плещется волна...

РУЧЕЙ

«Куда бежишь
Скорей, скорей?
Проворен ты,
Красив, ручей,
Побудь со мной
В тени ветвей!»

— Нет, милый мой,—
Зовут дела.
Вон мельница
Вблизи села;
Моя вода
Ей жизнь дала.

А вниз взгляни,
В долину ты —
Там ждут меня
Трава, цветы,
Там жаждут пить
Стада, гурты.

Прощай пока,
Мой дорогой;
Ты видишь, путь
В заботах мой,
Лишь в море я
Найду покой.

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

(Род. в 1919 г.)

Я УЖЕ БОЛЬШАЯ

Я выросла большая!
Кто скажет, что мала?
Я достаю до края
Огромного стола.

Могу я, как большие,
Работать за столом.

Карандаши цветные
Возьму я и альбом.

И кукол и посуду
Я спрячу под кровать.
И плакать я не буду —
Я буду рисовать!

САД

Я нарисовала
Яблоневый сад.
Там такие спелые
Яблоки висят.
Там трава густая,
Маки у ручья.
У забора будка.
Знаешь, это чья?

В ней живет огромный
Пес сторожевой.
Он хоть нарисованный,
Но совсем живой.
Если злой мальчишка
В мой полезет сад,
Сразу пса увидит,
Струсит — и назад!

МАМИНЫ ПОМОЩНИКИ

Ну, теперь совсем большие
Рач и Каринэ.
Поглядите, вон какие
Рач и Каринэ.
Помогают дома маме
Рач и Каринэ.
Всю посуду моют сами
Рач и Каринэ.

Пол метут и поливают
Розу на окне,
Стол к обеду накрывают
Рач и Каринэ.
Протирают стекла, рамы,
Полки на стене.
Вот помощники у мамы —
Рач и Каринэ!

ГРАДУСНИК

Мама градусник купила
И на стенку прикрепила.
— Мамочка, а кто больной?
У соседей? За стеной?
— Что ты, милая Лалик,
В нашем доме нет больных,
Это градусник для комнат —
Он тепло и холод помнит!

— Значит, комната больна
Может кашляет она?
Поднялась температура,
Потому глядит так хмуро?
Я больную навещу,
Солнце в форточку впущу!

ХАЖАК ГЮЛЬНАЗАРЯН

(Род. в 1918 г.)

ДОБРОЕ УТРА, МАМА!

Я самый хороший Артурик в нашем дворе. Правда, у нас во дворе всего только один Артурик, два Рубика, один Гегам, четыре Ара; девчонки не считаются.

Я каждый день говорю маме:

— Доброе утро, мамочка!

Она целует меня, потом даёт молоко или... рыбий жир.

Молоко — это хорошо, а рыбий жир плохо, так плохо, что мне по утрам даже просыпаться не хочется. Но я всё равно просыпаюсь, только не открываю глаза, чтобы мама не узнала, что я проснулся.

Я в нашем дворе самый хороший Артурик.

Мама каждое утро так говорит, когда даёт мне рыбий жир. И я пью рыбий жир, раз мама так говорит.

Я разбил блюдец, а в нём было варенье. Я сказал маме, что блюдец разбила кошка. Мама поверила, она всегда мне верит.

— Это нехорошо,— сказала мама,— придётся прогнать кошку.

И прогнала.

Мы легли спать.

— Доброе утро, мамочка! — сказал я, проснувшись.

Мама поцеловала меня, потом принесла рыбий жир.

— Ты самый хороший Артурик в нашем дворе,— сказала мама.

Я выпил рыбий жир.

А кошки не было, её прогнали...

— Ты поиграй,— сказала мама,— а я схожу на рынок.

И ушла.

Одному играть неинтересно, скучно.

Я поиграл, поиграл, потом пошёл во двор. А мальчишки меня прогнали.

— Ты маленький,— сказал один из Ара.

— Не путайся под ногами,— сказал один из Рубиков.

Я пришёл домой. А потом начался дождь. Ребята тоже разошлись. Кошка, наверное, промокла...

Я совсем загрустил.

Всю ночь шёл дождь, а я думал о блюдец, в котором, как назло, было варенье, и оно упало и разбилось.

Я всё думал, думал и плакал. А потом уснул, и мне приснилась кошка, будто она опять дома, сидит в уголке и грустно-грустно мяукает...

Утром я сказал маме:
-- Доброе утро, мамочка!
Она принесла мне рыбий жир.
— Ты самый хороший Артурик в нашем дворе.
— Нет, мама,— сказал я,— кошка не виновата, это я разбил
блюдец, а в нём было варенье...
Мама поцеловала меня.
— Вот молодец, что признался, больше так не делай.
— А как же кошка?..
— Принесём её обратно,— улыбнулась мама.
Мы принесли кошку домой.
Если бы вы знали, как всё стало хорошо! Я каждое утро
говорю маме:
— Доброе утро, мамочка!
Она приносит мне рыбий жир.
— Ты самый хороший Артурик в нашем дворе,— говорит
мама.
Кошка играет в уголке с моим плюшевым медвежонком.
Очень всё хорошо, хоть день и начинается с рыбьего жира...

СУРЕН МУРАДЯН

(Род. в 1930 г.)

КТО НЕ СПИТ

Засыпает Армине.
Зайцы к ней придут во сне.
На дворе темным-темно,
Ветерок прикрыл окно.
Но везде ли свет погас
В этот тихий, темный час?
Все ли спят?
Да нет, не все.
Мчит машина по шоссе.
В звездном небе самолет
В Ереван ведет пилот.
Вышел стрелочник из будки,

Он дежурит в эти сутки:
Красный свет. Зеленый свет.
На путях аварий нет!
Пекарь хлеб печет в пекарне.
И не спит смельчак-пожарный.
И отличник-
Пограничник
Стережет родимый край.
Спи, дочурка.
Засыпай.

КАЮМ ТАНГРЫКУЛИЕВ

(Род. в 1930 г.)

ПЕРСИК

Мы с дедушкой
Персик сажали в саду,
Три года он рос
У нас на виду.

Глажу мохнатую кожуру,
Белую
Чистую
Миску беру.

Когда же плоды?
Не дождусь я никак...
И вот, наконец,—
Каждый персик с кулак!

Первые, спелые,
Красные, сладкие
Персики
Дедушке отнесу.

ГЛАЗА ЧАБАНА

КАК Я ВОЗИЛ ВОДУ

Чары-ага подумал, подумал и нашел Акбаю работу.

Это было в прошлом году. Приехал я к дедушке на кош, а Чары-ага говорит мне:

— Сынок, если ты решил стать чабаном, начинай осваивать дело всерьез. Чабанская наука проста, но учатся этой науке всю жизнь. Вон видишь, я навьючил на верблюда Байыра две кадушки. Садись на него и отправляйся к соседнему колодцу. Из воды того колодца чай вкуснее. Только очень прошу тебя, если в пути верблюд станет щипать траву или ненадолго уклонится с дороги, не мешай ему. Не понукай и не слезай с него. А чтобы вам было не скучно, возьмите с собой Акбая.

Вот мы и тронулись в путь: Акбай, верблюд и я. Идем, идем, а колодца все нет и нет. Потом уж я узнал, что до того колодца двенадцать километров. Не малый путь. А Байыр шлеп, шлеп, там травинку перехватит, там бархан стороной обойдет. Акбай за сусликами гоняется, зайцев спугивает. И попался нам навстречу один яшули, почтенный старец: «Сын мой, куда направляешься на ночь глядя? — спрашивает. — Из какого ты коша?»

Так и так, говорю. Яшули испугался: «До колодца недалеко, но солнце на закате, как бы беды не нажить!» Взялся он за недоуздок, да тут Акбай как прыгнет яшули на спину. Я кричу: «Пошел прочь!» А пес и ухом не ведет. Отпустил яшули недоуздок. Тут Акбай яшули отпустил. Верблюд мой дальше поплыл. «Подгоняй его, — кричит яшули, — ночь скоро. Заблудишься в песках!» «Хорошо», — говорю, а сам наказ Чары-ага крепко в голове держу: не бить верблюда и не понукать.

Пришли мы к колодцу. Бросились к нам собаки со стороны коша, но смолкли вдруг, хвостами завивляли, будто за своих приняли. За собаками вышел парень, лет на пять постарше меня. Я сижу на верблюде гордый-прегордый: «Смотри, мол, как я по пескам езжу». А он кивнул мне так, будто я не джигит на верблюде, а муха. Посадил мою скотинушку, наполнил кадлушки водой и рукой помахал: «Счастливо!» Встал верблюд и пошел. Теперь он уже не щипал траву, широко шел, торопился. И Акбай уже за сусликами не шнырял, рядом бежал, охранял. Затемно явились мы на свой кош. Чары-ага ждал нас и похвалил:

— Молодец, сынок! Молодец, Акбай! Доброе дело сделали.

До самой осени возил я воду на кош. И только перед отъездом в аул узнал: Акбай и Байыр, когда меня не было, одни воду доставляли чабанам. Чары-ага приучил их к этому.

ВЕРБЛЮД И МАЛЬЧИК

А верблюд Байыр тоже знаменитый. Байыр — это значит холм — такой он сильный и большой.

Когда Байыр состарился, ему перестали давать работу, думали, что так лучше, а Байыру было плохо, он тосковал.

Но однажды к Байыру подошел сын дяди Кулы, Мурад. Он дал ему кусок лепешки.

— Меня зовут Мурад,— сказал мальчик верблюду,— а тебя Байыр. Давай дружить.

Мурад приходил к верблюду каждый день, угощал его, гладил ему шею. А верблюд, чтобы сделать приятное другу, ложился на землю. Так он приглашал Мурада покататься.

В конце мая, когда трава в пустыне выгорела, Мурад брал с собой Байыра собирать дрова. Пушистые вязанки тонкого степного дерева были не тяжелые, но старый верблюд носил их на себе, гордясь, откинув голову и выставив грудь. Ведь он снова работал, он снова помогал людям.

Пошли они как-то к дальнему саксаульнику. Здесь было много сухих веток. Мурад радовался, он работал до тех пор, пока солнце не поднялось в зенит.

Стало жарко, как в печи. Мураду захотелось пить, и тут он обнаружил, что забыл флягу с водой. До дома далеко, и Мурад решил завернуть по дороге к большому такыру. Такыр — твердая, ровная земля, где по весне собираются вешние воды. Мурад знал, что на такыре есть ямы, где вода сохранилась.

Такыр был виден издали. Он сверкал на солнце, как зеркало. Это выступила соль.

Байыр сначала шел по такыру, а потом заупрямился.

— Смотри,— предупреждал его Мурад,— до дома далеко, без воды худо будет.

Он хотел сам пойти к яме с водой, но Байыр взял его губами за рубашку и потянул к себе.

— Какой ты чудной сегодня! — удивился Мурад. — Это от жары, пошли напьемся.

Байыр не послушал друга.

Земля пружинила, как засохшее сверху тесто, но мальчик не обратил на это внимания. До ямы с водой оставалось не больше десяти шагов, как вдруг Мурад провалился по колено. Дернулся — и не вытащил ног. И тут почувствовал, что погружается глубже и глубже. Лег животом на землю, но коварная земля прогнулась, из трещин стала просачиваться вода.

— Байыр! — закричал Мурад в отчаянии.

Верблюд сделал несколько шагов по неровной земле такыра, потом лег на брюхо и пополз.

Земля проседала под Байыром, но он подобрался к Мураду ближе, ухватил его зубами за рубашку и потянул, пятясь от страшного места.

Трясина захлопала, но Мурад уже был на свободе.

Он подполз к Байыру, обнял и потерял головой о его смешную верблюжью голову.

— Прости меня, Байыр, — сказал мальчик своему мудрому другу. — Бежим отсюда скорей.

Верблюд смотрел на Мурада печальными добрыми глазами и не двигался. И Мурад увидел, как прогнулась вокруг Байыра земля. Трясина отпустила мальчика, но собиралась проглотить верблюда.

— Байыр! Миленький, потерпи! — Мурад сорвал с его спины вязанку саксаула, подоткнул ветки верблюду под живот и, не оглядываясь, не теряя ни минуты, побежал к дому.

Он не помнил, сколько раз падал, он не лежал, набираясь сил, а полз, потому что трясина ждать не будет.

У него хватило сил оторвать дверь кибитки и прошептать:

— Спасите Байыра, он спас меня.

Утром, пробудившись, Мурад увидел, что в кибитке никого нет.

— Байыр! — вспомнил мальчик и вскочил. Ноги слушались плохо, голова кружилась, но Мурад добрался до двери и вышел на улицу.

Байыр стоял у кибитки, и перед ним лежала охапка травы. Байыр перестал жевать и повернул к мальчику голову. И Мурад засмеялся: сено во рту Байыра торчало во все стороны, как усы.

НУРЫ БАЙРАМОВ

(Род. в 1933 г.)

ТУРКМЕНИЯ МОЯ

Светятся под солнцем налитые Гроздья винограда золотые. На полях От края и до края Шелестит пшеница Золотая.	И резвятся В солнечных лучах Золотые рыбки В ручейках.
Созревает В солнечном покое Хлопок — наше золото Степное.	Гордые, Заснеженные горы, Каракумов Жаркие просторы, Золотые, милые края, Это все — Туркмения моя!

ЧТОБЫ МАКИ РАСЦВЕЛИ!

Дождик! Дети чабана Выбегают из домов, Радостно в ладоши бьют, Песню дождику поют:	Лей смелей, не уставай, Долго не переставай, Нам ягняток жалко — Ведь ягням жарко!
— Дождик, лей, поливай Капелька по капельке, Землю травкой одевай Капелька по капельке!	Дождик, лей, лей, лей, Всю пустыню полей, Чтобы пастбища взошли, Чтобы маки расцвели!

РАЛЬФ ПАРВЕ

(Род. в 1919 г.)

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

С волжских берегов, с далекой Лены,
с быстрой Ангары и невских вод
нам привет сердечный неизменно
русский дорогой товарищ шлет.

Там, где пальмы словно великаны,
руки мы друзьям далеким ждем...
В пастухе седом из Казахстана
мы родного брата узнаем.

Северный рыбак в семье единой
с нами, он одной Отчизны сын,
Брат наш — землепашец Украины,
верный друг — приветливый грузин.

...Так растет под солнцем мирной жизни
братская единая семья,
и цветет советская Отчизна,
Родина счастливая моя!

ХЕЛЬО МЯНД

(Род. в 1924 г.)

ПОЛЕВАЯ ШКОЛА

ОДУВАНЧИК

На лужайке там и тут
сотни солнышек цветут.
Петер сплел из них венок,
рук потом отмыть не мог.

НЕЗАБУДКИ

Как сюда, в траву, упали
неба синего кусочки?
Это вовсе не кусочки,
это — мелкие цветочки.

РОМАШКИ

Летом лужайка
в зеленой рубашке.
Славный узор на рубашке —
ромашки.

РЕПЕЙНИК

Ты, репейник — приставала,
я от ссор с тобой устала!
К платью, к шапке прилепился
больно в волосы вцепился.
Ты меня не задирай,
лучше мне дорогу дай!

КРАПИВА

Прячется в траве крапива,
ждет детишек терпеливо,
злых и добрых — всех кусает,
никого не пропускает.
Что ж ты делаешь, крапива?
Разве это справедливо?

ХЛЕБ

Кто всегда в заботе?
Тракторист в заботе.
Поле он лелеет,
пашет он и сеет.

Кто всегда в заботе?
Грузовик в заботе.
Возит удобренья,
чтоб росли растенья.

Кто всегда в заботе?
Дождичек в заботе.
В поле он прольется,
колосок напьется.

Кто всегда в заботе?
Комбайнер в заботе.
Рожь он убирает,
отдыха не знает.

Кто всегда в заботе?
Хлебопек в заботе.
Мастер он искусный,
хлеб печет он вкусный.

Кто забот не знает?
Рейн и Май не знают.
Хлебушка поели
и повеселели.
Спасибо!

МУСА ДЖАЛИЛЬ (1906—1944)

ЗВЕЗДЫ

...Далеко у синих гор,
Полночью безлунной,
В тишине несет дозор
Пограничник юный,

Пограничник молодой,
В новенькой пилотке,
С алой маленькой звездой
Ровно посередке.

Он сжимает автомат
Там, у горной кручи.
Словно вороны летят
Грозовые тучи.

Но ночной, притихший мрак
Звездочку боится!
Не пройдет границу враг —
Заперта граница!

...Тихо в небе. Ночь темна.
Ничего, что поздно —
Мне не спится. Не до сна.
Я гляжу на звезды.

Ярче их в ночи горят
Звезды на границе.
Пусть спокойно дети спят,
Рощи, звери, птицы.

ЛЕВ КВИТКО

(1890—1952)

СКРИПКА

Я разломал коробочку —
Фанерный сундучок.
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска —
Никто еще не видывал
Подобного смычка.

Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!

В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдали.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
— Какое наслаждение
От музыки такой!

Задрал котенок голову,
Лошадки мчатся вскачь.
Откуда он? Откуда он,
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.
Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

ЧУДО

Зернышко-крошку
Всю зиму хранил,
В рыхлую землю
Весной посадил.
Чудо случилось,
Наверное, с ним —
Зернышко стало
Живым и большим.
Зернышко-крошка
Лежало в земле,
Разбухло, согрелось,
Разбухло в тепле.
Сначала разбухло,

Потом проросло,
Тонким росточком
На грядке взошло.
Чубик завил
Этот слабый росток,
Выкинул перышки
Нежный листок.
Ну, разве не чудо,
Что чубик такой
Пробился, прорвался
Сквозь слой земляной?
Он землю буравил,
Он лез напролом,

Он к свету и солнцу
Пробрался с трудом.
А под землю —
Опять чудеса:
Что-то растет
Не по дням — по часам.
Зернышка нет и
в помине давно.

Не угадаешь,
Чем стало оно.
Плутовка-морковка
Скрывается там.
Если не веришь —
Выдерни сам.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

(Род. в 1923 г.)

МОЙ ДЕДУШКА

У меня есть дедушка,
Как зима, седой.
У меня есть дедушка
С белой бородой.

В день знакомства нашего —
Это не секрет —
Было мне полмесяца,
А ему сто лет.

Маленькие ласточки,
Песнями звеня,
Будят вместе с дедушкой
На заре меня.

На зарядке солнышко
Рядом видит нас.
Поднимаем руки мы
По команде: «Раз!»

А над нами мокрая
Шелестит листва.
Опускаем руки мы
По команде: «Два!»

И водой холодной,
Прямо из ручья,
Вместе умываемся:
Дедушка и я.

Мы беремся за руки
С дедушкой моим,
Вдоль аула нашего
Мы гуляем с ним.

Встретится ли доктор нам
Что лечил меня,
Иль кузнец, чье спорится
Дело у огня,

Почтальон ли с толстою
Сумкой на ремне,
Агроном ли скачущий
На гнедом коне —

Кто ни повстречается
На дороге нам,
Кланяется дедушке,
Говорит: — Салам!

Я шагаю с дедушкой,
Думая о том,
Что и я, наверное,
Каждому знаком.

И с людьми здороваюсь,
Как большой, в пути.
Хорошо мне за руку
С дедушкой идти!

Во дворе и в доме я
Потрудиться рад.
Говорит мне дедушка:
— Покорми цыплят!
— Цып, цып, цып! —

Посреди двора —
Цып, цып, цып! —

Завтракать пора!

В небе коршун кружится
Третий час подряд,
Но ему, разбойнику,
Не украсть цыплят:

Ведь ружье с патронами
Есть у нас, друзья,
И стреляет дедушка
Метко из ружья...

...Много знает дедушка
Былей-небылиц:
Про луну и солнышко,
Про зверей и птиц.

Я вопросы разные
Задаю ему:
— Где?
— Зачем?
— А скоро ли?
— Сколько?
— Почему?

Мне на все мой дедушка
Может дать ответ.
И не стар мой дедушка,
Хоть ему сто лет.

...Дедушка работает,
Словно молодой,
Поливает яблони
Ключевой водой.

Я в сарай за лестницей,
Верьте, не пойду,
Чтоб сорвать созревшее
Яблоко в саду,

Потому что дедушка
Быстро и легко
Может вмиг поднять меня
Очень высоко.

кричу я ...Блещут звезды вечером,
Дремлет сад в снегу.
Мы садимся с дедушкой
Ближе к очагу.

Он читает книжки мне —
Ведь читать я сам
Не могу пока еще
Даже по слогам.

Вот какой мой дедушка!
В майский праздник он
Был на сбор ребятами
В школу приглашен.

Вовремя пришел он,
Не подвел ребят.
Встал под знамя красное
Пионеротряд.

И, держа равнение,
Все ребята тут
Пионерский дедушке
Отдали салют.

А когда торжественный
Запылал костер,
Рассказал мой дедушка,
Старый житель гор,

Как с другими горцами
В давнем феврале
Он в гостях у Ленина
Побывал в Кремле.

Как дарил, волнуясь, он
Бурку Ильичу...
Быть таким, как дедушка,
Очень я хочу.

Приезжайте в гости к нам
По горам крутым —
Сами познакомитесь
С дедушкой моим!

КАЙСЫН КУЛИЕВ

(1917—1985)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЛЕЙЛЕ

Спит гора. Снега уснули
На горе.
Спит зеленая чинара
Во дворе.

Спят, как белые подушки,
Облака.
Спит недопитая кружка
Молока.

Солнце спит. В траве уснули
Муравьи.
Камни спят. И даже куклы
Спят твои.

Завтра утром все проснется
Оживет.
Мама дочке платье новое
Сошьет.

Солнце высветит
Все темные углы,
Сказку дедушка расскажет
Для Лейлы.

Спи. В раскрытое окошко
Входит сон.
Тихо, будто наша кошка,
Входит он.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

(Род. в 1902 г.)

КУСОК ХЛЕБА

Спешил на улицу Басан
(Друзья позвали свистом),
Краюху хлеба откромсал,
Наверно, граммов триста.
Едва он вышел из дверей,
Ребята закричали:
— Басан, иди сюда скорей! —
И мячик показали.
Пред ним возникли в тот же миг
Ворота с новой сеткой.
Басан подумал, как он в них
Направит мячик метко.
На землю бросив свой кусок,
Басан к друзьям помчался.

— А ну-ка, погоди, сынок!
Куда так разогнался? —
Сердито вдруг отец спросил,
Стоявший на дороге.
Басан на хлеб глаза скосил
В смущенье и тревоге.
Из дома выбежала мать
Надрать Басану уши.
— Да разве можно хлеб
бросать?
Берешь, так надо кушать!
Отец сдержал ее:
— Постой!
Наказывать не надо.

А ты, Басан, сейчас со мной
Поедешь в степь,
В бригаду...
В степи машина-великан
Пшеницу убирала.
На ней комбайнера Басан
Заметил у штурвала.
Басан подумал:
«Хорошо б
К нему туда взобраться...»
Отец махнул рукою:
— Стоп!
Возьми, друг, покатайся!
С мостка комбайнер молодой
Ответил:
— Что ж, возьму!..
Басан по лестнице крутой
Вскарабкался к нему.
Вновь загремела, затряслась,
Пошла вперед машина,
Пшеница в бункер полилась,
Завьюжила мякина.
Она кружилась на ветру,

В глаза и в нос летела,
Скрипела на зубах во рту
И прилипала к телу.
Басана солнце сильно жгло,
Лил пот с него ручьями.
Кататься было тяжело,
Домой хотелось, к маме.
Но он терпел,
Смотрел вперед,
Старался быть серьезным,
Хотя от встряски ныл живот
И подступали слезы.
Когда ж комбайнер,
Сделав круг,
Хотел начать второй...
— Останови! —
Взмолился вдруг Басан.—
Хо-чу до-мой!..
Басан спустился чуть живой.
Отец, кивнув на бункер,
Сказал:
— Такой, сынок, ценой
Нам достаются булки!

РАШИД РАШИДОВ

(Род. в 1928 г.)

ЛУДИЛЬЩИК КИЧИ

В горах прославился не зря
Веселый калайчи —
Лудильщик, проще говоря,
По имени Кичи.

Дырявый таз и медный чан,
В руке подкинет, словно мяч,—
Ведь наш Кичи такой силач!

Расплавит медь — и станет
медь
Податливой, как тесто.

Хотите сами поглядеть?
Найдется в сакле место.

...К нему несут и медный таз,
И разговор, и шутку.
Кичи для каждого из нас
Всегда найдет минутку.

На зорьке постучит сосед,
Огня в очаг попросит.
— Салám! — Кичи ему в ответ
И уголек выносит.

Приходит девочка Хису:
— Я миску кошкину несу.
Вот, прохудилась миска,
Голодной будет киска!

...Кичи лудит,
Кичи кует
И снова песенку поет.
А песенка всегда одна,
На весь аул она слышна:

«Медь я славлю красную,
Что в сакле твоей!
Полуду славлю ясную,
Что в сакле моей!

Легко сойдемся мы в цене.
Нет денег? Ну и что же,
Ты подари улыбку мне,
Она всего дороже!»

НУРАТДИН ЮСУПОВ

(Род. в 1931 г.)

ДЕВОЧКА ИЗ АУЛА ЦОВКРА

Затаили люди дух,
Смотрит весь аул Кушух.
Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна
Танцует на канате.
При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она,
С луною схожий, кстати.

— Откуда ты, что так шустра
И смелостью блеснула?

— Я из Цовкра,
Я из Цовкра —
Соседнего аула!

Цирк московский знаменит,
«Браво!» с ярусов летит.

Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна
Танцует на канате.
При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она,
С луною схожий, кстати.
Кричат,

бросая ей цветы:

— Скажи, откуда родом ты? —
В парчовой тунике она,
В сапожках из сафьяна,
Им говорит:

— Я рождена, —

Им говорит:

— Я рождена

Под небом Дагестана.

Цирк парижский изумлен,
Затаил дыханье он:

Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна
Танцует на канате.

При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она.

Слова взлетели, как стрижи:

— Откуда родом ты, скажи? —

И дарят сто букетов.

Горда и радости полна,

Им говорит в ответ она,

Им говорит в ответ она:

— Я из Страны Советов!

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

(Род. в 1937 г.)

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Что за чудо-чудеса:
Загорелись небеса!

Ой, горит-пылает пламя
Над сверкающими льдами!
Ой, горит большой костер
Выше леса, выше гор!

Он горит,
А снег не тает,
Он блестит —
Не согревает.
Мерзнут горы и леса,
Коченеют небеса...

Кто зажег огонь чудесный,
Золотой костер небесный?

Не живет ли
В вышине
Великан могучий?
Не печет ли
На огне
Хлеб себе за тучей?..

Никого за тучей нет,
Не пекут там хлеба.
Это — свет,
Холодный свет
Северного неба.

СЕМЕН ДАНИЛОВ

(1917—1978)

КАЮРЫ

В Заполярье — стужа, вьюги,
В тундре на сто верст в округе —
Ни следа путей-дорог.
Здесь, в краю снегов и мрака,
Лучше друга, чем собака,
Отыскать никто б не мог.

Зверолов под небом хмурым
На упряжке мчится в снег...
Называется каюром
Этот смелый человек.

Ни поводьев, ни хорёя¹,
Крикнет слово вожаку —
Ветра зимнего быстрее
Мчатся нарты по снежку.

Надо встать — «Таай-таай» он скажет,
Заспешит — кричит «Так-так!»,
К нартам сам себя привяжет
И в пургу ведет собак.

Для каюров не помеха
Ни бураны, ни мороз.
То отправился за мехом,
То он рыбы нам привез.

Кто каюрами бывает?
Храбрецы да смельчаки,
Их в народе уважают,
Дети любят, старики.

УЛУРО АДО

(Род. в 1938 г.)

РАССКАЗЫ ЮКО

ПРО ЮКО

Если полетите на самолете с юга на север, то увидите, что постепенно тайга кончается и начинается край безлесный. Имя этого края — тундра.

Тундра совсем узкая, но зато длинная. Наша, советская, тундра начинается с Чукотки. Если оттуда поехать вдоль Северного Ледовитого океана на запад, то вскоре вам путь преградит великая река Колыма, а за Колымой вас встретит голубая Индигирка. Вот между Колымой и Индигиркой я и родился. Там когда-то пас оленей. И там сейчас живут мои самые близкие друзья. Некоторые из них уже поселились и ходят с палками, а некоторые совсем маленькие.

¹ Хорёй — длинный шест, которым погоняют собачью упряжку.

Недавно я побывал в тундре. Там повидался со многими своими друзьями. И вот захотелось мне рассказать всем ребятам о том, что я услышал от одного моего маленького друга. Этот мальчик считает себя большим, хотя его зовут Юко, что на моем языке означает «маленький ребенок», и ему пока столько лет, сколько пальцев на одной руке. Зимой он немного пожил в детском саду и подружился с поселковыми ребятами. А теперь он вместе с родителями далеко от поселка, в тундре. Узнав, что я поеду в поселок, он рассказал мне кое-что и даже спел несколько песен, чтобы я передал все это его друзьям.

Вот я и выполняю просьбу Юко.

МАЛЕНЬКИЕ ОЛЕНЯТА ТАЛЬНИКА

Я от вас далеко-далеко нахожусь. Наше стадо уже перешло середину тундры. Когда мы дойдем до самого края, то повернем назад. А там, где кончается тундра, начинаются большие льды и море.

Здесь все не такое, как у вас. Деревья здесь не вырастают большими. Они как будто боятся сильных зимних ветров, которые могут их вырвать из земли. Здесь деревья остаются маленькими. Их называют тальниками. Еще бывают ерники. Все они тоненькие и не стоят, как деревья, прямо. Они как бы согнувшись стоят. И не разгибаются.

Когда приходит зима, все они спят под снегом, потому что так теплее.

Вдоль рек растут тальники чуть длиннее. Из них мне делают стрелы и луки.

ЮКО ПОЕТ О ПОЧКАХ ТАЛЬНИКА

Хорошо, о как хорошо!
Оказывается, у тальника
проснулись почки!
Они как маленькие белые олениата!

Они скрючившись лежат —
наверное, очень замерзли!
Я бы взял их домой согреть,
только тальнику станет грустно.

ГУТАВА

Милята тоже как мы: одни все время бегают, другие ходят медленно, одни очень мало и чутко спят, другие могут так заснуть, что даже не услышат, как все олени и другие милята перекочевали на новое место.

Однажды так случилось с белым миленком Гута́вой. Он, оказываясь, нашел большой куст тальника, залез в него и спокойно уснул. Спал он до тех пор, пока мы не скрылись от него за тремя большими холмами.

Той ночью оленей пас мой папа. А днем, до папы, их пас Егорчик. Так вот, когда дежурил Егорчик, Гутава и отстал.

Утром, придя с дежурства, папа рассказал, что Гутавы нет, а мать Гутавы все зовет малыша, бегаёт и от волнения даже не ест.

Еще папа сказал, что Гутава, наверное, волки съели, если он отстал еще на старом месте. Говорили, будто ночью с той стороны слышен был волчий вой. Тогда я подумал, что волки, наверное, съели Гутава, не наелись и поэтому выли.

О, как жалко мне было Гутава! Он был очень хорошенький! Глаза голубые, как льдинки, а вокруг глаз — красноватая шерстка.

Потом папа сказал, что, может быть, Гутава и жив, нужно пойти его поискать.

Как только папа ушел, я с того времени совсем не заходил домой. Все время смотрел туда, куда он ушел...

Назавтра, когда пригнали стадо к дому, я вместо отца тоже немножко пас оленей. И встретил... Гутава! Он живой, здоровенький, ягель выдергивает и за мамой ходит! Оказывается, папа его нашел и сразу отнес к матери, в стадо. Поэтому-то он и вернулся совсем не с той стороны, куда ушел.

Потом папа мне говорил так: «И у людей так же: кто много спать любит, тот может всегда отстать от своих. А такого человека и свои любить не будут».

Вот так, ребята. А еще я узнал, что человек не может жить, если его не любят. Значит, надо всегда делать так, чтобы тебя любили.

О ТОМ, КАК Я БЫСТРО ВЫРОС

Сегодня вышел я из дома,
надев папину кухлянку.
Олени очень удивленно
смотрели на меня.
Наверное, они думали:
«О, как быстро Юко вырос,
значит, и он нас
начнет стеречь».
Только, если правду сказать,
я еще маленький.
Это только папина кухлянка
сделала меня большим!

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII—НАЧ. XX в.

ШАРЛЬ
ПЕРРО

(1628—1703)

КОТ В САПОГАХ

Один мельник оставил своим трем сыновьям небольшое наследство — мельницу, осла и кота.

Братья сразу же поделили отцовское наследство: старший взял себе мельницу, средний — осла, а младшему дали кота.

Младший брат очень горевал, что ему досталось такое плохое наследство.

— Братья могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, если будут жить вместе,— говорил он.— А мне, когда я съем своего кота и сошью из его шкуры рукавицы, придется умирать с голоду.

Кот услышал эти слова, но не обиделся.

— Не горюй, хозяин,— сказал он важно и серьезно,— дай мне лучше мешок да пару сапог, чтобы удобнее было ходить по кустарникам. Увидишь тогда, что ты получил не такое уж плохое наследство, как думаешь.

Хозяин Кота не очень-то поверил его словам. Но вспомнил о разных его хитростях и подумал: «Может быть, Кот и в самом деле чем-нибудь поможет мне!»

Как только Кот получил от хозяина сапоги, он ловко надел их. Потом положил в мешок капусты, закинул мешок за спину и пошел в лес, где водилось много кроликов.

Пришел он в лес, притаился за кустами и стал поджидать, чтобы какой-нибудь молодой, глупенький кролик сунулся в мешок за капустой.

Не успел он спрятаться, как ему сразу повезло: молоденький, доверчивый кролик забрался в мешок. Кот быстро кинулся к мешку и крепко-накрепко затянул завязки.

Очень гордый, что охота была такой удачной, Кот пошел во дворец и попросил допустить его к королю.

Его ввели в королевские покои. Войдя туда, Кот низко поклонился королю и сказал:

— Великий король! Маркиз Карабас (так Коту вздумалось назвать своего хозяина) приказал мне поднести вам в подарок этого кролика.

— Скажи своему хозяину,— ответил король,— что я очень доволен его подарком и благодарю его.

Кот откланялся и ушел из дворца.

В другой раз он спрятался в поле, среди колосьев пшеницы, и открыл мешок с приманкой.

Когда в мешок попали две куропатки, Кот сейчас же отнес куропаток королю. Король с удовольствием принял и куропаток и приказал угостить Кота вином.

Так месяца два или три подряд Кот носил королю разную дичь от имени маркиза Карабаса.

Однажды Кот узнал, что король собирается ехать по берегу реки в карете на прогулку со своей дочерью, самой прекрасной принцессой на свете. Он сказал своему хозяину:

— Если послушаешь меня, будешь счастлив всю жизнь. Ступай сегодня купаться на реку в том месте, которое я укажу, остальное я уж устрою сам!

Хозяин послушался Кота и пошел на реку, хоть и не понимал, какая ему будет от этого польза.

В то время как он купался, по берегу реки проезжал король.

Кот уже поджидал его, и, как только карета приблизилась, он закричал изо всех сил:

— Помогите! Помогите! Тонет маркиз Карабас!

Король услышал крик и выглянул из кареты. Он узнал Кота, который уже столько раз приносил ему дичь, и приказал слугам бежать скорее на помощь маркизу Карабасу.

Пока маркиза вытаскивали из реки, Кот подошел к карете и рассказал королю, что, когда маркиз купался, воры унесли всю его одежду, хоть он, Кот, изо всех сил звал на помощь и громко кричал: «Воры! Воры!»

А на самом деле плут сам же спрятал одежду своего хозяина под большим камнем.

Король приказал придворным сейчас же принести маркизу Карабасу один из самых лучших своих нарядов.

Когда маркиз оделся, король стал ласково разговаривать с ним, затем пригласил его сесть в карету и прокатиться.

Сын мельника был строен и красив. В роскошном королевском наряде он стал еще красивее, и молодая принцесса сразу же без памяти влюбилась в него.

Кот был в восторге оттого, что все получается так, как он задумал. Он побежал впереди кареты и, когда увидел на лугу косарей, закричал им:

— Эй, косари! Если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу Карабасу, всех вас немедленно изрубят в мелкие кусочки!

Когда карета подъехала к лугу, король в самом деле спросил косарей, чей это луг они косят.

— Господина маркиза Карабаса! — в один голос отвечали косари, напуганные Котом.

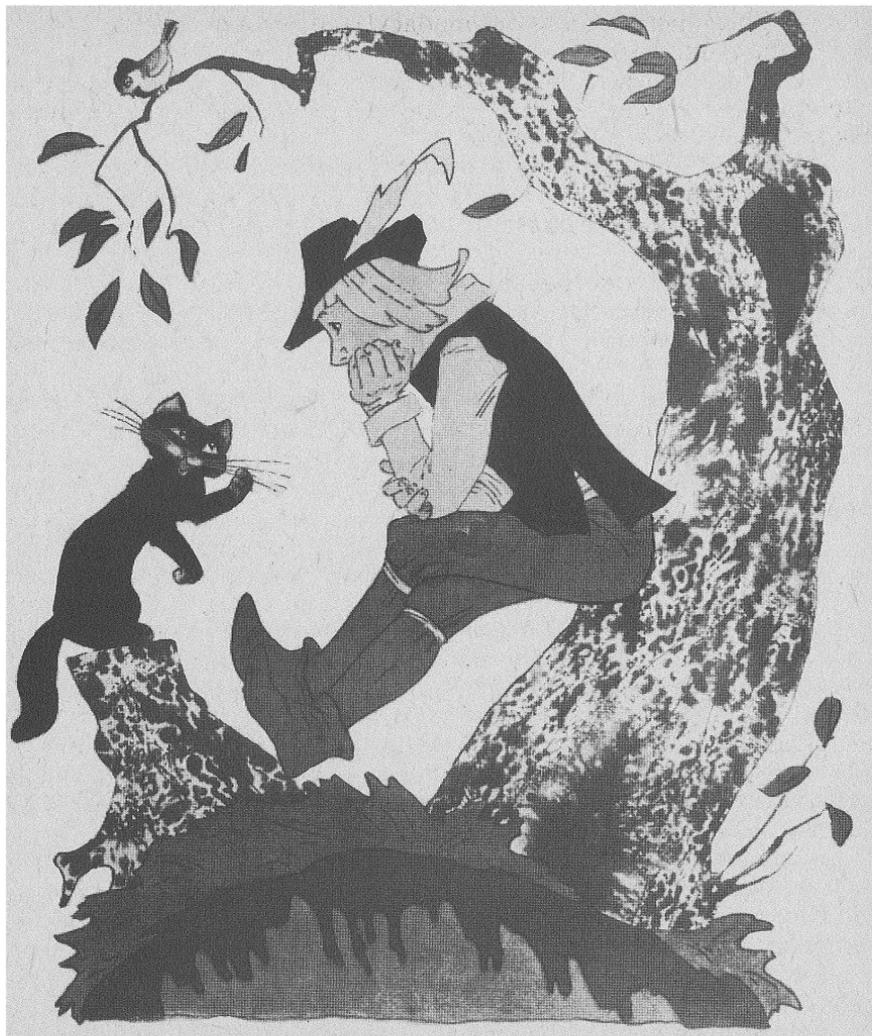

Рисунок Э. Булатова и О. Васильева

— Ах, маркиз, какой прекрасный у вас луг! — сказал король.

— В самом деле, государь! — отвечал маркиз. — Каждый год на этом лугу бывает замечательный сенокос.

А Кот опять побежал вперед, увидел жнецов и закричал им:

— Эй, жнецы! Если вы не скажете королю, что все эти поля принадлежат маркизу Карабасу, всех вас изрубят в мелкие кусочки!

Проезжая мимо полей, король захотел узнать, кому принадлежат эти поля.

— Господину маркизу Карабасу! — отвечали жнецы.

Король опять похвалил владения маркиза.

А Кот все бежал впереди кареты и всем, кого ни встречал, приказывал говорить то же самое. И король не мог надивиться богатству маркиза Карабаса.

Наконец Кот добежал до великолепного замка. А замок этот принадлежал одному из самых богатых людоедов в мире. Людоед и был хозяином всех полей и лугов, всех земель, по которым проезжал король.

Кот заранее уже разведал, что Людоед умеет превращаться в разных животных. Он явился к Людоеду и с поклоном сказал, что не мог проехать мимо замка, не узнав о здоровье его почтенного владельца.

Людоед принял Кота со всей приветливостью и вежливостью, на какую только способны людоеды, и предложил ему отдохнуть в замке.

— Меня уверяли, что вы по желанию умеете превращаться в разных зверей, — сказал Кот. — Можете, например, превратиться в льва или слона. Верно ли это?

— Это верно! — ответил Людоед грубым голосом. — И, чтобы вы не сомневались, я сейчас же, на ваших глазах, превращусь в льва. Смотрите!

Увидев перед собой огромного льва, Кот так испугался, что мгновенно взобрался на крышу, хотя сделать это ему было совсем не легко — ведь в сапогах не очень-то удобно лазить по крышам.

Когда Людоед принял человеческий облик, Кот осторожно спустился с крыши и признался, что ему было так страшно, что и не расскажешь.

Людоед громко захохотал.

— Меня уверяли еще, — заговорил опять Кот, — будто вы умеете превращаться и в самых маленьких зверьков — например в крысу или мышь. Признаюсь вам, что не могу поверить этому!

— Не верите? — рявкнул Людоед. — А вот сейчас сами увидите!

И в тот же миг он обратился в маленькую мышку, и эта мышка стала бегать по полу.

Как только Кот увидел мышь, он тут же ловко бросился на нее и съел.

В это самое время король проезжал мимо. Он увидел прекрасный замок Людоеда и пожелал осмотреть его.

Кот услышал стук колес въехавшей на мост кареты и выбежал навстречу.

— Добро пожаловать, ваше величество, в замок маркиза Карабаса! — сказал он.

— Как, господин маркиз! — воскликнул король. — Неужели и этот замок принадлежит вам? Никогда еще не видал я таких престелстных замков! Войдем в него, если позволите.

Маркиз помог молодой принцессе выйти из кареты и пошел с нею вслед за королем.

Они вошли в огромную залу, где было приготовлено великолепное угощение для приятелей Людоеда. Эти приятели собирались на завтрак к Людоеду, но, когда узнали, что в замке находится король, не посмели войти туда.

Король не уставая восхищался и самим маркизом Карабасом, и его несметными богатствами. После того как король выпил пять или шесть бокалов вина, он сказал:

— Слушайте, господин маркиз, если вы хотите жениться на моей дочери, вам стоит только сказать об этом!

Маркиз учтиво поклонился, поблагодарил за великую честь и, конечно, охотно согласился. В тот же день он женился на принцессе.

После этого Кот стал очень важной особой и больше уже не охотился на мышей — разве только иногда, для развлечения.

БРАТЬЯ ГРИММ

ЯКОБ

(1785—1863)

ВИЛЬГЕЛЬМ

(1786—1859)

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Много лет тому назад жил на свете мельник. И был у мельника осел — хороший осел, умный и сильный. Долго работал осел на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот наконец состарился.

Видит хозяин: ослабел осел, не годится больше для работы, — и выгнал его из дому.

Испугался осел: «Куда я пойду, куда денусь? Стар я стал и слаб».

А потом подумал: «Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом».

Так и сделал. Пошел в немецкий город Бремен.

Идет осел по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

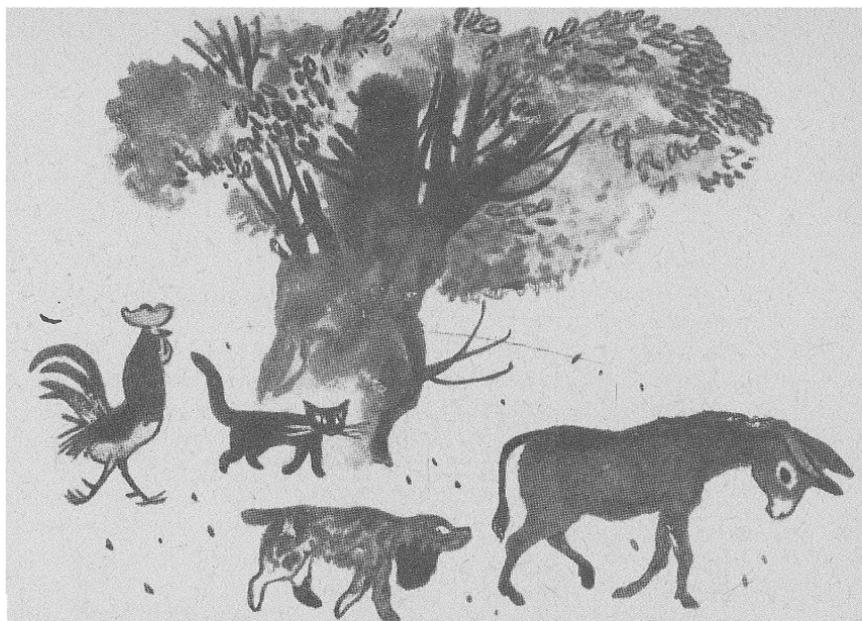

Рисунок Ф. Лемкуля

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осел. — Что с тобой?

— Устала, — говорит собака. — Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осел.

— Ах, осел, — говорит собака, — пожалей меня. Жила я у охотника, долго жила. По полям и болотам за дичью бегала. А теперь стара стала, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдем со мной в город Бремен, — отвечает ей осел, — сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит собака, — пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот; печальный сидит, невеселый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осел.

— Что ты такой невеселый? — спрашивает собака.

— Ах, — говорит кот, — пожалейте вы меня, осел и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил — ловил крыс и мышей. А теперь стар стал, и зубы у меня притупились. Видит хозяйка, не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке.

Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться,— не знаю.

Осел ему отвечает:

— Пойдем с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит кот,— пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли, проходят мимо одного двора и видят — сидит на воротах петух, сидит и кричит во все горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осел.

— Что с тобой случилось? — спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах,— говорит петух,— пожалейте вы меня, осел, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости придут. Вот и собираются хозяева резать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осел:

— Пойдем, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит петух,— пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи, петух идет — кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осел и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел — светится недалеко огонек.

— Огонек светится! — кричит петух.

Осел говорит:

— Надо узнать, что это за огонек. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали и пошли на огонек.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нем светится. Осел подошел к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осел? — спрашивает его петух.

— Вижу я,— отвечает осел,— сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.

— Ох, как хочется пить! — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.

Думали они, думали и придумали.

Осел тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали:

осел — по-ослиному,
собака — по-собачьи,
кот — по-кошачьи,
а петух закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату.

Испугались разбойники и убежали в лес.

А осел, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду.

Ели-ели, пили-пили — наелись, напились и спать легли.

Осел растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на теплой печи, а петух взлетел на ворота. Потушили они огонь в доме и заснули.

А разбойники сидят в лесу и смотрят из лесной чащи на свой дом.

Видят — огонь в окошке погас, темно стало.

И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.

Подожел разбойник к дому, отворил дверь, зашел на кухню. Глядь: а на печи два огонька горят.

«Наверно, то угли, — подумал разбойник. — Вот я сейчас лучинку разожгу».

Ткнул он в огонек лучинкой, а это был кошачий глаз.

Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит.

Разбойник — в дверь. А тут его собака за ногу схватила.

Разбойник — во двор. А тут его осел копытом лягнул.

Разбойник — в ворота. А с ворот петух как закричит:

— Ку-ка-ре-ку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

— Беда! В нашем доме страшные великаны поселились. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвертый закричал мне вслед: «Держи вора!»

— Ох, — сказали разбойники, — надо нам отсюда поскорее уходить!

И ушли разбойники из этого леса навсегда.

А бременские музыканты — осел, собака, кот и петух — остались жить у них в доме да поживать.

ХАНС
КРИСТИАН
АНДЕРСЕН

(1805—1875)

ДЮЙМОВОЧКА

Жила одна женщина, у не было у нее детей.

А ей очень хотелось маленького ребеночка.

Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

— Почему не сказать! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зернышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щелкнуло и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом.

Ее так и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоска, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупу, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого ее берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь ее, и она убежит от нас! — сказала старая жаба.— Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка ее на самую середину реки, на широкий лист кувшинки,— это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, жаба поплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживете с ним у нас в тине.

-- Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе и горько-горько плакала: ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и ее сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невесту. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придется жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелек листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было

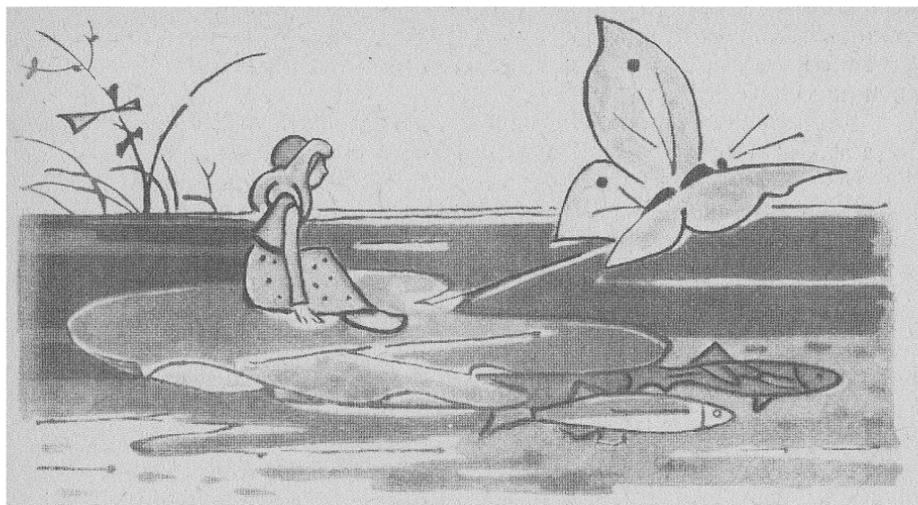

Рисунок В. Алфеевского

сильное, лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла все дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на нее и пели:

— Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист: уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листу, и лист поплыл еще быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил ее и унес на дерево, а зеленый лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У нее только две ножки! — говорили одни.

— У нее даже нет щупальцев! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали третьи.

— Она очень некрасивая! — решили наконец все жуки.

Тут майскому жуку, который принес Дюймовочку, пока-

залось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать ее у себя — пусть идет куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная, холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приюта на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было еще холоднее, чем в лесу, и бедняжка совсем замерзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зернами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зернышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной.

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в теплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, и он носит чудесную черную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадешь. Од-

на только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришел в гости к полевой мыши. Он был такой важный, ученый и богатый; шуба на нем была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил ее. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землей длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит все равно что свечка — и пошел вперед, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам ее нечего бояться — она мертвая

И крот проткнул своим широким носом дырку в потолке. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мертвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мертвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в перышки. Бедная ласточка, наверно, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уж не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придет зима — что ей делать? Помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придется бояться.

— Да, да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковер, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мертвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мертвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка! — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птицы — она была не совсем мертвая, а только околела от холода. А теперь она согрелась и ожила.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и покрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у нее не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зернышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как она попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко. Дюймовочка, чтобы ласточка могла улететь, открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый

лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без нее будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прошебетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слезы закапали у нее из глаз — уж очень полюбила она птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришел старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырех пауков, и они днем и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю, и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут, на воле!» — думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зеленом лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямься, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой черной бархатной шубки, как у него. Да и в погребях у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришел за своей невестой. Теперь Дюймовочке придется переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землей, и никогда она не увидит солнца — крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распро-

ститься с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки по дальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима,— сказала ласточка,— и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зеленый виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом,— сказала ласточка.— А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживешь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали легкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался, — он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Он никогда еще не видал такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка, — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и распевала песни как умела.

Она пела эльфам веселые песни всю теплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощбетала ласточка и опять полетела из теплых краев в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

ДЖОЭЛЬ ЧЕНДЛЕР ХАРРИС

(1848—1908)

БРАТЕЦ ЛИС И БРАТЕЦ КРОЛИК

Как-то вечером мама долго искала своего сынишку. Джоэля не было ни в доме, ни во дворе. Она услышала голоса в старой хижине дядюшки Римуса, заглянула в окно и увидела, что мальчик сидит рядом со стариком.

Мальчик прислонил голову к плечу дядюшки Римуса, во все глаза глядя в морщинистое ласковое лицо.

И вот что услышала мама.

— Гонялся, гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.

— Ну его совсем,— сказал Братец Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь, вот он скачет по дороге — гладкий, толстый и жирный Кролик!

— Эй, там, погоди, Братец Кролик! — сказал Лис.

— Некогда мне, Братец Лис.

— Мне с тобой поболтать охота, Братец Кролик.

— Ладно, Братец Лис. Только ты оттуда кричи, где стоишь, не подходи ко мне близко: блох у меня сегодня, блох!

Так сказал Братец Кролик.

— Я видел вчера Братца Медведя,— сказал Лис.— Он такую мне трепку задал за то, что мы с тобой все не ладим. Вы, говорит, соседи, должны жить дружно. Я обещал ему, что потолкую с тобой.

Тут Кролик поскреб задней ногой за ухом, вроде как от радости, встал и говорит:

— Отлично, Братец Лис. Приходи ко мне завтра, пообедаем вместе. Ничего такого нет у нас дома, да женушка с ребятами пошарят, уж чего-нибудь да найдут, чем тебя угостить.

— Я с удовольствием,— сказал Лис.

— Ну, я буду ждать,— сказал Кролик.

Домой пришел Братец Кролик грустный-грустный.

— Что с тобой, муженек? — спрашивает Матушка Крольчиха.

— Завтра в гости обещался прийти Братец Лис,— говорит Кролик.— Нужно нам держать ухо востро, чтобы он не застал нас врасплох.

На другой день Братец Кролик и Матушка Крольчиха встали ранехонько, до света, и пошли в огород, набрали капусты, морковки и спаржи, состряпали знатный обед.

Вдруг один из крольчат, которые играли во дворе, бежит и кричит:

— Ой, мама! Ма! Братец Лис идет!

Тогда Кролик живо — детишек за уши и усадил их, а сам с Матушкой Крольчихой — у дверей, ждут Братца Лиса.

Ждут они, ждут — не идет Лис.

Вот, немного погодя, выглянул Братец Кролик за дверь, потихонечку. Смотрит — из-за угла торчит самый кончик хвоста Братца Лиса. Тогда закрыл Кролик дверь, сел, лапки положил за уши и запел:

Если миску уронить —

Разобьется миска.

Если близко лисий хвост,

Значит, близко Лиска.

Вот пообедали Братец Кролик, и Матушка Крольчиха, и все ребятки, и никто им не мешал. А потом приходит Братец Еж и говорит:

— Братец Лис просит прощения: он захворал, никак не мог прийти. Он просит, чтобы Братец Кролик пришел к нему на обед.

Солнышко поднялось совсем высоко; тогда Кролик вскочил и побежал к дому Лиса. Прибегает, слышит — стонет кто-то. В дверь заглянул и видит: сидит Лис в кресле, весь закутанный в байковое одеяло, а вид у него слабый-слабый.

Глянул Кролик по сторонам — нигде не видно обеда. Миска стоит на столе, а рядом острый ножик.

— Никак на обед у тебя курочка, Братец Лис? — говорит Кролик.

— Да, Братец Кролик, а какая молоденькая да свеженькая! — говорит Лис.

Тут Кролик разгладил усы и сказал:

— Ты никак сготовил без укропа, Братец Лис? Что-то мне в горло не лезет курятина без укропа.

Выскочил Кролик из дверей и стрельнул в кусты; присел и ждет Лиса.

Долго ждать не пришлось, потому что Лис сразу скинул байковое одеяло и за ним вдогонку. А Кролик кричит ему:

— Эй, Братец Лис! Вот я тут положил на пенек укроп. Бери скорей, пока не увял!

Так он крикнул и поскакал дальше. И Братец Лис его не поймал.

ЭРНЕСТ СЕТОН-ТОМПСОН

(1860—1946)

РВАННОЕ УШКО

Сочная трава наклонилась и скрыла уютное гнездышко, в котором мать Рваного Ушка спрятала его. Она слегка прикрыла его подстилкой и, как всегда, велела ему «лежать смирно и ничего не говорить, что бы ни случилось». Однако кролик, хотя и уложенный матерью в уютную постель, все же не хотел спать, и его блестящие глазки зорко всматривались в маленькую частицу зеленого мира, расстилавшегося как раз над ним. Сойка и красная белка, два известных вора, громко бранились, обвиняя друг друга в воровстве, и куст, под которым находился домик Рваного Ушка, на миг стал местом битвы этих двух сварливых созда-

ний. Потом малиновка поймала голубую бабочку перед самым носом кролика, а красная с черными крапинками божья коровка, спокойно пошевеливая своими узловатыми усиками, совершила длинную прогулку вверх по одному листочку травы и спустилась вниз по другому. Дальше путь ее шел прямо по морде Рваного Ушка. Но он не только не двинулся при этом, но даже не моргнул.

Немного погодя он услышал какой-то странный шелест листьев в ближайшей чаще. Это был удивительный, непрерывный шорох.

Хотя шорох как будто продвигался все ближе и ближе, но никакого звука шагов не было слышно. Рваное Ушко прожил всю свою жизнь на болоте (ему исполнилось только три недели), но он еще никогда не слыхивал ничего подобного. Конечно, его любопытство было сильно возбуждено. Его мать наказывала ему, чтобы он лежал как можно тише, но это было нужно лишь на случай опасности. В странном шорохе, который не сопровождался звуком шагов, едва ли заключалось что-нибудь угрожающее, чего надо было бояться.

Шорох послышался совсем близко от него, затем повернул вправо, потом назад и как будто стал удаляться. Маленький кролик знал уже, что ему надо было делать. Он медленно приподнял свое кругленькое, как мячик, тельце на коротеньких пушистых лапках, высунул свою маленькую круглую головку из своего гнезда и заглянул в лес. При первом же движении, сделанном им, шорох тотчас же прекратился. Он ничего не увидел и потому шагнул вперед. И тотчас же очутился лицом к лицу с огромной черной змеей.

— Мама! — в смертельном испуге крикнул бедный маленький кролик, когда чудовище бросилось на него.

Он напряг все силы своих крошечных ножек, чтобы убежать, но змея с быстротой молнии схватила его за ухо и обвилась кольцами вокруг тельца беспомощного, маленького создания, пойманного ею на обед.

— Мама!.. Мама!.. — пищал бедный маленький кролик, в то время как жестокое чудовище медленно душило его своими кольцами.

Конечно, крик маленького создания очень скоро должен был замолкнуть навсегда, но тут из глубины леса, как стрела, примчалась его мать. Это уже не была прежняя, робкая и беспомощная Молли Пушистый Хвост, готовая бежать даже от собственной тени: Материнская любовь придала ей силу. Крик ее малютки вдохнул в нее мужество, и... гоп! — она перескочила через ужасное пресмыкающееся и так ловкохватила змею острыми когтями своих задних лап, что от этого удара змея вздрогнула и злобно зашипела.

— Мама!.. — слабо пискнул маленький кролик.

И мать его снова прыгнула и еще сильнее и яростнее ударила

когтями отвратительное чудовище, пока, наконец, оно не выпустило из пасти ухо своей жертвы, пытаясь укусить крольчиху-мать. Но змее достались лишь клочки Моллиной шерсти, между тем как в чешуйчатой кольчуге черной змеи уже стали выступать длинные кровавые полосы от яростных ударов когтей Молли.

Плохо приходилось змее. И вот она ослабила сжимавшие маленького кролика кольца. Рваное Ушко тотчас же выполз на свободу и проскользнул, под кусты, задыхаясь, страшно испуганный. Он был невредим, только его левое ухо оказалось сильно изодранным зубами ужасной змеи.

Молли теперь достигла своей цели. Она вовсе не хотела сражаться ради славы или мщения. Она опрометью умчалась в чашу, и ее малютка побежал за нею, следуя за ее белоснежным блестящим хвостиком, служившим для него путеводной звездой, пока она не привела его, наконец, в безопасный уголок болота.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

(1865—1936)

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селедку, и селедкину тетку, и плотичку, и ее сестричку, и шустрого, быстрого выюна-вертуна угря. Какая рыба попадетса, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всем море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог ее глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет,— ответил Кит.— А каков он на вкус?

— Очень вкусный,— сказала Рыбка.— Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка,— сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что все море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка.— Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошел ко дну. Только и одежды на нем, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!) да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!), да сбоку у пояса охотничий нож и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался все шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Все провалилось в тот теплый и темный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в темном и теплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топтать, стучать, брэнчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, — посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет, — сказал Моряк, — мне и тут хорошо! Вот если ты отвезешь меня к моим родным берегам, к белым утесам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он еще сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой, — сказала хитрая Рыбка Киту. — Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утесы Англии. Кит подплыл

к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — все шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решетка, которой он и загородил Кита горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решетку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже женился и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решетка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решетки к нему в горло попадала только мелкая рыбешка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны все еще были на нем, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нем уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решетку.

Вот и все. Этой сказке конец.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XX В.

БЕРТОЛЬТ
БРЕХТ

(1898—1956)

ЗИМНИЙ РАЗГОВОР ЧЕРЕЗ ФОРТОЧКУ

1

— Я — маленький воробей.
Я гибну, дети, спасите...
Я летом всегда подавал сигнал,
Чтоб сторож ворон с огорода гнал.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, воробей, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

2

— Я — дятел, пестрый такой.
Я гибну, дети, спасите...
Все лето я клювом стволы долбил,
Тьму вредных букашек поистребил.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, наш дятел, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

3

— Я — иволга. Иволга я.
Я гибну, дети, спасите...
Ведь это я в прошедшем году —
Чуть сумерки — пела в ближнем саду.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, певунья, сюда!
Вот и тебе еда.
Благодарим за работу!

ЭВА ШТРИТТМАТТЕР

(Род. в 1930 г.)

МОСТ

Кто-то построил маленький мост.
А кто — вы даже не спросите!
Маленький мост — так мал он и прост,
Не мост он, а просто мостик!
Да и ручей совсем не широк,
Он даже канавка вроде.
А все же теперь через ручеек
Спокойно мы переходим.
Тот Кто-то ночью дождался звезд.
Дощечки принес, старался
И тихо построил маленький мост,
А спасибо от нас не дождался.
Люди, послушайте вы меня,
Что ж добрыми быть мы ленимся?
Давайте с сегодняшнего дня
Возьмем и сразу изменимся!

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

(Род. в 1923 г.)

МАЛЕНЬКАЯ БАБА ЯГА

Жила-была когда-то Маленькая Баба Яга, то есть ведьма, и было ей всего сто двадцать семь лет. Для настоящей Бабы Яги это, конечно, не возраст! Можно сказать, что эта Баба Яга была еще девочкой.

Жила она в крохотной избушке, одиноко стоявшей в лесу. Крыша избушки покривилась от ветра, труба скрючилась, ставни дребезжали на разные голоса. Но Маленькая Баба Яга не желала себе лучшего дома, ей и этого вполне хватало. Снаружи к избе была пристроена огромная печь. Без такой печи никак нельзя обойтись, иначе избушка не была бы настоящим домом Бабы Яги.

В избушке вместе с Бабой Ягой жил еще ворон. Звали его Абрахас. Он говорил не только «Доброе утро!» и «Добрый вечер!», как это умеют все говорящие вороны. Ворон Абрахас умел говорить все! Он был мудрым вороном и знал толк буквально во всем на свете.

Примерно шесть часов в день Маленькая Баба Яга училась колдовать. Ведь колдовство не такая уж простая штука: лениться в этом деле никак нельзя! Сначала надо вызубрить все простые колдовские штучки, а потом уже более сложные. Надо вызубрить от начала до конца всю колдовскую книгу, не пропуская в ней ни одной задачки.

Маленькая Баба Яга дошла только до двести тридцатой страницы. В то утро она упражнялась в вызывании дождя. Она сидела во дворе, возле печи, держала на коленях колдовскую книгу и колдовала.

БРАВЫЙ СНЕГОВИК

Был чудесный зимний день. Небо сияло ясной голубизной. Снег был белым и чистым, как новое полотно. Маленькая Баба Яга и ворон сидели на краю леса и нежились в солнечных лучах. Вдруг они услышали неподалеку детские голоса и веселый гам. Маленькая Баба Яга попросила ворона слетать и посмотреть, что там происходит.

Вернувшись, Абрахас сказал:

— Ребятишки, лет шести-семи! Лепят Снеговика, вон там, за деревьями...

— На это стоит взглянуть! — сказала Маленькая Баба Яга.

До поляны было недалеко, и она пошла туда пешком. Когда она пришла, Снеговик уже стоял на поляне совсем законченный. У него был длинный морковный нос и глаза из углей. На голове вместо шляпы старая кастрюля. В правой руке он гордо держал метлу.

Маленькая Баба Яга тихо стояла за деревом, и ребятишки ее не заметили. Они плясали вокруг Снеговика, взявшись за руки, и громко пели:

— Снеговик ты, Снеговик!
С детства к холоду привык!
Ты надел кастрюлю ловко!
Из углей твои глаза!
Нос твой — красная морковка —
Твоя гордость и краса!
Снеговик ты, Снеговик!
С детства к холоду привык!

Маленькая Баба Яга смотрела на ребят, на Снеговика и радовалась. Поплясать бы сейчас вместе с ними...

Но не тут-то было! Из лесу вдруг выскочила компания мальчишек постарше — всего семеро. С громкими воплями налетели они на Снеговика и свалили его. Кастрюлю они затоптали в снег,

метлу переломили пополам. Потом накинудись на малышей и стали катать их в сугробе, натирая им лица снегом. Неизвештно, что бы они еще натворили, но тут из укрьтия вышла Маленькая Баба Яга.

— Эй, вы! — грозно прикрикнула она на хулиганов. — Оставьте-ка малышей в покое!

Хулиганы разбежались в разные стороны. Но прекрасный Снеговик был повержен. Малыши стояли грустные, опустив головы. Маленькая Баба Яга от души им сочувствовала.

— Слепите нового Снеговика! — посоветовала она им. — Нечего грустить!

— Что в том толку? — ответили малыши. — Мы слепим, а большие его опять опрокинут. И метлы у нас теперь нет. Они же ее сломали!

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — хитро сказала Маленькая Баба Яга. — Вот, смотрите-ка!

Действительно, метла была совсем целая!

— Принимайтесь-ка спокойно за дело, — ободрила малышей Маленькая Баба Яга. — И не бойтесь! Если они еще раз попробуют вам помешать, я им задам. Можете на меня положиться.

Малыши успокоились и принялись лепить нового Снеговика. Этот получился даже еще красивее, потому что малышам помогала Маленькая Баба Яга.

Но как только Снеговик был готов, из лесу опять выскочила шумная компания подростков. Малыши хотели было пуститься наутек, но Маленькая Баба Яга их остановила:

— Стойте! И смотрите, что сейчас будет!

И действительно, произошло чудо: Снеговик вдруг вскинул метлу и двинулся на хулиганов! С одного мальчишки он сбил шляпу. Другого стукнул метлой по носу. Третьего и четвертого он схватил за шиворот и так столкнул головами, что у них искры из глаз посыпались. Пятого он зашвырнул на шестого и седьмого, и они покатались кубарем в снег...

Потом Снеговик схватил метлу и в мгновение ока намел на хулиганов огромный сугроб. Этого они уж никак не ожидали!

Молча барахтались хулиганы в сугробе. Закричать они не могли, потому что набрали полные рты снега. Наконец они кое-как выкарабкались и пустились наутек.

Снеговик же спокойно вернулся на свое место, поднял метлу и застыл в обычной позе. Он стоял, как будто ничего не было!

Малыши бурно торжествовали. Теперь-то хулиганы больше не вернутся! Маленькая Баба Яга веселилась вместе со всеми. Она так хохотала, что на глазах у нее выступили слезы. Ворон Абрахас даже испугался:

— Перестань! Перестань! — каркал он. — А не то лопнешь!

АСЕН БОСЕВ

(Род. в 1913 г.)

ДОЖДЬ

Теплый дождик лил да лил, Дело делал, не шалил: Вымыл крышу у скворечни, Вымыл ягоды-черешни, Вымыл грушки- Зеленушки, Вымыл сливы- Черносливы. Вымыл листья у берез, Вымыл крылья у стрекоз, И крылечко, и штaketник Вымыл, вымыл дождик летний!	Протянули мы ладошки, Дождик их помыл немножко, А потом шепнул на ушко: «Вы послушайте, подружки, Зелены на ветках грушки, Но у леса, на опушке, Возле самой старой ели, Земляничины поспели. Кто поест чудесных ягод, Запасет здоровья на год, Будут щеки красны, Будто земляничины!»
--	---

ЛЕДА МИЛЕВА

(Род. в 1920 г.)

У КОГО КАКАЯ ОБУВЬ

Аист Красные носит сапожки — Выше нигде не найдете. Вот и не мокнут у аиста ножки Ни в ручейке, ни в болоте.	Мягкие серые тапки. В них и тепло, В них и легко,— Можно от Волка удрать далеко.
У Петуха Сапожки поменьше, Зато на них острые шпоры. Навряд ли посмеют соседи Вступать с ним в споры И ссоры.	Кошка Крадется в носочках — Никто не сумеет тише,— Чтоб не спугнуть среди ночи Какой-нибудь робкой мыши.
А Зайчик Обул на лапки	В поле без тропинки Козлик скачет бойко — Белые ботинки, Черные набойки.

День за днем
В дубравах бродит
И к сапожнику не ходит.

Воробышек — беден,
Воробышек — бос.
Летом — не страшно,
Плохо — в мороз.

С ножки на ножку,
Голодный,
Босой,
Скачет, чирикая:
«Я — герой!»
(А «герой»
В переводе на птичий язык —
«Чурулик-чурулик-чурулик».)

ЦВЕТАН АНГЕЛОВ

(1922—1982)

ДОБРОЕ УТРО, ДЕТИ ЗЕМЛИ!

Доброе утро, дети Земли —
Белые,
Желтые,
Черные,
Краснокожие!
Сегодня вас навестить пришли
Слова моей песни,
На птиц
Похожие.

Вот они —
Глядите —
Летят!..
На солнце сверкают
Пестрые
Перья.
Знаете,
Слова этой песни хотят,
Чтобы в мире
Было больше
Добра
И доверия.

Тогда на Земле —
На большом корабле —
Не налетим
На риф мы.

Я к светлому завтра
Планеты всей
Хочу
Доискаться
Рифмы.

Чтоб завтра
Такие цветы
Расцвели,
Чтоб было
Вечное лето.
Чтоб пулями быть
Отказался металл,
А стал
Серебристой
Ракетой.

Чтоб наши дети
К звездным мирам
В этой ракете
Плыли,
Я бы, признаться,
Хотел бы
И сам
Нестись
Среди звездной
Пыли.

Доброе утро, дети Земли!
Я посылаю вам
Песню.
Она ураганам молчать велит,
Запрет их кольцом
Тесным.
Она остановит

И шторм и град
И радость подарит
Юным.
Она устроит
Сплошной «цветопад»
Над мирным первым июня.

ЮЛИАН ТУВИМ

(1894—1953)

ПИСЬМО КО ВСЕМ ДЕТЯМ ПО ОДНОМУ ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ

Дорогие мои дети!
Я пишу вам письмо:
Я прошу вас, мойте чаще
Ваши руки и лицо.

Все равно какой водою:
Кипяченой, ключевой,
Из реки, иль из колодца,
Или просто дождевой!

Нужно мыться непременно
Утром, вечером и днем —
Перед каждою едою,
После сна и перед сном!

Тритесь губкой и мочалкой!
Потерпите — не беда!
И чернила и варенье
Смоют мыло и вода.

Дорогие мои дети!
Очень, очень вас прошу:

Рисунок Э. Шашкиной

Мойтесь чище, мойтесь чаще —
Я грязнуль не выношу.

Не подам руки грязнулям,
Не поеду в гости к ним!
Сам я моюсь очень часто.
До свиданья! Ваш Тувим.

ПРО ЯНЕКА

Жил на свете Янек,
Был он неумен.
Если знать хотите —
Вот что делал он:

Ситом черпал воду,
Птиц учил летать,
Кузнеца просил он
Кошку подковать.

Комара увидев,
Брался за топор,
В лес дрова носил он,
А в квартиру — сор.

Он зимою строил
Домик ледяной:
— То-то будет дача
У меня весной!

В летний знойный полдень
Он на солнце дул.
Лошади уставшей
Выносил он стул.

Как-то он полтинник
Отдал за пятак.
Проще объяснить вам:
Яnek был чудак!

ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ

Каменщик строит жилища,
Платье — работа портного.
Но ведь портному работать
Негде без теплого крова!

Каменщик был бы раздетым,
Если б умелые руки
Вовремя не смастерили
Фартук, и куртку, и брюки.

Пекарь сапожнику к сроку
Сшить сапоги поручает.
Ну а сапожник без хлеба
Много ль нашьет, натачает?

Стало быть, так и выходит:
Все, что мы делаем, — нужно.
Значит, давайте трудиться
Честно, усердно и дружно!

ЯН БЖЕХВА

(1900—1966)

ВОЛШЕБНИК КОВАЛЬСКИЙ

...В Варшаве, на стройке,
В соседнем квартале
Мне встретился каменщик.

Все его звали
Всегда по фамилии —
Просто Ковальский.

В те годы он клал кирпичи
На Сувальской.
Обычный строитель —
Веселый и ловкий,
В поношенной кепке,

В опрятной спецовке,
Он строил дома

Для обычных людей —
А был он волшебник.
Да-да!
Чародей!

Смотрите:
Он камня коснулся руками —
И камень
Послушно ложится на камень...
Вот выросли стены.
Вот здание встало.
Дома за домами,

Квартал за кварталом
Встают из развалин.
В бетоне и стали —

КРИСТА БЕНДОВА

(Род. в 1923 г.)

АНЧА

Анча — первоклассница,
с бантом, в белом платье,
всей деревне видна,
идет в школу одна.
Ей корова: «Му-му!
Ты с портфелем почему?»
А курочка: «Ко-ко-ко,
ты идешь далеко?»

Кошечка мяучит:
«Чему тебя научат?»
Зачирикал воробей:
«Анча, в школе не робей!»
Анча — первоклассница,
с бантом, в белом платье,
идет в школу одна,
всей деревне видна.

ХУДОЖНИК

Нарисую дом, крылечко,
на крылечке человечка,
нарисую дубок,
а под ним грибок.

Рисунок М. Беляевой

ГРИГОР ВИТЕЗ

(1911—1967)

ВЕСНА ПОДАРИЛА

1

Вот пришла весна с подарком
И березе подарила
Платье легкое цветное,
Все сквозное, кружевное,
Самим солнцем ворот вышит.

Платье ветерок колышет,
На него уселись птицы —
Сойки, зяблики, синицы, —
Разыгрались в чет и нечет,
Ветка каждая щебечет!

ТУДОР АРГЕЗИ

(1880—1967)

СЕРП

С неба месяц молодой
На поля упал, в пшеницу.
Чтобы взять его рукой,
Ручку смастерила жница.

Ляна режет расторопно
Острым месяцем — серпом,
Ловко вяжет, ставит в копны,
Увенчав большим снопом.

Режет он пшеницу, рожь,
Ярко блещет до заката.
Серп на месяц так похож,
Как похожи брат на брата.

То-то будет месяц рад,
Путь свершая свой привычный,
Что его железный брат
Поработал днем отлично.

ОКТАВ ПАНКУ-ЯШЬ

(1929—1975)

МОЕ МНЕНИЕ И МНЕНИЕ КРОКОДИЛА-ПАПЫ ОДИНАКОВО

Мое мнение, если вы хотите знать его, таково: все маленькие дети, мальчики и девочки со светлыми, каштановыми или черными волосами; с карими, голубыми или серыми глазами; курносые и прямоносые; из группы малышовой, средней или старшей,— все, абсолютно все, должны ложиться спать вечером в восемь часов.

Таково мое мнение!

А я, дети, много дорог исходил, многое видел и многое слышал. И если вы мне не доверяете, то вам достаточно поговорить с моим сапожником. Уж он-то скажет вам, что за свои путешествия я успел изорвать девяносто девять пар гамаш, шестьдесят шесть пар туфель и тридцать три пары сандалий. Хорошо еще, что я не ношу ни бот, ни галош, а то и денег у меня на них не хватило бы.

Во время своих путешествий я проходил по стране, которая так же, как и вы, имеет имя. Она называется Африка. От нас до Африки очень далеко, так же далеко, как от Африки до нас. Но

так как эта история произошла именно там, то я не посмотрю, что Африка так далеко, и расскажу вам ее.

Жила в Африке семья крокодилов: Крокодил-папа, Крокодилица-мама и Крокодилыч-сын.

Крокодил-папа часто говорил: «Мое мнение таково, что все маленькие крокодилы, девочки и мальчики, зеленые, коричневые или дымчатые; с рыльцами заостренными, прямыми или тупыми; с хвостами маленькими, средними или большими,— все, ну абсолютно все, должны ложиться по вечерам спать ровно в восемь часов».

Но Крокодилыч-сын не обращал внимания на то, что говорил Крокодил-папа. Крокодилыч-сын поступал так, как ему нравилось, и ложился спать не в восемь часов, а в девять и даже после девяти. Подумайте, дети, после девяти! Слыханное ли это дело? На другой день, рано утром, Крокодилица-мама должна была тянуть его за хвост, чтобы он поднялся.

Однажды Крокодил-папа спросил сына:

— Когда же, наконец, ты послушаешься и будешь ложиться спать в восемь часов?

Маленький Крокодил ответил:

— Тогда, когда ты купишь мне часы. А так я не знаю, когда наступает восемь часов, потому и ложусь поздно.

Посоветовались Крокодил с Крокодилицей, заняли денег у знакомого Крокодила и купили сыну часы. У нас такие часы называются ручными, но так как у крокодилов нет рук, то они называются нахвостными. Однако, посмотрев на часы, Крокодилыч сказал:

— Слишком маленькие, не вижу, когда стрелки показывают восемь часов.

Опять посоветовались Крокодил с Крокодилицей, опять заняли денег и купили часы побольше. У нас такие часы называются будильником. Но у крокодилов, которые могут просыпаться и без будильника, они называются «Пора ложиться спать».

Но и эти часы не понравились Крокодилычу.

— Они тоже маленькие,— сказал он.

И снова посоветовались Крокодил с Крокодилицей, снова заняли они денег, пошли к Крокодилу-часовщику и сказали:

— Покажи нам самые большие часы, с самым большим маятником.

Купили они часы с таким длинным маятником, что их видно было от самого Бузэу. А Бузэу — это город, который от дома Крокодилыча-сына был очень-очень далеко.

Ах, если бы вы знали, дети, с каким большим трудом привезли эти часы домой Крокодил и Крокодилица!

Крокодилыч увидел новые часы и только собрался сказать, что они тоже недостаточно велики.

— И эти...— начал он.

Но так как было ровно восемь, минутная стрелка больших ча-

Рисунок В. Цигалья

сов схватила Крокодильчика-сына за кончики панталон и бросила прямо на кровать. Как раз в это время часы пробили восемь часов.

При первом ударе Крокодильчик спросил себя: «Что это? Кто меня бросил?»

При втором ударе он разъяснил себе: «А... Это часы».

При третьем ударе сказал: «Уж я им покажу!»

При четвертом: «А что, если они бросят меня еще раз?»

При пятом: «Не нужно мне с ними связываться».

При шестом: «А что, если я сейчас лягу?»

При седьмом: «Лучше я лягу».

А при восьмом ударе Крокодильчик лег в кровать, заснул и не просыпался до утра.

Конечно, эта история не могла произойти у нас, так как в нашей стране нет крокодилов.

И все-таки мое мнение и мнение Крокодила-папы одинаково.

Кто в море уходит, кто в космос летит,
Там путь пролагая опасный.
Но каждый считает началом пути
Прогулку по площади Красной.

Здесь встретишь гостей из столицы любой —
Парижа, Варшавы, Алжира.
Давай же сегодня пройдемся с тобой
По стартовой площади мира.

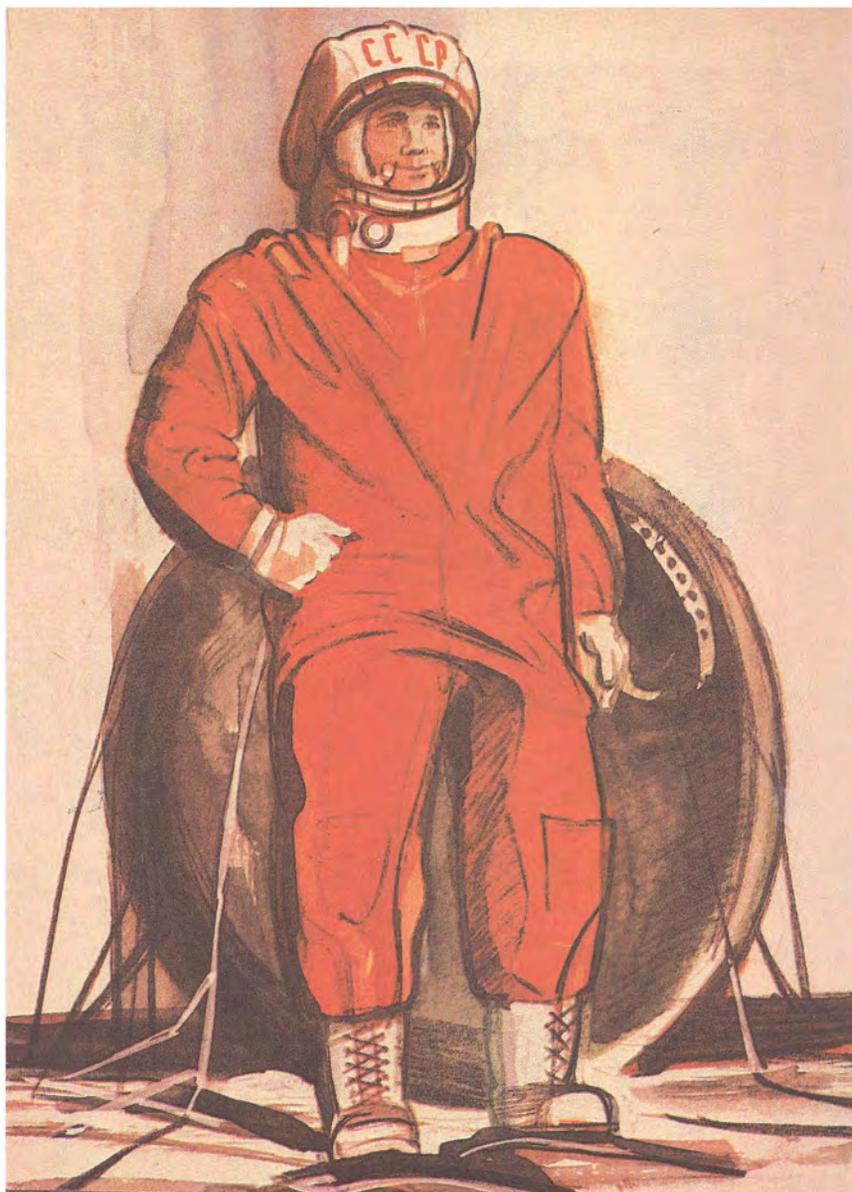

Рисунок Ю. Копейко к книге «Сегодня праздник» А. Митяева

Рисунок Ю. Молоканова к стихотворению «Твой праздник» А. Барто

Рисунок Ф. Лемкуля к стихотворению «Дядя Степа» С. Михалкова

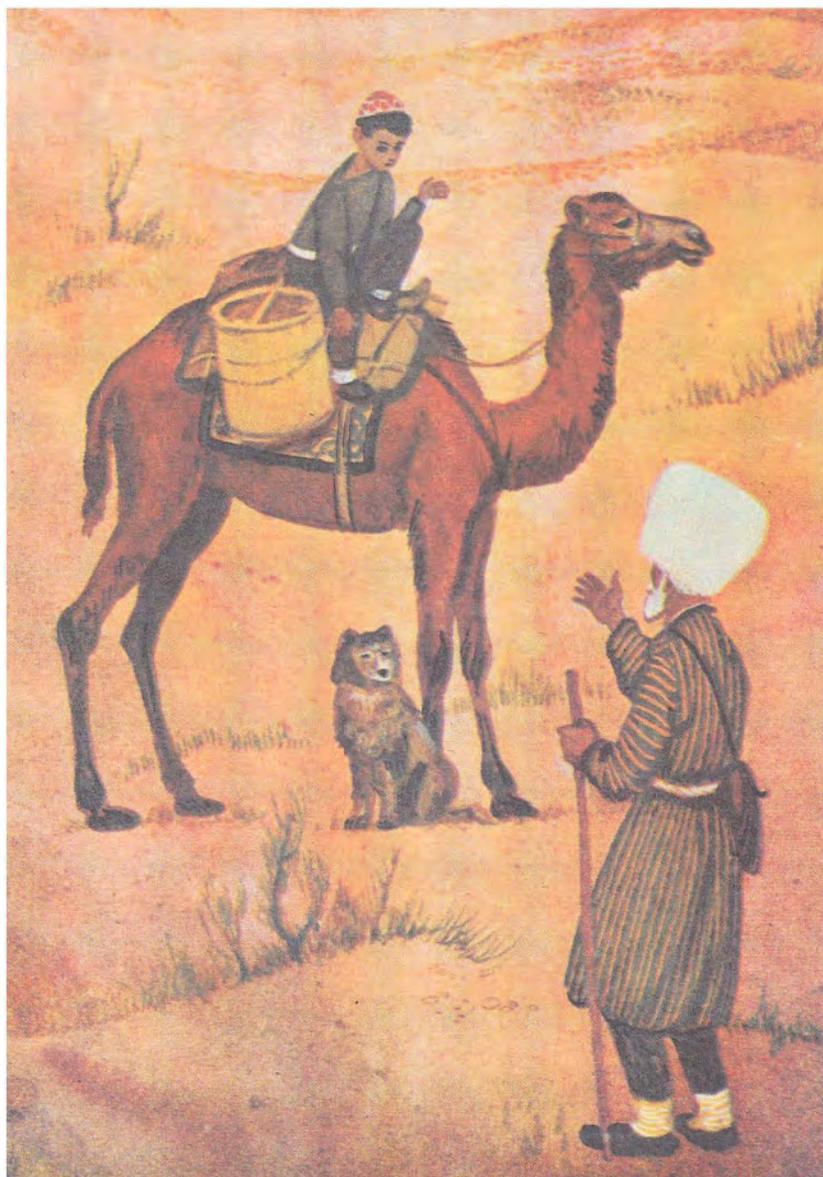

Рисунок Л. Хайлова к рассказу «Как я взял воду» К. Тангрыкулиева

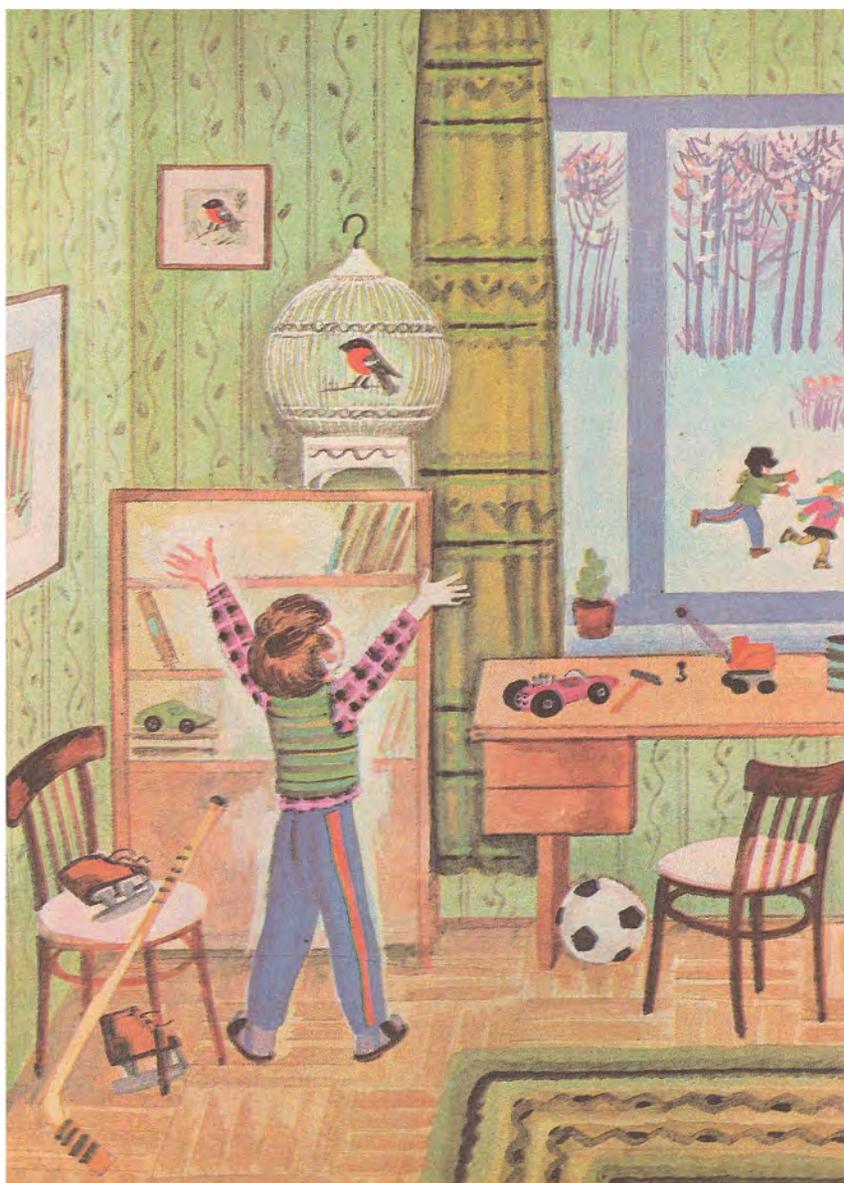

Рисунок В. Винокурова к стихотворению «Снегирь» А. Барто

Рисунок В. Конашевича к стихотворению «Пожар» С. Маршак

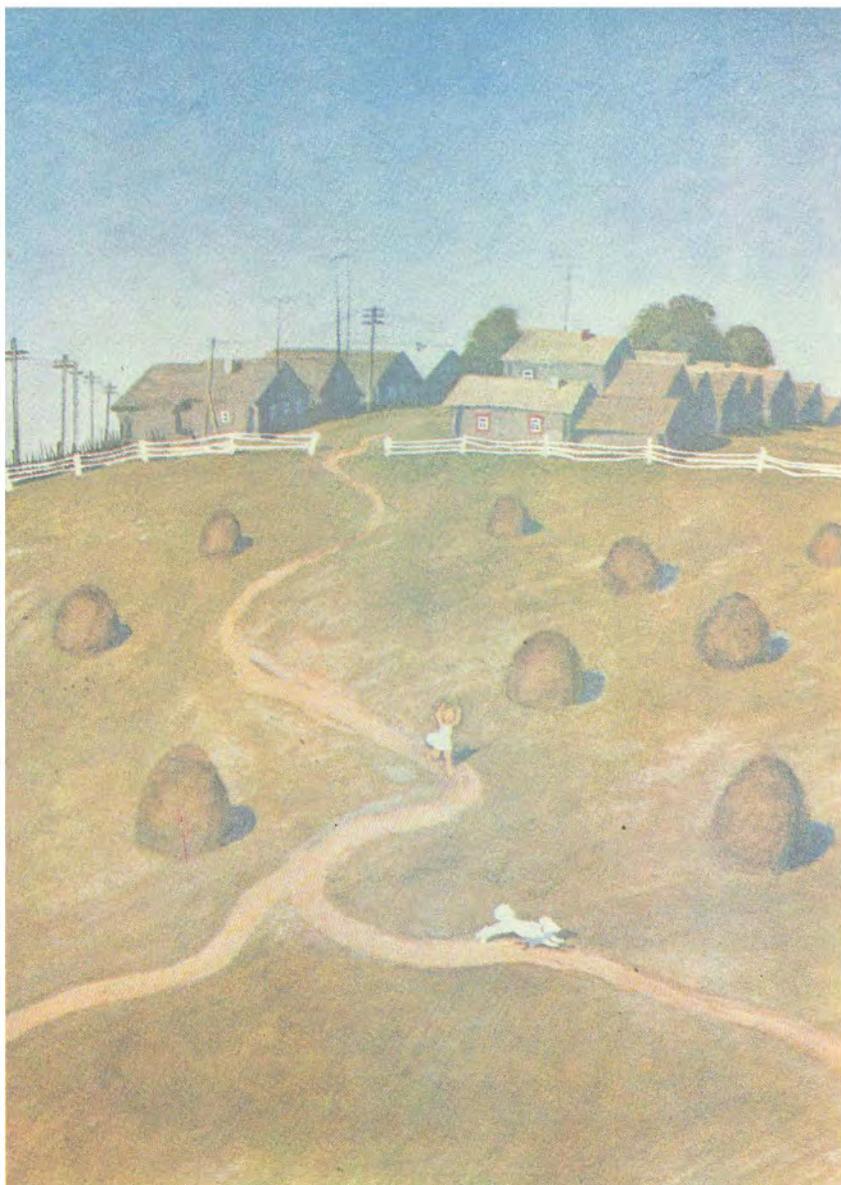

Рисунок Г. Никольского к повести «Солнечный денек» Л. Воронковой

Рисунок Г. Никольского к стихотворению «Ласточка» А. Майкова

Рисунок В. Конашевича к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. Пушкина

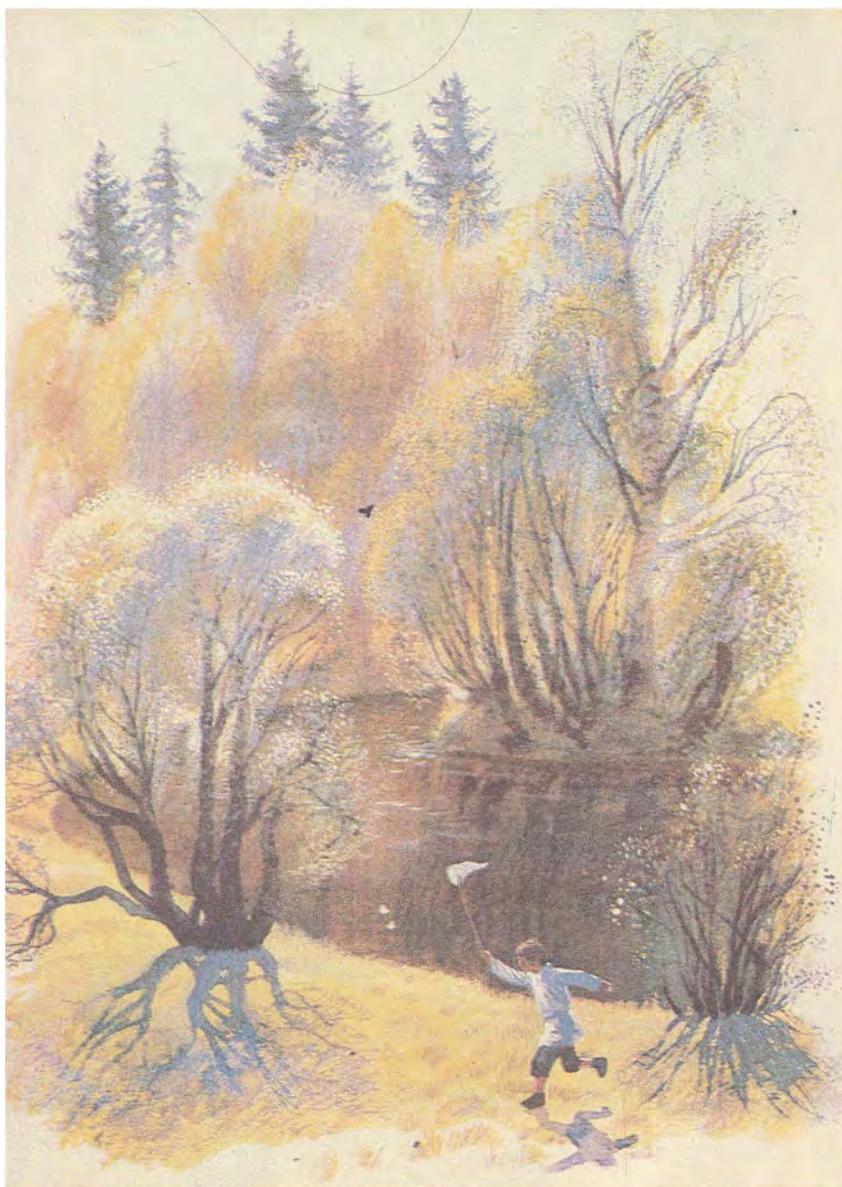

Рисунок Н. Устинова к рассказу «Четыре желания» К. Ушинского

Рисунок Н. Кочергина к русской народной сказке «Сивка-бурка»

Рисунок М. Беляевой к русской народной сказке «Петушок — золотой гребешок»

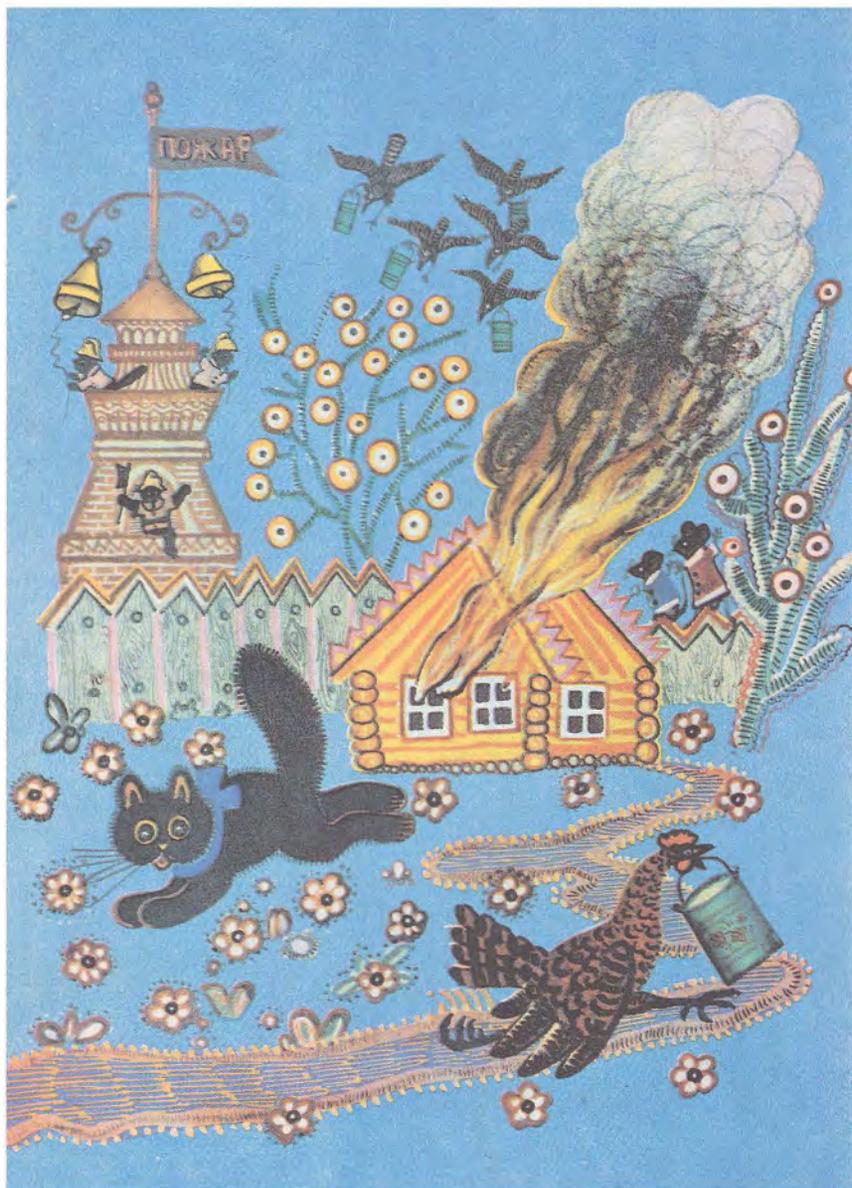

Рисунок Ю. Васнецова к русской народной песенке «Тили-бом...»

**ЛАСЛО
ХАРШ**

(1911—1978)

ПОЧЕМУШКИ И ОТКУДКИ

Когда лето, где зима?
А зимою лето где?
Рассветает — где же тьма?
Когда эти, кто же те?

Раз не дует, где же ветер?
Дует, то куда летит?
Ночью где же солнце светит?
Днем где лунный свет найти?

Почему река течет?
Вода в озере стоит?
Рыба не бежит из вод?
Дождь идет, а не летит?

Все сплошное «что» да «если»,
«Почему», «откуда», «как»!
А на них ответы есть ли?
Говорят, примерно, так:
Очень скоро подрастешь,
Тайны эти сам поймешь.

Но откуда все откудки,
И тогда я не пойму,
Нет покоя ни минутки:
«Почемушки почему?»

**ЕВА
ЯНИКОВСКАЯ**

(Род. в 1926 г.)

А ТЫ ЗНАЕШЬ?

Вы, наверное, видели на углу большого перекрестка стеклянную будку, похожую на перевернутый стакан? В будке сидит человек, он время от времени нажимает кнопку. Это и есть мой папа. Он милиционер. Ему на перекрестке подчиняются все:

и люди,
и трамваи,
и троллейбусы,
и машины,
и даже собаки (если они не бродячие).

Папа нажимает кнопку — на светофоре вспыхивает красный свет: значит, все, кто движется в эту сторону, должны остановиться:

и люди,
и трамваи,
и троллейбусы,
и машины,
и собаки (все до одной).

Папа нажимает другую кнопку — вспыхивает желтый свет, он говорит: «Внимание, внимание! Приготовьтесь, не двигайтесь с места!»

Папа нажимает третью кнопку... и на зеленый свет

идут люди,
едут трамваи,
троллейбусы
и бегут собаки.

Бывает, что светофор портится. Тогда папа вылезает из будки, берет в руки полосатую милицмейскую палку и становится в центре перекрестка. Взмах — машины едут направо. Другой — все движутся налево. Палка поднята вверх. Это значит «желтый свет». Все останавливаются.

Представляете, что было бы, если бы папа стоял на посту не в милицмейской форме, а в обычном сером костюме? Его просто задавили бы. Бросились бы все гурьбой, и никто бы его не слушал. Что бы тогда делали все дяди и тети, которые так спешат? Кто бы командовал троллейбусами и мотоциклами?

Нет. Я непременно стану милиционером. Буду стоять на посту:

летом, когда жара,
зимой в метель,
дождливой осенью
и ясной весной.

НИКОЛАС ГИЛЬЕН

(Род. в 1902 г.)

ПЕСЕНКА ДЛЯ ДЕТЕЙ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

По Карибскому синему морю
мчится бумажный кораблик мой,
мчится и мчится без рулевого,
мчится стрелой.

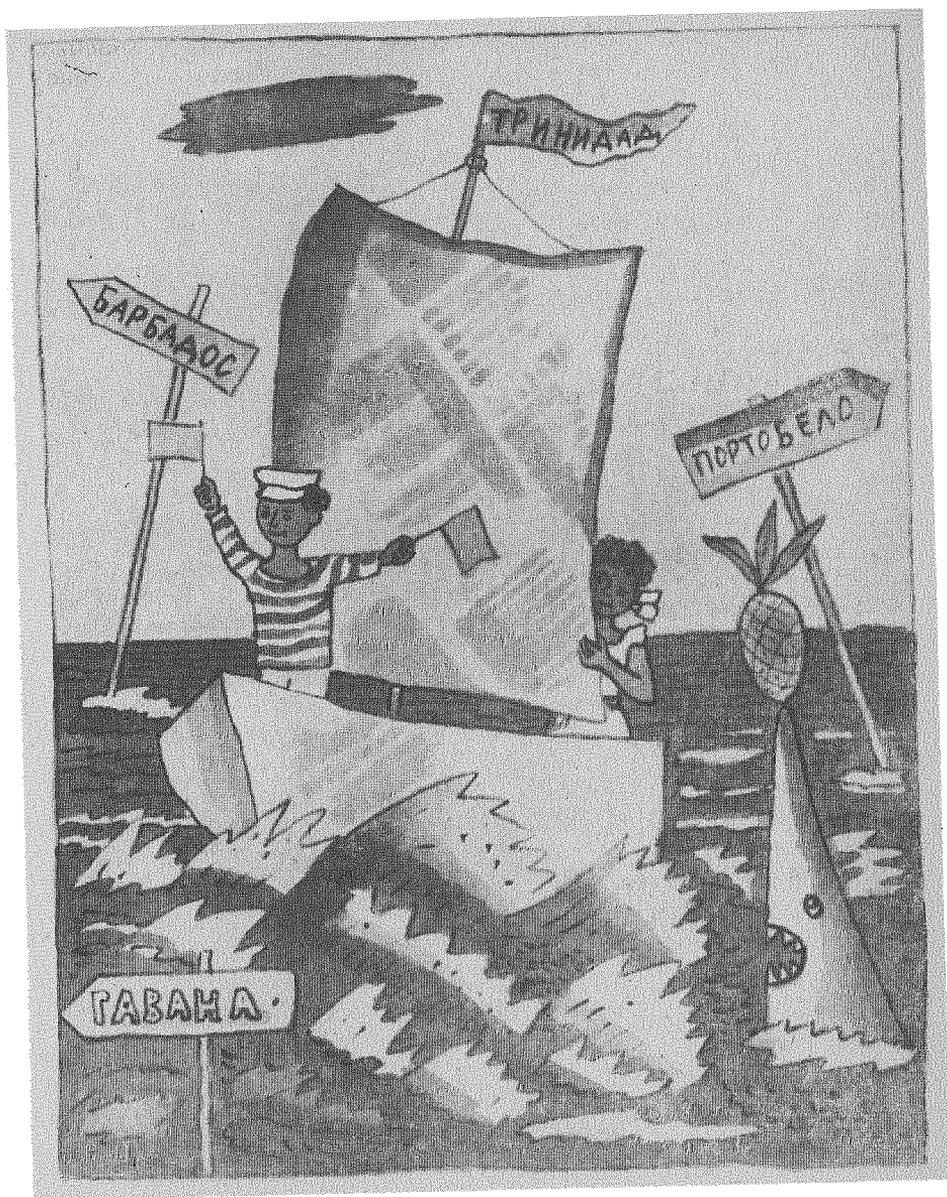

Рисунок А. Борисова

Вот Портобело, а вот Гавана,
вот Тринидад, а вот Барбадос.
Мчится кораблик без капитана
и без колес.

А на корме сидит негритянка,
а на носу испанец стоит.
Прямо, все прямо летит кораблик
и не дымит.

Он проезжает за островом остров,
все острова, острова, острова...
Мчится и мчится, а пассажиров —
глянь! — только два.

Выстрел из сахарной, сахарной пушки
грянул над морем кораблику вслед,
и шоколадная ладная пушка
бьет ей в ответ.

Что за чудесный бумажный кораблик,
что за чудесный кораблик морской!
Весь из газеты, черный и белый,
мчится стрелой!

Едет и едет на нем негритянка,
рядом испанец с нею стоит.
Мчится кораблик без рулевого
и не дымит!

МИРТА АГИРРЕ

(1912—1980)

НЕДЕЛЯ (Считалка)

Раз-два, раз-два, раз-два-три,
вслед за мною говори:

В понедельник, вторник, среду
в гости к бабушке поеду,
а в четверг и пятницу —
дрожки к дому катятся,
за субботой — воскресенье,
в этот день пекут печенье!

Раз-два, раз-два, раз-два-три,
всю считалку повтори.

ВО КУАНГ

(Род. в 1918 г.)

ЗАХОДИТЕ!

Тук, тук, тук.

— Это кто стучит?

— Это я, Зайка.

— Если вправду Зайка,
Предъяви ушки.

Тук, тук, тук.

— Это кто стучит?

— Это я, Выпь.

— Если точно Выпь,
Ножки нам покажешь.

Тук, тук, тук.

— Это кто стучит?

— Это я, Олень.

— Коли ты Олень,
Покажи нам рожки.

Тук, тук, тук.

— Это кто стучит?

— Это я, Ветер.

— Коли ты Ветер,
Подлетай-ка к двери,
Сам пролезешь в щелку.

ХЮИ КАН

УТРО ВЕРНУЛОСЬ

Вставай-ка, малыш, снова утро!

Уже наступило «сегодня»!

Шагает медлительный буйвол.

Петух алый гребень расправил,

И доброе дедушка-солнце

По небу идет легким шагом.

Тебе говорит: «С добрым утром!»

Иди, торопись в детский садик,

А там, во дворе,— дети, дети.

Друзья твои. Все тебя любят.

Играй и учись, подрастая,

Малыш мой родной.

С добрым утром!

ЖАМБЫН ДАШДОНДОГ

(Род. в 1941 г.)

КАКИМИ БУДУТ СОСЕДСКИЕ РЕБЯТИШКИ

Ребятишки, ребятишки
Будут старыми людьми:
Стариками все мальчишки,
Девочки — старушками...

А соседский сын Батор —
Будет дедушка батыр!
Утром будет он вставать,
Сразу будет воевать
И Энхэ — свою сестричку —
Будет дергать за косичку!

Будет девочка Энхе
Старой бабушкой — кхе-кхе!

И когда она поскачет
И споткнется и заплачет...
Скажут ей:
— Энхе-гуай¹,
На конфетку
И вставай!

ЛАЙЛА КАВАЙАН

(Род. в 1950 г.)

ПЕСНЬ МИРА

Когда же война от работы устанет,
сжигать и калечить детей перестанет?
Где были недавно жилища людские,
сегодня одни пепелища пустые,
и пули свистят, и трещат автоматы,
и грабят крестьянина вражьи солдаты,

¹ Гу ай — уважительное обращение

и нас ожидают неволя и голод.
Но в небо — мы верим! — поднимется голубь,
взлетит, белоснежный, бесстрашный и милый,
он вестник надежды, и жизни, и мира.
Давайте же вместе потребуем, дети,
достойного мира на нашей планете!
Устала земля от пожаров и крови,
потребуем мира! Войну остановим.

МОРИС КАРЕМ

(1899—1978)

МОЙ ЗМЕЙ

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

В небе я хочу кружиться,
В небе я хочу носиться,
И хочу я, словно птица,
Улететь за сто морей.

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

Я весь мир хочу увидеть,
Всех детей хочу увидеть,
Чтобы за руки нам взяться,
Чтобы вместе нам смеяться.

Унеси меня, мой змей,
Прямо в небо поскорей!

Я НАУЧИЛСЯ ПИСАТЬ

Когда написал я: **барашек**;
То стали курчавыми вдруг
Деревья, дома и заборы
И все, что я видел вокруг.

Когда написал я в тетрадке
Короткое слово: **река**,
Взлетели веселые брызги
И вырос дворец из песка.

Когда написал я: **поляна**,
Уселась пчела на цветок,
Две бабочки стали кружиться
И тут же попали в сачок.

Но если пишу я: **мой папа**,
Мне хочется прыгать и петь,
Я самый высокий и сильный
И всех я могу одолеть.

МИРНАЯ СЧИТАЛКА

Раз-два-три-четыре-пять!
Всех чудес не сосчитать.
Красный, белый, желтый, синий,
Медь, железо, алюминий,

Солнце, воздух и вода,
Горы, реки, города,
Труд, веселье, сладкий сон,
А война пусть выйдет вон!

АЛЭН БОСКЕ

(Род. в 1919 г.)

ХОБОТ СЛОНА

Хобот слона —
Это чтобы орехи с земли
поднимать.
И нагибаться не надо.

Шея жирафа —
Это чтобы с верхушек деревьев
Листки обрывать.
И не надо на дерево лазить.

Панцирь у черепахи —
Это чтобы внутри его спать.
И не надо дом себе строить.

А стихи —
Чтоб об этом тебе рассказать
И о многом, многом еще рассказать.
Надо только внимательно слушать.

ДЖАННИ РОДАРИ

(1920—1980)

ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЕСЛА?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идешь мастерской —
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.

Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рисунок И Кабакова

Рыхлой землю,
Полям и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.

Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,—
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

КАКОГО ЦВЕТА РЕМЕСЛА?

Цвет свой особый
У каждого дела.
Вот перед вами
Булочник белый.

Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встает он
Раньше, чем птицы.

Черный у топки
Стоит кочегар.
Всеми цветами
Сверкает маляр.

В синей спецовке —
Под цвет небосвода —

Ходит рабочий
Под сводом завода.

Руки рабочих —
В масле и в саже.
Руки богатых
Белее и глаже.

Нежные пальцы,
Светлые ногти.
Нет на них копоти,
Масла и дегтя.

Знаешь: пускай у них
кожа бела,
Очень черны у богатых дела!

**ФЕДЕРИКО
ГАРСИА
ЛОРКА**
(1898—1936)

ГЛУПАЯ ПЕСЕНКА

— Мама!
Я хочу, чтобы весь я серебряный был.
— Что ты, детка,
Тебе очень холодно будет.
— Мама!
Ну тогда я хочу быть водичкой!
— Детка,
Ведь тебе очень холодно будет.
— Мама,
Ну вышей меня на подушке!
— Что ж, это можно,
Сейчас.

ПОЛУЛУНИЕ

Луна поплыла по речке.
Какое чистое небо!
Луна осторожно режет

нежные хлопья пены,
а веточка в зеркале лунном
видит свое отраженье.

**АЛАН
МИЛН**
(1882—1956)

У ТИМОФЕЯ-ТИМА

У Тимофея-Тима
На ножках десять пальцев.
Чулки на десять пальцев
Натягивает Тим,

Наденет и сапожки,
И новые галошки —
И весь десяток пальцев
Гулять уходит с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
И делают все пальцы,
Что им прикажет Тим.
Он сунет их в перчатки
На меховой подкладке, —
И десять пальцев в прятки
Зимой играют с ним.

У Тимофея-Тима
Два синих-синих глаза.
Они всегда смеются,
Когда смеется Тим.
А если мальчик болен
Иль чем-то недоволен,
То сразу
Оба глаза
Заплачут вместе с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
На ножках десять пальцев,
А голова одна.
Когда, зевая сладко,
Ложится он в кровать,—
На мягкую подушку
Ложится и она.

УОЛТЕР ДЕ ЛА МЭР

(1873—1956)

КРЯ!

Утка белее, чем молоко,
С глазами, как два фонаря,
По тихому озеру важно плывет
И говорит: «Кря!»
Она плывет в прозрачной воде
И, углядев пескаря,
Долго еще наблюдает за ним
И говорит: «Кря!»

Когда же Молли под ивой ждет,
Чтоб дать ей кусок сухаря,
Она на Молли украдкой глядит
И говорит: «Кря!»

Потом, почистив о перья клюв
Желтей желтизны янтаря,
Идет, переваливаясь, домой
И говорит: «Кря!»

СЫГРАЕМ В ПРЯТКИ

— Сыграем в прятки,— сказала луна,
С неба скатившись в лес.
— Сыграем в прятки,— сказал ветерок
И за холмом исчез.
— Сыграем в прятки,— увидев звезду,
Сказали ей облака.

— Сыграем в прятки,— сказала волна
Причалу у маяка.
— Сыграем в прятки,— сказали часы,—
Тик-так, динь-динь, диги-дон!
— Сыграем в прятки,— сказал я себе
И погрузился в сон.

ДЖЕЙМС РИВЗ

(1909—1978)

ВЕЩИ, КОТОРЫЕ СТОИТ ВСПОМНИТЬ

Дикой розы стебелек,
Майских лютиков росток,
В сене — мака огонек,

Белой примулы цветки,
Наперсточка лепестки,
Жимолости черенки —

Стоит вспомнить
на заре
В мокром скучном
ноябре,
В темном хмуром
декабре.

ШУМНЫЙ БА-БАХ

В очень громких сапогах
Ходит по лесу Ба-бах!

И, услышав этот звук,
В ветках спрятался Тук-тук,

На сосну взбежал Цок-цок,
В чащу кинулся Прыг-скок;

Чик-чиришка в листья — порх!
Шебуршонок в норку — шорх!

Тихо-тихо все сидят
И, хихикая, следят,

Как шумит в лесу Ба-бах
В очень громких сапогах.

ДЖОН ЧИАРДИ

(Род. в 1916 г.)

О ТОМ, У КОГО ТРИ ГЛАЗА

У этого
Милого существа
Три глаза
И только одна голова.
Зато
Голова эта очень умна —
Все время
Подмигивает она;
Красный,
Зеленый
И желтый глаз
Поочередно
Смотрят на вас.
Один из них
Говорит: И Д И!
Второй умоляет:
Чуть-чуть П О Д О Ж Д И!
А третий командует:
С М И Р Н О С Т О Й!
Закрыта дорога
Перед тобой.

Но если ты лошадь
Или трамвай,
Тогда, пожалуйста,—
Проезжай.

Один глаз
Погас,
Другой глаз
Погас,
И вот загорается
ТРЕТИЙ Г Л А З.

При виде
Зеленого огонька
Мчат машины
Во весь опор.

И глядит,
Глядит на них свысока
У Л И Ч Н Ы Й...
светофор.

УИЛЬЯМ ДЖЕЙ СМИТ

(Род. в 1918 г.)

ПОЧЕМУ?

Почему у собаки четыре ноги?
Почему?
Почему в темноте мы не видим ни зги?
Почему?
Почему это трубы дымят и трубят?

ИЕНС СИГСГОРД

(Род. в 1910 г.)

ПАЛЛЕ ОДИН НА СВЕТЕ

Утро.

Палле проснулся в своей кровати.

Наверное, еще очень рано, потому что в доме совсем тихо. Но в окно ярко светит солнце, и спать больше не хочется.

Палле встает и на цыпочках идет по коридору. Вот комната, где спят его папа и мама.

Он приоткрывает дверь и заглядывает в спальню. Никого не видно.

Палле подходит к маминной кровати, но кровать пуста.

Тогда он подходит к папиной кровати, но она тоже пуста.

Где же мама и папа?

Палле возвращается в свою комнату.

Но снова ложиться в постель не хочется. Лучше он оденется и пойдет играть во двор.

Одеваться Палле умеет сам — ведь он уже совсем большой мальчик.

Но вот мыться он не очень любит и поэтому намыливает только самый кончик носа.

Потом Палле идет в столовую, из столовой — в кухню, но папы и мамы нигде нет.

Вот интересно — Палле один во всей квартире!

Палле спускается по лестнице и выходит на улицу.

Вообще-то ему не разрешают выходить на улицу без спросу, но ведь папы и мамы нет дома. Палле пойдет их искать.

На улице, прямо против подъезда, стоит трамвай.

Палле заглядывает в трамвайный вагон, но в вагоне никого нет. Нет даже кондуктора и вагоновожатого.

Куда же делись люди?

Палле заходит в молочную. Он хорошо знает продавщицу молочной. Но продавщицы за прилавком нет, и покупателей в магазине тоже нет.

На улице пусто и очень тихо. Машины не едут. Трамваи стоят.

Прохожих нигде не видно.

Палле один на всем белом свете..

Палле заходит во все магазины подряд, но нигде никого нет — все люди куда-то исчезли.

В кондитерской Палле набивает себе рот шоколадом.

Он знает, конечно, что этого делать нельзя, но, раз он остался один на свете, кто ж его будет ругать?

Палле очень доволен, что остался один на свете.

Он заходит во фруктовый магазин и уплетает за обе щеки

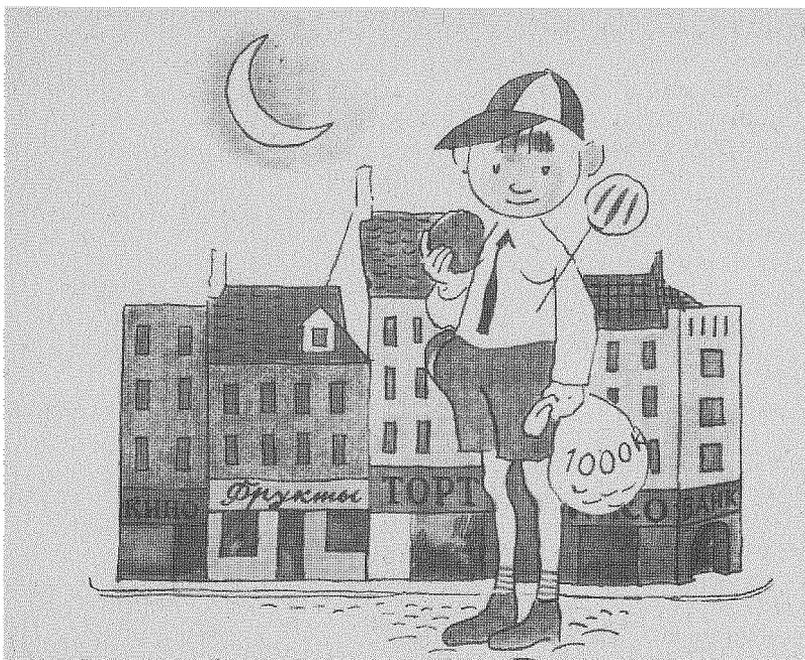

Рисунок А Унгермана

яблоки. Но ведь всего не съешь, и Палле запихивает в карманы два апельсина.

Однако куда же все-таки делись люди?

За углом стоит еще один трамвай. Это трамвай номер два. Палле входит в вагон и садится на место водителя.

Палле крутит руль, как будто он вагоновожатый.

Дзинь! Трамвай вдруг рванулся с места. Палле очень испугался. Но это ничего. Зато теперь он настоящий вагоновожатый, и его трамвай летит вперед.

Палле надевает фуражку водителя. Она ему так велика, что козырек съезжает на самый кончик носа.

Палле никак не может дотянуться ногой до звонка, поэтому он сам выкрикивает:

«Дзинь-дзинь!»

Впрочем, этого и не нужно — ведь на улицах никого нет.

Палле очень рад, что остался один на свете. Теперь он может делать все, что ему вздумается.

Трамвай несется к центральной площади. Но вот Палле видит, что впереди на рельсах стоит другой трамвайный вагон, — дальше ехать нельзя.

Остановить трамвай — но как? Палле этого не знает и на полном ходу врежется в стоящий впереди вагон.

Т р а х!

Палле кубарем слетел с сиденья прямо на мостовую.

Он не ушибся, но зато трамвай разбит вдребезги. На нем теперь далеко не уедешь. Впрочем, если Палле захочет опять покататься, он может сесть в любой другой трамвай: трамваев на улице много.

...Палле заходит в парк, где он часто играл с другими ребятами.

Он шагает прямо по газону. Палле прекрасно видит дощечку с надписью:

По траве не ходить!

Но не все ли ему равно, раз он остался один на свете?

На детской площадке стоят качели. Палле с удовольствием покачался бы на качелях, но это не так-то просто: кто же сядет на другой конец доски?

Вот если бы здесь была Герда или Нильс!

Палле идет дальше и видит большой красивый кинотеатр, где всегда показывают интересные картины. Палле входит в кинотеатр.

У Палле никто не спрашивает билета, но в зале совсем темно и картин не показывают.

Кто же будет их показывать, если на свете никого не осталось, кроме Палле?

...Оказывается, вовсе не так уж приятно быть одному на всем белом свете.

Палле соскучился по своим товарищам, по папе и маме.

Особенно по маме.

Палле садится в красивый автомобиль и едет по городу: а вдруг где-нибудь все-таки остались люди?

Наконец Палле подъехал к аэродрому.

Там стоял большой сверкающий самолет.

Палле забрался в кабину самолета и полетел высоко-высоко.

Самолет поднялся до самых звезд. Вдруг он обо что-то ударился. Это, конечно, был месяц.

Бедный Палле полетел вниз головой...

Палле закричал во все горло — и проснулся. Он лежал в своей кровати.

Оказывается, все это ему только приснилось!

Тут вошла его мама:

— Палле, что с тобой? Почему ты плачешь?

— Ой, мама, мне приснилось, что я остался совсем один на свете! Я мог делать все, что хотел, но мне стало так скучно одному... Как хорошо, что мне это только приснилось!

Палле вскочил с постели, оделся. И вот он уже в парке, на площадке со своими товарищами.

Как весело играть всем вместе!

ТУРБЬЕРН ЭГНЕР

(Род. в 1912 г.)

ПЕСНЯ ЮНГИ

Зовут меня Юханес.
Я юнгой взят на борт,
Я очень редко вижу
Родимый Флеккефьорд.
Мы грузим наше судно —
Везем за океан
Копченую селедку
Народам разных стран.
Нас весело встречают
Чужие города:
Норвежская селедка —
Прекрасная еда!
Мы возим бочки, бревна,
Бумагу, рыбий жир
И вяленую рыбу
В Марокко и Алжир.
Там нестерпимо жарко,
Там лето круглый год,
И вместо платья простыни
Привык носить народ.
Мы гору апельсинов
Погрузим там на борт —
Чудесные гостинцы
Получит Флеккефьорд.

Ходили мы на Кубу —
В той солнечной стране
У каждого мальчишки
Винтовка на ремне.
Растет табак на Кубе
И сахарный тростник,
Но это ты, наверно,
Давно узнал из книг.
На Кубе много сахару
Грузили мы на борт,
Чтоб мог варить варенье
Родимый Флеккефьорд.
Мы плаваем в Канаду,
В Бразилию, в Судан
И флаг свой поднимаем
Навстречу всем судам.
Мы грузим наше судно
Пшеницей золотой,
Мы кофе, шерсть и хлопок
Везем к себе домой.
Объехал я все земли
И знаю каждый порт,
Но хорошо вернуться
Домой во Флеккефьорд.

ДЖЕЙМС КРЮС

(Род. в 1925 г.)

СНЕГОВИК НА МАСКАРАДЕ

Снеговика на Новый год
Привлек цветной плакат.
И вот он вечером идет
На шумный маскарад.

Носатого Снеговика
Узнали все тотчас,
Ему кричат издалека:
— Вот это высший класс!

— Вот это маска, посмотри! —
Все мнения сошлись,
И вот Снеговик у жюри
Вручает первый приз.

Аплодисментами смущен,
Сказал он: — Господа!
Простите, я таким рожден,
Я был таким всегда!

Я настоящий Снеговик!
— Не верим! — говорят.
— А ну-ка, — говорят ему, —
Снимите свой наряд!

Как вдруг — поверите ли вы? —
Кап-кап! Кап-кап! Кап-кап!
Он начал таять с головы,
Он вдруг совсем ослаб...

Хватают под руки его,
Он тает на глазах.

Уж он не видит ничего,
Уж силы нет в ногах.

— Я болен... Можно мне
присесть? —

Чуть слышно он сказал.
— Там где-то холодильник
есть!

— Скорей его в тот зал!

— Туда его! Туда его!
— На лед без лишних
слов! —

Он просидел там полчаса
И вышел жив-здоров.

— Ура-а!
— Спасибо, очень рад, —
Благодарит он всех
И, покидая маскарад,
Шагает прямо в снег.

РОМЕШ ЧАНДРА КАУШИК

ТЕЛЕФОН

Динь-динь-динь-динь, тили-дон!
Это звонит телефон.

— Как вас зовут? Скажите нам.

— Алло! Это Рам.

— Очень приятно, Рам,

Что ты позвонил сам.

Говори смело,

Какое у тебя дело.

— Приходи на день рожденья,

Будет много угощенья.

— Кто родился?

— Я!

Рада вся семья.

Приходи ко мне, я жду!

— Обязательно приду.

Динь-тили-дон!

Замолчал телефон.

ВИДЖАЙКУМАР ДЖАЙН

ОБЕЗЬЯНКА

Я поймал тебя, обезьянка,
Будешь у меня жить!
Буду я спозаранку
Вкусно тебя кормить.

Что ж ты грустишь, обезьянка?
Ничего не ешь и не пьешь.
Ты ведь не иностранка,
Ты ведь меня поймешь...

Мне ясно все, обезьянка:
Ты оттого грустишь,
Что у лесной полянки
Ждет тебя твой малыш.

Что ж, убегай, обезьянка,
К сыну беги и не плачь...
Я сам доем это манго
И один поиграю в мяч.

ВИНОДКУМАР СУТА

ЕДЕТ ПОЕЗД

Где-то там
едет поезд,
Едет поезд,
едет.
Если встретит он муравьишку,
Он его
объедет.
Где-то там
едет поезд,
А машинист
правит,
Где-то там
едет поезд
И никого
не давит.

Ему не нужны ни вода, ни уголь,
Ни стрелки,
ни рельсы,
ни шпалы,
Ему для езды только
сахар нужен,
И то совсем
мало.
Где-то там
едет поезд,
Эх, без пути и дороги.
Носят его босые колеса...
Простите,
босые ноги!

**АВИНАШ
ЧАНДРА
НАРАНГ**

ЗВЕЗДЫ-ЗВЕЗДОЧКИ

Звезды-звездочки, А сколько вам лет? Звезды-звездочки, Вы слышите? Нет?	Мне бы вас Хотелось попросить Никогда огонь свой Не гасить.
--	--

**ТИЛАКРАМ
ВАРМА**

В НАШЕМ САДУ

В нашем саду Дружно живут Тень и тишина. Солнце взойдет — Они уже тут, Тень и тишина. Темных лиан Любят уют Тень и тишина.	Слушают молча, Как птицы поют, Тень и тишина. Выйду я в сад — Встречают меня Тень и тишина. Как хороши Среди жаркого дня Тень и тишина!
--	---

**КАМЛЕШ
ЧАДДХА**

ЦВЕТОК

Цветок всегда смеется,
Если дождь на него прольется,
Если бабочка на него сядет,
Если ветер его погладит.

Цветок всегда смеется,
Цветок ни с кем не дерется,
Он послушный,
Совсем не упрямый.
Хорошо быть его мамой.

ТАКЭДЗИ ХИРАЦУКА

(1904 — 1971)

РАДУГА

Дождь кончился, и на небе повисла радуга.
Ах, что за радуга!
Будто лента из семи прекрасных цветов.

— Радуга, радуга!
В синем небе радуга! —

запели ребята и весело захлопали в ладоши.

— Где? Где радуга? — спросила хозяйка табачной лавки, выходя на улицу и снимая на ходу очки. Она выпрямила согнутую спину и взглянула на небо. — Смотри-ка! И вправду радуга! Какая яркая!

Из соседнего окна выглянул парикмахер с ножницами в руках.

Парень из прачечной, девушка из вязальной мастерской, зеленщик, торговец рыбой, почтальон на велосипеде, полицейский в будке — все, задрав головы, уставились на радугу в небе.

Радуга была как мост, ведущий в волшебную страну. Она потихоньку тускнела, бледнела и наконец исчезла совсем.

Хозяйка табачной лавки уселась за прилавок и принялась отсчитывать сдачу покупателю.

Парикмахер деловито защелкал ножницами.

Почтальон укатил куда-то на велосипеде.

Полицейский в будке стал звонить по телефону.

Никто из взрослых уже не глядел на небо. Только дети не спускали с него глаз.

— Радуга, радуга!
В синем небе радуга! —

пели они.

ИГРА

Посреди рисового поля течет ручей.

Через ручей перекинут мостик.

Мостик маленький каменный, с перилами. Одним махом перепрыгнуть можно. На мостике две девочки: Киёко и Тамáко.

Нарвали полыни, диких астр и разных трав и толкут их камешками на перилах. Истолкут, положат на листочки и едят по-нарошку.

— Все было очень вкусно, — хвалит Киёко-гостья. — Нельзя ли еще?

— Сейчас. Подождите немного,— говорит Тамако-хозяйка. Она снова толчет полынь и дикую астру на перилах моста.

Если приглядеться, то можно увидеть, что перила мостика слегка шершавые.

Не оттого ли, что Киёко и Тамако каждый день стучат по ним камешками?

Да нет. Только от их ударов они не стали бы такими неровными. Наверно, и раньше кто-то играл на мосту в хозяйку и гостью.

Видно, на том же самом месте, на тех же перилах, толкли камешками траву и сестра Киёко, и ее мама, когда были маленькими. И бабушка Тамако стучала по перилам камешками. Потому и появились на перилах вмятины и выбоины.

Такие маленькие каменные мосты есть в каждой деревне.

Увидите мостик, переброшенный через ручей, взгляните, нет ли щербинки на его перилах — следов от камешка.

ЦВЕТОК ФЬЮ

В одной детской книге я прочитал, что зимние холода приносит нам Дед Мороз. Он приходит из Страны зимней стужи, и наступают холода.

Но это неправда. Никакого Деда Мороза нет.

Холода к нам приносит не Дед Мороз, а Фью, дитя Ветра. Закроет лицо маской Деда Мороза, бороду белую приклеит, шубу и рукавицы наденет и является на землю.

Каждый вечер прилетает Фью верхом на Северном ветре.

То листья по земле раскидает, то швырнет пригоршню холодных капель дождя в оконное стекло, то где-нибудь в дальней дали выпустит из мешка собачий вой, и несется он по полям и лугам.

Много детей у Ветра. Есть и мальчики, и девочки. Фью — девочка. Но такая озорная, что не уступит и мальчишке.

Бывает, залезет на верхушку дуба и стрясет все желуди на землю. А то улетит высоко-высоко в небо и натирает там каждую звезду до блеска, чтобы ярче светила.

Иногда она снимает маску Деда Мороза, откленвает бороду, сбрасывает шубу, рукавицы и сапожки и становится прозрачной как стекло, и ее никто не видит. Но Фью все же девочка, поэтому она вплетает в волосы цветок. Красивый-красивый бело-розовый цветок. Он такой стойкий, что не гибнет даже на холодном ветру. Каждый раз, когда Фью прилетает на землю поозорничать, она роняет свой цветок.

Прекрасный, стойкий и милый цветок этот зовут камелия. И цветет он в начале зимы.

С ВОРОБЬЕМ НАПЕРЕГОНКИ

— Ну, я пошел!

Каждое утро мы с папой уходим — он на службу, я в школу.

«Ну» он выкрикивает, когда сует ногу в ботинок. «Я» — когда выскакивает за порог. «Пошел» — когда бежит к остановке. До чего же папа быстро бегаёт! Рраз — и там.

Зато с работы он возвращается медленно-медленно.

Туда посмотрит, сюда поглядит, остановится и выпустит струйку дыма в небо. Не спешит.

— А вот и я! Возьми-ка, малыш, подарок,— сказал он на днях, придя домой.

В носовом платке что-то топорщилось.

— Разверни-ка!

Ой! Воробей! Мама! Иди скорее, взгляни — папа воробышка принес.

В платке, нахохлившись, сидел воробей.

— Он, кажется, ранен,— сказала мама, заглянув в платок.

— На перекрестке нашел, недалеко от нашей фирмы.

— Правда, папа?

— Ну да. Смотрю: лежит под деревом и подмаргивает мне: помоги, мол, дяденька, ты такой большой и сильный.

У воробышка была ранена нога. Он стал пить из тарелки, свалился прямо в воду и намок. Однако не испугался, а, наоборот, ободрился и захлопал крылышками.

— Выпусти его...

— Не надо, папа. Пусть переночует у нас. Я возьму его к себе в постель, обниму, и мы будем спать вместе.

— Нет, нет. Поместим его ближе к окну. Ты очень ворочаешься. Еще задавишь. Да и воробей тоже беспокойно спит,— сказала мама и положила воробья на ворох ниток, чтобы ему было тепло.

В эту ночь я видел удивительный сон. Мы с воробышком играли в догонялки.

«Ну... я... полетел!..» — крикнул воробей и упорхнул.

Не успел я выскочить из дома, а он уже на остановке.

«Ох и шустрый воробей! Как папа»,— подумал я и проснулся.

— Мама! А где воробей?

— Улетел рано утром.

— Здорово они ворочаются во сне, эти воробы,— сказал папа.— Разбросал все нитки из коробки и улетел.

Папа засмеялся, а глаза у него были такие славные, как у воробья.

РИЭКО НАКАГАВА

(Род. в 1935 г.)

ДЕТСКИЙ САД «ТЮЛЬПАН»

В детском саду «Тюльпан» тридцать ребят. Восемнадцать в группе, которая называется «Звездочка», и двенадцать в группе «Колокольчик». Ребята из «Звездочки» на будущий год идут в школу. Они этим очень гордятся. А в группе «Колокольчик» — малыши трех и четырех лет, и им, конечно, еще далеко до школы.

Сигэру — четыре года.

Он в группе «Колокольчик», но мечтает о том, как бы ему скорее попасть в «Звездочку».

Комнаты «Звездочки» и «Колокольчика» находятся рядом. Каждое утро после завтрака в группе «Звездочка» руководительница читает ребятам интересные книжки, а в «Колокольчике» малыши только смотрят книжки с картинками.

«Ах, как хорошо быть в группе «Звездочка!» — всегда думает Сигэру.

В детском саду «Тюльпан» две руководительницы. Руководительница Хару — маленького роста, поэтому она в группе «Колокольчик», Нацу — повыше, поэтому она в группе «Звездочка».

Вот когда надо достать барабан с верхней полки, руководительница Хару встает на стул, а Нацу просто протянет руку — и все.

Да, обе руководительницы совсем не похожи друг на друга. Только в одном они похожи. Они обе часто сажают Сигэру в угол на лавку, чтобы он там немного посидел и подумал о своем поведении.

По нескольку раз в день они говорят ему:

— Сигэру, иди в угол и вспомни, можно ли драться.

— Сигэру, иди в угол и подумай, можно ли обижать товарищей.

Сегодня руководительница Хару сказала:

— Сигэру, ты себя очень плохо ведешь, походи в угол, посиди на лавке и подумай.

А Сигэру еще до того, как идти в угол, уже вспомнил, что он сегодня:

забыл умыться,

сосал палец,

не вытирал носа,
разбросал куклы девочек,
баловался, когда все пели,
обозвал своего товарища дураком,
бросался морковкой за завтраком,
бегал по коридору,
бросал на пол свой носовой платок,
вырывал игрушки,
щипался, когда руководительница рассказывала сказку.
Обо всем этом он думал, когда сидел один на скамейке в
темном углу.

После этого Сигэру дал себе слово больше никогда не нарушать
правил.

СОДЕРЖАНИЕ

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

РУССКОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Песенки, пестушки, потешки

«Баю-баю, банильки...». Обраб. М. Булатова	4
«Баю, баю, баю-бай...». Обраб. О. Капицы	—
«Уж ты, котенька-коток...». Обраб. Л. Дьяконова	—
«Потягушки-потягушки...». Обраб. О. Капицы	—
«Сорока-ворона...». Обраб. К. Чуковского	—
«Идет коза рогатая...». Обраб. К. Чуковского	—
«Пальчик-мальчик...». Обраб. М. Булатова	—
«Катя, Катя маленька...». Обраб. О. Капицы	5
«Водичка, водичка...». Обраб. И. Карнаухова	—
«Расти, коса, до пояса...». Обраб. И. Карнаухова	—
«Ладушки, ладушки!...»	—
«Тили-тили-тили-бом!...». Обраб. К. Чуковского	—
«Пастушок, пастушок...». Обраб. А. Науменко	—
«Чики-чики-чикалочки...». Обраб. О. Капицы	—
«Стучит, бренчит по улице...». Обраб. А. Кудряшовой	—
«Петушок, петушок...». Обраб. М. Булатова	6
«Привяжу я козлика...». Обраб. М. Булатова	—
«Вдоль по реченьке лебедушка плывет...». Обраб. Н. Колпаковой	—
«Солнышко-ведрышко...». Обраб. К. Чуковского	—
«Дождик-дождик...». Обраб. О. Капицы	—
«Радуга-дуга...». Обраб. К. Чуковского	—
«Ты, рябинушка...». Обраб. О. Капицы	—
«Полно, беленький снежочек...». Обраб. О. Капицы	—
«Во поле березонька стояла...». Обраб. О. Капицы	—
«Раным-рано поутру...»	—
«Уж как я ль мою коровушку...». Обраб. М. Булатова	7
«Собака, что лаешь?». Обраб. К. Ушинского	—
«Федул, что губы надул?». Обраб. К. Ушинского	—
«Я медведя поймал!...». Обраб. А. Кудряшовой	—

Считалки

«Бегал заяц...». Обраб. В. Аникнна	7
«Зайчишка-трусишка...». Обраб. О. Капицы	—
«Катилось яблоко...». Обраб. В. Аникина	—

«За морями, за горами...»	8
«Шел баран...». Обраб. Н. Колпаковой	—
Скороговорки	8
Загадки	—
Пословицы и поговорки	10
Сказки	11
Репка. Обраб. М. Булатова	—
Теремок. Обраб., М. Булатова	—
Колобок. Обраб. К. Ушинского	13
Заюшкниа избушка. Обраб. О. Капицы	14
Петушок — золотой гребешок. Обраб. А. Толстого	17
Волк и козлята. Обраб. А. Толстого	19
Снегурочка. По народным сюжетам	20
Гуси. Обраб. К. Ушинского	21
Хаврошечка. Обраб. А. Толстого	23
Царевна-лягушка. Обраб. А. Афанасьева	25
Сивка-бурка. Обраб. М. Булатова	30
Каша	34

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

Песенки

Веснянка (украинская песенка). Перевод Г. Литвака	36
Лейся, лейся, дождичек (украинская песенка). Обраб. Г. Литвака	—
Перепелка (белорусская песенка). Перевод Л. Яхнина	—
Воробей (белорусская песенка). Пер	—
Ястреб (грузинская песенка). Пересказ В. Берестова	—
Зимой (грузинская песенка). Пересказ В. Берестова	37
«Всех морей и речек...» (азербайджанская песенка). Пересказ А. Ахундовой	—
«Шерсть чесать — рука болт...» (азербайджанская считалка). Пересказ А. Ахундовой	—
Я пасу ягнят (литовская песенка). Перевод Ю. Григорьева	—
Колыбельная (молдавская песенка). Пересказ И. Токмаковой	—
«Ты, ленок, мой ленок...» (латышская песенка). Перевод Л. Копыловой	—
«Все деревья горевали...» (латышская песенка). Перевод Л. Копыловой	—
«Солнышко да матушка...» (латышская песенка). Перевод Л. Копыловой	—
Беглец (таджикская песенка). Пересказ В. Викторова	—
Приходи, весна! (таджикская песенка). В сокращении. Перевод Н. Гребнева	39
Аист (армянская песенка). Обраб. И. Токмаковой	—
Ласточка (армянская песенка). Обраб. И. Токмаковой	—
«Аллай, аллай, спи-усни, сыночек...» (туркменская песенка). Перевод Н. Гребнева	—
«Сон, войди скорее в двери...» (эстонская песенка). Обраб. А. Прокофьева и А. Чепурова	—
Каждому свое (дагестанская считалка). Перевод Н. Гребнева	—
Засыпай, сынок (чувашская песенка). Обраб. Л. Яхнина	—
Лесные утки (мордовская песенка). Обраб. Н. Колпаковой	41
Вставай, Митенька (коми-пермяцкая песенка). Пересказ Л. Кузьмина	—

Сказки

Овечка и волк (украинская сказка). Обраб. Г. Петельникова	41
Легкий хлеб (белорусская сказка). Обраб. Е. Благининой	42
Упрямые козы (узбекская сказка). Обраб. М. Булатова	44
Чудесная шуба (казахская сказка). Обраб. Н. Северина	—
Научись ремеслу (грузинская сказка). Пересказ М. Булатова	46
Как Джиртдан увел детей от страшного дива (азербайджанская сказка). Обраб. М. Булатова	49
Бедняк и богач (литовская сказка). Обраб. П. Цвирки	51
Чудесный клад (молдавская сказка). Обраб. М. Булатова	52
Скатерть, баран и дубинка (латышская сказка). Обраб. Я. Ниедре	54
Непослушные сестры (киргизская сказка). Перевод и обраб. Д. Брудного и К. Эшмамбетова	56
Тигр и лиса (таджикская сказка). Пересказ К. Улуг-Заде	57
Змея и рыба (армянская сказка). Обраб. Я. Хачатрянца	58
Гора самоцветов (туркменская сказка). Обраб. М. Булатова	—
Каждый свое получил (эстонская сказка). Перевод М. Булатова	61
Айога (нанайская сказка). Обраб. Д. Нагишкина	63
Кукушка (ненецкая сказка). Обраб. К. Шаврова	65

ПЕСЕНКИ И СКАЗКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Песенки

Маленькая красавица (болгарская песенка). Перевод С. Давыдова и А. Чепурова	67
Данка по воду пошла (болгарская песенка). Пересказ В. Викторова	—
Хоровод (чешская песенка). Перевод С. Маршака	—
Семейка (чешская песенка). Перевод С. Маршака	—
Дедушка Рох (польская песенка). Пересказ Б. Заходера	—
Считалочка (польская песенка). Пересказ Б. Заходера	—
«По камням стучат подковы» (сербская песенка). Пересказ Л. Яхнинна	68
Приходите в гости (венгерская песенка). Пересказ Э. Котляр	—
Воробьиная песенка (венгерская песенка). Обраб. Э. Котляр	—
Знают мамы, знают дети (немецкая песенка). Перевод В. Викторова	—
Ты, портной, такой умелый (немецкая песенка). Перевод В. Викторова	—
Храбрцы (английская песенка). Перевод К. Чуковского	—
Перчатки (английская песенка). Перевод С. Маршака	69
Маленькая девочка (английская песенка). Перевод С. Маршака	70
Рано в кровать (английская песенка). Перевод С. Маршака	—
Купите лук (шотландская песенка). Пересказ И. Токмаковой	—
Крошка Вилли Винки (шотландская песенка). Обраб. И. Токмаковой	—
Едем, едем на лошадке (шведская песенка). Обраб. И. Токмаковой	—
Бельчата (финская песенка). Пересказ В. Викторова	—
«Ручки, спляшите разок...» (французская песенка). Обработка Н. Гернет и С. Гиппиус	71
Малыш Руссэль (французская песенка). Пересказ В. Андреева	—
Джон и Джон (американская песенка). Перевод А. Сергеева	—

Орел и лягушка (американская песенка). Перевод А. Сергеева	71
Чайник (американская песенка). Перевод А. Сергеева	72
«Утро в дверь стучится...» (кубинская песенка). Пересказ В. Викторова	—
Тунг-зинь, тунг-зинь (вьетнамская песенка). Перевод И. Токмаковой	—

Сказки

Вншенка (венгерская сказка). Обработано А. Красновой и В. Важаева	72
Воробей и лиса (болгарская сказка). Перевод М. Клягиной-Кондратьевой	73
Поспешишь — людей насмешишь (польская сказка). Обработано К. Луннина-Борковского	74
Гонза и скрипка (чешская сказка). В сокращении. Обработано Л. Большинцевой	76
Коза с колокольчиком (румынская сказка). В сокращении. Перевод В. Нейштадта	78
Кто не работает, тот не ест (сербская сказка). Перевод М. Волконского	79
Лиса и куропатка (французская сказка). Перевод В. Финникова	80
Кошечка и вязальные спицы (немецкая сказка). Обработано В. Важаева	81
Как осел петь перестал (итальянская сказка). Обработано Д. Родари	82
Дочка пекаря (английская сказка). Пересказ Н. Шерешевской	—
Зазнайка (кубинская сказка). Перевод Е. Колчиной	84
Непослушный козленок (монгольская сказка). Обработано В. Клюевой	—
Знаем! (корейская сказка). Запись Н. Гарина-Михайловского	86
Ткач из Махиларопьи (индийская сказка). Пересказ Н. Шерешевской	—
Ворон на дереве (вьетнамская сказка). Перевод Н. Никулина	88
Скряга всегда несет двойной убыток (афганская сказка). Перевод М. Герасимовой	90
Малыш леопард и малыш антилопа (африканская сказка). Перевод и обработка М. Гершензона	—
Желтый аист (китайская сказка). Перевод Ф. Ярилиной	92
Жадная хозяйка (японская сказка). Перевод Н. Фельдман, под редакцией С. Маршака	94
Синдбад-Мореход (Первое путешествие) (арабская сказка). Пересказ М. Салье	95

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX И НАЧАЛА XX в.

Поэзия

В. А. Жуковский

Жаворонок	100
Мальчик с пальчик. Сказка (отрывок)	—

А. С. Пушкин

Сказка о рыбаке и рыбке	—
«У лукоморья дуб зеленый...» (из поэмы «Руслан и Людмила»)	105
«Ветер по морю гуляет...» (из «Сказки о царе Салтане...»)	106
«Ель растет перед дворцом...» (из «Сказки о царе Салтане...»)	—

«Ветер, ветер! Ты могуч...» (из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»)	106
«За весной, красой природы...» (из поэмы «Цыганы»)	—
«Уж небо осенью дышало...» (из романа «Евгений Онегин»)	107
«Под голубыми небесами...» (из стихотворения «Зимнее утро»)	—
«Вот север, тучи нагоняя...» (из романа «Евгений Онегин»)	—
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» (из романа «Евгений Онегин»)	—
«Гонимы вешними лучами...» (из романа «Евгений Онегин»)	108
Утро	—
Зимний вечер	109

Н. А. Некрасов

Дедушка Мазай и зайцы (отрывок)	—
«Не ветер бушует над бором...» (из поэмы «Мороз, Красный нос»)	111
«Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали...» (из стихотворения «Крестьянские дети»)	—
«Однажды, в студеную зимнюю пору...» (из стихотворения «Крестьянские дети»)	112

Ф. И. Тютчев

«Зима не даром злится...»	113
Весенние воды	114
Весенняя гроза (отрывок)	—

А. К. Толстой

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» (отрывок)	—
«Колокольчики мои...» (отрывок)	—
«Вот уж снег последний...» (отрывок)	115

А. А. Фет

«Мама! глянь-ка из окошка...»	—
«Кот поет, глаза прищуря...» (отрывок)	—
«Ласточки пропали...» (отрывок)	—

А. Н. Майков

Колыбельная песня. Из новогреческих песен	116
«Ласточка примчалась...» (отрывок). Из новогреческих песен	—
Летний дождь	—
Мать и дети	—

И. С. Никитин

Встреча зимы (отрывок)	117
«Полюбуйся: весна наступает...» (из стихотворения «Полно, степь моя...»)	—

А. Н. Плещеев

Сельская песня (отрывок)	118
Дети и птичка (в сокращении)	—

Мой садик	118
На берегу	119

И. З. Суриков

Зима (отрывок)	120
Детство (отрывок)	—
«Ярко солнце светит...» (отрывок)	121

И. А. Бунии

«Бушует полая вода...»	122
На пруде	—
«Все темней и кудрявей березовый лес...»	—

А. А. Блок

Ветхая нзбушка	123
Зайчнк	—
Снег да снег (в сокращении)	—
На лугу	124

С. А. Есенин

Поет зима — аукает	—
Береза	125
Черемуха	—
Пороша	—
«Нивы сжаты...»	—
Ночь	126

Проза

В. Ф. Одоевский

Городок в табакерке (в сокращении)	—
--	---

К. Д. Ушинский

Вместе тесно, а врозь скучно	131
Бншка	—
Умей обождать	132
Петушок с семьей	—
Четыре желания	—
Гадюка	134
Наше отечество (отрывок)	135

Л. Н. Толстой

«У бабки была внучка...»	—
«У Вари был чиж...»	136
«Хотела галка пить...»	—
«Спала кошка на крыше...»	—
«Прншла весна...»	—

«Старик сажал яблони...»	136
«Таня знала буквы...»	137
Муравей и голубка. Басня	—
Старый дед и внучек	—
Три медведя. Сказка	—
Котенок. Быль	139
Лев и собачка. Быль	141

Д.Н. Мамин - Сибиряк

Аленушкины сказки. (Присказка притча о Молочке, овсяной кашке и сером котишке Мурке. В сокращении)	142
--	-----

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

А.М. Горький

Утро (в сокращении)	146
Детство (отрывок)	147
В людях (отрывок)	—
Воробышко. Сказка	148

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Н.К. Крупская

Владимир Ильич Ленин	150
--------------------------------	-----

А.И. Ульянова-Елизарова

Детские школьные годы Ильича (отрывок)	151
--	-----

В.Д. Бонч-Бруевич

Владимир Ильич на субботнике (из книги Наш Ильич)	155
---	-----

А.Т. Кононов

В Смольном	156
Елка в Сокольниках	158
Поездка в казино	160

М.М. Зошенко

Ленин и печник	164
--------------------------	-----

М.П. Прилежаева

Зимние вечера (из книги Жизнь Ленина)	166
---	-----

З.И. Воскресенская

Мама (из книги Сердце матери)	168
На кончике нити (из книги Сердце матери)	—

Я.М. Пинясова	
Обыкновенные варежки. Перевод с мордовского-мокша и обраб. Н. Богоданова	170
С.П. Алексеев	
Снегирь.	173
Максим Рыльский	
Ильич и девочка	176
Н.К. Саконская	
В гостях у Ленина.	177
С.В. Михалков	
В музее в В.И. Ленина.	—
О.И. Высотская	
Всегда мы помним Ленина	182
Поэзия	
В.В. Маяковский	
Что такое хорошо и что такое плохо	183
Конь-огонь	185
Майская песенка	186
Кем быть?	—
Эта книжечка моя про моря и про маяк	190
К.И. Чайковский	
Мойдодыр	191
Телефон	194
Айболит	196
Путаница	202
Тараканище	204
Черепаша	206
К.И. Чайковский	
Детки в клетке	207
Сказка о глупом мышонке	—
Усатый полосатый	209
Вот какой рассеянн	211
Пожар	212
Война с Днепром	215
Круглый год	196
Рассказ о неизвестном герое	202
Урок родного языка	204
Дети нашего двора	206

Е. А. Благинина

Аленушка (в сокращении)	221
Вот какая мама	222
Посидим в тишине	—
Не мешайте мне трудиться	223
Шинель	—
Миру — мир	—

А. Л. Барто

Игрушки (отрывки)	224
Вовка—добрая душа (отрывки)	—
Снегирь	225
Помощница	226
Твой праздник	—
Звенигород (отрывок)	228

З. Н. Александрова

Мой мишка	230
Ветер на речке	—
Сарафанчик	231
Белая черемуха	232
Родина	233

С. В. Михалков

А что у вас?	—
Песенка друзей	234
Дядя Степа	236
Про мимозу	239
Мир	240
Недотепа	—
Были для детей (отрывки)	241

Г. А. Ладонщиков

Самокат	242
Каменка моя	243

Б. В. Заходер

Строители	—
Переpletчица	—
Сапожник	—
Никто	244

Я. Л. Аким

Неумейка	—
Первое мая	246

Ю. И. Коринец	
Северный колобок	246
В. Д. Берестов	
Приятная весть	247
Читалочка	—
Альбом для рисования	248
И. П. Токмакова	
Где спит рыбка	—
Ели	—
Разговор ветра и осинки	—
Живи, елочка!	249
Красная площадь	—
Мне грустно — я лежу больной	250
Э. Н. Успенский	
Если был бы я девчонкой	—
Проза	
М. М. Пришвин	
Ребята и утята	251
Лисичкин хлеб	252
Золотой луг	253
Моя Родина (из воспоминаний детства)	—
Б. С. Житков	
Что я видел (отрывки)	254
Как я ловил человечков (в сокращении)	257
Как слон спас хозяина от тигра	260
Обвал	261
И. С. Соколов-Микитов	
Лесные картинки (Весна. Осень в лесу)	262
Колокольчики	263
К. Г. Паустовский	
Заботливый цветок (в сокращении)	264
В. В. Бианки	
Теремок	266
Купание медвежат	268
Лис и мышонок	—
Е. И. Чарушин	
Волчишко	—

Большие и маленькие (отрывки)	269
Как мальчик Женя научился говорить букву «р»	270

В. А. Осеева

Волшебное слово	271
Печенье	273

Е. А. Пермяк

Смородника	—
Пичугин мост	274

А. П. Гайдар

Поход	275
Чук и Гек (отрывок)	276

Л. А. Кассиль

У нас в Москве (Начинается земля, как известно, от Кремля)	280
Твои защитники (Сестра. Памятник советскому солдату)	282

Л. Ф. Воронкова

Золотые ключики (Медок и Холодок. Встречи в поле)	284
Подружки идут в школу (отрывки)	288

Н. Н. Носов

Живая шляпа	289
Огурцы	292

Н. И. Сладков

Под шапкой невидимкой (Кто как спит? «Почему это, зайныка, у тебя такие длинные ушки?..» Дуб и рябина. Сорока и медведь)	294
--	-----

С. П. Алексеев

Рассказы о Суворове и русских солдатах (Всюду известны. Измаил)	295
Новый учитель	296

А. В. Митяев

Сегодня праздник (7 октября. День конституции СССР. 7—8 ноября. Великий Октябрь. 30 декабря. Праздник дружбы. 8 марта. Международный женский день. 12 апреля. День космонавтики)	298
--	-----

М. В. Водопьянов

Космонавт-1	301
-----------------------	-----

С. В. Сахарнов

Кто в море живет. В холодном море (Белый медведь. Селедка. Кит). В теплом море (Дюгонь. Летучая рыба)	303
---	-----

А. Г. Алексин	
Первый день (Из книги «Самый счастливый день»)	304
В. К. Железников	
Рыцарь	306
Р. П. Погодин	
Просто история	308
С. А. Баруздин	
Страна, где мы живем (С чего все началось. Необычное путешествие. Главный город. Еще город, и тоже главный. Волга-кормилица. Стра- на, где мы живем)	310
Шел по улице солдат (День рождения красного солдата. Точно в цель! Когда пройдет немного лет)	315
Э. Ю. Шим	
Черемуха	318
Хлеб растет	319
С. А. Иванов	
Хорошо или плохо (из книги «Хлеб и снег»)	---
Г. М. Цыферов	
Жил на свете слоненок	321
С. Т. Романовский	
Лукошко (отрывок)	322
В. Т. Коржиков	
Рассказы о таежном докторе (Встреча в зоопарке. Таежные голоса. Доктор Айболит)	324
Г. Я. Снегирев	
Чайка	326
Ю. И. Коваль	
Чистый Дор (Нюрка)	327
В. В. Голявкин	
Как я боялся	329

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

Павло Тычина

- Родина. Перевод с украинского Р. Заславского 332
Идет весна. Перевод с украинского Р. Заславского --

Наталья Забила

- Ясочкин садик. Перевод с украинского З. Александровой --
Наша Родина (Лучшая на свете. Север. Юг). Перевод с украинского
З. Александровой 334

Платон Воронько

- Лучше нет родного края. Перевод с украинского С. Маршака 335
Липка. Перевод с украинского С. Маршака 336
Зеленый город. Перевод с украинского С. Маршака --

Богдан Чалый

- Весна (отрывки). Перевод с украинского Е. Благининой --

Янка Купала

- Матери. Перевод с белорусского М. Исаковского 337
Зима. Перевод с белорусского Е. Мозолькова --

Якуб Колас

- Цветок (отрывок). Перевод с белорусского Н. Сидоренко 338
Песня о весне. Перевод с белорусского Е. Благининой --

Максим Танк

- Цветные карандаши. Перевод с белорусского В. Тараса --

Эди Огнецвет

- Строитель (отрывок). Перевод с белорусского Е. Благининой 339
Кто начинает день? Перевод с белорусского Е. Аксельрод --

Гафур Гулям

- Ты не сирота. Перевод с узбекского Я. Акма 340

Пулат Мумин

- У нас рабочая семья (в сокращении). Перевод с узбекского Ю. Кушака --

Кадыр Мурзалев

- Твой дом (отрывок). Перевод с казахского В. Коркина 341

Иосиф Гришашвили	
Охраняй птиц (отрывок). Перевод с грузинского М. Ивенсен	342
Нодар Думбадзе	
Кэтино. Перевод с грузинского Я. Акима	—
Отна Иоселнани	
В тенистой зеленой деревне. Перевод с грузинского А. Эбоноидзе	343
Наби Хазри	
Весна — это я! Перевод с азербайджанского Я. Акима	345
Ильяс Тапдыг	
Возьми меня за руку! Перевод с азербайджанского А. Ахундовой	—
Эдуардас Межелайтис	
Дневник Дайны (отрывок). Пересказ с литовского Л. Миль	346
Костас Кубилинскас	
Снопы. Перевод с литовского В. Тушновой	348
Виолета Пальчинскайте	
Рабочий класс. Авторизованный перевод с литовского	—
Есть у каждого свой дом. Авторизованный перевод с литовского	349
Спиридон Вангели	
Подснежники. Перевод с молдавского. В. Берестова	--
Григоре Виеру	
Новый дом. Перевод с молдавского Я. Акима	351
У моря. Перевод с молдавского Я. Акима	—
Ян Райнис	
Золотой клубочек. Перевод с латышского Л. Копыловой	352
Ояр Вацietис	
Колыбельная книжке. Перевод с латышского И. Токмаковой	353
Имант Зиедонис	
Серая сказка. Перевод с латышского Ю. Коваля	—
Муса Джангазиев	
Колхозный пчеловод. Перевод с киргизского Т. Стрешневой	354

Шукурбек Бейшеналев

- Рогатый ягненок (Азиз. Азиз становится чабаном. «Я докажу отцу, что я уже большой». Рогатый ягненок). Перевод с киргизского Г. Снегирева 354

Мирсанд Миршакар

- Летняя песня о ветре (отрывок). Перевод с таджикского Я. Козловского . . . 357

Гульчехра Сулейманова

- Тетушка-золотошвейка. Перевод с таджикского В. Орлова 358
Бабушка. Перевод с таджикского Н. Гребнева —

Убайд Раджаб

- Может, пришла весна? Перевод с таджикского И. Токмаковой —

Ованес Туманян

- «Я гляжу: передо мною...» (отрывок). Перевод с армянского С. Ботвинника 359
Ручей. Перевод с армянского Л. Горнунг —

Сильва Капутикян

- Я уже большая. Перевод с армянского Ю. Коринца 360
Сад. Перевод с армянского И. Токмаковой —
Мамины помощники. Перевод с армянского И. Токмаковой —
Градусник. Перевод с армянского Я. Акима —

Хажак Гюльназарян

- Доброе утро, мама! Перевод с армянского Р. Кафризянца 361

Сурен Мурадян

- Кто не спит. Перевод с армянского И. Токмаковой 362

Каюм Тангрыкулиев

- Персик. Перевод с туркменского Я. Акима 363
Глаза чабаиа (Как я возил воду. Верблюд и мальчик). В сокращении.
Пересказ с туркменского В. Бахревского —

Нуры Байрамов

- Туркмения моя. Перевод с туркменского Я. Акима 366
Чтобы маки расцвели! Перевод с туркменского Я. Акима —

Ральф Парве

- Песня о дружбе. Перевод с эстонского В. Азарова —

Хельо Мянд	
Полевая школа (Одуванчик. Незабудки. Ромашки. Репейник. Крапива).	
Перевод с эстонского Н. Яворской	367
Хлеб. Перевод с эстонского Н. Яворской	368
Муса Джалиль	
Звезды (отрывок). Перевод с татарского Ю. Кушака	—
Лев Квитко	
Скрипка. Перевод с еврейского М. Светлова	369
Чудо. Перевод с еврейского В. Донниковой	—
Расул Гамзатов	
Мой дедушка (отрывок). Перевод с аварского Я. Козловского	370
Кайсын Кулиев	
Колябельная Лейле. Перевод с балкарского Я. Акима	372
Давид Кугультинов	
Кусок хлеба. Перевод с калмыцкого Г. Ладонщикова	—
Рашид Рашидов	
Лудильщик Кичи (отрывок). Перевод с лезгинского Я. Козловского	373
Нуратдин Юсупов	
Девочка из аула Цовкра. Перевод с лакского Я. Козловского	374
Юван Шесталов	
Северное сияние. Перевод с манси С. Погореловского	375
Семен Данилов	
Каюры. Перевод с якутского В. Тушновой	—
Улуру Адо	
Рассказы Юко (Про Юко. Маленькие олени тальника. Гутава). Перевод с юкагирского автора	376

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII—нач. XX в.

Шарль Перро	
Кот в сапогах. Перевод с французского М. Булатова	380

Братья Гримм (Якоб и Вильгельм)
Бременские музыканты. Пересказ с немецкого А. Введенского 384

Ханс Кристиан Андерсен
Дюймовочка. Перевод с датского А. Ганзен 388

Джозель Чендлер Харрис
Братец Лис и братец Кролик. Перевод с английского М. Гершензона . . 396

Э. Сетон-Томпсон
Рваное ушко. Перевод с английского Н. Чуковского 398

Редьярд Киплинг
Откуда у кита такая глотка. Перевод с английского К. Чуковского . . . 400

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в.

Бертольт Брехт
Зимний разговор через форточку. Перевод с немецкого К. Орешкина . . . 403

Эва Штриттматтер
Мост. Перевод с немецкого И. Токмаковой 404

Отфрид Пройслер
Маленькая Баба Яга (Бравый снеговик). Перевод с немецкого Ю. Коринца —

Асен Босев
Дождь. Перевод с болгарского И. Токмаковой 407

Леда Милева
У кого какая обувь. Перевод с болгарского В. Викторова —

Цветан Ангелов
Доброе утро, дети Земли! Перевод с болгарского И. Токмаковой 408

Юлиан Тувим
Письмо ко всем детям по одному очень важному делу. Перевод с польского С. Михалкова 409
Про Янека. Перевод с польского С. Михалкова —
Все для всех. Перевод с польского Е. Благиной 410

Ян Бжехва	
Волшебник Ковальский (отрывок). Перевод с польского Б. Заходера . . .	410
Витезслав Незвал	
Я на всех обижусь. Перевод с чешского И. Токмаковой	411
«Топ-топ — пять шагов». Перевод с чешского И. Токмаковой	—
Криста Бендова	
Анча. Перевод с чешского Э. Котляр	412
Художник. Перевод с чешского Э. Котляр	—
Григор Витез	
Весна подарила. Перевод с сербохорватского И. Токмаковой	—
Драган Лукич	
Просьба. Перевод с сербохорватского Ю. Вронского	413
Тудор Аргези	
Серп. Перевод с румынского П. Вячеславова	414
Октав Панку-Яшь	
Мое мнение и мнение Крокодила-папы одинаково. Перевод с румынского Е. Покрамович	—
Ласло Харш	
Почемушки и откудаки. Перевод с венгерского И. Логинова	417
Ева Яниковская	
А ты знаешь? (отрывок). Пересказ с венгерского Р. Сефа	—
Николас Гильен	
Песенка для детей Антильских островов. Перевод с испанского О. Савнча	418
Мирта Агирре	
Неделя (считалка). Перевод с испанского В. Викторова	420
Во Куанг	
Заходите! Пересказ с вьетнамского И. Токмаковой	421
Хюи Кан	
Утро вернулось (отрывок). Пересказ с вьетнамского И. Токмаковой . . .	—

Жамбын Дашдондог	
Какими будут соседские ребяташки. Перевод с монгольского Э. Мошковой	422
Лайла Кавайан	
Песнь мира. Перевод с дари В. Загребельского	—
Морис Карем	
Мой змей. Перевод с французского М. Кудинова	423
Я научился писать. Перевод с французского М. Кудинова	—
Мирная считалка. Перевод с французского В. Берестова	—
Алэн Боске	
Хобот слона. Перевод с французского М. Кудинова	424
Джанни Родари	
Чем пахнут ремесла? Перевод с итальянского С. Маршака	—
Какого цвета ремесла? Перевод с итальянского С. Маршака	425
Федерико Гарсиа Лорка	
Глупая песенка. Перевод с испанского С. Боброва	426
Полулуние. Перевод с испанского И. Тыняновой	—
Алан Милн	
У Тимофея-Тима. Перевод с английского С. Маршака	—
Уолтер Де ла Мэр	
Кря! Перевод с английского В. Лунина	427
Сыграем в прятки. Перевод с английского В. Лунина	—
Джеймс Ривз	
Вещи, которые стоит вспомнить. Перевод с английского Р. Заславского	428
Шумный Ба-бах. Перевод с английского М. Бородицкой	—
Джон Чнарди	
О том, у кого три глаза. Перевод с английского Р. Сефа	429
Уильям Джей Смит	
Почему? Перевод с английского Б. Заходера	—
Про летающую корову. Перевод с английского Б. Заходера	430
Ив Мэрриам	
Скорей! Перевод с английского Я. Акима	—

Иенс Сигсгорд	
Палле один на свете. Перевод с датского В. Островского и Ю. Яхниной	431
Турбьерн Эгнер	
Песня юнги. Перевод с норвежского Ю. Вронского	434
Джеймс Крюс	
Снеговик на маскараде. Перевод с немецкого Ю. Коринца	—
Ромеш Чандра Каушик	
Телефон. Перевод с английского В. Берестова	435
Виджайкумар Джайн	
Обезьянка. Пересказ с хинди И. Токмаковой	436
Винодкумар Сута	
Едет поезд. Пересказ с хинди И. Токмаковой	—
Авинаш Чандра Наранг	
Звезды-звездочки. Пересказ с хинди И. Токмаковой	437
Тилакрам Варма	
В нашем саду. Пересказ с хинди И. Токмаковой	—
Камлеш Чаддха	
Цветок. Пересказ с хинди И. Токмаковой	—
Такэдзи Хирацука	
Радуга; Игра; Цветок Фью; С воробьем наперегонки (из книги «Папа большой, я маленький»). Перевод с японского Г. Ронской	438
Ризко Накагава	
Детский сад «Тюльпан». Перевод с японского А. Коломнец	441

Учебное издание
**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Составители

**Табенкина Анна Львовна
Боголюбская Мария Константиновна**

Зав. редакцией *Л. А. Соколова*
Редактор *Т. Б. Слизкова*
Младший редактор *М. И. Ерофеева*
Художественный редактор *Е. А. Михайлова*
Технический редактор *Г. В. Субочева*
Корректоры *О. В. Мокрович, А. А. Семина,
Н. В. Уварова*

ИБ № 10885

Сдано в набор 11.05.87. Подписано к печати 27.01.88. Формат 60×90¹/₁₆.
Бум. офсетная № 2. Гарнит. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29 + вкл. 1,0 +
форз. 0,25. Усл. кр.-отт. 63,0. Уч.-изд. л. 24,5 + вкл. 0,96 + форз. 0,45. Тираж
1 076 000 экз. Заказ № 1606. Переплёт № 7 — цена 1 руб. 30 коп. Переплёт № 5 —
цена 1 руб. 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР.
170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46

Хрестоматия по детской литературе: Учеб. пособие для
Х91 учащихся пед. уч-щ по спец. № 2002 «Дошк. воспитание» и
№ 2010 «Воспитание в дошк. учреждениях»/Сост. А. Л. Та-
бенкина, М. К. Боголюбская; Под ред. Е. Е. Зубаревой.—
10-е изд., испр.— М.: Просвещение, 1988.— 463 с., 8 л.
ил.: ил.

ISBN 5-09-000733-0

Хрестоматия знакомит учащихся с лучшими образцами устного народ-
ного творчества, с произведениями русских, советских и зарубежных писа-
телей, рекомендуемыми программой курса «Детская литература». Девятое
издание вышло в 1984 г.

X 430800000—375
103(03)—88 Сводный план лит-ры—88

ББК 83.8

ISBN 5-09-000733-0

